Иллюстрирован
ИСТОРІЯ
царствов
Александра II

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ „ВОКРУГЪ СВѢТА".

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1904.

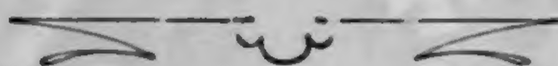

Дозволено цензурою. Москва, 17 іюля 1904 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

Александра II.

Воспитаніе и жизнь Императора Александра II до вступленія на престолъ.—Кончина Николая I и вступленіе на престолъ Александра II.

I.

Въ жизни каждаго народа бываютъ такіе періоды, когда обычно ровное и спокойное теченіе народной жизни становится бурнымъ и стремительнымъ. Всѣ классы общества охватываетъ жажда дѣятельности, во всѣ сферы проникаетъ оживленіе, всюду замѣчается подъемъ силъ, энергіи, — движеніе; весь народъ какъ бы пробуждается къ новой жизни, словно переживаетъ вновь молодость.

Обыкновенно, кромѣ исключительныхъ случаевъ, періоды подобнаго оживленія и подъема народныхъ силъ совпадаютъ съ переходомъ отъ однѣхъ формъ жизни къ другимъ. Старыя формы уже изжили свой вѣкъ, болѣе не удовлетворяютъ потребностямъ народа, даже задерживаютъ его ростъ, и народъ спѣшитъ сбросить отжившія формы, а на ихъ мѣсто создать новыя, болѣе отвѣчающія измѣнившимся условіямъ времени. Переходъ отъ стараго къ новому и вызываетъ подъемъ народныхъ силъ. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное весеннему вскрытію рѣкъ, ледоходу.

Исторія народовъ знаетъ очень много примѣровъ подобнаго явленія.

Извѣстно оно и русской исторіи; русскій народъ уже неоднократно переживалъ смѣну формъ жизни и сопровождавшій ее исключительный подъемъ народныхъ силъ. Довольно вспомнить эпоху петровскихъ реформъ.

Подобное же состояніе пережилъ русскій народъ и въ то царствованіе, которому посвящены наши очерки. Въ царствованіе Александра II, какъ увидимъ послѣ, въ русской жизни именно происходилъ переломъ. Существующія формы народной жизни все болѣе и болѣе обнаруживали свою полную несостоятельность, а новыя потребности стучались въ дверь все настойчивѣй и настойчивѣй. И лишь только былъ поданъ Государемъ Императоромъ знакъ, лишь только было приступлено къ началу удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей, какъ все русское общество было охвачено оживленіемъ, кипучей дѣятельностью.

Императрица Елисавета Алексѣевна.

Какъ война родитъ героевъ, такъ и въ эпохи глубокихъ гражданскихъ, мирныхъ переворотовъ появляются своего рода герои, гражданскіе дѣятели - реформаторы, которые облегчаютъ правительству дѣятельность, народу — трудный переходъ отъ однѣхъ формъ жизни къ другимъ.

Эпоха, о которой мы говоримъ, особенно много произвела на свѣтъ такихъ героевъ и притомъ на всѣхъ поприщахъ жизни. Имъ принадлежитъ великая честь мирнаго проведенія народа чрезъ реформы къ новой жизни.

Среди этихъ гражданскихъ героевъ первое и самое почетное мѣсто должно быть отведено прежде всего самому Императору Александру II. Онъ въ реформахъ своего царствованія принялъ самое дѣятельное личное участіе.

Поэтому личность Императора пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ.

Кромѣ того, до вступленія на престолъ, онъ получилъ, въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, замѣчательно хорошее образованіе и воспитаніе, которое какъ бы заранѣе готовило его къ исключительной дѣятельности «второго преобразователя» Россіи.

Руководители его воспитанія, воспитывая его въ извѣстномъ духѣ и направленіи, такъ сказать, подготовили его къ той высокой дѣятельности, какую онъ проявилъ какъ Императоръ.

Такимъ образомъ, личная жизнь Александра II, полученное имъ воспитаніе и его царствованіе находятся въ тѣсной между собою связи. И слѣдовательно, безъ знакомства съ

Императоръ Александръ I.

жизнью и воспитаніемъ Александра II до вступленія на престолъ будетъ не полна картина его царствованія, какъ будетъ не полно сочиненіе безъ вступительной главы.

Поэтому мы начнемъ свой обзоръ царствованія Александра II съ его воспитанія и жизни отъ рожденія до вступленія на престолъ, т.-е. до того момента, когда личная его жизнь уже сливается съ народной, и дѣла царствованія получаютъ преобладающій интересъ надъ личностью.

Николай Павловичъ до вступленія на престолъ.

II.

Любопытно, что задолго до наступленія «эпохи великихъ реформъ», когда даже еще не было извѣстно, будетъ ли Николай Павловичъ Императоромъ, русское общество связало свои чаянія и упованія съ именемъ родившагося 17 апрѣля 1818 года великаго князя Александра Николаевича, будущаго Императора Александра II.

Извѣстный поэтъ, жившій тогда при дворѣ Великаго Князя Николая Павловича и пользовавшійся самымъ искрен-

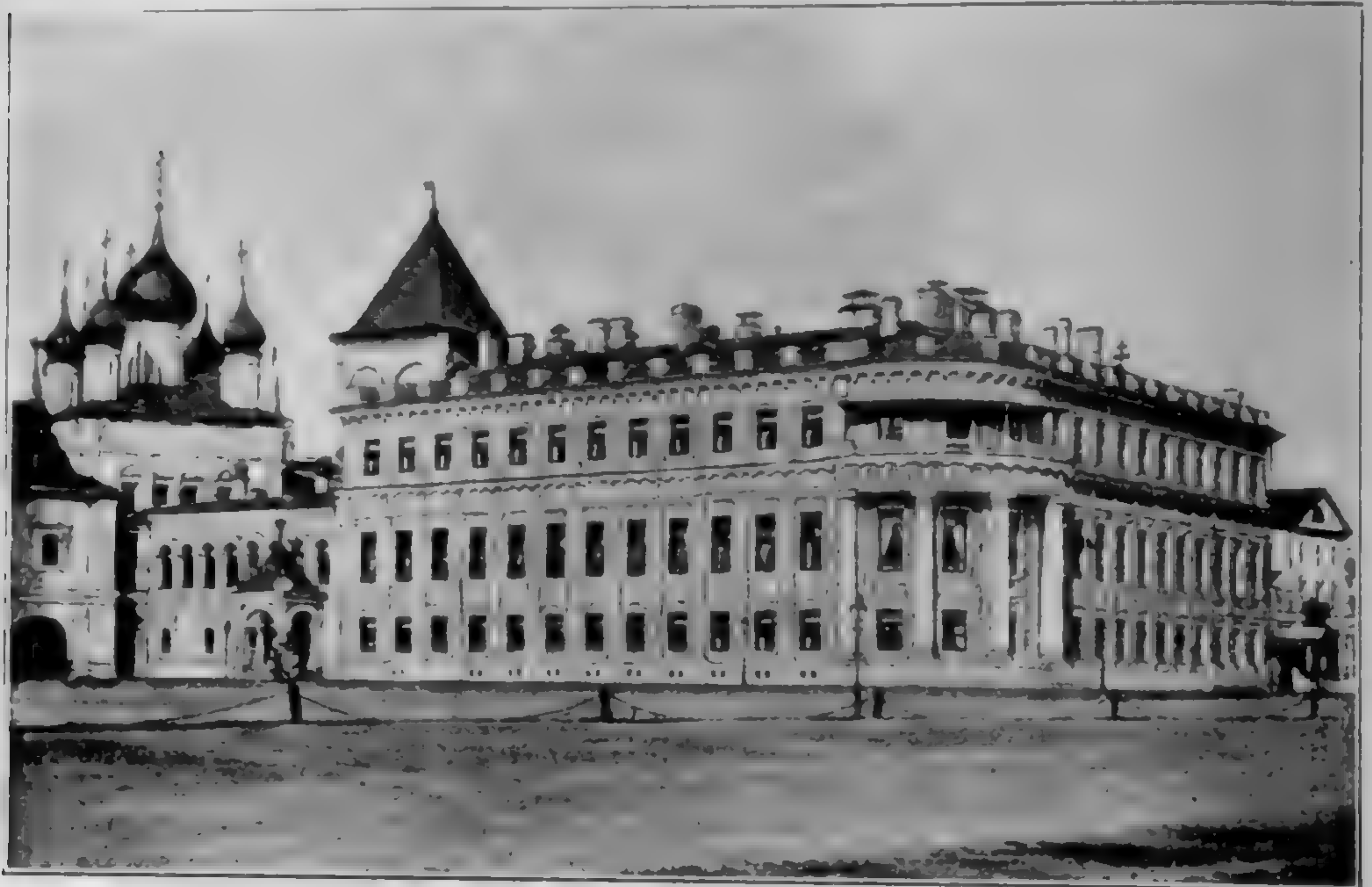
Великая княгиня Александра Θеодоровна.

нимъ расположеніемъ его семьи, В. А. Жуковскій, отозвался на семейную радость — рожденіе первенца — слѣдующимъ знаменательнымъ стихотвореніемъ:

„Прекрасное Россіи упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта
Отъ ихъ пеленъ, ко входу въ бури свѣта,
Пускай во слѣдъ къ тебѣ онъ перейдетъ,
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ, славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ знаній: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,

Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать.
Вотъ правило царей великихъ внуку!"

Другой поэтъ, позднѣе въ день его тезоименитства, 30 августа 1823 года, когда Александру II было всего пять лѣтъ, еще болѣе опредѣленно и ярко выразилъ возлагавшіяся на юнаго Великаго Князя надежды:

Дворецъ въ Кремлѣ, гдѣ родился Александръ II, въ Москвѣ

„Люби гласъ истины свободной
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно — надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори, —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари".

Оба поэта вложили въ свои привѣтствія одушевлявшія ихъ чувства, но несомнѣнно, они невольно выразили также и настроеніе многихъ людей того времени, возлагавшихъ осо-

бенныя надежды и упованія на новорожденнаго сына Великаго Князя Николая Павловича.

Событіе, которое такъ восторженно привѣтствовалъ одинъ изъ названныхъ нами поэтовъ, произошло въ царствованіе Александра I, во время пребыванія Великаго Князя Николая Павловича въ Москвѣ, въ Кремлѣ, — въ архіерейскомъ домѣ

Императрица Марія Ѳеодоровна, супруга Павла I.

при Чудовомъ монастырѣ, гдѣ теперь находится Николаевскій дворецъ, на четвертый день Пасхи.

5 мая въ церкви Чудова монастыря было совершено крещеніе надъ новорожденнымъ, а къ концу іюня великокняжеская семья переѣхала въ Петербургъ.

Первоначальное воспитаніе ребенка было ввѣрено женщинамъ. Бабка, императрица Марія Ѳеодоровна, окружила своего внука надзирательницами и боннами. Въ этомъ женскомъ обществѣ онъ пробылъ до шестилѣтняго возраста, когда вос-

питаніе маленькаго Великаго Князя перешло къ Карлу Карловичу Мердеру.

Въ высшей степени отвѣтственную и важную должность воспитателя маленькаго пятилѣтняго великаго князя Мердеръ вступилъ 12 іюня 1824 г., т.-е. за полтора года до того, какъ Александръ Николаевичъ сдѣлался наслѣдникомъ престола. Онъ пробылъ при немъ 10 лѣтъ, до самой своей смерти.

Мердеръ былъ лично извѣстенъ Николаю Павловичу, какъ завѣдующій школой гвардейскихъ прапорщиковъ. Вначалѣ онъ прошелъ военную карьеру, бывалъ въ сраженіяхъ, получилъ даже серіозную рану, но затѣмъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности. И въ то время, когда Николай Павловичъ пригласилъ его въ воспитатели къ своему сыну, Мердеръ, какъ уже сказано выше, завѣдывалъ школой прапорщиковъ.

Императоръ Павелъ I

Этого человѣка, несомнѣнно оказавшаго большое и притомъ благотворное вліяніе на Александра II, его сотрудникъ по воспитанію В. А. Жуковскій охарактеризовалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души,—таковы были отличительныя черты его характера. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одной совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ

К. К. Мердеръ.

князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его,—дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворенiемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ—одно безкорыстіе».

Воспитатель отдался всей душой порученному ему дѣлу и горячо привязался къ ввѣренному ему воспитаннику. Великій князь, въ свою очередь, платилъ Мердеру такою же горячею привязанностью и любовью, и между ними установились самыя сердечныя, трогательныя отношенія.

В. А. Жуковскій.

Мердеръ, пока былъ воспитателемъ наслѣдника, велъ дневникъ, въ который заносилъ событія изъ жизни своего воспитанника.

Просматривая дневникъ Мердера, мы видимъ, что Александръ II въ этомъ раннемъ возрастѣ отличался необыкновенною любовью и привязанностью къ окружающимъ его людямъ. Къ своему первому воспитателю К. К. Мердеру, какъ мы уже замѣтили, онъ привязался съ первыхъ же дней. Онъ

называлъ его своимъ безцѣннымъ другомъ, вторымъ отцомъ, разлучаясь съ нимъ, скучалъ, плакалъ, молился о немъ, посылалъ письма, исполненныя самой горячей любви къ своему воспитателю. Болѣзнь, а потомъ смерть любимаго человѣка повергли его въ страшную скорбь.

Воспитатель Юрьевичъ разсказываетъ, какъ принялъ Александръ извѣстіе о смерти Мердера [1]).

«Я сидѣлъ въ то время за работой въ той самой комнатѣ, которую занималъ нѣкогда Карлъ Карловичъ, какъ внезапно вбѣгаетъ ко мнѣ Великій Князь; въ сильномъ раз-

А. А. Кавелинъ

стройствѣ, въ слезахъ, бросается онъ на колѣни передъ диваномъ. Въ первый моментъ я какъ бы не вдругъ понялъ причину его внезапнаго отчаянія, но мнѣ не нужно было долго догадываться о причинѣ: рыданія Великаго Князя объяснили мнѣ оную...»

Съ сестрами у Александра Николаевича были тоже самыя нѣжныя и сердечныя отношенія. Вообще, онъ необыкновенно любилъ семью и всю семейную обстановку и родину. Разлука всегда глубоко печалила его, и, наоборотъ, возвращеніе въ семейную обстановку приводило въ восторгъ.

---

[1]) Послѣ смерти Мердера воспитателемъ былъ назначенъ Кавелинъ, а Юрьевичъ попрежнему оставался помощникомъ. Законоучителемъ Наслѣдника Александра Николаевича сперва былъ отецъ Павскій а впослѣдствіи отецъ Бажановъ.

Такъ, во время поѣздки за границу, въ 1829 году, онъ очень соскучился и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня отъѣзда на родину. Волненіе отъ ожиданія увидать родныя мѣста росло въ немъ по мѣрѣ его къ нимъ приближенія.

Когда коляска въѣзжала въ Красное село, онъ не могъ спокойно сидѣть въ экипажѣ и все обнималъ и цѣловалъ Мердера, а при въѣздѣ въ царскосельскій паркъ воскликнулъ: «Наконецъ, я дома! Боже мой! Здѣсь все, каждый кустикъ,

Протоіерей Г. Б. Павскій.

каждая дорожка напоминаютъ мнѣ о какомъ-нибудь удовольствіи. Какое счастіе видѣть мѣста и людей, сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелями нашихъ радостей!» Посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «Въ эту минуту сестрица должна быть на балконѣ!» И дѣйствительно, показалась Великая Княжна Александра Николаевна. Наслѣдникъ замахалъ фуражкою, его узнали, и не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ уже очутился въ объятіяхъ выбѣжавшихъ ему навстрѣчу брата и сестры. «Вечеръ проведенъ въ сердечныхъ изліяніяхъ чувствъ любви и разсказахъ», занесъ Мердеръ въ свой дневникъ.

Въ 1828 году, весною, Императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ ѣхать къ арміи, выступившей въ походъ противъ турокъ, а Императрица Александра Өеодоровна — въ Одессу, чтобы быть поближе къ своему царственному супругу. Александръ же Николаевичъ, во избѣжаніе перерыва въ занятіяхъ, долженъ былъ остаться въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, ему предстояла разлука съ родителями. Чувство глубокой грусти охватило Александра, когда онъ проводилъ

Императоръ Николай I.

отца, а затѣмъ мать. Особенно тяжело ему было разстаться съ матерью. Онъ долго смотрѣлъ съ балкона за удалявшимся экипажемъ. Затѣмъ отправился въ церковь и горячо помолился. Весь этотъ день онъ думалъ объ уѣхавшихъ родителяхъ. Во время прогулки онъ сорвалъ цвѣтокъ и сказалъ: «Я его пошлю къ мамѣ». Проходя по комнатамъ Царскосельскаго дворца, онъ съ грустью говорилъ: «Вотъ тутъ папа и мама обѣдали, здѣсь сидѣлъ папа, а тутъ — мама; гдѣ-то они теперь?» Въ своемъ дневникѣ онъ на этотъ разъ записалъ: «27 апрѣля — день для меня памятный: милая моя мама и Мери (сестра) уѣхали въ Одессу. Я много плакалъ». Такъ горячо онъ любилъ своихъ близкихъ.

На окружающихъ Александръ Николаевичъ производилъ въ этотъ возрастъ обаятельное впечатлѣніе своей изящной граціозной фигурой, открытымъ, добрымъ лицомъ — одинаково, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Образъ жизни и обстановки великаго князя отличался необыкновенною простотою, поразившею даже одного иностранца, маршала Мормона.

— Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя, — сказалъ Императоръ Николай Мормону.

Александръ II въ 1826 году.

III.

Тѣмъ не менѣе, Государь Николай Павловичъ, воспитывая въ своемъ одаренномъ всѣми духовными благами сынѣ человѣка, приложилъ всѣ заботы и къ тому, чтобъ, какъ наслѣдникъ россійскаго престола, онъ получилъ наивозможно болѣе широкое и законченное образованіе и образцовое воспитаніе.

Въ наставники и воспитатели къ своему сыну Николай Павловичъ призывалъ людей съ большой обдуманностью, останавливаясь только на лучшихъ людяхъ того времени. А потому неудивительно, что выборъ его на ряду съ Мердеромъ палъ также и на знаменитаго въ тѣ дни поэта Василія Андреевича Жуковскаго.

При дворѣ Жуковскій былъ извѣстенъ сначала въ качествѣ чтеца у Императрицы, а затѣмъ преподавателя русскаго языка и пользовался полнымъ расположеніемъ всего царскаго семейства. Зная такимъ образомъ очень хорошо Жуковскаго, Николай I и остановилъ свой выборъ на немъ, когда нужно было начать воспитаніе сына.

Это былъ человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, «чистая душа», какъ его называлъ одинъ изъ его друзей А. И. Тургеневъ. Въ его груди билось необыкновенно нѣжное, чувствительное сердце. Даровитый отъ природы, Жуковскій получилъ къ тому же очень хорошее образованіе: во-первыхъ, семейное и, во-вторыхъ, школьное. Въ семьѣ, гдѣ онъ родился и выросъ, была, по его же собственному выраженію, «цѣлая династія хорошихъ писателей». Часто устраивались музыкальные и литературные вечера, благодаря чему

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

у него съ раннихъ лѣтъ развилась любовь къ прекрасному — къ искусству, къ литературѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ живы были еще традиціи его первыхъ учителей — проф. Шварца и Новикова, этихъ ревностныхъ и безкорыстныхъ насадителей-піонеровъ русскаго просвѣщенія. Уваженіе къ личности, къ человѣку и сознаніе необходимости широкаго просвѣщенія были, такъ сказать, основными символами вѣры Шварца и Новикова.

Такимъ образомъ, духовный обликъ Жуковскаго сложился подъ вліяніемъ семейной обстановки, гдѣ его окружала

Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

нѣжность и любовь къ прекрасному, главнымъ образомъ — среди женскаго общества и гуманнаго направленія школы.

Но при хорошемъ образованіи и богатствѣ душевныхъ качествъ Жуковскій никогда не считалъ своего обширнаго образованія законченнымъ и постоянно стремился къ дальнѣйшему развитію своихъ умственныхъ и духовныхъ силъ, всегда стремился къ пріобрѣтенію все большихъ знаній. Съ хрустально-чистой душой, съ мягкимъ, отзывчивымъ сердцемъ, превосходно одаренный отъ природы, успѣвшій, какъ поэтъ, внести совершенно новый элементъ въ русскую поэзію и стяжать себѣ крупную славу, обласканный всею царской семьей, Жуковскій всю свою жизнь оставался тихимъ и скромнымъ человѣкомъ, всегда въ высшей степени добросовѣстно отно-

сившимся ко всякой выпадавшей на его долю работѣ. Будучи близкимъ ко двору лицомъ, онъ никогда не имѣлъ въ виду своихъ собственныхъ выгодъ, но зато за другихъ всегда былъ готовъ ходатайствовать передъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и не разъ удавалось ему своимъ заступничествомъ облегчить чью-нибудь тяжкую долю или оказать содѣйствіе въ справедливомъ, но запутанномъ дѣлѣ. Между прочимъ, въ тѣ отдаленныя времена, когда мало кто задумывался надъ этимъ вопросомъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, движимый

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и В. А. Жуковскій въ классной комнатѣ.

непосредственнымъ чувствомъ гуманности и справедливости, освободилъ своихъ крѣпостныхъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому въ 1825 году Императоръ Николай Павловичъ, на ряду съ К. К. Мердеромъ, ввѣрилъ воспитаніе своего сына. Несомнѣнно, что вліяніе такого высокогуманнаго воспитателя имѣло самое благотворное вліяніе на его царственнаго питомца. Можно было заранѣе предсказать, что онъ познакомитъ его съ общечеловѣческими и христіанскими идеалами истины, добра и справедливости, которые послужатъ тому надежными руководящими началами, когда онъ вступитъ въ жизнь, въ качествѣ русскаго Императора.

По свойственной ему скромности, Жуковскій, тѣмъ не менѣе, былъ сильно смущенъ, когда его назначили воспитателемъ наслѣдника.

Принявъ, однако, это назначеніе, Жуковскій отнесся къ своей новой задачѣ съ сознаніемъ ея важности и отвѣтственности. Онъ весь отдался обсужденію плана воспитанія и подготовкѣ къ воспитанію наслѣдника. Съ послѣднею цѣлью онъ даже отправился за границу.

Въ основу воспитанія Жуковскій положилъ начала извѣстнаго педагога Песталоцци, съ практическимъ примѣненіемъ которыхъ онъ познакомился за границей. По мнѣнію Песталоцци, въ воспитаніи человѣка должны участвовать три фактора — *личность воспитателя*, вліяніе воспитателя на своего питомца своимъ примѣромъ, своими убѣжденіями, *сама жизнь*, окружающія воспитанника условія жизни, въ борьбѣ съ которыми вырабатывается самостоятельность и закаляется характеръ, и, наконецъ, *чувство человѣколюбія въ воспитанникѣ*, сознаніе имъ своего долга передъ людьми, дѣятельная любовь къ людямъ. Согласно этимъ тремъ началамъ Жуковскій раздѣлилъ время и предметы занятій.

Въ соотвѣтствіи съ возрастомъ, въ первый періодъ, отроческій, ученіе должно носить характеръ подготовительный, во второй — болѣе подробный, детальный, въ третій, приближающійся къ болѣе зрѣлому возрасту,— примѣнительный.

Въ первый періодъ, отъ 8—13 лѣтъ, по образному выраженію Жуковскаго, воспитаннику дается компасъ (развитіе ума и сердца), карта (краткія свѣдѣнія по нѣкоторымъ наукамъ) и орудія, необходимыя въ жизненномъ пути (знаніе языковъ и развитіе природныхъ способностей). Во второй періодъ совершается уже путешествіе, которое состоитъ въ обстоятельномъ изученіи наукъ, имѣющихъ цѣлью познакомить воспитанника съ человѣкомъ и съ окружающимъ міромъ. Въ третій періодъ подводятся итоги совершеннаго путешествія и отдается самостоятельный отчетъ въ пройденномъ. Эта послѣдняя работа должна, по плану Жуковскаго, сводиться къ слѣдующему: 1) обозрѣніе знаній, пріобрѣтенныхъ во второмъ періодѣ; 2) взглядъ на мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя; 3) отчетъ въ самомъ себѣ, передъ самимъ собою и утвержденіе въ правилахъ добродѣтели; 4) идеалъ человѣка вообще и государя въ особенности.

Самые предметы занятій Жуковскій разбилъ на четыре группы, сообразно выше указаннымъ періодамъ «путешествія». Сначала идутъ логика для образованія ума и начала христіанской нравственности для образованія сердца и, какъ

естественное дополненіе къ нимъ, такъ сказать — вспомогательныя науки, начатки русской грамматики, геометріи, ариѳметики и священной исторіи. Затѣмъ слѣдуютъ науки о природѣ: географія, физика, зоологія и т. д. — и о человѣкѣ: право, исторія, статистика. Въ третьемъ періодѣ изучаются языки. Четвертый посвящается развитію природныхъ способностей и обученію искусствамъ и физическимъ упражненіямъ.'

По издавна установившейся традиціи, наслѣдники престола съ раннихъ лѣтъ обучаются военному строю и проходятъ весь циклъ военныхъ упражненій, ступеней и службы. Александръ Николаевичъ не долженъ былъ составлять въ этомъ случаѣ исключенія.

Александръ II кадетъ

Жуковскій это принялъ во вниманіе и потому счелъ необходимымъ въ своемъ планѣ отвести подобающее мѣсто военнымъ упражненіямъ. Онъ признавалъ за ними значеніе, какъ за занятіями, которыя развиваютъ въ человѣкѣ ловкость, расторопность, выносливость, храбрость.

Но, зная, что ими часто увлекаются, онъ счелъ нужнымъ предостеречь отъ увлеченія и настаивалъ въ своемъ планѣ, чтобы военныя занятія занимали второстепенное мѣсто и отнюдь не мѣшали научнымъ.

Для военныхъ же упражненій Жуковскій рекомендовалъ учредить нѣчто въ родѣ потѣшныхъ полковъ Петра I. Николай Павловичъ отнесся благосклонно къ мнѣнію Жуковскаго, но отклонилъ мысль о потѣшномъ полкѣ. Наслѣдникъ былъ зачисленъ въ кадетскій корпусъ.

Относительно военныхъ упражненій Мердеръ, хотя и военный человѣкъ, соглашался съ мнѣніемъ Жуковскаго; онъ считалъ необходимымъ для Наслѣдника только главное, существенное въ военномъ дѣлѣ, а не мелочи фронта.

Такимъ образомъ, согласно плану Жуковскаго, всѣ входившія въ кругъ образованія Цесаревича науки должны были

сдѣлать изъ него просвѣщеннаго монарха, — человѣка, призваннаго осуществить благо ввѣреннаго ему народа.

Свой взглядъ на воспитаніе наслѣдника для будущей роли монарха, такъ сказать, тотъ идеалъ монарха, къ которому хотѣлъ онъ привести своего питомца, Жуковскій высказалъ въ «Планѣ ученія», представленномъ Императору Николаю.

Вотъ эти чрезвычайно любопытныя мысли, можно сказать, умѣстныя для каждаго времени.

«Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу, — такъ начинаетъ Жуковскій свой докладъ Государю. — Я могу дѣйствовать на нравственность Великаго Князя однимъ только образованіемъ его мысли.

«Мой кругъ дѣйствій есть руководство Великимъ Княземъ въ пріобрѣтеніи нужныхъ ему познаній, дабы послѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ всей ихъ суммы извлечь необходимыя для него правила жизни. Во-первыхъ, скажу: его Высочеству нужно быть не *ученымъ*, а *просвѣщеннымъ*. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага, и во благѣ общемъ — для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный, будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія просвѣщенія: соединить знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключаются его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способъ властвовать благотворно».

Обращаясь къ обязанностямъ монарха относительно своихъ подданныхъ, Жуковскій говоритъ:

«Уважай законъ. Люби и распространяй просвѣщеніе, оно — сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства. Люби свободу, т.-е. правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же. Окружай себя достойными тебя помощниками... Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой. Имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго — вѣру добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога, она защититъ душу твою отъ

презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей».

Изъ отдѣльныхъ предметовъ Жуковскій особенное значеніе придавалъ исторіи, которую онъ называлъ «сокровищницей просвѣщенія царскаго».

По его мнѣнію, исторія дастъ будущему монарху понятіе о нуждахъ времени и народа, заставитъ полюбить человѣчество, жизнь котораго развертывается при изученіи исторіи. А это всего болѣе необходимо будущему Императору Россіи.

Въ качествѣ необходимаго пособія была составлена образцовая библіотека. Въ кругъ занятій наслѣдника и его товарищей было включено веденіе дневниковъ для выработки сознательнаго отношенія къ занятіямъ и окружающей жизни. Прогулкамъ въ свободное отъ занятій время придавалось по возможности образовательное значеніе: изъ нихъ тоже извлекалась польза для воспитанниковъ.

Для провѣрки знаній учениковъ и для ознакомленія съ ихъ успѣхами родителей назначены были полугодовые экзамены въ присутствіи Государя или Государыни.

Представивъ свой «планъ» на усмотрѣніе Государя, Жуковскій просилъ, въ случаѣ утвержденія его, строго слѣдовать во всемъ этому плану.

Въ своемъ «планѣ» Жуковскій предусмотрѣлъ всѣ мелочи воспитанія Наслѣдника, вплоть до обстановки классной комнаты, гимнастическихъ приборовъ и мастерской для ручного труда.

Лично себѣ Жуковскій, кромѣ общаго руководства, оставилъ преподаваніе русскаго языка и впослѣдствіи—отечественной исторіи, а для остальныхъ предметовъ указалъ преподавателей изъ лучшаго въ то время пансіона въ Петербургѣ.

Взявъ на себя отвѣтственную обязанность общаго руководителя, Жуковскій, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на томъ, чтобы, кромѣ него и Мердера, былъ избранъ еще и новый всесторонній по своимъ талантамъ воспитатель.

«Дѣло не въ насъ съ Мердеромъ, — писалъ онъ по этому поводу Государынѣ, — дѣло идетъ о Россіи, о ея будущемъ, о судьбѣ и славѣ вашего сына. Необходимо дать ему въ руководство человѣка, который по своему нравственному и общественному характеру, подходилъ бы къ идеалу, мною начертанному».

Въ виду настояній Жуковскаго, главнымъ воспитателемъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ П. П. Ушаковъ, который, однако, скорѣе номинально былъ главнымъ, — въ дѣйствительности же такимъ остался В. А. Жуковскій.

Сотрудники Жуковскаго по воспитанію Наслѣдника въ этомъ случаѣ шли рука объ руку съ нимъ, по собственному

его заявленію (въ письмахъ къ Государынѣ), т.-е. вели его къ той же цѣли, къ тому же идеалу монарха-человѣка.

Законоучитель о. Павскій въ основу религіознаго воспитанія положилъ чувство человѣколюбія и терпимости и мысль о подчиненіи суду Промысла всѣхъ людей, не исключая и государей.

Когда послѣ, въ 1835 году, былъ назначенъ для преподаванія законовѣдѣнія извѣстный составитель свода законовъ М. М. Сперанскій, то и онъ, можно сказать, всецѣло примкнулъ къ основамъ воспитанія Жуковскаго.

Такимъ образомъ, между главнѣйшими наставниками и воспитателями Александра замѣчается полное согласіе и единодушіе, всѣ они въ общемъ руководствуются одними началами, которыя должны привести къ одной цѣли — воспитанію въ Александрѣ монарха-законодателя, гражданскаго дѣятеля, сознающаго свой долгъ передъ народомъ и всегда дѣйствующаго согласно законамъ.

Николай Павловичъ, за незначительными исключеніями, утвердилъ планъ Жуковскаго, и, когда послѣдній вернулся осенью 1827 года изъ-за границы, начались правильныя занятія подъ его личнымъ наблюденіемъ.

По желанію Государя, вмѣстѣ съ Александромъ стали учиться графъ Іосифъ Віельгорскій и Александръ Паткуль.

Порядокъ дня былъ установленъ такой:

«Дѣти вставали въ 6 часовъ утра, совершали утреннюю молитву, завтракали и приготовлялись къ занятіямъ. Классы начинались въ 7 часовъ и кончались въ полдень, съ промежуткомъ съ 9 до 10 часовъ для отдыха. Послѣ 2 часовъ прогулки, въ 2 часа обѣдали, отъ 2 до 5 часовъ гуляли, играли или отдыхали. Въ 5 часовъ занятія возобновлялись до 7 часовъ; съ 7 же до 8 часовъ — гимнастика и разныя игры. Въ 8 часовъ подавался ужинъ, послѣ ужина время посвящали обозрѣнію истекшаго дня и писанію дневника. Въ 10 часовъ ложились спать. Въ воскресные и праздничные дни дѣти занимались лишь чтеніемъ и физическими упражненіями.

«По вечерамъ происходили игры, раздѣлять которыя приглашались по воскресеньямъ и праздникамъ, кромѣ двухъ совоспитанниковъ, сверстники Великаго Князя: молодые Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины и сыновья Мердера. Играли въ баре, въ жмурки, въ «хромоногаго чорта», придумывали шарады, изрѣдка устраивали представленія живыхъ картинъ, въ которыхъ участвовали и Великія Княжны съ ихъ подругами. Но любимою забавою Наслѣдника и его товарищей была военная игра, которою они развлекались едва ли не каждый вечеръ.

«Иногда въ ней участвовалъ и Государь.

«Обыкновенно Императрица бросала жребій: кому изъ юношей быть «начальникомъ штаба» при Государѣ, который въ этомъ качествѣ руководилъ игрой и приводилъ все молодое общество въ неописуемый восторгъ».

М. М. Сперанскій.

Во время лѣтнихъ каникулъ занятія прекращались совершенно, оставалось только чтеніе, прочее же время воспитанники проводили въ прогулкахъ и играхъ — катались верхомъ, на лодкахъ, удили рыбу, купались и т. д.

Зимнія каникулы тоже отдавались развлеченіямъ, танцамъ, играмъ, катанью съ горъ, устраивалась елка съ подарками. На вечера приглашались иногда воспитанники военно-учебныхъ заведеній.

IV.

Уже первый годъ занятій далъ благіе результаты, которыми были довольны всѣ, начиная съ самого Жуковскаго.

Докладывая Императрицѣ относительно экзамена, Жуковскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ своего питомца:

Императрица Александра Ѳеодоровна, мать Александра II.

«Я теперь гораздо больше на него надѣюсь: вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ имѣетъ много живости; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу, наконецъ, что онъ способенъ владѣть собой, посему и имѣю право надѣяться, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова *должность*, будетъ умѣть владѣть собой».

Именно вопросъ объ умѣніи владѣть собою и безпокоилъ особенно воспитателей, Жуковскаго и Мердера. Удача, счастли-

вый исходъ его сильно радовали, а затрудненія, неудача — заставляли падать духомъ, вызывали уныніе. Въ приведенномъ выше отзывѣ о Наслѣдникѣ Жуковскій указываетъ именно на этотъ недостатокъ.

По словамъ Мердера: «Великій князь, отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями необыкновенно здраваго ума (въ то же время, однако), борется теперь со склонностью, до сихъ

Императоръ Николай I.

поръ одолѣвавшею, которая, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія».

Воспитатели энергично боролись съ этимъ важнымъ недостаткомъ въ будущемъ Императорѣ, который и самъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы выработать въ себѣ болѣе твердую волю и болѣе ровное настроеніе духа, что представляло особенную трудность при его впечатлительной и экспансивной натурѣ.

Повидимому, въ связи съ этимъ же находилось обнаруживавшееся порою невниманіе и непослушаніе.

Но необычайная сердечность и искренность юнаго питомца въ значительной мѣрѣ облегчали задачу воспитателей. Стоило замѣтить мальчику, что онъ огорчилъ котораго-нибудь изъ своихъ воспитателей своимъ поведеніемъ, какъ имъ тотчасъ же овладѣвало чувство раскаянія и онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы загладить свою вину.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Наслѣднику было не болѣе одиннадцати лѣтъ, между тѣмъ, онъ обнаруживалъ уже вполнѣ сознательное отношеніе къ явленіямъ жизни и необыкновенную впечатлительность.

Интересно, что, несмотря на юность, хорошее здоровье и высокое положеніе, у него нерѣдко проскальзываетъ грусть, меланхоличность.

Его уже занимаетъ вопросъ о смыслѣ жизни.

«Человѣка я сравниваю съ ученикомъ, переходящимъ изъ одного училища въ другое; тотъ изъ учениковъ, который въ низшемъ училищѣ превзойдетъ образованіемъ товарищей, имѣетъ право подняться, занять въ высшемъ училищѣ почетное мѣсто; человѣкъ, окончивъ свое нравственное образованіе на землѣ, пойдетъ въ другую жизнь и, слѣдовательно, тамъ займетъ мѣсто по достоинству».

Такъ разсуждалъ одиннадцатилѣтній мальчикъ.

Памятники историческихъ событій наводятъ его на грустныя размышленія. Когда ему пришлось проѣзжать изъ Варшавы мимо горы, съ которой когда-то Наполеонъ смотрѣлъ на свою переправлявшуюся армію, онъ сказалъ:

— Вотъ какъ все проходитъ... Ни Наполеона ни страшной его арміи не существуетъ; осталась гора, и къ ней присоединилось преданіе...

Для характеристики Александра Николаевича въ этомъ возрастѣ со стороны того же сознательнаго отношенія къ явленіямъ жизни и результатовъ вліянія на его душу воспитателей представляютъ большой интересъ его письменныя самостоятельныя работы на заданную тему. Таковы «Александръ Невскій» и «Колумбъ въ кандалахъ».

Остановимся на наиболѣе любопытныхъ мѣстахъ этихъ двухъ работъ 13—14-лѣтняго Цесаревича.

Первая начинается необыкновенно поэтическимъ описаніемъ природы въ моментъ восхода солнца.

«Однажды въ пустынномъ мѣстѣ застигла его (Александра Невскаго) ночь; отъ усталости онъ погрузился въ сонъ; утро занималось, когда онъ пробудился, на краю востока сверкала звѣзда, предшественница солнца.

«Небо, между тѣмъ, болѣе и болѣе воспламенялось; наконецъ, утренняя звѣзда начинаетъ блѣднѣть и исчезаетъ въ блескѣ восходящаго солнца».

Затѣмъ передается душевное состоянiе Александра Невскаго въ этотъ моментъ.

«Александръ долго смотрѣлъ на сiе величественное зрѣлище, онъ понялъ его таинственное знаменованiе, сложилъ руки, палъ на колѣни и, рѣшившись въ глубинѣ души быть для народа своего тѣмъ, что солнце сiе для всего мiра, смиренно произнесъ: «Да будетъ воля Твоя».

Въ заключенiе авторъ говоритъ, что Александръ сдержалъ свое слово, послужилъ народу и въ знакъ благодарности былъ причисленъ къ лику святыхъ.

На работѣ отразилась нѣжная, поэтически настроенная душа 13-лѣтняго Цесаревича и опредѣленно выражена мысль, какимъ долженъ быть образцовый государь и что его за это ожидаетъ.

Въ другой работѣ — «Колумбъ въ кандалахъ» — его приводитъ образъ того, который подарилъ вселенную новымъ мiромъ и былъ предназначенъ имѣть тотъ самый жребiй, какъ и большая часть великихъ людей, т.-е. пострадать отъ неблагодарности. Колумбъ безъ суда былъ закованъ въ оковы.

Александръ II въ 1830 году.

«Можно себѣ представить чувства, которыя должны были возникнуть въ сердцѣ великаго адмирала!» — восклицаетъ Цесаревичъ.

V.

Собственно говоря, предъ нами уже весь Александръ Николаевичъ, со всѣми особенностями своей натуры и характера. Въ дальнѣйшемъ черты, отмѣченныя воспитателями, выступаютъ съ большей опредѣленностью, развиваются, крѣпнутъ, складываются въ личность того Царя-Освободителя, свѣтлый образъ котораго перешелъ въ потомство.

Въ этомъ отношеніи особенно важными моментами въ послѣдующей жизни Александра II являются: принесеніе присяги по достиженіи совершеннолѣтія и знакомство съ Россіей во время путешествія, предпринятаго по мысли Жуковскаго, какъ завершеніе образованія.

Первое было для него, такъ сказать, невысказаннымъ договоромъ съ совѣстью, а послѣднее—договоръ съ народомъ.

Совершеннолѣтіе (16 лѣтъ) Александра II исполнилось 17 апрѣля 1834 г. Согласно закону онъ долженъ былъ принести присягу.

Мысль о принесеніи присяги самого Александра очень безпокоила, онъ чувствовалъ, что приближается очень важный моментъ въ его жизни и робѣлъ: «Рано бы», думалось ему. Робѣлъ тѣмъ болѣе, что не было около него человѣка, который являлся для него опорой и вторымъ отцомъ. Въ письмѣ къ отсутствовавшему по болѣзни и скоро умершему К. К. Мердеру Александръ Николаевичъ дѣлился съ нимъ своими чувствами по поводу присяги и искалъ поддержки.

«Вы, вѣроятно, теперь уже знаете, что мнѣ черезъ недѣлю предстоитъ. Я увѣренъ, что вы будете обо мнѣ думать, равно какъ и я о васъ, мой милый и безцѣнный другъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ мнѣ должно быть грустно, что васъ, моего втораго отца, въ этотъ важный въ жизни моей день здѣсь не будетъ».

Въ концѣ письма онъ сообщаетъ о прочтеніи ему Сперанскимъ текста присяги.

«Она удивительно хорошо написана; и всякій человѣкъ съ чувствомъ не можетъ ее хладнокровно прочесть».

Съ тѣмъ же настроеніемъ совершилъ Александръ самый актъ присяги. Сначала его приготовили къ присягѣ его законоучитель Павскій и М. М. Сперанскій, разъяснивъ смыслъ этого акта и познакомивъ съ текстомъ присяги. Затѣмъ на Страстной недѣлѣ онъ причастился св. таинъ, и на пятый день Пасхи передъ вечерней произошло самое торжество принесенія присяги.

Въ церковь высшими сановниками были принесены: держава, скипетръ и корона и помѣщены около аналоя съ Евангеліемъ и крестомъ. С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ отслужилъ молебенъ, послѣ котораго Государь взялъ сына за руку и подвелъ къ аналою. Минута была очень торжественная и оставила очень глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Очевидецъ этого событія, московскій митрополитъ Филаретъ, передаетъ:

«Когда открыто было Евангеліе и Государь Императоръ подвелъ къ оному Государя Наслѣдника для присяги, Наслѣд-

никъ произнесъ оную твердымъ голосомъ съ выраженіемъ, изображающимъ вниманіе къ произнесеннымъ обѣтамъ. Но, когда онъ дошелъ до окончательныхъ выраженій сего акта, заключающихъ въ себѣ молитву, глубокое чувство и слезы остановили его. Собирая духъ и возобновляя усилія, онъ довершилъ чтеніе измѣненнымъ, трогательно зыблющимся го-

Митрополитъ Филаретъ.

лосомъ. Сердце родительское подверглось чувствамъ сыновнимъ. Государь Императоръ обнялъ Наслѣдника, цѣловалъ его въ уста, въ очи, въ чело и величественныя слезы августѣйшаго родителя соединились съ обильными слезами августѣйшаго сына». Такая же сцена произошла у Наслѣдника съ матерью. По словамъ Филарета, «все было въ слезахъ».

Этотъ достопамятный въ своей жизни день Александръ Николаевичъ ознаменовалъ добрымъ дѣломъ. Онъ пожертво-

валъ въ пользу бѣдныхъ Петербурга и Москвы по 50 тысячъ рублей.

Въ рескриптѣ по этому поводу московскому генералъ-губернатору Александръ выразился въ такихъ характерныхъ для него выраженіяхъ:

«Москва есть любезная моя родина. Богъ далъ мнѣ жизнь въ Кремлѣ. Да позволитъ Онъ, чтобъ сіе предзнаменованіе совершилось, чтобы я въ остающіеся мнѣ годы первой молодости могъ съ успѣхомъ приготовиться къ ожидающимъ меня обязанностямъ».

VI.

Путешествіе, предпринятое весною 1837 года, т.-е. черезъ два года послѣ принятія присяги, началось съ сѣвера, съ посѣщенія старѣйшихъ русскихъ городовъ — колыбели русскаго государства — Новгорода и затѣмъ Пскова. Отсюда путешественники отправились въ Тверь и посѣтили всѣ главнѣйшіе поволжскіе города, также Вятку, Пермь, Екатеринбургъ и переѣхали за Уралъ — въ Сибирь. Осмотрѣвъ сибирскіе главные города, повернули на югъ Европейской Россіи черезъ города: Саратовъ, Тамбовъ, Воронежъ, осматривали Тулу, Калугу и съ особенною подробностью осматривали мѣста, связанныя съ Отечественной войной, близъ Вязьмы и Смоленска. Затѣмъ направились къ Москвѣ. Подъ Москвой подробно осматривали Бородинское поле. Во время осмотра историческихъ мѣстностей Цесаревичу давали объясненія полковникъ Веймарнъ и Яковлевъ. Осмотромъ Москвы, ея достопримѣчательностей и святынь закончилась главная часть путешествія Наслѣдника по Россіи. Отсюда Наслѣдникъ отправился на Югъ на маневры, по окончаніи которыхъ посѣтилъ главнѣйшіе южные города: Кіевъ, Полтаву, Харьковъ, Новочеркасскъ и др.

Путешествіе продолжалось 7 мѣсяцевъ, во время которыхъ было посѣщено тридцать губерній. Пріѣздъ въ города сопровождался осмотромъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, пріемами депутацій, прошеній, балами, обѣдами и другими увеселеніями. По словамъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ путешествіи, Наслѣдникъ всюду встрѣчалъ самый радушный, восторженный пріемъ.

«На каждомъ шагу встрѣчаетъ его искреннее, радушное доброжелательство, тѣмъ болѣе для него трогательное, что никакое своекорыстіе съ нимъ не смѣшано: всѣ смотрятъ на него, какъ на будущее, прекрасно выражающееся въ его ...жности»...

«Я вижу безпрестанно передъ собой плѣнительную картину. Народъ бѣжитъ за нимъ толпами, и не одна новость влечетъ его и движетъ имъ. Чувство высокое, ему самому неясное, но вѣрное, естественное оживотворяетъ его: онъ видитъ передъ собой представителя своего счастья. Масса толпы кричитъ, волнуется, мчится, но въ этой толпѣ многіе плачутъ и крестятся. И чѣмъ далѣе подвигаемся, тѣмъ сильнѣе движеніе: оно идетъ crescendo. Такимъ образомъ, въ продолженіе предстоящихъ четырехъ мѣсяцевъ, которые да благословитъ Богъ успѣхомъ, Великій Князь будетъ счастливъ самымъ чи-

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ простой избѣ

стымъ счастьемъ, и это счастье будетъ плодотворно для его будущаго и для будущаго Россіи».

Такъ писалъ Императрицѣ участникъ путешествія В. А. Жуковскій.

Другой спутникъ, Юрьевичъ, передаетъ, какъ населеніе Костромы встрѣчало у себя Наслѣдника.

«Нельзя описать того, можно сказать, ужаса, съ которымъ народъ и здѣсь, какъ и вездѣ на пути нашемъ, толпился къ Великому Князю. Бѣда отдалиться на полшага отъ него; уже болѣе нельзя достигнуть до него, и бѣдные бока наши и ноги долго будутъ помнить русскую любовь, русскую привя-

занность къ Наслѣднику. Никакая полиція, ни чувство святости къ духовенству, встрѣчающему у храмовъ и провожающему Великаго Князя, ничто не останавливаетъ силы народной толпы. Вчера, при выходѣ изъ собора, толпа унесла, такъ сказать, далеко отъ дверей собора архіерея; онъ долго не могъ попасть назадъ въ церковь. Здѣсь какъ-то особенно, кажется, даже болѣе нежели гдѣ-либо, народъ неугомоненъ: большая прекрасная площадь Сусанина, до поздней ночи усыпанная народомъ, не переставала гудѣть непрерывнымъ «ура», даже и тогда, когда Великій Князь былъ уже въ постели. Сегодня я всталъ въ седьмомъ часу, и передъ окномъ — та же толпа; кажется, какъ будто народъ не сходилъ съ площади».

Инициаторъ путешествія, Жуковскій, включая его, какъ заключительную главу образованія, придавалъ ему большое значеніе. Но путешественники ѣхали слишкомъ быстро, съ короткими остановками въ главныхъ городахъ, и Жуковскій не совсѣмъ былъ этимъ доволенъ. Онъ сравнивалъ путешествіе съ чтеніемъ книги, въ которой Великій Князь прочтетъ пока только одно оглавленіе, дабы получить общее понятіе объ ея содержаніи. «Послѣ, — разсуждалъ Василій Андреевичъ, — онъ начнетъ читать каждую главу особенно. Эта книга — Россія, но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего издателя. И это узнаніе есть главная цѣль настоящаго путешествія. Можно сказать, что Государь далъ общій, единственный въ своемъ родѣ праздникъ. Отъ Балтійскаго моря до Урала и до береговъ Чернаго моря все пробуждено однимъ чувствомъ, для всѣхъ равно понятнымъ и трогательнымъ; всѣ говорятъ: Государь посылаетъ намъ своего сына; онъ уважаетъ народъ свой и въ каждомъ сердце наполнено благодарностью».

Жуковскій видѣлъ отъ путешествія еще и пользу нравственную для своего царственнаго питомца, «пользу глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія». Онъ особенно радовался отношенію народа къ Наслѣднику.

И нельзя не согласиться съ Жуковскимъ. Наслѣдникъ во время путешествія становился лицомъ къ лицу къ народу, который взиралъ на него какъ на свою надежду. И та и другая сторона должны были это чувствовать, между будущимъ Императоромъ и народомъ, перенесшимъ на него свои надежды, устанавливалось какъ бы безмолвное соглашеніе. Въ этомъ смыслѣ здѣсь вполнѣ умѣстно выраженіе Жуковскаго, сравнивавшаго путешествіе Наслѣдника по Россіи со «всенароднымъ обрученіемъ его съ Россіей».

Портр. 1835 г. Александръ II

VII.

Послѣ путешествія по Россіи прекратились регулярныя занятія Александра Николаевича, такъ сказать, по общеобразовательнымъ предметамъ, и первые мѣсяцы 1838 года были посвящены ознакомленію Наслѣдника съ высшими государственными науками — высшей стратегіей и военной политикой, подъ руководствомъ генералъ-адъютанта барона Жомини, финансовымъ положеніемъ Россіи, подъ руководствомъ министра финансовъ гр. Канкрина, и внѣшними отношеніями

Россіи, подъ руководствомъ старшаго совѣтника Министерства Иностранныхъ дѣлъ барона Бруннова. А въ маѣ того же года было предпринято путешествіе по Европѣ.

Путешествіе это, какъ и поѣздка по Россіи, входило въ программу воспитанія Наслѣдника. Ознакомивъ сына съ различными областями русскаго царства, Императоръ Николай I считалъ нужнымъ довершить его образованіе знакомствомъ съ европейскими дворами.

Императоръ Александръ II

И вотъ, весною 1838 г., въ сопровожденіи Жуковскаго, Кавелина и нѣсколькихъ другихъ спутниковъ, Цесаревичъ поѣхалъ за границу. Прежде всего онъ побывалъ въ Берлинѣ, куда прибыли также для свиданія съ родственниками Государь и Государыня. Отсюда Наслѣдникъ поѣхалъ въ Стокгольмъ вмѣстѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, который желалъ оказать вниманіе престарѣлому шведскому королю Карлу-Іоанну, но въ датскую столицу Цесаревичъ отправился уже одинъ, только со своей небольшой свитой.

Къ сожалѣнію, въ Копенгагенѣ Александръ Николаевичъ простудился при посѣщеніи портовыхъ учрежденій и вмѣсто продолженія путешествія ему пришлось отправиться лѣчиться въ Эмсъ.

Въ Эмсѣ его впервые увидалъ французскій писатель Кюстинъ, котораго поразила наружность Великаго Князя. «Выраженіе его взгляда, — говоритъ онъ, — доброта. Это въ полномъ

Императрица Марія Александровна.

смыслѣ слова — государь (*un prince*). Видъ его скроменъ безъ робости. Онъ прежде всего производитъ впечатлѣніе человѣка, превосходно воспитаннаго. Всѣ движенія его полны граціи. Онъ прекраснѣйшій образецъ государя изъ всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ».

Впрочемъ, Александръ Николаевичъ производилъ то же обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, кто его зналъ близко или просто видѣлъ его.

Жуковскій въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ пишетъ:

«Вездѣ поняли его чистоту духовную, его прямой, высокій характеръ; вездѣ его милая наружность, такъ согласная

съ его нравственностью, пробудила живое симпатичное чувство и все, что я слышалъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ многихъ, было мнѣ по сердцу, ибо я слышалъ не фразы привѣтствія, а именно то, что соотвѣтствовало внутреннему убѣжденію».

Проведенный въ Эмсѣ мѣсяцъ крайне благотворно повліялъ на здоровье Цесаревича, и онъ могъ продолжать свое путешествіе по Европѣ.

13-го марта 1839 г. Александръ Николаевичъ прибылъ въ Дармштадтъ. Свиданіе съ великимъ герцогомъ Людвигомъ II не было условлено заранѣе, и Цесаревичъ только по настоянію Кавелина не уклонился отъ него. Тотчасъ по пріѣздѣ его посѣтилъ Людвигъ II и пригласилъ ѣхать въ театръ, а затѣмъ на вечеръ въ замокъ. «Этотъ импровизированный дармштадтскій праздникъ,—разсказываетъ Жуковскій,—казался всѣмъ однимъ лишнимъ эпизодомъ, который долженъ былъ только надоѣсть и наскучить».

Между тѣмъ онъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ жизни Александра Николаевича, такъ какъ здѣсь онъ встрѣтился съ младшей дочерью герцога, пятнадцатилѣтней принцессой Маріей, которая сразу и вполнѣ завладѣла его сердцемъ. Годъ спустя состоялась помолвка, а 16 апрѣля 1841 г. и самое бракосочетаніе.

Такимъ образомъ, для Александра кончилась юность съ ея уроками, съ ея забавами, съ ея маленькими заботами, горестями и радостями. Теперь наступила пора зрѣлости, пришли новыя заботы и новыя радости и горести, которыя несли ему начавшаяся семейная жизнь и государственная дѣятельность.

Остановимся на минуту, прежде чѣмъ перейти къ государственной дѣятельности Александра, на его семейной жизни.

«Со вступленіемъ въ супружество для Александра Николаевича начались годы безмятежнаго семейнаго счастья. Обычный домашній кружокъ Великаго Князя образовали, кромѣ членовъ императорской семьи, лица, составлявшія его свиту. Въ числѣ ихъ былъ и В. А. Жуковскій, жившій за границей, но остававшійся до смерти «состоящимъ при особѣ Наслѣдника».

«На собраніяхъ запросто у молодой четы, происходившихъ почти ежедневно, зимою — въ Зимнемъ дворцѣ, лѣтомъ — въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ или на Петергофской фермѣ, царили веселость и непринужденность; занимались чтеніемъ, музыкой игрою въ вистъ; августѣйшіе хозяинъ и хозяйка очаровывали гостей своею привѣтливостью и полною участія къ нимъ благосклонностью. Всѣ, принадлежавшіе къ ихъ Двору, какъ бы входили въ составъ ихъ собственной семьи».

За это время, до восшествія Александра II на престолъ, у него родилось четыре сына и двѣ дочери, изъ которыхъ

старшая скоро, однако, умерла: Великіе князья Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Великая Княжна Марія Александровна. А по вступленіи на престолъ, состоявшемся въ 1855 году, у царственной четы родились еще сыновья—Сергѣй Александровичъ и Павелъ Александровичъ.

Кончина Императора Николая I

VIII.

Участіе Александра II въ государственныхъ дѣлахъ началось рано, со дня его совершеннолѣтія. Въ этотъ день онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ. Затѣмъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, шефомъ нѣсколькихъ полковъ, канцлеромъ гельсингфорскаго университета, наконецъ предсѣдателемъ секретнаго комитета объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Одновременно съ гражданской службой онъ проходилъ и военную службу.

Во время продолжительныхъ отъѣздовъ изъ Петербурга Николай Павловичъ давалъ полномочія Наслѣднику. А въ 1852 году, напримѣръ, поручилъ ему самостоятельно осмотрѣть ввѣренныя ему войска и учрежденія.

Когда же у Россіи обострились отношенія съ Турціей и западно-европейскими державами, въ результатѣ чего была Крымская война, Александръ принялъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ отца, какъ въ текущихъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и въ сопряженныхъ съ открывшимися военными дѣйствіями. Труды эти увеличивались все болѣе по мѣрѣ того, какъ приближалась печальная развязка, т.-е. смерть Императора Николая.

Силы Императора были уже надломлены, а случившаяся простуда уложила его въ постель, съ которой онъ уже не всталъ.

Узнавъ отъ лейбъ-медика, что смерть его близка, Николай выразилъ желаніе проститься съ семьей. Прощаясь съ Наслѣдникомъ, онъ сказалъ:

— Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи я васъ люблю больше всего на свѣтѣ.

18 февраля 1855 года Императоръ Николай скончался, и на престолъ вступилъ Александръ II.

Окончаніе Крымской войны. — Освобожденіе крестьянъ.

Тяжелое наслѣдство оставилъ Александру II отецъ. Это отлично сознавалъ и самъ Николай I, когда сказалъ сыну въ послѣднія минуты своей жизни:

— Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ.

Матросъ Кошка

Эти труды и заботы состояли въ окончаніи Крымской войны и исправленіи обнаруженныхъ ею многочисленныхъ недостатковъ въ русской общественной и государственной жизни.

«Начатая въ 1853 году вступленіемъ русскихъ войскъ въ дунайскія княжества война съ Турціей и ея союзниками — Англіей и Франціей — перенесена была въ собственные наши предѣлы. По очищеніи нами Молдавіи и Валахіи австрійскія войска заняли эти двѣ области, а англичане и французы высадились въ Крыму и, послѣ неудачнаго для насъ дѣла на рѣкѣ Альмѣ, поддерживаемые многочисленною эскадрою,

осадили Севастополь. Попытки вытѣснить ихъ съ сильно-укрѣпленныхъ позицій остались безуспѣшны: они продолжали осаду, не взирая на наступленіе зимы, мы же вынуждены были для загражденія Севастопольскаго порта, сами потопить всѣ суда, составлявшія нашъ Черноморскій флотъ. Защита Севастополя стоила ежедневно геройскому гарнизону неисчислимыхъ потерь. Подкрѣпленія подходили медленно и въ недостаточномъ числѣ, вслѣдствіе необходимости содержать вдоль западной границы имперіи многочисленную армію, на случай войны съ Австріей. Съ призывомъ государственнаго ополченія, напряжены были до крайнихъ предѣловъ боевыя силы государства; не менѣе истощены были и его финансовыя средства, а между тѣмъ, къ веснѣ слѣдовало ожидать вторженія турокъ въ Закавказье и появленія англо-французскаго флота въ Финскомъ заливѣ. Наши берега на Бѣломъ морѣ и Восточномъ океанѣ оставались совершенно открытыми для непріятельскихъ нападеній».

Трудность положенія Россіи увеличивалась еще болѣе вслѣдствіе враждебныхъ замысловъ европейскихъ державъ. Австрія заключила союзъ съ Англіей и Франціей — объявить Россіи войну, если Россія не приметъ мирныхъ условій, выработанныхъ Англіей и Франціей, чрезвычайно не выгодныхъ для Россіи. Пруссія также начинала склоняться на сторону этихъ державъ. Сардинія уже выставила 15-тысячный корпусъ для союзниковъ. Примѣру Сардиніи готовы были послѣдовать Швеція и Испанія. Такимъ образомъ, противъ Россіи, предоставленной собственнымъ силамъ, была почти вся Европа—всѣ соединенныя силы западно-европейскихъ державъ. Очевидно, борьба должна была быть не равной, и Россіи невозможно было не только разсчитывать на успѣхъ, но даже на сохраненіе своего положенія. Александръ II отлично все это сознавалъ, считалъ продолженіе войны непосильнымъ для Россіи, но въ то же время ему хотѣлось заключить миръ, согласно съ интересами и честью государства. Приносить въ жертву то и другое онъ не хотѣлъ. Если же такой миръ сейчасъ же нельзя заключить, то Александръ II рѣшилъ биться съ врагами до послѣдней капли крови.

О такихъ своихъ намѣреніяхъ Александръ II прямо заявилъ дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ государствъ, привѣтствовавшимъ его по случаю его воцаренія.

— Я готовъ протянуть руку примиренія на условіяхъ, принятыхъ моимъ отцомъ, но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда, я, господа, во главѣ моей вѣрной Россіи и всѣмъ народомъ смѣло вступлю въ бой».

Князь Горчаковъ.

Принимая по тому же поводу петербургское дворянство, Александръ II и имъ высказалъ о трудности положенія и надеждѣ на нихъ.

— Я въ васъ, господа, увѣренъ, я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго. Не унывать! Я съ вами,— вы со мной!

Между тѣмъ дѣйствія союзныхъ войскъ продолжались и сосредоточились около Севастополя. Извѣстія, получившіяся

съ театра военныхъ дѣйствій, были большею частію печальныя. Но Государь мужественно выслушивалъ ихъ и ободрялъ главнокомандующаго кн. Горчакова. Наконецъ, Севастополь не могъ болѣе держаться. Русскія войска отступили, оставивъ непріятелю только однѣ груды развалинъ.

Какъ ни было тяжко сердцу молодого Государя паденіе Севастополя, но Онъ не упалъ духомъ, какъ это видно изъ его письма къ кн. Горчакову отъ 2 сентября 1855 г.: «Какъ ни тяжела матеріальная потеря Севастополя и уничтоженіе нашего Черноморскаго флота, но я сожалѣю гораздо болѣе о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ Севастополя. Поэтому не могу не одобрить вашу рѣшимость очистить южную сторону, что было исполнено очень удачно, благодаря пловучему мосту... Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы—тѣ же русскіе и съ нами Богъ!»

Паденіе Севастополя Александръ II считалъ началомъ новой войны и рѣшилъ тотчасъ же готовиться къ ней. Съ этою цѣлью онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. По пути въ Крымъ онъ заѣхалъ въ Москву и созвалъ здѣсь военный совѣтъ. Въ Крыму Александръ произвелъ смотръ войскамъ и вмѣстѣ съ главнокомандующимъ обсудилъ планъ продолженія войны.

Въ это время было получено извѣстіе о взятіи Карса.

Этой побѣдой были какъ бы остановлены военныя дѣйствія какъ со стороны Турціи, такъ и союзниковъ. Наступилъ періодъ затишья, которымъ Александръ II рѣшилъ воспользоваться, чтобы тщательно обсудить свое положеніе и вступить въ переговоры о мирѣ съ державами. Послѣднее можно было начать тѣмъ болѣе, что Франція обнаруживала стремленіе къ сближенію съ Россіей и содѣйствію къ заключенію мира. Миролюбивое настроеніе французскаго императора Наполеона III дало возможность русскому иностранному министру гр. Нессельроде выступить съ условіями мирнаго договора. Эти условія были таковы: 1) Босфоръ и Дарданеллы останутся закрытыми; 2) военный флотъ всѣхъ націй не будетъ допущенъ въ Черное море, за исключеніемъ судовъ, которыя прибрежныя державы сочтутъ необходимымъ содержать тамъ; 3) число этихъ судовъ будетъ опредѣлено прямымъ соглашеніемъ съ Портой, безъ всякаго посторонняго посредничества.

Извѣстіе о переговорахъ дошло до Австріи, и этимъ было все дѣло испорчено. Тамъ забили тревогу, и министръ ино-

Императоръ Александръ II въ 1855 году

странныхъ дѣлъ гр. Буоль предъявилъ свои условія мира, не выгодныя для Россіи, и подкрѣпилъ ихъ угрозой войны. Въ условія Буоля, напримѣръ, вошло требованіе не имѣть Россіи и Турціи даже военно-морскихъ арсеналовъ на черноморскомъ побережьѣ и земельная уступка — Молдавіи. Несмотря на всю очевидную невыгодность для Россіи этихъ условій, Англія долго не соглашалась признать ихъ, и Наполеону III стоило не малыхъ трудовъ склонить ее. Обращаясь къ Россіи

съ миролюбивыми предложеніями, Наполеонъ III совѣтовалъ принять австрійскія условія, какъ единственно возможныя, хотя и тяжелыя.

Предложенія Австріи Александръ II передалъ на обсужденіе особаго совѣщанія высшихъ государственныхъ сановниковъ, въ своемъ личномъ присутствіи.

«20 декабря (1855 г.), въ 8 ч. вечера въ кабинетѣ Государя, въ Зимнемъ дворцѣ, собрались: великій князь Константинъ Николаевичъ, государственный канцлеръ гр. Нессельроде, военный министръ кн. Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ гр. Киселевъ, генералъ-адъютанты: кн. Воронцовъ и гр. Орловъ, статсъ-секретарь гр. Блудовъ и бывшій посланникъ въ Вѣнѣ баронъ Мейендорфъ. Государь самъ прочелъ проектъ предварительныхъ условій мира, послѣ чего начались пренія. За войну высказался одинъ гр. Блудовъ. Остальные члены совѣщанія были противъ войны, обосновавъ свои мнѣнія на затрудненности во всѣхъ отношеніяхъ положенія Россіи. Особенно обстоятельно, по предложенію Государя, высказался гр. Киселевъ.

Адмиралъ Нахимовъ.

«Четыре союзныя державы, — сказалъ Киселевъ, — съ 108 милліонами населенія и 3 милліардами дохода стоятъ противъ

Россіи, у которой 65 милліоновъ населенія и едва одинъ милліардъ дохода. Въ такомъ положеніи, безъ помощи извнѣ, было бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно рисковать новой кампаніей, которая усилитъ требованія непріятеля и сдѣлаетъ миръ еще болѣе труднымъ.

«Недостатокъ оружія и запасовъ усиливается; затрудненія въ этомъ отношеніи растутъ ежедневно, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ военный министръ. Все это убѣждаетъ въ необходимости, не отвергая условій мира, постараться о смягченіи ихъ невыгодныхъ сторонъ.

Генералъ-адъютантъ Владимиръ Алексѣевичъ Корниловъ.

«Если союзники желаютъ мира,—заключилъ Киселевъ,—то они примутъ наши исправленія; если же нѣтъ, то да будетъ воля Божія».

Мнѣніе Киселева было принято, и государственному канцлеру было поручено сообщить въ Вѣну о согласіи Россіи на предложеніе Австріи, но съ измѣненіями нѣкоторыхъ пунктовъ въ интересахъ Россіи (относительно земельной уступки).

Собственный взглядъ на это Александръ II выразилъ въ письмѣ къ главнокомандующему крымской арміи:

«На австрійскія условія объ основаніяхъ для мирныхъ переговоровъ невозможно было вполнѣ согласиться, и мы отвѣчали новымъ предложеніемъ, составляющимъ крайній предѣлъ уступкамъ нашимъ. Дай Богъ, чтобы онѣ могли имѣть

Контръ-адмиралъ Владимиръ Ивановичъ Истоминъ.

желаемый успѣхъ, ибо иначе положеніе наше сдѣлается самое затруднительное».

Но Австрія стояла на своемъ и упорно отказывала въ измѣненіи своихъ предложеній въ интересахъ Россіи,

Тогда Александръ II вторично созвалъ въ прежнемъ составѣ совѣщаніе 3 января 1856 г.

Прежде всего была прочитана записка государственнаго канцлера, представившаго необходимость согласиться на австрійскія условія и избѣжать, такимъ образомъ, войны. Къ необходимости заключенія мира, даже на австрійскихъ условіяхъ, склонились всѣ члены совѣщанія. На этотъ разъ даже и гр. Блудовъ не рѣшился высказаться за войну.

Памятникъ адмиралу Корнилову на Малаховомъ курганѣ.

Александръ II присоединился къ мнѣнію собранія, и на другой же день было объявлено о согласіи Россіи на австрійскія условія мира.

Представители державъ, участвовавшихъ въ войнѣ, подписали въ Вѣнѣ протоколъ мирныхъ условій и обязались въ трехнедѣльный срокъ прислать въ Парижъ уполномоченныхъ для заключенія мира.

Представителемъ России на парижскій конгрессъ былъ назначенъ графъ Орловъ. Прибывъ въ столицу Франціи, онъ получилъ аудіенцію у Наполеона III.

Орловъ откровенно изложилъ Наполеону содержаніе полученныхъ имъ инструкцій, сказать, на что можетъ согласиться при предстоящихъ переговорахъ и что долженъ отвергнуть.

«Россія,—говорилъ онъ,—согласна на свободу плаванія по Дунаю, на нейтрализацію Чернаго моря, но, возвращая Карсъ и другія мѣстности, занятыя ею въ Малой Азіи, она въ правѣ надѣяться, что союзники откажутся отъ требованія земельныхъ уступокъ въ Бессарабіи». Сообщеніе свое графъ заключилъ просьбой, обращенной къ императору Наполеону III, оказать нашимъ заявленіямъ поддержку во всей ихъ совокупности.

13 февраля открылись занятія конгресса. Вопросъ о земельныхъ уступкахъ Россіи вызвалъ самыя горячія пренія. Ни Австрія ни Англія не соглашались ни на какой ком-

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

промиссъ. И только, благодаря содѣйствію и личному давленію Наполеона III, удалось все-таки рѣшить этотъ вопросъ съ соблюденіемъ интересовъ Россіи. Благодаря тому же содѣйствію Наполеона III, были удовлетворительно разрѣшены и другіе вопросы, и конгрессъ кончился заключеніемъ мирныхъ трактатовъ, а не новой кампаніей, какъ можно было это предполагать по началу занятій конгресса.

18 марта былъ подписанъ мирный договоръ.

А 19 марта вся Россія узнала объ этой радостной вѣсти изъ объявленнаго по этому поводу манифеста.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ.

Мужество и твердость молодого Государя въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ ободряющимъ образомъ повліяли на всѣхъ русскихъ людей, а его благія стремленія въ дѣлахъ внутренняго управленія покорили ему всѣ русскія сердца. Всѣ чувствовали, что послѣ умиротворенія внѣшняго наступитъ внутреннее, такъ сказать, духовное обновленіе Россіи.

И дѣйствительно, лучшіе русскіе люди не обманулись въ своихъ чаяніяхъ. Уже въ первый годъ своего царствованія Александръ II въ надписи, сдѣланной имъ на отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ, выразилъ свое желаніе и надежду на исправленіе различныхъ недостатковъ въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, а затѣмъ, какъ только явилась къ тому возможность, приступилъ къ преобразованіямъ.

Первое мѣсто среди преобразованій, совершенныхъ имъ, несомнѣнно принадлежитъ крестьянской реформѣ, или освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Освобожденіе крестьянъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ положенію подготовительныхъ трудовъ по освобожденію крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, не лишне упомянуть о томъ, какимъ путемъ возникло крѣпостное право, и о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось преодолѣвать при уничтоженіи его.

Первобытныя общественныя формы крестьянскаго сословія достовѣрно не извѣстны, но историческія данныя позволяютъ вывести заключеніе, что послѣ прихода князей и вслѣдствіе ихъ прихода большую часть земель разобрали князья, ихъ служилые люди и монастыри, — крестьяне же сдѣлались бродячими земледѣльцами, садившимися на чужую землю. Садились они на земли владѣльцевъ по особому условію, называвшемуся «порядной» и обезпеченному въ исполненіи денежной неустойкою («заряломъ»); въ порядную вносились обязательства поселенца пахать на хозяина пашню, дѣлать различные «издѣлы», какъ, напр., возить дрова, молоть муку, чинить постройки и проч. Получивъ отъ владѣльца участокъ земли, поселенецъ присоединялся къ существовавшей на земляхъ того владѣльца общинѣ, образовывавшей собою податную группу, или «сотню». Такія сотни были обложены налогами, и правительство взыскивало ихъ за круговой порукой всѣхъ принадлежавшихъ къ сотнѣ лицъ.

Такимъ образомъ, всѣ члены податной группы, — какъ по отношенію къ владѣльцу земель, такъ и по отношенію къ правительству, были тѣсно связаны между собою, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права уйти самовольно съ земли, не поставивъ за себя другого «жильца». Передъ своимъ уходомъ поселенецъ обязанъ былъ сдѣлать «отказъ» и выполнить всѣ принятыя на себя обязательства, при чемъ его уходъ пріурочивался къ осеннему Юрьеву дню (26 ноября). Въ случаѣ невыполненія обязательствъ поселенецъ считался бѣглымъ.

Такія отношенія поселенца къ правительству, къ владѣльцу и къ другимъ членамъ сотни дѣлали желательнымъ возможно сильное прикрѣпленіе его къ одной землѣ, вслѣдствіе чего правительство стало издавать указы о возвращеніи бѣглыхъ, о сокращеніи права отказа, о наказаніи за пріемъ бѣглыхъ, а бѣглыми стали уже зваться тѣ, кто оставлялъ свои участки, и проч. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали и

владѣльцы, стремившіеся къ заселенію своихъ земель, для чего они включали въ «порядныя» особыя условія, выдавали поселенцамъ большія ссуды на обзаведеніе и проч.

По установившемуся взгляду, — крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, и право Юрьева дня совершенно уничтожено въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, по настоянію Бориса Годунова. Это распоряженіе пріурочиваютъ къ 1592 году, но самый указъ о прикрѣпленіи крестьянъ не извѣстенъ, и многіе изслѣдователи отвергаютъ его существованіе, доказывая, что право Юрьева дня уничтожилось само собой, какъ вслѣдствіе включенія соотвѣтственныхъ условій въ порядныя и неоплатной задолженности поселенцевъ, такъ и вслѣдствіе попустительства государства, военныя и фискальныя потребности котораго обезпечивались прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ.

Одновременно съ привлеченіемъ крестьянъ, осаживавшихся на землѣ, владѣльцы ея стали окружать себя холопами, а затѣмъ и кабальными, то-есть, людьми, поступавшими къ нимъ въ кабалу въ силу долговой отъ нихъ зависимости. «Служилая кабала» представляла собою договоръ займа, по которому должникъ обязывался уплачивать процентъ службой («за ростъ служити»). Кабала юридически прекращалась уплатою долга, но фактически уплатить долгъ было невозможно, такъ какъ трудъ должника оплачивалъ только одни проценты. Такимъ образомъ, кабала, вызывавшаяся необходимостью для владѣльцевъ окружить себя людьми, пригодными какъ для личныхъ ихъ услугъ, такъ и для защиты отъ вражескихъ нападеній, была въ большинствѣ случаевъ пожизненной, отличаясь отъ полнаго холопства только тѣмъ, что владѣлецъ, пользуясь силами кабальныхъ холоповъ, не имѣлъ права распоряжаться ихъ личностью.

Кабальное холопство развивается съ особою силою въ XVI вѣкѣ и въ концѣ его принимаетъ окончательную форму, благодаря законодательному запрещенію для должника возвращать владѣльцу долгъ по кабалѣ и узаконенію новыхъ облегченныхъ способовъ къ установленію кабальной зависимости.

Первоначально между крѣпостными крестьянами и холопами, получившими впослѣдствіи названіе дворовыхъ людей, была значительная разница: крестьяне, оставаясь лично свободными, были прикрѣплены къ вотчинѣ, къ землѣ и не могли быть отдѣлены отъ нея ни продажею ни залогомъ, — дворовые же люди принадлежали владѣльцу, составляя его собственность, и каждый изъ нихъ подлежалъ продажѣ или залогу. Съ теченіемъ времени это различіе постепенно сглаживалось и утратило всякое значеніе въ царствованіе Петра I.

который обложилъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей одинаковою подушною податью.

Одновременно съ развитіемъ крѣпостного права и холопства владѣльцы исподволь практикой, узаконенной указами 1718, 1734, 1750, 1761 и 1767 годовъ, принимають на себя обязанность кормить крѣпостныхъ во время голода, являются отвѣтственными за исправную уплату податей (указъ 31 января 1761 года) и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ право вотчиннаго суда надъ крестьянами и судебнаго представительства ихъ интересовъ.

Не останавливаясь на перечисленіи мѣръ, положившихъ предѣлъ личной свободѣ крестьянъ, отмѣтимъ только, что крѣпостное право достигло своего высшаго развитія въ царствованіе Екатерины II, когда крѣпостные люди обратились въ движимость, всецѣло зависящую отъ произвола владѣльца. Крѣпостные покупаются и продаются какъ по одиночкѣ, такъ и цѣлыми семьями; браки между ними заключаются по волѣ владѣльцевъ; на усадьбахъ владѣльцевъ появляются тюрьмы, плети, кандалы; ослушники владѣльцевъ сдаются въ рекруты, ссылаются въ Сибирь, и тогдашнее Уложеніе воспрещаеть только, чтобъ господинъ «не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка», ибо, — по выраженію Котошихина, — «за мертвеца истцомъ является царь».

Однако, на ряду съ этимъ, въ царствованіе Екатерины II замѣчается новое вѣяніе, и Императрица, увлекавшаяся идеями просвѣтительной литературы, старается сократить дальнѣйшее закрѣпощеніе крестьянъ ради усиленія роста городскихъ сословій и городовъ. Еще въ 1763 году графъ Петръ Ивановичъ Панинъ совѣтовалъ Екатеринѣ II запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу крѣпостныхъ только цѣлыми семьями и опредѣлить нормальные размѣры повинностей, а 1 ноября 1766 года сама Императрица предложила петербургскому вольному экономическому обществу назначить на премію тему: «Что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны».

Либеральное вѣяніе вызвало на свѣтъ новую литературу, обсуждавшую вопросы объ ограниченіи или уничтоженіи крѣпостного права, но большинство составителей проектовъ въ то время высказывалось лишь за освобожденіе личности крестьянъ отъ насилія ихъ владѣльцевъ.

Тѣмъ не менѣе, мѣры, принимаемыя въ царствованіе Екатерины II къ смягченію крѣпостного права, носили на себѣ палліативный характеръ, и это право оставалось въ полной силѣ.

Павелъ I сдѣлалъ одинъ, но весьма значительный шагъ впередъ на пути къ улучшенію быта крестьянъ. 5 апрѣля 1797 года, въ день своей коронаціи, онъ издалъ манифестъ, которымъ узаконялась трехдневная работа крестьянъ на помѣщиковъ въ теченіе недѣли и воспрещалось принуждать крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни.

Императоръ Александръ I, воспитанный гуманнымъ швейцарскимъ гражданиномъ Лагарпомъ, въ первые же дни своего царствованія издалъ 28 мая 1801 года указъ президенту Академіи Наукъ о непринятіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли; то было первымъ его заявленіемъ противъ крѣпостного права.

Въ 1803 году, — послѣ того, какъ графъ С. П. Румянцевъ пожелалъ отпустить на волю нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ съ участками земли, 20 февраля послѣдовалъ указъ о разрѣшеніи помѣщикамъ освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ землей и объ учрежденіи класса свободныхъ хлѣбопашцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ появились указы, воспрещавшіе принимать крѣпостныхъ въ рекруты ранѣе трехъ лѣтъ по совершеніи на нихъ купчей (1804 г.), вывозить людей для продажи на ярмарки и торги (1808 г.) и проч.

Екатерина II.

Въ этихъ начинаніяхъ Александра I поддерживали его ближайшіе друзья и сотрудники: Кочубей, Строгановъ, Новосильцевъ, Муравьевъ и Чарторыжскій, изъ которыхъ Императоръ образовалъ даже интимный дружескій комитетъ (1801—1803 г.), въ которомъ обсуждались проекты Лагарпа и другихъ лицъ о мѣропріятіяхъ къ улучшенію быта крѣпостныхъ и даже о совершенномъ ихъ освобожденіи.

Идея освобожденія крестьянъ, возникшая у Александра I подъ вліяніемъ его стремленій къ законности, перешла въ общество и въ особенности сильно развилась послѣ Отечественной войны 1812 года.

Эта война, соединившая всѣ сословія въ единодушной борьбѣ съ непріятелемъ, послѣдовавшія за ней кампаніи 1813 — 1814 г. г., взятіе Парижа, въ которой наша армія принимала такое славное участіе, вызвали необыкновенный подъемъ духа въ войскахъ и въ молодыхъ офицерахъ, ознакомившихся съ европейской цивилизаціей. Когда они въ 1815

году вернулись на родину, молодежь невольно стало тяготить и удручать то, что они видѣли вокругъ себя: рабство огромнаго большинства народа, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всевозможныя злоупотребленія власти и т. п. Тѣ же чувства волновали и громадныя массы ополченцевъ, которые, по возвращеніи изъ-за границы, разбрелись по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи; ихъ разсказы о видѣнномъ во всѣхъ слояхъ населенія развивали въ окружающихъ новыя идеи и постепенно укореняли понятіе о ненормальности крѣпостного права.

Н. Д. Якушкинъ.

Толчокъ, данный умамъ пережитыми событіями, сравненіе европейской цивилизаціи съ общей грубостью отечественныхъ нравовъ, оскорблявшихъ патріотическое чувство, будили въ молодежи благородныя, возвышенныя понятія, уваженіе къ человѣческому достоинству, стремленіе къ уничтоженію крѣпостного права.

Уже съ 1816 года начали образовываться тайныя общества, носившія сначала весьма мирный характеръ и стремившіяся къ исправленію различныхъ неустройствъ русской жизни. Изъ этихъ обществъ особенно выдѣлялись: «Союзъ Благоденствія», уставъ котораго составленъ былъ Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Калошинымъ, и «Союзъ Спасенія», или «Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», уставъ котораго былъ составленъ Пестелемъ, при чемъ въ обоихъ этихъ обществахъ, между прочимъ, уже въ то время былъ поставленъ для обсужденія проектъ освобожденія крестьянъ *съ надѣленіемъ ихъ землей.*

Вслѣдъ за тѣмъ начали появляться единичные случаи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: Якушкинъ и Н. И. Тургеневъ освободили своихъ крестьянъ, Пассекъ предоставилъ своимъ крѣпостнымъ право самоуправленія, а къ концу царствованія Александра I образовался

многочисленный кругъ людей, всецѣло посвящавшихъ себя борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ.

Самъ Императоръ нисколько не противодѣйствовалъ этому увлеченію и искренно желалъ уничтоженія крѣпостного права. Разсказываютъ, что въ одно изъ посѣщеній въ Парижѣ Александромъ I госпожи Сталь та заговорила о рабствѣ народовъ. Когда Императоръ съ негодованіемъ отозвался о немъ, какъ о вещи постыдной, кто-то изъ присутствующихъ возразилъ Императору, что и въ его государствѣ существуетъ крѣпостное право. Александръ I немного смутился, но тотчасъ же оправился и сказалъ: «Ваша правда, въ Россіи есть крѣпостные, и хотя между ними и неграми большая разница, но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крѣпостное право такъ же дурно, какъ и рабство негровъ; оно должно быть уничтожено и, съ Божьей помощью, оно прекратится еще въ мое правленіе».

Въ 1816 году стремленіе Александра I къ уничтоженію крѣпостного права выразилось въ утвержденіи 23 мая 1816 г. проекта эстляндскаго губернскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ на началахъ отмѣны личнаго крѣпостного права, сохраненія всей земли въ собственность дворянства и установленія отношеній между крестьянами и землевладѣльцами на взаимномъ добровольномъ соглашеніи. 25 августа 1817 г. и 26 марта 1819 г. были утверждены Александромъ I подобные же проекты курляндскаго и лифляндскаго дворянства, но опытъ освобожденія крестьянъ на подобныхъ началахъ не пошелъ далѣе, хотя къ тому и дѣлались попытки.

Н. И. Тургеневъ.

Насколько извѣстно, первая подобная попытка была сдѣлана въ 1816 году по иниціативѣ 65 дворянъ Петербургской губерніи, желавшихъ перевести своихъ крестьянъ на особое положеніе обязанныхъ крестьянъ, но Александръ I этого проекта не одобрилъ. Такая же попытка была повторена въ 1820 году. По почину графа М. С. Воронцова и князя А. Меншикова, многіе богатые помѣщики, въ числѣ которыхъ называютъ И. В. Васильчикова, братьевъ Н. И. и А. И. Тургеневыхъ, князя П. А. Вяземскаго и другихъ, составили актъ о принятіи

на себя обязательства освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ подписанію акта приглашались всѣ лица, раздѣлявшія ихъ мнѣніе, и изъ числа этихъ лицъ предполагалось избрать комитетъ для составленія проекта, который имѣлъ быть представленъ на Высочайшее утвержденіе черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, но комитетъ не состоялся. Императоръ холодно отнесся къ этому начинанію и, устранивъ совокупную дѣятельность общества, послѣ разрѣшилъ каждому въ отдѣльности составлять свой проектъ, представляя его на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Такое холодное отношеніе Императора вызывалось, повидимому, тѣми затрудненіями, съ которыми былъ сопряженъ вопросъ о радикальномъ уничтоженіи крѣпостного права; насколько же подобныя затрудненія были велики, можно видѣть изъ составленной въ 1826 году записки Сперанскаго «о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ поселянъ и дворовыхъ людей и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго освобожденія ихъ отъ рабства». Въ этой запискѣ Сперанскій, изложивъ въ историческомъ порядкѣ всѣ узаконенія о крѣпостныхъ людяхъ и указавъ, что крѣпостное право послѣдняго времени ближе къ неволѣ, чѣмъ прежній крѣпостной порядокъ, говоритъ слѣдующее: «вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что не безъ важныхъ причинъ послѣдняя система крѣпостного права введена была правительствомъ и утверждена законами. Причины сіи состояли въ слѣдующемъ: доколѣ подати казенныя и военная служба утверждались на землѣ, дотолѣ не было у насъ ни войска ни постоянныхъ государственныхъ доходовъ. Съ ревизіей только положено и тому и другому прочное начало. Съ ревизіей трудъ, руки и лицо признаны основаніемъ какъ силы государственной, такъ и мѣрила частнаго богатства. Люди получили твердую осѣдлость, помѣщики—средства къ обширному хозяйству, правительство—вѣрный доходъ и надежные способы къ составленію, пополненію и содержанію войска».

При обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, помимо указанныхъ и затрогивавшихъ весь государственный строй затрудненій, выставлялось на видъ еще и то, что освобожденіе 27 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и, слѣдовательно, отъ вотчинной власти помѣщиковъ является немыслимымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ реорганизована земская полиція, стоявшая на очень низкомъ уровнѣ.

Тѣмъ не менѣе, вѣрный своей идеѣ, Императоръ Александръ I повелѣлъ въ 1818 году графу Аракчееву составить проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Разрабатывая этотъ проектъ, Аракчеевъ пришелъ къ убѣжденію, что мѣры къ уничтоженію крѣпостного состоянія сводятся единственно къ пріобрѣтенію посредствомъ добровольной и принудительной покупки помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну съ надѣленіемъ ихъ землей по оцѣнкѣ специальной комиссіи. Насколько извѣстно, — проектъ Аракчеева удостоился Высочайшаго одобренія, но возникшіе въ Южной Европѣ смуты и безпорядки въ Семеновскомъ полку затормозили его осуществленіе.

Графъ Д. Н. Блудовъ.

Попутно съ начинаніемъ, исходившимъ непосредственно отъ Императора, многія частныя лица тоже представляли свои проекты объ освобожденіи крѣпостныхъ людей; изъ нихъ особенно выдѣляются проекты: А. Ѳ. Малиновскаго, который въ 1818 году предполагалъ признать свободными всѣхъ дѣтей, рожденныхъ послѣ 1812 года; адмирала Мордвинова, который въ томъ же году предлагалъ освободить крестьянъ за установленный выкупъ; записки Киселева, Канкрина, Н. Тургенева и многихъ другихъ. Въ царствованіе Александра I проекты эти не дали никакихъ результатовъ, но впослѣдствіи они были переданы на соображеніе секретнаго комитета, учрежденнаго въ 1826 году Императоромъ Николаемъ I.

Императоръ Николай I, вступившій на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать что-либо въ пользу крестьянъ, немедленно приступилъ къ осуществленію этой цѣли. 6 декабря 1826 года былъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, въ составѣ членовъ: графа Толстого, Васильчикова, князя Голицына, Сперанскаго и правителя дѣлъ графа Блудова. На разсмотрѣніе этого комитета была передана составленная по Высочайшему повелѣнію вышеупомянутая записка Сперанскаго «О крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ поселянъ и дворовыхъ людей и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго освобожденія ихъ отъ рабства».

Комитетъ, просуществовавшій до 1830 года, ограничился проектированіемъ нѣсколькихъ мѣръ, клонящихся къ прекращенію личной продажи крестьянъ въ видѣ движимаго имущества, дабы сдѣлать ихъ «крѣпкими владѣльцу по землѣ», къ улучшенію управленія казенными крестьянами и къ установленію способовъ отпущенія ихъ на волю, лично, безъ земли. Составленные комитетомъ проекты были переданы на обсужденіе Государственнаго Совѣта и одобрены Государемъ, но вспыхнувшая въ то время во Франціи Іюльская революція и польскій мятежъ заставили признать выработанные проекты несвоевременными, и они остались необнародованными.

Такимъ образомъ, задуманная Императоромъ Николаемъ I широкая реформа не осуществилась. Причины тому коренились частью въ противодѣйствіи поборниковъ крѣпостного права, утверждавшихъ, что французская революція была вызвана излишкомъ свободы, — частью же въ неумѣніи разрѣшить многочисленныя затрудненія и противорѣчія, которыя надлежало примирить въ законѣ объ освобожденіи крестьянъ. Съ одной стороны, выяснявшійся уже въ то время опытъ освобожденія крестьянъ безъ надѣленія ихъ землей, произведенный въ прибалтійскихъ губерніяхъ, ясно доказалъ, какое бѣдственное положеніе ожидаетъ крестьянъ, лишенныхъ земли, а съ другой стороны, являлось несправедливымъ отбирать землю у помѣщиковъ и отдавать ихъ крестьянамъ. Опасались подорвать этимъ благосостояніе дворянства, служившаго опорою верховной власти; боялись также возникновенія враждебныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, что за отсутствіемъ земской полиціи и за уничтоженіемъ вотчиннаго суда, могло грозить безопасности государства.

Не отказавшись отъ коренного разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ, Императоръ Николай I желалъ, по крайней

мѣрѣ, подготовить преобразованіе этого права для своего преемника (письмо Императора Николая I къ графу Киселеву въ 1834 году), вслѣдствіе чего предпринялъ рядъ отдѣльныхъ мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ людей.

Имъ послѣдовательно учреждались секретные комитеты: въ 1835 году — «для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крѣпостныхъ разныхъ званій», въ 1839 году — «для пересмотра закона объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы», въ 1840 году — «о мѣрахъ къ уменьшенію числа дворовыхъ людей по рѣшительномъ воспрещеніи не только закладывать, но и продавать, дарить и отдавать въ приданое или по завѣщанію крестьянъ безъ земли», въ 1844 г. — «для изысканія средствъ къ уменьшенію въ Россіи числа дворовыхъ людей и къ устроенію ихъ положенія» и въ 1846 г. — «для разсмотрѣнія записки министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи».

Изъ перечисленныхъ комитетовъ наиболѣе важною является дѣятельность комитетовъ 1835 и 1839 годовъ, такъ какъ комитетъ 1835 г. установилъ руководящія начала для разработки вопроса о крѣпостномъ правѣ: 1) соблюденіе постепенности въ переходѣ отъ крѣпостного состоянія къ свободному и 2) признаніе за помѣщикомъ неотъемлемаго и неприкосновеннаго права на владѣніе землей. Комитетъ же 1839 года имѣлъ своимъ послѣдствіемъ изданіе указа отъ 1842 года, коимъ разрѣшалось помѣщикамъ, сохраняя за собою полное право вотчинной собственности на землѣ, увольнять крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землей, по обоюдному между обѣими сторонами соглашенію. Указъ этотъ не далъ особыхъ практическихъ результатовъ, и, на основаніи его, были освобождены крестьяне только трехъ владѣльцевъ: графовъ Воронцова, Витгенштейна и Потоцкихъ въ числѣ 24.708 душъ, но онъ сильно повліялъ на общественное самосознаніе и вызвалъ появленіе многочисленныхъ проектовъ и плановъ объ уничтоженіи крѣпостного права; подобные проекты ходили вездѣ по рукамъ, отсылались на разсмотрѣніе правительства и даже обсуждались въ дворянскихъ собраніяхъ [1]). Въ запискѣ своей отъ 1846 года министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій открыто признаетъ, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права сдѣлался предметомъ откровенной бесѣды образованныхъ сосло-

[1]) На выборахъ 1843—1844 гг. нѣсколько тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ проектомъ отпустить своихъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землей, по одной десятинѣ на каждую ревизскую душу, и просили только перевести на нихъ изъ долга Опекунскому Совѣту по 40 руб. на душу. На это предложеніе дворяне получили отвѣтъ, что правительство принять его не можетъ, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ поземельную собственность.

вій и проникъ уже въ низшія сословія, что взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право совершенно измѣнился, что они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды изъ придѣловъ повиновенія, но вовсе уже не боятся утраты въ своемъ достояніи.

Росту общественнаго самосознанія не мало содѣйствовала и литература, представители которой съ конца двадцатыхъ го-

А. Н. Радищевъ.

довъ проповѣдуютъ новый для того времени взглядъ на крестьянина, какъ на человѣка и гражданина. Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, князь Вяземскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Герценъ, Грановскій, Огаревъ, Кавелинъ, Мейеръ и другіе въ своихъ произведеніяхъ и своихъ лекціяхъ неустанно борются съ крѣпостнымъ правомъ, пробуждая сознаніе ненормальнаго положенія крестьянъ, низведенныхъ до уровня неодушевлен-

ныхъ предметовъ. Насколько же велико было вліяніе литературы на общественное мнѣніе, ярко выражается въ словахъ, сказанныхъ И. С. Тургеневу Императоромъ Александромъ II, что «съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ «Записки охотника», его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

Въ концѣ 1847 года въ правительственныхъ кругахъ возникли сильные толки объ освобожденіи крестьянъ. Бѣлинскій

В. А. Жуковскій

писалъ П. В. Анненкову въ декабрѣ 1847 года, что тульскому дворянству, ходатайствовавшему, — какъ мы уже знаемъ, — въ 1843 — 1844 гг. объ освобожденіи крестьянъ, былъ посланъ запросъ,—такъ ли же расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу? Затѣмъ при пріемѣ депутатовъ отъ смоленскаго дворянства Государь сказалъ имъ: «Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашею кровью, пролитой за го-

сударство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ». Затѣмъ Государь сказалъ, чтобъ они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу.

А. С. Пушкинъ

Слова Императора не остались безъ послѣдствій. Въ средѣ дворянства закипѣла оживленная работа; поднялись горячіе споры о способахъ освобожденія крестьянъ; составлялись проекты, докладныя записки, обусловливавшіе освобожденіе крестьянъ надѣленіемъ ихъ землею, — но тутъ наступили 1848 и 1849 гг., снова остановившіе дальнѣйшее движеніе крестьянскаго вопроса. Во Франціи произошла февральская революція, въ Австріи — возстаніе венгровъ. Боязнь проникновенія въ Россію революціонныхъ идей, опасенія, что дарованіе свободы

крѣпостнымъ людямъ грозитъ безопасности государства, отодвинули всякое поступательное движеніе по вопросу объ освобожденіи крестьянъ впредь до вступленія на престолъ Императора Александра II.

Насталъ тяжкій для Россіи 1854 годъ. Раздался громъ пушекъ съ севастопольскихъ бастіоновъ; потребовалось напряженіе всѣхъ силъ страны для отраженія многочисленныхъ и превосходно вооруженныхъ непріятелей, и это напряженіе не

А. С. Грибоѣдовъ.

оставляло мѣста для какихъ-либо внутреннихъ реформъ. Не касаясь исторіи геройской обороны Севастополя, мы упомянемъ только, что тревога за исходъ войны, негодованіе на поведеніе союзныхъ—вѣнскаго и берлинскаго дворовъ подорвали силы Императора Николая I. Въ началѣ февраля 1855 года онъ сильно занемогъ и 18 того же февраля скончался.

По вступленіи своемъ на престолъ Императоръ Александръ II продолжалъ военныя дѣйствія. Оборона Севастополя велась до 27 августа 1855 г., и онъ былъ очищенъ русскими войсками только послѣ взятія непріятелемъ Малахова кургана.

16 ноября того же года русскіе взяли крѣпость Карсъ, и 18 марта 1856 года былъ подписанъ въ Парижѣ мирный договоръ.

Война прекратилась, и молодому Императору представилась, наконецъ, возможность заняться упорядоченіемъ внутреннихъ отраслей управленія.

Среди общественныхъ золъ того времени самымъ выдающимся было крѣпостное право, и уничтоженіе рабства было

М. Ю. Лермонтовъ.

поставлено Императоромъ на первую очередь. Ему, воспитаннику Жуковскаго, провозглашавшаго, что «цѣль воспитанія вообще и ученія въ частности есть образованіе для добродѣтели» и старавшагося воспитать въ немъ прежде всего «человѣка», тяжело было видѣть ненормальное положеніе людей, тысячами полагавшихъ свою жизнь за честь и славу Россіи. Въ то же время Александръ II сознавалъ всю трудность задачи, передъ разрѣшеніемъ которой остановились его предшественники: Александръ I и Николай I. Это сознаніе и же-

ланіе, чтобъ дворянство взяло на себя починъ уничтоженія крѣпостничества, ясно проглядываютъ въ рѣчи Императора Александра, обращенной имъ въ Москвѣ къ представителямъ московскаго дворянства, 30 марта 1856 года, то-есть, черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія Парижскаго трактата: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ слуховъ по предмету столь важному

Н. В. Гоголь.

я считаю нужнымъ объявить, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія».

Вскорѣ послѣ возвращенія Императора изъ Москвы министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, въ августѣ 1855 г.

смѣнившій Бибикова, представилъ Александру II записку «О постепенномъ стремленіи къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ», на которой 9 апрѣля 1856 года была положена Высочайшая резолюція: «Постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться общимъ планомъ, дабы дѣйствовать систематически и съ большей осторожностью».

Н. А. Некрасовъ

Въ то же время Великая Княгиня Елена Павловна, желая освободить крестьянъ своего полтавскаго имѣнія «Карловки», обратилась къ Государю за разрѣшеніемъ и за указаніемъ общихъ началъ, на которыхъ возможно совершить задуманное ею освобожденіе, но Государь отвѣтилъ, что «не можетъ нынѣ положительно указать общихъ основаній для руководства», и что «въ виду многихъ различныхъ условій, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ, выжидаетъ, чтобы благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами высказали, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ

улучшить участь своихъ крѣпостныхъ на началахъ, для обѣихъ сторонъ не отяготительныхъ и человѣколюбивыхъ».

Владѣльцы же, иные по несочувствію къ задуманной реформѣ, другіе — вполнѣ искренно, отговаривались тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами они придумать не могутъ.

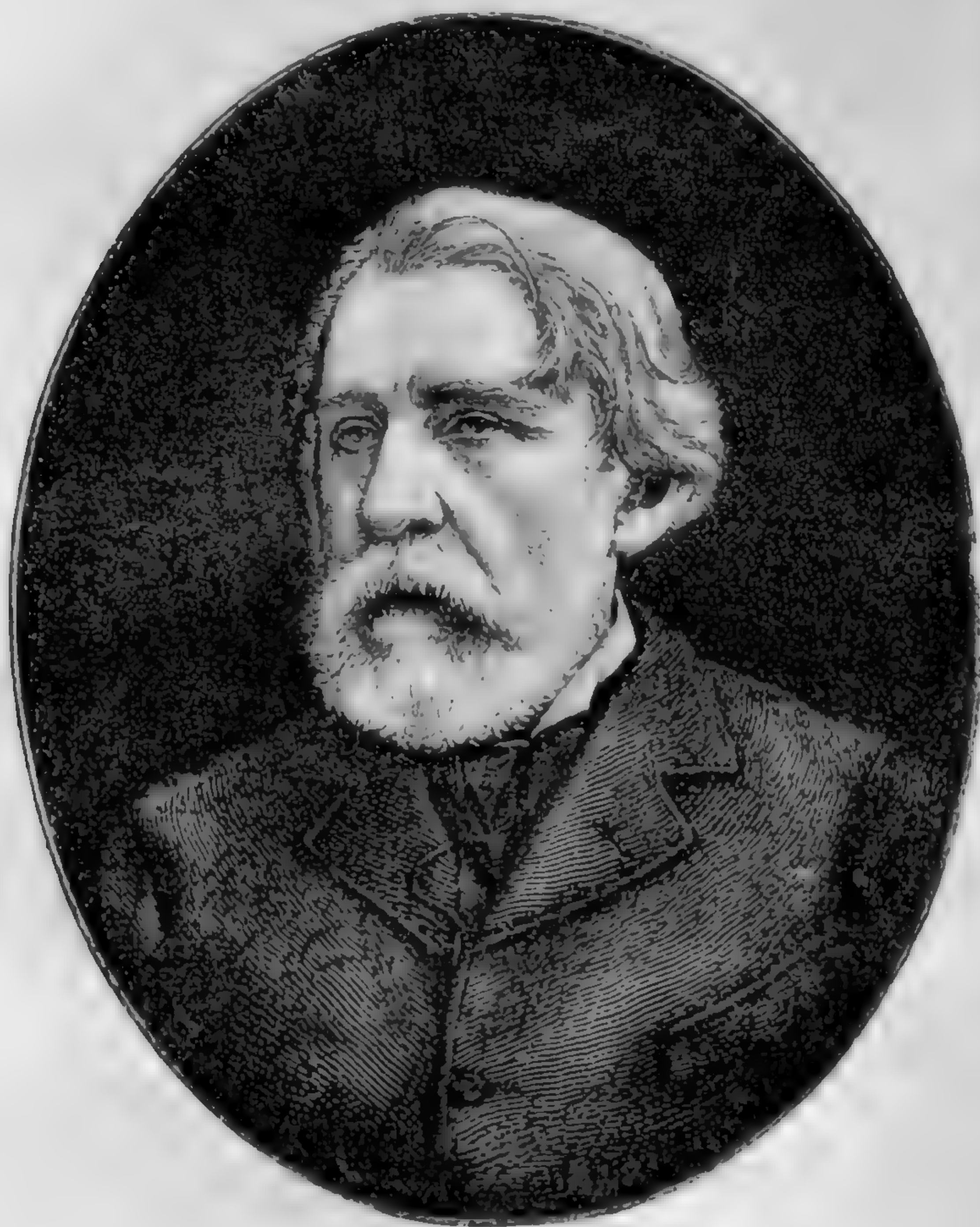

В. Г. Бѣлинскій.

Тогда Государь призналъ необходимымъ передать возбужденный имъ вопросъ на обсужденіе высшихъ государственныхъ сановниковъ и съ этою цѣлью образовалъ особый «секретный» комитетъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Орлова, въ составѣ слѣдующихъ членовъ: министровъ — внутреннихъ дѣлъ Ланского, Императорскаго Двора графа Адлерберга, финансовъ Брока, государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева; главноуправляющихъ: путями сообщенія Чевкина, II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи графа Блудова; шефа

жандармовъ князя Долгорукова; членовъ Государственнаго Совѣта: князя Гагарина, барона Корфа и генералъ-адъютанта Ростовцева, при дѣлопроизводителѣ государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

Первое засѣданіе комитета состоялось 3 января 1857 года подъ предсѣдательствомъ самого Государя, который, указавъ, что крѣпостное право отжило свое время, поставилъ на раз-

И. С. Тургеневъ

рѣшеніе вопросъ: слѣдуетъ ли принять какія-либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ? Члены комитета отвѣтили, что этотъ вопросъ, дѣйствительно, требуетъ разрѣшенія, и что наступило время для пересмотра всѣхъ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ съ цѣлью изысканія наилучшихъ способовъ къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ должной осторожностью и постепенностью. Вслѣдъ за тѣмъ была прочитана составленная товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинымъ записка

съ историческимъ обзоромъ правительственныхъ мѣропріятій, относительно помѣщичьихъ крестьянъ, и на обсужденіе комитета предложены были три вопроса: 1) Остается ли вся земля, попрежнему, во владѣніи помѣщиковъ? 2) Если остается право владѣнія за помѣщиками, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землею, имъ отведенною, то-есть, можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать съ своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ под-

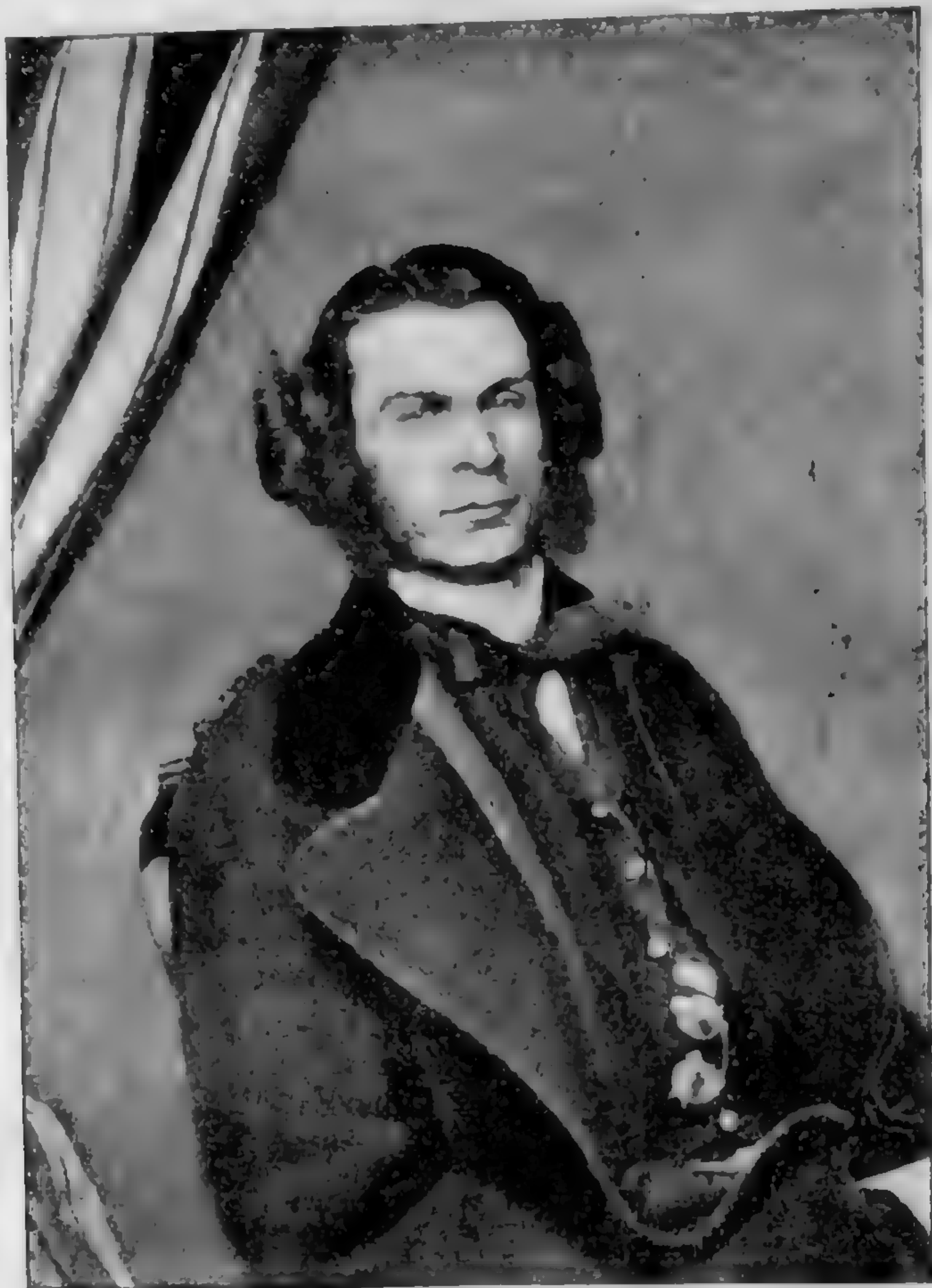
Т. Н. Грановскій.

чиниться законнымъ ограниченіямъ? и 3) Могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое-либо вознагражденіе какъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя?

Первымъ распоряженіемъ комитета было истребовать протоколы прежнихъ Николаевскихъ комитетовъ по крестьянскому вопросу и собрать обращавшіяся въ обществѣ разнообразныя частныя рукописныя записки о томъ же вопросѣ, какъ, напримѣръ, записки: Кавелина, Самарина, Кошелева,

Хомякова, Аксакова и др. Весь собранный матеріалъ былъ представленъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, состоявшей изъ Гагарина, Ростовцева и Корфа. Однако, члены комиссіи не могли прійти ни къ какому единодушному рѣшенію и составили три отдѣльныхъ записки, исполненныя непримиримыхъ противорѣчій.

Въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, при участіи товарища министра Левшина и директора хозяй-

Д. В. Григоровичъ.

ственнаго департамента Н. А. Милютина, внесъ въ комитетъ записку, помѣченную 26 іюля 1857 года, въ которой, признавая за помѣщиками право на землю, въ то же время доказывалъ, что на обязанности государства лежитъ «пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ». Для примиренія этихъ противорѣчивыхъ предложеній Ланской предлагалъ сохранить право собственности на землю за помѣщиками, а за крестьянами — право пользоваться

землею за деньги или работу. Далѣе онъ доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ отъ личной зависимости должно быть безвозмезднымъ, но что личный выкупъ можетъ быть замѣненъ выкупомъ крестьянской усадьбы въ разсрочку на время отъ 10 до 15 лѣтъ.

Недовольный разномысліемъ и бездѣятельностью секретнаго комитета, Государь назначилъ членомъ его Великаго Князя Константина Николаевича, убѣжденнаго поборника

Князь В. А. Черкасскій

освобожденія крестьянъ. Комитетъ оживился, и въ засѣданіи 18 августа 1857 года постановилъ: «Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностью и постепенностью и для сего исполненіе онаго раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположеніе на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ, черезъ сношеніе съ мѣстными властями и

опытными помѣщиками, но безъ огласки. Въ теченіе же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать ихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями, на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, по добровольному взаимному соглашенію, съ утвержденія правительства, для чего подготовить проектъ условій и представить въ Государственный Совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во вто-

Н. А. Милютинъ.

ромъ періодѣ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ назвать окончательнымъ, — т.-е. окончательнаго устройства крестьянъ».

Какъ видно изъ вышеизложеннаго постановленія, комитетъ совершенно обошелъ вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею, но тутъ произошло неожиданное обстоятельство, повліявшее на весь ходъ реформы.

Еще 15 апрѣля 1844 года, въ царствованіе Николая I, для огражденія крестьянъ отъ разоренія было утверждено

положеніе комитета западныхъ губерній объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ для введенія «инвентарей всѣмъ повинностямъ, которыми крестьяне обязаны владѣльцу. Эти комитетскіе инвентари, въ періодъ времени 1844 по 1852 годъ, были послѣдовательно введены въ Западномъ, Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ, но когда министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ захотѣлъ ввести въ 1852 году подобные инвентари въ виленскомъ и витебскомъ генералъ-губернатор-

Я. И. Ростовцевъ.

ствахъ, мѣстное дворянство отнеслось къ этой мѣрѣ весьма несочувственно, и введеніе инвентарей было пріостановлено. Въ октябрѣ 1857 года въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и представилъ Александру II адресъ отъ дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній съ выраженіемъ желанія освободить крѣпостныхъ крестьянъ по образцу прибалтійскихъ губерній.

Государь отвѣтилъ дворянамъ даннымъ 20 ноября 1857 г. на имя Назимова знаменитымъ рескриптомъ, основательно

считающимся началомъ офиціальной исторіи освобожденія крестьянъ. Разрѣшая открыть въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ приготовительные комитеты для составленія проектовъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, Императоръ указывалъ имѣть въ виду слѣдующія основанія:

«1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того

С. С. Ланской.

предоставляется въ пользованіе крестьянамъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

«2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

«3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена

исправная грамота государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ».

Рескриптъ сопровождался пояснительнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ копіи съ этихъ документовъ, при второмъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, были, по словамъ современниковъ, отпечатаны и разосланы въ теченіе одной ночи всѣмъ губернаторамъ «на слу-

Великая Княгиня Елена Павловна.

чай, если бы дворянство ввѣренной вамъ губерніи изъявило подобное желаніе».

Другой такой же рескриптъ былъ данъ Государемъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора въ отвѣтъ на ходатайство мѣстнаго дворянства о введеніи инвентарныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.

«Кесарь переступилъ черезъ Рубиконъ. Честь и слава нашему Царю и Государю!» — въ такихъ словахъ привѣтство-

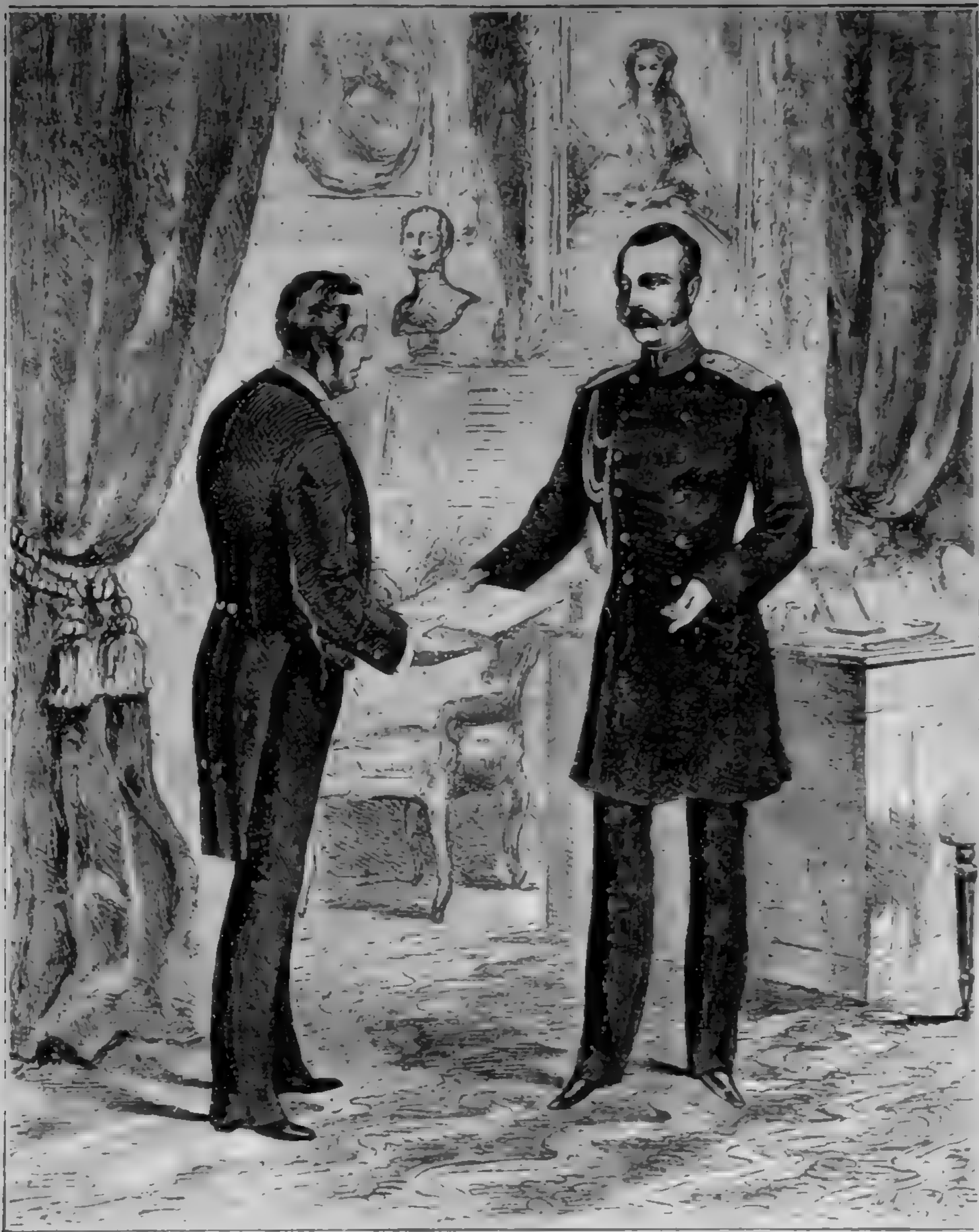
валъ появленіе рескриптовъ извѣстный Кошелевъ въ своемъ письмѣ къ князю В. А. Черкасскому. Дѣйствительно, послѣдствія этого великаго событія были неисчислимы. Отнынѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ ставился гласно и безповоротно; допускалось публичное обсужденіе въ обществѣ и въ печати всѣхъ проектовъ, касавшихся устройства быта крестьянъ, и, наконецъ, надежда на скорое освобожденіе сразу прекратила всякія волненія и броженія среди крѣпостныхъ

Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

людей, которые съ вѣрою въ будущее стали спокойно выжидать результатовъ реформы.

Рескрипты Государя и циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ были получены нижегородскимъ губернаторомъ А. Н. Муравьевымъ во время дворянскихъ выборовъ, и нижегородское дворянство первое откликнулось на царскій призывъ. 17 декабря 1857 года оно, за подписью предводителя Котлубицкаго и 128 дворянъ, отправило на Высочайшее имя всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ выражало желаніе «принесть

Императоръ Александръ II и Ланской.

Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать». 7 января 1858 г. послѣдовалъ адресъ московскаго дворянства, а затѣмъ съ марта по октябрь стали поступать дворянскіе адресы и другихъ губерній, на которые Государь отвѣчалъ Всемилостивѣйшими рескриптами, разрѣшавшими образованіе губернскихъ комитетовъ.

Въ виду безполезности окружать тайной существованіе секретнаго комитета, этотъ комитетъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 8 января 1858 года, въ томъ же составѣ, былъ

преобразованъ въ «Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи», подъ предсѣдательствомъ Императора.

Первыя дѣйствія вновь образованныхъ комитетовъ, въ которыхъ засѣдали люди самаго различнаго образованія, развитія и направленія, указали на необходимость одинаковой для всѣхъ комитетовъ программы, которая, по порученію Главнаго ко-

М. Н. Катковъ.

митета, и была составлена однимъ изъ членовъ его — Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ.

По смыслу программы, передававшей все дѣло въ руки губернскихъ комитетовъ, ихъ дѣятельность дѣлилась на три періода, обнимающіе составленіе положеній, введеніе ихъ въ дѣйствіе и начертаніе сельскаго устава. Для составленія положеній, то-есть работъ перваго періода, опредѣлялся шестимѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго требовалось дать отвѣты по нижеслѣдующей программѣ.

Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ NN. губерніи.

Глава I.

О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.

Прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ.

Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными.*

Глава II.

Сущность срочно-обязаннаго положенія.

Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ.

Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.

Дозволеніе перехода въ другія селенія отдѣльно лицу или семейству.

Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

[illegible]

Глава III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

[illegible]

Глава IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

[illegible]

Глава V.

Надѣлъ въ пользованіе крестьянъ землею пахотною и другими угодьями.

[illegible]

Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

Право возведенія хозяйственныхъ строеній съ согласія общества и помѣщика.

Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянскихъ земель и правила, для сего постановляемыя [1]).

Глава VI.

Повинности крестьянъ.

Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Казенныя повинности.

Повинности денежныя.

Повинности натуральныя.

Способъ раскладки ихъ по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ.

Порядокъ взиманія.

Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностью сельскаго общества.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Повинности къ помѣщику.

Повинность денежная (оброкъ).

Повинность натуральная (поденная работа).

Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадьбъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

Порядокъ отправленія повинностей.

Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностью сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей.

Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни и срокъ ихъ службы.

[1]) Увеличеніе поземельнаго надѣла впослѣдствіи, по мѣрѣ приращенія населенія зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но и необязательно для помѣщика.

Глава VII.

Устройство дворовыхъ людей.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

Порядокъ обязательной ихъ службы.
Жалованье и содержаніе ихъ.
Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.

Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.
Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.
Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.
Жалованье и содержаніе ихъ.
Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею.

Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

Глава VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

Соединеніе мелкопомѣстныхъ селеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ селеніямъ.

Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадьбъ.

Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества.

Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

Полицейское устройство въ обществахъ.

Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

Глава IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку;

б) по внутреннему управленію;

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

г) по отправленію крестьянами повинностей;

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

Глава X.

Порядокъ и способъ исполненія новаго Положенія.

Порядокъ исполненія по каждому имѣнію.

Обязанность каждаго помѣщика составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи Положенія, для каждой губерніи Высочайше утвержденнаго.

Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

Подпись сего акта помѣщикомъ.

Повѣрка на мѣстѣ сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ губернскаго комитета.

Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта губернскимъ комитетомъ.

Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе самимъ помѣщикомъ.

Содѣйствіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего вышеизложеннаго для всей губерніи.

Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому имѣнію до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

Эта программа, для разработки которой определенъ былъ шестимѣсячный срокъ, требовала отъ членовъ комитетовъ серьезной, научной подготовки, но въ губернскихъ же комитетахъ, на ряду съ профессорами и европейски развитыми людьми, засѣдали люди, почти совершенно лишенные образованія, не выѣзжавшіе изъ своихъ помѣстій и не понимавшіе существованія безъ крѣпостныхъ людей.

Въ настоящее время трудно вообразить, насколько многообразны были предметы, обсуждавшіеся въ губернскихъ комитетахъ, а потому для полноты картины не лишне представить хотя небольшой перечень затронутыхъ вопросовъ: Выкупъ крѣпостныхъ личный или съ землей. Отдача крестьянамъ усадебныхъ построекъ безъ вознагражденія. Составъ усадебной земли. Отличіе усадебной земли отъ полевой. Какъ должно отдать усадьбу крестьянамъ: въ собственность или пользованіе? Общинное начало и общинное землевладѣніе. Какая единица предпочтительнѣе: сельская община или приходъ? Самоуправленіе сельской общины. Слѣдуетъ ли соединять въ одно общество крестьянъ разнопомѣстнаго владѣнія? Слѣдуетъ ли удержать для крестьянъ существующіе надѣлы? Допускать ли дробленіе общества, надѣленнаго землей, въ общее мірское владѣніе, при раздѣлѣ имѣній и отчужденіи ихъ по частямъ? Опредѣленіе состава тягла. Обезпеченіе исправныхъ повинностей посредствомъ круговой поруки и отнятія земли. Тѣлесное наказаніе. Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ во время переходнаго состоянія. Вотчинная власть помѣщиковъ. Размѣръ барщины. Немедленное предоставленіе крестьянамъ правъ пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность, учреждать фабрики и заводы, торговать, брать подряды, занимать деньги, содержать почтовыя станціи и проч. Право крестьянъ переходить на оброкъ и производить личный выкупъ до истеченія переходнаго состоянія и т. д.

Каждый изъ этихъ вопросовъ вызвалъ пренія, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить то серіозное и благодѣтельное вліяніе, которое имѣла въ то время полнѣйшая гласность, допущенная при разработкѣ крестьянской реформы. Всѣ современные журналы: «Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», «Атеней», «Сельское Благоустройство» занимались обсужденіемъ вопросовъ, указанныхъ въ министерской программѣ; всѣ лучшіе умы того времени: А. И. Кошелевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, М. Н. Катковъ, князь В. А. Черкасскій, И. С. Аксаковъ, К. Д. Кавелинъ и многіе другіе посвящали свое время многочисленнымъ ста-

тьямъ[1]), въ которыхъ развивали планъ полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ надѣленіемъ ихъ усадебной и полевой землей, и разносторонними объясненіями по каждому отдѣльному вопросу благотворно вліяли на самыхъ упорныхъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ.

Что же касается непосредственной дѣятельности членовъ комитетовъ, то большинство изъ нихъ, не будучи въ состояніи справляться вполнѣ удовлетворительно съ предложенной

Ю. Ѳ. Самаринъ.

работой, подчинялись вліянію людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ.

Мнѣнія комитетовъ,— по свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, - раздѣлились на три группы. Первая группа состояла изъ тѣхъ, «кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика» и старались «дать реформѣ оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ». Вторая группа желала «создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно англійской», третья же группа стремилась къ полному уничтоженію крѣпостного права.

[1]) По свидѣтельству Семенова, редакціонная комиссія собрала по крестьянскому вопросу до 1000 сочиненій

Пока въ губернскихъ комитетахъ происходила упорная борьба между сторонниками и противниками реформы, Главный комитетъ, учредивъ 15 іюля 1858 года особую комиссію изъ графа Панина, Муравьева, Ростовцева и Ланского для разсмотрѣнія поступающихъ изъ губерній проектовъ, практически пріостановилъ свою дѣятельность, ибо всѣ члены комитета разъѣхались. Ростовцевъ тоже выѣхалъ за границу въ четырехмѣсячный отпускъ, чтобъ всецѣло предаться изученію крестьянскаго вопроса, и оттуда написалъ Государю четыре письма, въ которыхъ изложилъ свои взгляды на разрѣшеніе этого вопроса. Въ первыхъ трехъ письмахъ Ростовцевъ проводилъ мысль, что крѣпостные должны немедленно получить личную свободу, съ оставленіемъ въ ихъ постоянномъ пользованіи ихъ домовъ, огородовъ, пашней и съ подчиненіемъ ихъ міру; въ четвертомъ же письмѣ онъ убѣдительно доказывалъ необходимость оказать широкую поддержку выкупу земли и установленію крестьянской общины.

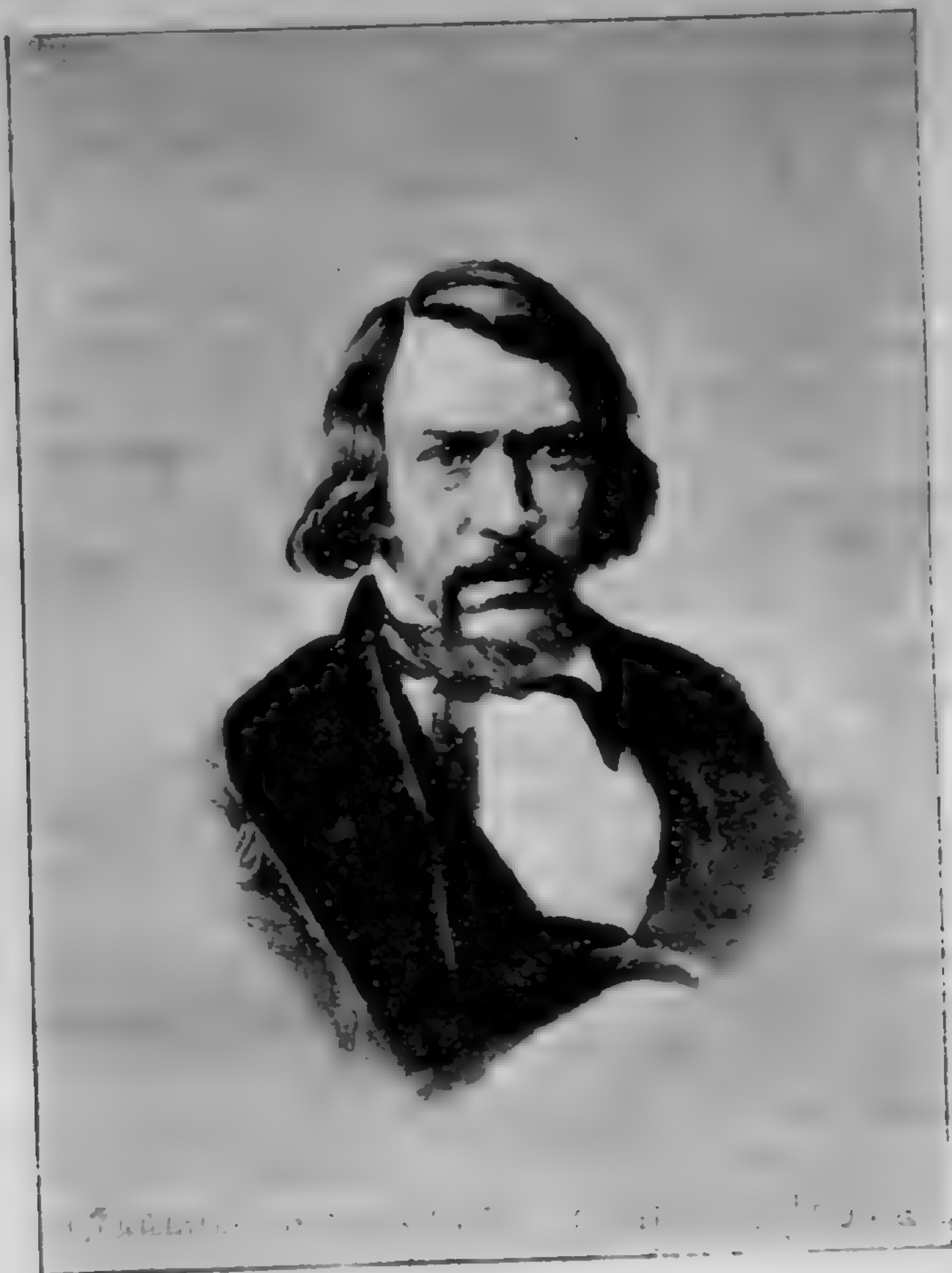
Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ Александръ II предпринялъ по Россіи поѣздку, во время которой изъ личныхъ наблюденій и бесѣдъ съ дворянами убѣдился, что задуманная реформа имѣетъ много горячихъ сторонниковъ и что отъ дворянства нельзя ожидать упорной оппозиціи.

Въ свою очередь, Государь повсюду и многократно заявлялъ о своей безповоротной рѣшимости освободить крестьянъ и, по возвращеніи въ Петербургъ, въ засѣданіи Главнаго комитета, состоявшагося 18 октября, повелѣлъ «принять къ надлежащему руководству» новую программу, составлявшую развитіе идей, высказанныхъ Ростовцевымъ въ его письмахъ. Программа эта выражалась въ слѣдующихъ положеніяхъ, которыя должны были лечь въ основу крестьянской реформы: 1) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; 2) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены и 3) чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась.

Затѣмъ, послѣ засѣданій комитета, происходившихъ 19, 24 и 29 ноября, въ которыхъ разсматривались соображенія, изложенныя во всеподданнѣйшихъ запискахъ Ростовцева, Императоръ предложилъ комитету для руководства слѣдующія правила:

1) При обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ предоставляются симъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, лично, по имуществу и по праву жалобы. 2) Крестьяне сіи входятъ въ составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ. 3) Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое

мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдуетъ и сими угодьями. 4) Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. 5) Помѣщикъ

А. С. Хомяковъ.

долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. 6) Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ. 7) Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для сего слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій и б) опредѣлить время прекращенія срочно-обязаннаго положенія

крестьянъ. 8) При обнародованіи положенія постановить, что земли населенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтаться и впредь, на основаніи существующихъ постановленій, лицами всѣхъ сословій.

Указанныя правила въ первый разъ вполнѣ твердо и ясно провозгласили освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти, подчиненіе ихъ общинному самоуправленію и право крестьянъ на выкупъ земель, состоявшихъ въ ихъ пользованіи.

Съ осени 1858 года въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ стали поступать проекты губернскихъ комитетовъ — въ большинствѣ случаевъ не менѣе двухъ отъ каждаго комитета, — выражавшіе взгляды большинства и меньшинства. Для разсмотрѣнія поступавшихъ проектовъ, по ходатайству Ланского, поддержанному и дополненному Ростовцевымъ, Главный комитетъ предположилъ учредить три редакціонныхъ комиссіи; одну — для составленія общей части крестьянскихъ положеній, другую — для выработки мѣстныхъ положеній и третью, финансовую, — по вопросу о выкупѣ.

19 февраля 1859 года эти предположенія были утверждены Государемъ, который поручилъ предсѣдательство въ комиссіяхъ Ростовцеву, пользовавшемуся его неограниченнымъ довѣріемъ, — членами же редакціонныхъ комиссій назначены были частію представители различныхъ вѣдомствъ [1]), частію такъ называемые «эксперты» изъ помѣщиковъ, среди которыхъ выдѣлялись своимъ либеральнымъ образомъ мыслей: Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій, Н. П. Желѣзновъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, А. Н. Татариновъ и князь В. А. Черкасскій. Каждая комиссія имѣла своего предсѣдателя (Жуковскій, Булгаковъ и Милютинъ).

Ростовцевъ въ общемъ присутствіи всѣхъ комиссій изложилъ программу предстоявшихъ занятій, сущность которой сводилась къ слѣдующимъ основнымъ началамъ: 1) освободить крестьянъ съ землей; 2) конечной развязкой освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ; 3) оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ или финансовыми операціями правительства; 4) избѣгнуть, по возможности, регламентаціи срочно-обязаннаго

---

[1]) Непремѣнными членами первыхъ двухъ комиссій были назначены: С. М. Жуковскій и Я. П. Соловьевъ; членами отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — А. К. Гирсъ и Н. А. Милютинъ; отъ Министерства Юстиціи — М. П. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи — Н. В. Калачевъ; отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ — В. И. Булыгинъ и Н. Н. Павловъ; отъ Удѣльнаго Вѣдомства — И. П. Арапетовъ. Въ составъ Финансовой комиссіи вошли: Гагемейстеръ, Рейтернъ, Бунге, Ламанскій и Заблоцкій-Десятовскій, къ которымъ присоединились: Домонтовичъ, Милютинъ и Позенъ.

періода или сократить переходное состояніе; 5) барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ, и 6) дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

И. С. Аксаковъ.

При сравненіи программы редакціонныхъ комиссій съ содержаніемъ писемъ Ростовцева къ Государю отъ 1858 года невольно изумляешься той быстротѣ, съ какой подвигалась идея освобожденія крестьянъ съ землей, и той искренности, съ которой, по мѣрѣ ознакомленія съ трудами губернскихъ комитетовъ и съ современной литературой, Ростовцевъ, по выраженію Соловьева, «обращается изъ реакціонера въ ревностнаго прогрессиста и отчаяннаго эмансипатора».

Большинство членовъ редакціонныхъ комиссій[1]) раздѣляли убѣжденія своего предсѣдателя, и уже съ 30 мая въ общее присутствіе стали поступать доклады отдѣленій, составленные въ либеральномъ духѣ.

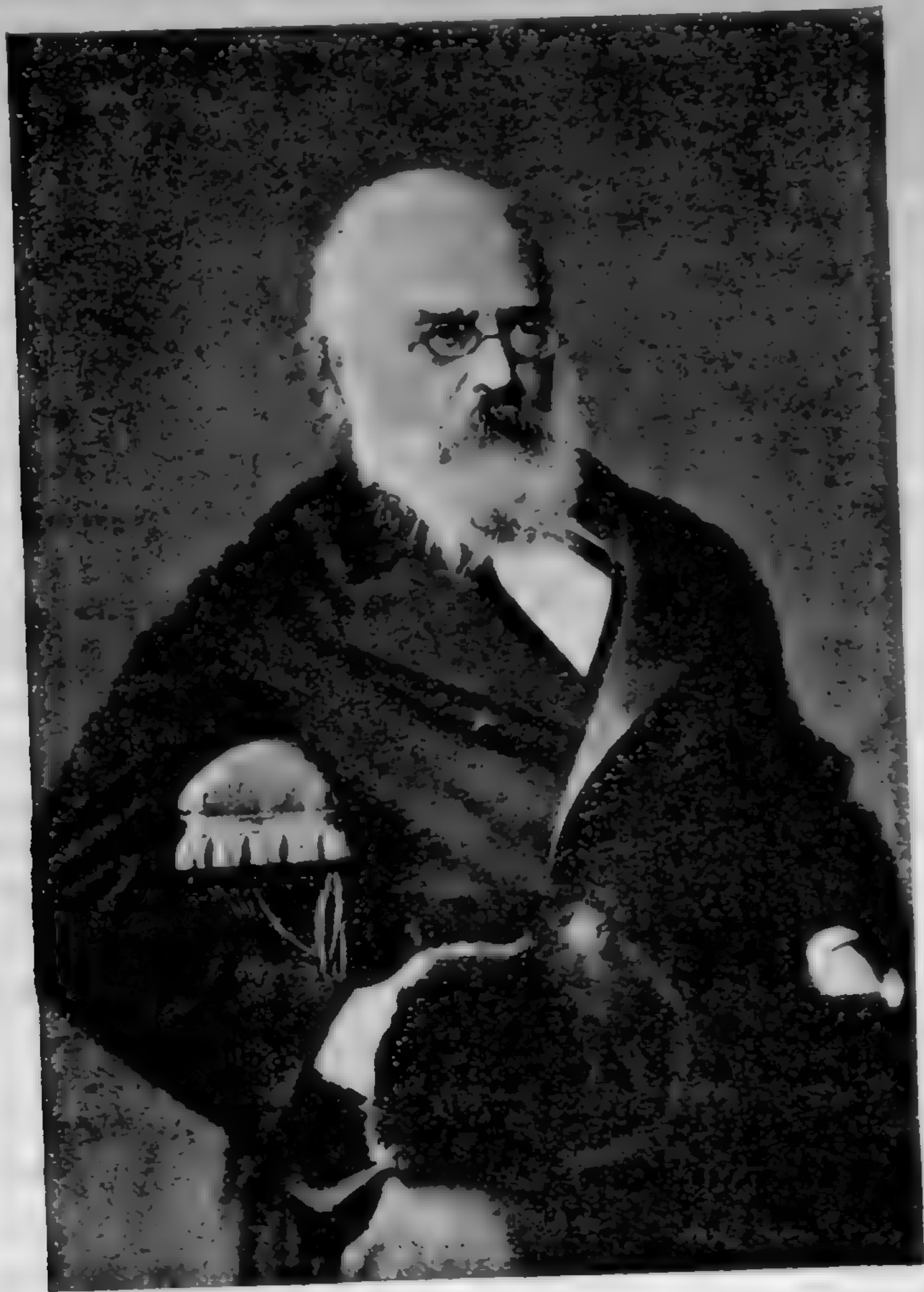
Доклады, разрѣшавшіе вопросы о налогахъ и повинностяхъ, были написаны Соловьевымъ, княземъ Черкасскимъ, Самаринымъ и П. Семеновымъ; доклады объ устройствѣ сельскаго управленія — Гирсомъ и Н. Семеновымъ; объ юридическомъ положеніи выходящихъ на волю крестьянъ — Любощинскимъ, Домонтовичемъ и Калачевымъ. Ростовцевъ принималъ участіе во всѣхъ работахъ комиссій и доставлялъ самыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ занятій Государю, который прочитывалъ всѣ журналы комиссій, дѣлая на нихъ собственноручныя отмѣтки.

5 сентября обсужденіе докладовъ редакціонныхъ комиссій было закончено, и оставалось только обсудить ихъ съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ.

Въ значительной части комитетовъ мнѣнія раздѣлялись, но во многихъ случаяхъ большинство голосовъ оказывалось самое незначительное, вслѣдствіе чего всѣ почти комитеты представили по два, по три проекта, излагавшіе взгляды, какъ большинства, такъ и меньшинства. Въ виду такого положенія министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, опасаясь, «чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа», вошелъ къ Государю съ докладомъ о томъ, чтобы депутаты, вызывавшіеся отъ каждаго изъ губернскихъ комитетовъ въ числѣ двухъ, въ качествѣ представителей большинства и меньшинства, не включались въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій. «Правительству полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ тѣмъ

[1]) Изъ 36 членовъ комиссій только 5 членовъ-экспертовъ и одинъ членъ отъ правительства (Булыгинъ) принадлежали къ противникамъ эмансипаціи и два или три члена колебались во взглядахъ.

же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства». Соглашаясь съ мнѣніемъ Ланского, Государь надписалъ на его докладѣ: «Нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцеву».

А. И. Кошелевъ.

Избранниковъ губернскихъ комитетовъ раздѣлили на двѣ смѣны и депутатовъ отъ 21 губерніи вызвали въ Петербургъ въ концѣ августа 1859 года. 25 августа депутаты перваго призыва были приглашены въ общее собраніе редакціонныхъ комиссій, гдѣ имъ была прочитана инструкція, опредѣляющая ихъ обязанности. Эта инструкція вызвала сильное неудовольствіе среди депутатовъ, предполагавшихъ взять дѣло реформы въ свои руки, но 4 сентября, при пріемѣ депутатовъ,

Государь лично подтвердилъ свою волю о недопустимости обсужденія ими крестьянскаго положенія по существу, и депутаты покорились. Въ настоящее время трудно опредѣлить, насколько была цѣлесообразна подобная мѣра, такъ какъ, наряду съ противниками реформы, она задѣвала многихъ депутатовъ, искренно желавшихъ содѣйствовать правительству въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, но несомнѣнно и то, что прибывшіе депутаты, единодушные въ своемъ протестѣ противъ обсужденія реформы одними редакціонными комиссіями, рѣзко распадались на нѣсколько непримиримыхъ кружковъ въ дальнѣйшихъ взглядахъ на эту реформу, въ особенности по основному вопросу о надѣленіи крестьянъ землей и о размѣрѣ этого надѣленія. Одни соглашались со взглядомъ комиссій, другіе требовали немедленнаго и обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ; третьи допускали выкупъ только добровольный; иные соглашались на отводъ крестьянамъ земли не иначе, какъ въ пользованіе; нѣкоторые, наконецъ, доказывали необходимость личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли и т. д.

Совѣщанія съ депутатами перваго призыва происходили въ теченіе сентября и октября, при чемъ редакціонныя комиссіи рѣшили оставить крестьянамъ существовавшіе надѣлы усадебной и полевой земли, если только они не оказывались слишкомъ велики или слишкомъ малы; къ слишкомъ малымъ предполагалось сдѣлать прирѣзки, а слишкомъ большіе убавить, для чего въ каждой мѣстности Россіи былъ опредѣленъ наименьшій и наибольшій размѣръ подлежащихъ сохраненію надѣловъ. Опредѣленные крестьянамъ надѣлы подлежали выкупу въ размѣрѣ средняго оброка, существовавшаго въ данной мѣстности и капитализированнаго изъ 6%; при этомъ первая десятина, въ которую входила усадебная земля, имѣла значительно повышенную оцѣнку; остальныя десятины также цѣнились не ровно, а съ пониженіемъ въ порядкѣ постепенности, сообразно съ величиной нормальнаго надѣла.

Въ концѣ 1859 года депутаты перваго призыва были отпущены, а въ началѣ января 1860 года заболѣлъ предсѣдатель комиссій Я. И. Ростовцевъ. Предчувствуя близкую кончину, онъ не переставалъ трудиться по крестьянскому дѣлу, внушая Государю увѣренность въ счастливомъ завершеніи реформы. 5 февраля 1860 года Ростовцевъ скончался въ присутствіи Императора и послѣднія слова его были: «Не бойтесь, Государь»...

Миръ праху твоему, честный труженикъ!

Спустя шесть дней послѣ смерти Ростовцева, предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ министръ

юстиціи графъ В. Н. Панинъ. Новый предсѣдатель пользовался репутаціей противника либеральнаго направленія и вѣсть объ его назначеніи вызвала сильное безпокойство среди людей, преданныхъ дѣлу реформы, но, благодаря ясно выраженной волѣ Государя, безпокойство это оказалось преувеличеннымъ, и въ послѣдующихъ своихъ дѣйствіяхъ Панинъ старался всегда соблюдать между партіями строгій, хотя и не чистосердечный, нейтралитетъ.

К. Д. Кавелинъ

Въ это время стали съѣзжаться въ Петербургъ депутаты второго призыва, которые 21 февраля были приняты Государемъ, вновь подтвердившимъ свою непреклонную волю улучшить быть крестьянъ и требованіе, чтобы депутаты при исполненіи своихъ обязанностей руководствовались утвержденной для нихъ программой.

Тѣмъ не менѣе, пренія въ возобновившихся засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій часто принимали острый характеръ, въ особенности, когда дѣло дошло до обсужденія уже рѣ-

шеннаго при Ростовцевѣ коренного вопроса — о безсрочномъ пользованіи крестьянами землею до ея выкупа. Наконецъ, всѣ работы, сопряженныя съ присутствіемъ депутатовъ, закончились, и 11 іюня было образовано кодификаціонное отдѣленіе комиссій для редактированія текста закона. Работы этого отдѣленія немедленно поступали на обсужденіе общаго присутствія, и 10 октября 1860 года редакціонныя комиссіи закрылись, передавъ составленные ими проекты положеній о

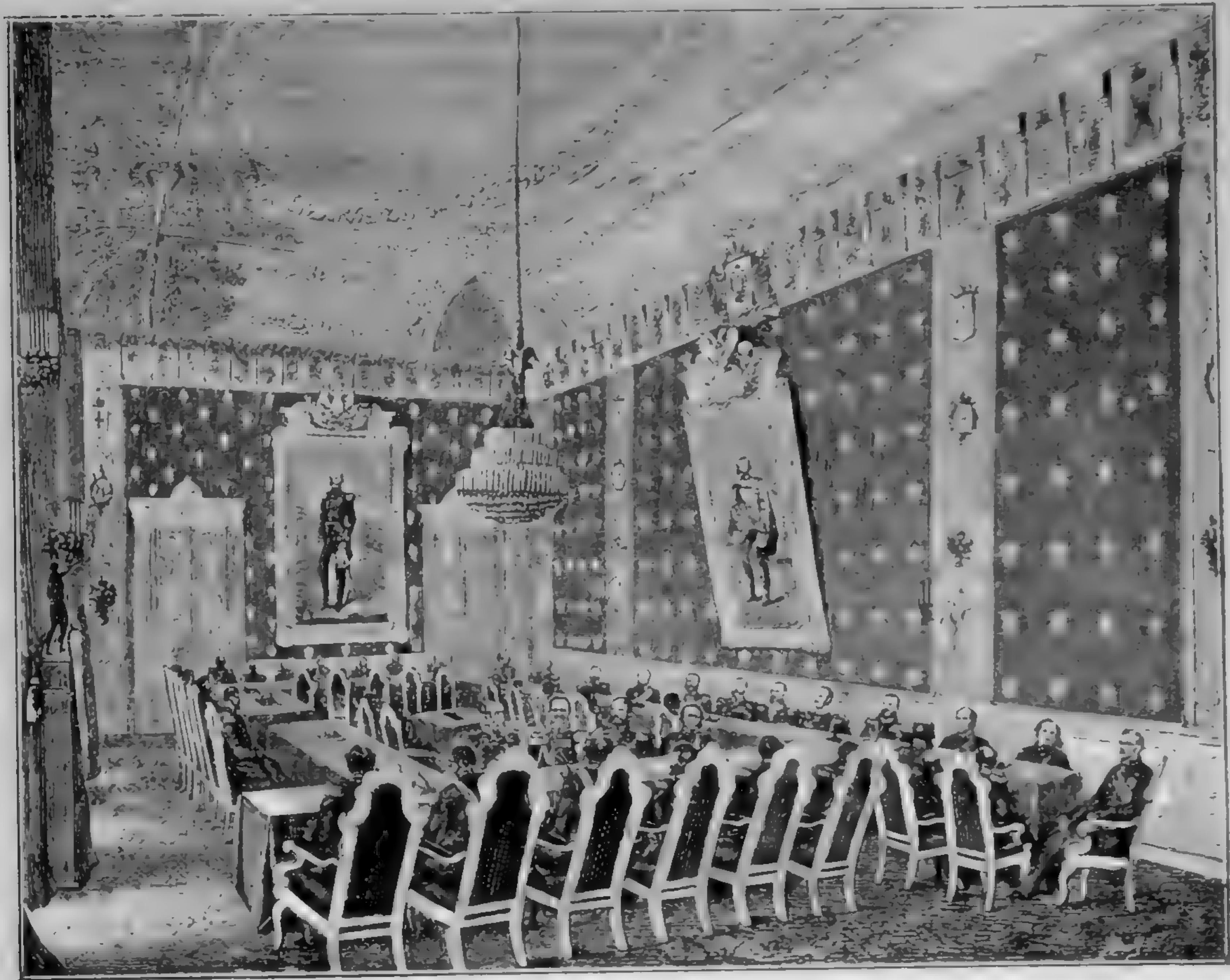

Государь въ 1857 г. говоритъ въ Москвѣ дворянству о необходимости приступить къ освобожденію крестьянъ.

крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на обсужденіе Главнаго комитета.

Въ Главномъ комитетѣ, гдѣ, за болѣзнью князя Орлова, предсѣдательствующимъ назначенъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, представленные проекты вызвали горячіе споры и борьбу между членами комитета. Ланской, Чевкинъ и графъ Блудовъ стояли на сторонѣ проектовъ редакціонныхъ комиссій; Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Княжевичъ внесли свой контръ-проектъ, отсрочивавшій окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками до обмежеванія и када-

стрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ; князь Гагаринъ и графъ Адлербергъ настаивали на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ только въ одну десятину. Наконецъ, графъ Панинъ не соглашался съ проектами редакціонныхъ комиссій по вопросамъ о вотчинной полиціи помѣщиковъ, на предоставленіе крестьянамъ въ пользованіе земли, о

Засѣданіе Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Александра II по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

безсрочномъ пользованіи этими землями и объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

Только послѣ сорока пяти засѣданій, продолжавшихся по шести и болѣе часовъ, путемъ взаимныхъ уступокъ достигнуто было соглашеніе, и 26 января 1861 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, состоялось послѣднее соединенное засѣданіе Главнаго комитета съ Совѣтомъ Министровъ. 28 января обсужденіе проекта о крестьянахъ началось въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, открытомъ

слѣдующею знаменательною рѣчью Государя, выяснившею всю необходимость и раціональность подготовленной реформы:

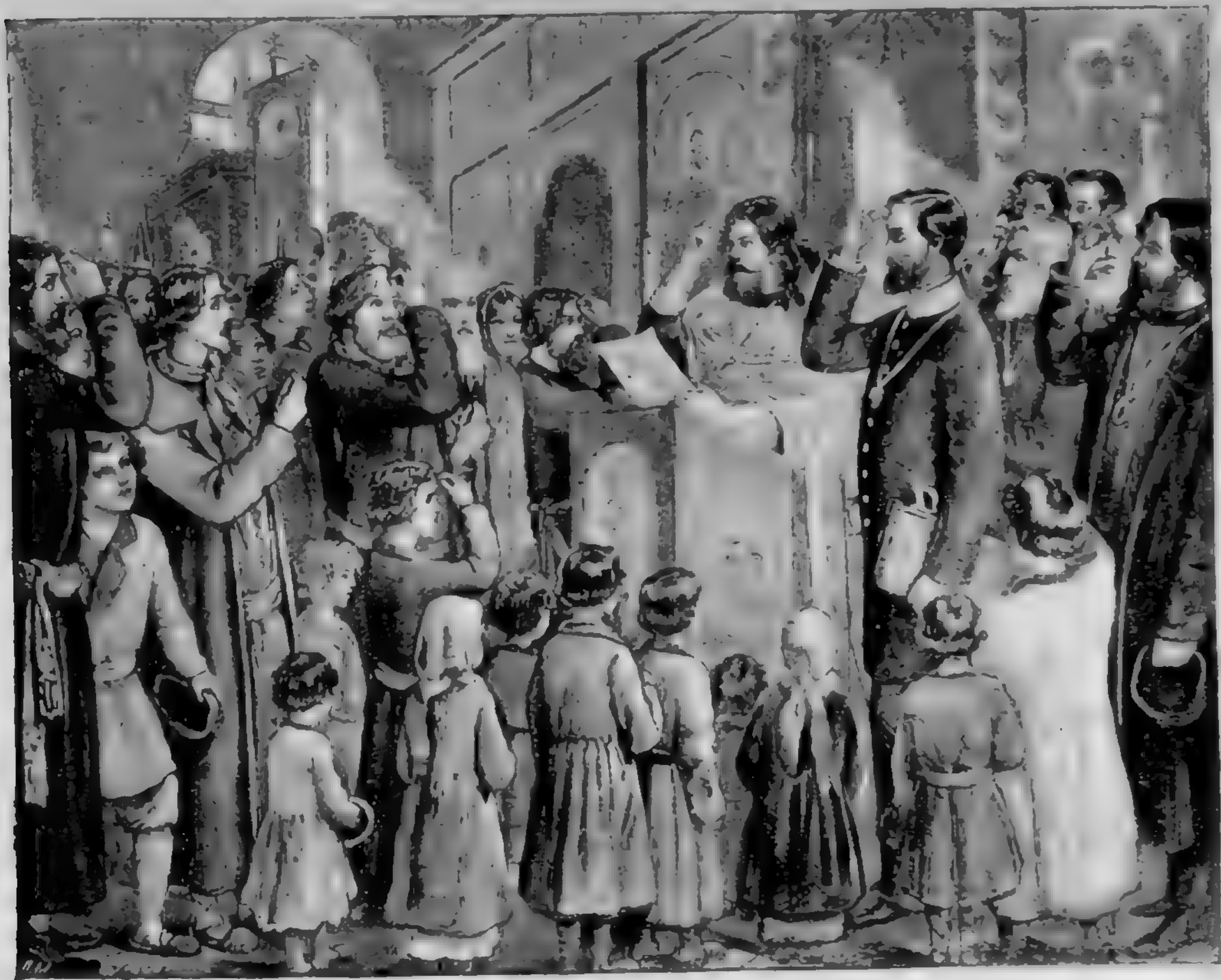
«Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, — и это моя непремѣнная воля, — чтобъ дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны, и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представленную работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Прежде, чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить

вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя прямая воля. Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти. Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, — законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ моемъ, въ 1842 году, — указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100.000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ-быть, и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20 ноября 1857 года, на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ ра-

ботъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній, и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ. Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его — графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ-быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный комитетъ. Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ комитета, а брата моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ. Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не

скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь съ Божіею помощью приступимъ къ самому дѣлу».

Эта рѣчь произвела на всѣхъ присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, когда Государственный Совѣтъ

Объявленіе „воли" въ деревнѣ.

приступилъ къ постатейному обсужденію проектовъ положеній о крестьянахъ, значительная часть членовъ Совѣта настояла на нѣкоторомъ уменьшеніи предѣльныхъ нормъ надѣла для многихъ уѣздовъ и на допущеніи, при условіи добровольнаго соглашенія, «Гагаринскаго», или нищенскаго надѣла въ одну десятину, безъ обложенія таковаго выкупными платежами.

Въ окончательномъ результатѣ выработанные проекты положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, свелись къ нижеслѣдующимъ главнымъ основаніямъ: Новый законъ, объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ лично свободными, признавалъ за помѣщиками право собственности

на усадебную осѣдлость и земельныя угодья, которыми крестьяне пользовались до освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ крестьянамъ право постояннаго пользованія усадьбой и отведенными надѣлами за установленные въ пользу помѣщиковъ повинности или платежи. Усадебную осѣдлость крестьяне имѣли право выкупать по цѣнѣ, опредѣленной закономъ; для выкупа же полевыхъ земель и другихъ угодій требовалось согласіе помѣщика [1]). Размѣръ крестьянскихъ надѣловъ оставался прежній, существовавшій до освобожденія, но въ отдѣльныхъ случаяхъ допускались какъ отрѣзки отъ крестьянскаго поземельнаго надѣла, превышающаго извѣстную норму, такъ и прирѣзки къ нему изъ помѣщичьей земли въ тѣхъ случаяхъ, когда существовавшіе надѣлы не достигали нормы. Съ этою цѣлью были установлены высшій и низшій предѣлы душевыхъ надѣловъ; отрѣзки отъ усадебной осѣдлости допускались въ исключительныхъ случаяхъ. Пользованіе крестьянъ усадебною и полевою землей было возмезднымъ за повинности или оброкъ, вслѣдствіе чего крестьяне, не выкупившіе свои надѣлы, назывались «временно-обязанными»; тѣ же крестьяне, которые пріобрѣтали свои надѣлы въ собственность, дѣлались «крестьянами-собственниками».

Для облегченія перехода изъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ правительство организовало выкупную операцію съ разсрочкой платежей для крестьянъ, выкупавшихъ землю, на 49 лѣтъ, но для совершенія выкупа требовалось прежде всего согласіе помѣщика. Кромѣ выкупа, новый законъ устанавливалъ другой способъ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; по добровольному соглашенію съ крестьянами помѣщикъ могъ подарить имъ безъ всякаго для себя за то вознагражденія часть ихъ надѣла съ усадьбой, въ размѣрѣ не менѣе $^{1}/_{4}$ высшаго или указного въ законѣ надѣла; этотъ надѣлъ носилъ названіе нищенскаго, сиротскаго [2]). Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ крестьяне могли, по соглашенію съ помѣщикомъ, отказаться отъ пользованія землей до $^{1}/_{3}$ высшаго или указного надѣла, а по прошествіи девяти лѣтъ—и отъ всей земли.

Опредѣленіе размѣра поземельнаго надѣла и отбываемыхъ за него повинностей предоставлялось добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами, а при отсутствіи соглашенія опредѣлялось закономъ для различныхъ мѣстностей различно. Поземельныя и повинностныя отношенія между помѣщиками и

[1]) Къ обязательному выкупу было приступлено позднѣе и въ порядкѣ постепенности, начиная съ 1863 года.

[2]) Несмотря на введеніе нищенскихъ надѣловъ, въ пользованіи крестьянъ осталось $^{4}/_{5}$ той земли, которая числилась за ними при крѣпостномъ правѣ

крестьянами должны были быть внесены въ уставныя грамоты, которыя обязательно было ввести во всѣхъ имѣніяхъ не позже двухъ лѣтъ со дня обнародованія закона, до введенія же

Александръ II съ Цесаревичемъ Николаемъ на Петровской площади принимаетъ хлѣбъ-соль отъ крестьянъ.

уставной грамоты всѣ повинности крестьянъ оставались на прежнемъ положеніи.

По вопросу о системѣ пользованія землей новый законъ допускалъ и общинный и подворно-участковый порядокъ, для чего, въ виду особенностей различныхъ губерній, составлены четыре «мѣстныхъ» положенія: а) великороссійское

б) малороссійское; в) для губерній: Кіевской, Подольской и Волынской и г) для губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовало общинное землепользованіе, установлена «круговая порука» въ исправномъ отбываніи повинностей; при подворно же участковомъ порядкѣ — личная отвѣтственность.

Въ административномъ отношеніи, по новому закону, крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, составляли сельское общество съ сельскимъ сходомъ во главѣ, нѣсколько смежныхъ обществъ образовали волость съ волостнымъ сходомъ во главѣ.

Въ качествѣ исполнительной и административно-полицейской власти находились: въ сельскомъ обществѣ — выборный сельскій староста, а въ волости — волостное правленіе, волостной старшина и — въ качествѣ судебной инстанціи — волостной судъ.

Для надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и для посредничества при установленіи поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками учреждались должности мировыхъ посредниковъ, назначавшихся губернаторами изъ мѣстныхъ дворянъ, а въ качествѣ второй инстанціи — уѣздные мировые съѣзды, составлявшіе, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства, надъ съѣздами же поставлены были губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Дворовые люди, съ обнародованіемъ новаго закона, пріобрѣтали всѣ права личныя, семейственныя и по имуществу, одинаковыя съ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, но участія въ пользованіи полевымъ надѣломъ не получали и, будучи лично свободными, въ теченіе двухъ лѣтъ оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, т.-е., или служили ему лично, или платили оброкъ. Во все продолженіе обязательной службы дворовыхъ людей владѣлецъ долженъ былъ предоставлять имъ полное содержаніе и платить за нихъ подати и повинности.

19 февраля 1861 года одобренные Государственнымъ Совѣтомъ проекты положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, были поднесены на Высочайшее утвержденіе и того же числа Государь подписалъ освободительный манифестъ, начинавшійся словами: «Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ: обнимать Нашею царскою любовію и попеченіемъ

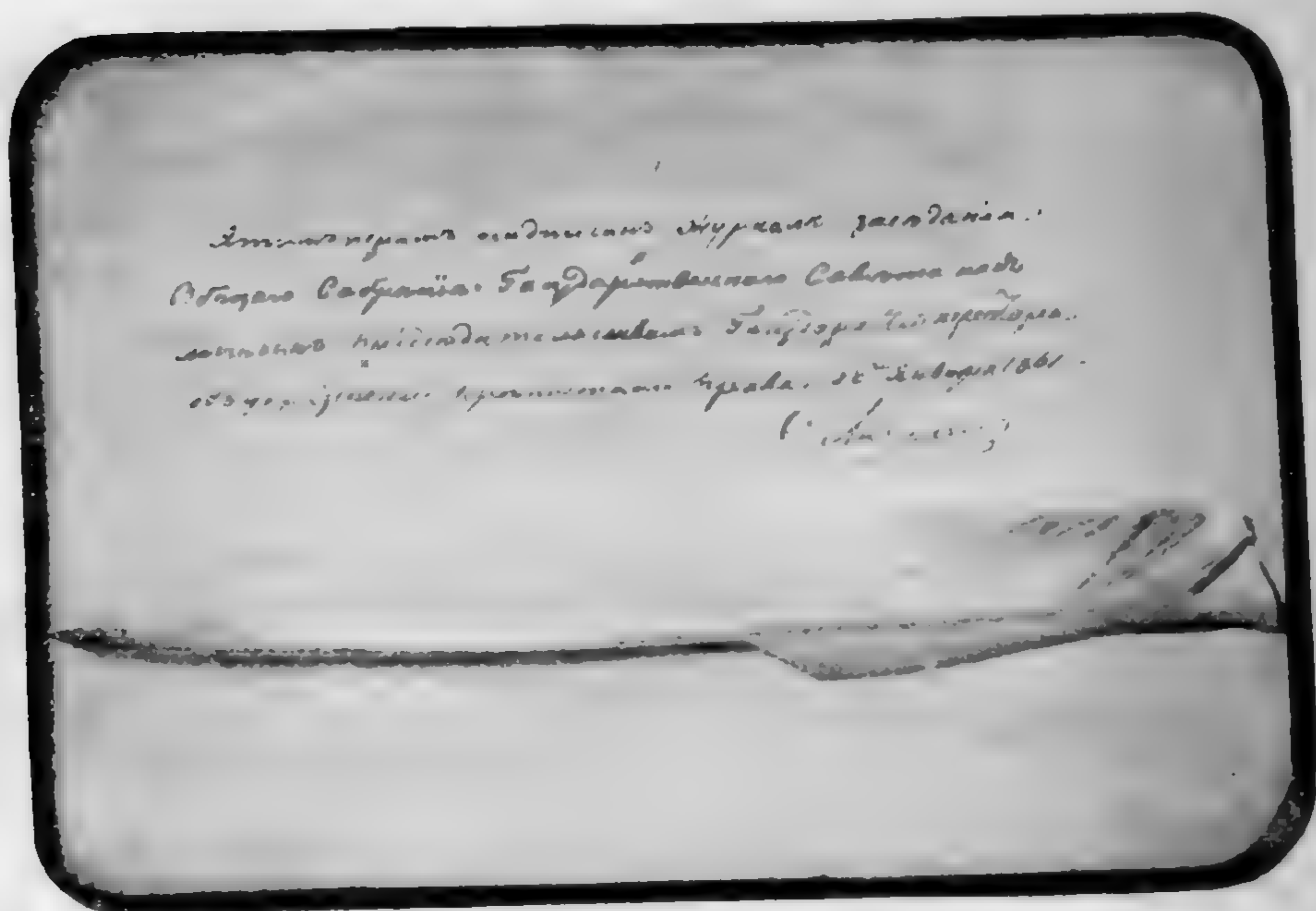
всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и положенія, отъ благородно-владѣющаго мечомъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго военную службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ». Далѣе манифестъ напоминалъ о несостоятельности законоположеній о крестьянахъ, укрѣпленныхъ за помѣщиками, излагалъ ходъ развитія крестьянскаго дѣла и труды по составленію положеній, перечислялъ главныя основанія преобразованія, выражалъ надежду на мирное проведеніе реформы въ жизнь и заканчивался словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ — залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

2 марта манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ объявленъ Сенату, а 5 числа того же мѣсяца, въ воскресенье на масленицѣ, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, въ церквахъ, послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ Государь самъ прочиталъ манифестъ, встрѣченный долго не смолкавшимъ «ура». Народъ встрѣтилъ вѣсть о своей свободѣ тихо, сосредоточенно, въ молитвенномъ настроеніи. Несмотря на «прощеное» воскресенье, не было нигдѣ ни пьянства ни буйства, и только свѣтлыя, праздничныя лица да горячія молитвы свидѣтельствовали о душевной радости, которую переживали вчерашніе рабы. Только въ рѣдкіе моменты, при видѣ Царя, народъ не удерживался и выражалъ свое ликованіе горячимъ, громогласнымъ «ура».

«Было два часа, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Щербачевъ, — на Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура». Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крики «ура» становились все громче и громче; наконецъ, когда Государь подъѣзжалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое «ура», отъ котораго, казалось, *земля затряслась*. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя. Я счастливъ, что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію».

Самъ Государь дѣлилъ съ народомъ чувства всеобщаго ликованія и восторга. «Сколько ясной радости, сколько душевнаго довольства, — передаетъ князь Мещерскій, — было ярко написано на лицѣ преемника Николая I въ этотъ день, когда свершилось то, чего не рѣшился сдѣлать, легко ска-

зать, кто — Николай I... Ни одна тучка не омрачала яснаго неба на лицѣ счастливаго дарованнымъ счастьемъ монарха. Я въ тотъ день, — помню какъ вчера, — видѣлъ лицъ, присутствовавшихъ при той трогательной сценѣ, когда на Сенатской площади толпа благодарнаго народа впервые поднесла хлѣбъ-соль своему Царю-Освободителю отъ освобожденныхъ имъ крестьянъ. Сіи свидѣтели говорили объ этой сценѣ со слезами умиленія и прибавляли, что, право, имъ казалось, что Государь и Наслѣдникъ его окружены были сіяніемъ, до того *свѣтлы* были и ихъ лица и лица народа. Въ тотъ же день,— какъ разсказывали тогда,—счастливый монархъ пошелъ навѣстить свою дочь, малолѣтнюю Великую Княжну Марію Александровну и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодня — *лучшій день его жизни*.

Историческое перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ 19 февраля 1861 г. (хранится въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ).

Земская и городская реформы.

Освобожденіе крестьянъ произвело цѣлый переворотъ въ гражданскихъ отношеніяхъ и потребовало коренной перестройки всего мѣстнаго управленія. Такая перестройка и была произведена слѣдовавшими за крестьянской реформой реформами земской, городской, судебной и другими.

Разсмотримъ сначала земскую реформу.

Земское начало есть исконное начало русской исторіи. Въ древнѣйшихъ актахъ русской государственной практики земское начало противополагается государственному — «земское и государево дѣло», «земщина» и «государь», «земщина и опричнина»; подъ первымъ разумѣется земля, населеніе, ея интересы, ея предъявители, подъ вторымъ — власть государственная (княжеская, царская), съ ея интересами и органами.

Практически то и другое начало осуществилось земскими властями — выборными земли и государственными, приказными властями, т.-е, которымъ приказано вѣдать какую-нибудь отрасль правленія княземъ, царемъ. Какъ земскіе, такъ и приказные органы власти существовали всегда совмѣстно, но въ одни періоды преобладала земская власть, въ другіе—приказная. Зависѣло это отъ положенія государственной власти.

Въ древнѣйшій періодъ, когда государство еще только складывалось и государственная власть была слаба, недостаточна, земское начало брало верхъ надъ приказнымъ. Когда же государство сложилось и власть окрѣпла—на первый планъ выступило приказное начало. Но совершенно земское начало никогда не исчезало ни въ идеѣ ни въ практикѣ.

Государственная власть пользовалась земскими силами для восполненія недостатка въ собственныхъ органахъ и для борьбы съ злоупотребленіемъ ихъ и контроля надъ ними.

При Петрѣ I государственная власть достигаетъ своихъ вершинъ, и земское начало падаетъ.

Екатерина II привлекаетъ снова земскія силы къ дѣятельному участію въ управленіи. Отсюда мы и должны вести новѣйшую исторію русскаго земства, какъ извѣстную форму участія населенія въ управленіи.

Въ это царствованіе участіе общества въ мѣстномъ управленіи по необходимости принимаетъ сословный характеръ. Въ уѣздѣ дворянство издавна пользовалось помѣстнымъ значеніемъ; оно было наиболѣе образованнымъ, за нимъ была вѣ-

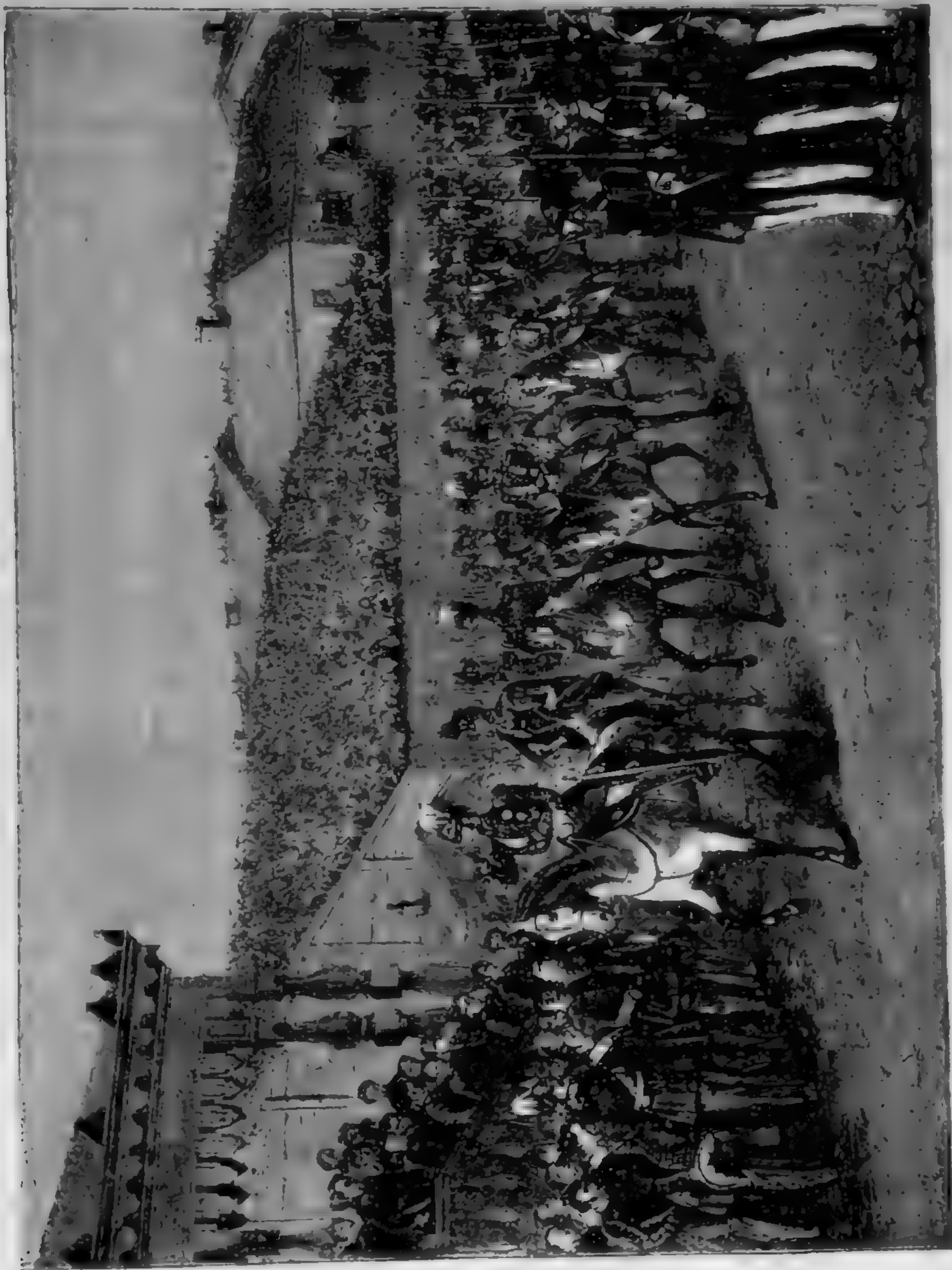
ковая служба, а другое сословіе уѣзда—крестьянское—было несвободнымъ. Въ городѣ же значеніе имѣло торговопромышленное сословіе — купечество. При участіи этихъ двухъ сословій и было организовано мѣстное управленіе Екатериной II: положеніе о губерніяхъ 1775 года и жалованныя грамоты 1785 года дворянству и городамъ.

Участіе обоихъ названныхъ сословій въ мѣстномъ управленіи имѣло или форму совмѣстной дѣятельности въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ съ правительственными чиновниками, или въ исключительной — въ сословныхъ учрежденіяхъ, или выборомъ изъ своей среды общеадминистративныхъ органовъ.

Итакъ, въ уѣздѣ заняло господствующее положеніе дворянство. Къ этому времени оно освободилось отъ обязательной военной службы, и Екатерина II, отчасти имѣя въ виду собственныя ходатайства дворянства о предоставленіи имъ участія въ мѣстномъ управленіи, укрѣпила жалованной грамотой ихъ сословныя права и привилегіи, давъ имъ сословную организацію и предоставивъ имъ широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Представители дворянства стали участвовать въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ (приказахъ общественнаго призрѣнія, сословныхъ судахъ); они выбирали изъ своей среды земскаго исправника и засѣдателей, составлявшихъ земскій судъ (полиція).

Первое время дворянство, освободившись отъ обязательной службы, съ восторгомъ отнеслось къ дарованнымъ правамъ, но затѣмъ охладѣло, и еще во время царствованія Екатерины II замѣчается равнодушіе помѣстнаго дворянства къ своимъ правамъ, какъ сословнымъ, такъ и по мѣстному управленію. Собранія дворянскія не посѣщаются, выборы предводителей затруднены, на дворянскія и другія мѣстныя должности идутъ люди мелкіе и недостойные, а болѣе крупные и вліятельные уклоняются. Такой упадокъ интереса среди дворянства къ выборной службѣ, къ участію въ мѣстномъ управленіи, продолжается и въ слѣдующія царствованія и заставляетъ правительство принимать мѣры. Павелъ I отмѣнилъ жалованную грамоту и систему выборовъ замѣнилъ назначеніемъ «для облегченія дворянъ». Александръ I возстановилъ жалованную грамоту и поставилъ на видъ дворянству выборную службу, какъ особую, наградой за которую служитъ «довѣріе и уваженіе общества». И, тѣмъ не менѣе, какъ сказано въ одномъ указѣ Александра I, «лучшее дворянство уклоняется отъ выборовъ... Земскій судъ и управа достанутся въ руки ненадежныя». Николай I идетъ еще дальше въ стремленіи развитія сословныхъ правъ дворянства. Въ новомъ положеніи о дворянскихъ собраніяхъ 1831 года право дворянства замѣщать

должности по выбору разсматривается, какъ средство для дворянства содѣйствовать «охраненію общественнаго благоустройства и отправленію правосудія». Однако, мѣры въ этомъ направленіи, развивавшія въ сущности здѣсь начала жалован-

Торжественный въѣздъ Императора Александра II въ Москву для коронованія въ 1856 г.

ной грамоты, оказались мало дѣйствительными. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1831 году докладывалъ, что должности выборныя замѣщаются дворянской мелкотой, и болѣе состоятельные уклоняются отъ выборной должности, «которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и отвѣтственности; они считаютъ ее унизительной». Послѣдними мѣрами для поднятія

мѣстнаго управленія при Николаѣ I было предоставленіе выборной дворянской службѣ правъ службы государственной. Но и это не помогло. По словамъ гр. Уварова, писавшаго свою записку о русской администраціи въ 1837 году, «нѣтъ ничего страннѣе того вида, какой представляетъ совокупность внутренней администраціи губерній въ Россіи». Болѣе опредѣленно на этотъ счетъ выразился министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій въ донесеніи Государю, говоря, что «чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко менѣе способны и надежны, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства, званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижено въ общественномъ мнѣніи».

Находившійся въ то время въ Россіи иностранецъ, баронъ Гадстгаузенъ, вынесъ отъ провинціальной жизни и мѣстнаго управленія то же впечатлѣніе, какъ и докладывающіе Государю министры.

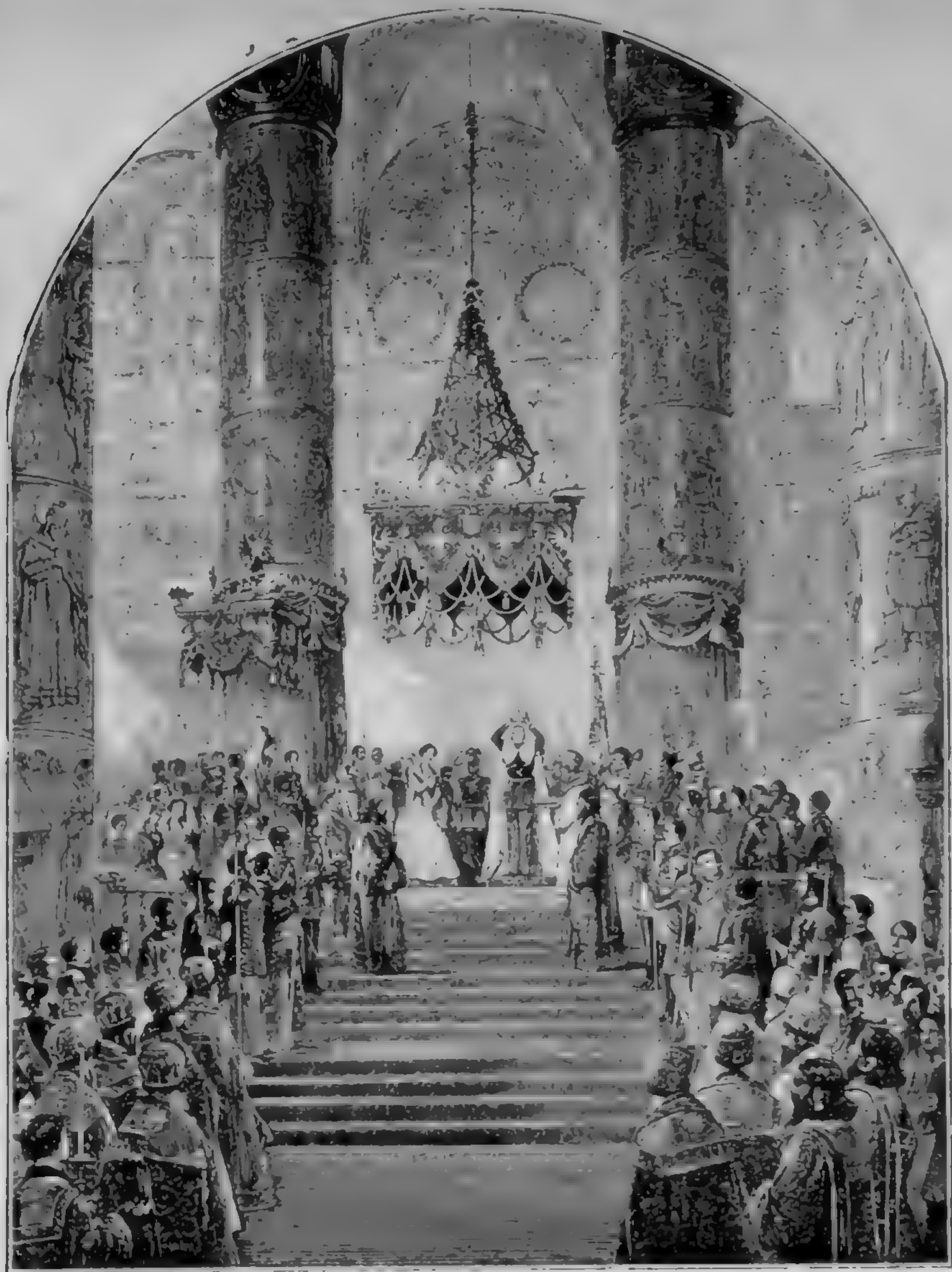
«Крупное дворянство не жило въ своихъ имѣніяхъ, наѣзжая туда лишь по временамъ, никакой живой связи съ мѣстнымъ обществомъ, его жизнью и интересами оно поэтому не имѣло; оно живетъ по городамъ, несетъ придворную или государственную службу; большая часть его не имѣетъ вовсе того, что называется въ Европѣ экономіей, деревенской осѣдлостью; большая часть ихъ, правда, имѣетъ деревенскія усадьбы, но живетъ въ нихъ недѣли, много мѣсяцы. Такой дворянинъ смотритъ на свое имѣніе не какъ на отеческій домъ; онъ не питаетъ по отношенію къ нему того, что можно назвать «любовью къ родинѣ». Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что губернское сословное управленіе въ Россіи носитъ такой печальный характеръ; нѣтъ ничего удивительнаго, что въ немъ принимаетъ такое ничтожное участіе образованное, экономически состоятельное дворянство, что выборы въ сословныя должности большею частію въ рукахъ необразованнаго дворянства».

Такимъ образомъ, русскіе наблюдатели (министры) и иностранецъ не только выносятъ одинаковое впечатлѣніе, но и согласно объясняютъ упадокъ мѣстнаго выборнаго управленія отливомъ лучшей части дворянства изъ деревень на государственную службу, интересомъ къ этой службѣ и захватомъ выборныхъ должностей худшею частью дворянства. Но мы знаемъ, что выборная служба была Николаемъ I уравнена съ государственной, и, однако, упадокъ продолжался. Стало-быть, дѣло не въ этомъ только.

Не надо забывать, что при всѣхъ широкихъ сословныхъ правахъ и участіи дворянства въ мѣстномъ управленіи положеніе его было зависимымъ отъ мѣстной коронной админи-

страціи и въ особенности отъ генералъ-губернатора, обставлявшаго себя «почти по-царски».

Несомнѣнно, такая зависимость должна была парализовать интересъ къ выборной службѣ и энергію при отправленіи ея.

Вѣнчаніе на царство.

Кромѣ того, время организаціи мѣстнаго управленія на сословномъ началѣ уже проходило — нужно было строить мѣстное управленіе на всесословномъ началѣ и началѣ губернскаго самоуправленія. Справедливость этихъ соображеній всего лучше доказываетъ введеніе земскаго самоуправленія Александромъ II.

То же дворянство (въ лучшей своей части), которое до сихъ поръ бѣжало изъ деревень, сторонилось выборной службы, съ введеніемъ земскихъ учрежденій и новыхъ судебныхъ учреждений выставило цѣлый рядъ общественныхъ дѣятелей — исполнителей реформъ. Оно поспѣшило заявить себя въ этомъ отношеніи даже раньше всеподданнѣйшими адресами о преобразованіи мѣстнаго управленія.

* * *

Хотя при Николаѣ I мѣстное управленіе въ сущности покоилось на началахъ жалованной грамоты дворянству 1785 года, тѣмъ не менѣе, оно сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ въ направленіи къ безсословному земству. Разумѣемъ учрежденіе Николаемъ I губернскихъ комитетовъ земскихъ повинностей и комитетовъ — продовольственныхъ, санитарныхъ, общественнаго призрѣнія. Этими учрежденіями, такъ сказать, намѣчался кругъ вѣдомства будущаго земства и проводилась мысль (объ общихъ нуждахъ извѣстнаго района) губерніи, уѣзда, независимо отъ сословныхъ различій.

Мысль о введеніи земскаго всесословнаго самоуправленія возникла одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ въ средѣ общественныхъ дѣятелей крестьянской реформы, такъ и правительства.

Наиболѣе полно, широко и опредѣленно было заявлено объ организаціи мѣстнаго управленія во всеподданнѣйшемъ адресѣ пяти тверскихъ депутатовъ съ Громовскимъ во главѣ.

Большинство депутатовъ стояло на реформѣ мѣстнаго управленія въ томъ же духѣ. Осуждая существующій строй мѣстнаго управленія, они говорятъ, что «все дѣло въ гласности; въ учрежденіи независимаго суда; въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ; въ строгомъ раздѣленіи властей и *въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи*».

Дворянство нѣкоторыхъ губерній (тверское, ярославское, владимирское) на собраніяхъ конца 1859 и начала 1860 года возбудило ходатайство о преобразованіи мѣстнаго управленія на тѣхъ же началахъ.

Такъ ярославское писало въ своемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ:

«Вѣруя Вашей великой любви, въ благоденствіе и счастіе Россіи и проникнутые чувствомъ безпредѣльной преданности къ престолу и отечеству, мы, какъ вѣрные Россіи подданные, осмѣливаемся чистосердечно повергнуть предъ Вашимъ Импе-

раторскимъ Величествомъ ходатайство наше о современной существенной потребности для насъ и всей любезной отчизны. Внимая Вашему слову, мы готовимся слѣдовать за Вами по великому пути правды и свѣта. Но, чтобы достигнуть этого Вами указаннаго пути, по нашему искреннему убѣжденію, необходимо осуществленіе трехъ началъ, о которыхъ мы осмѣливаемся всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество:

«1) Объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ».

Два другихъ начала касаются организаціи суда и водворенія гласности.

Владимірское дворянство въ своемъ адресѣ, обращаясь къ современному порядку, говоритъ:

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя притомъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности пещись и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ».

Въ виду этого «дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностью повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго исхода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благодѣтельныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо:

«Управленіе, *общее для всѣхъ сословій.*

«*Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій* и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избранія.

«Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона».

Объ этихъ измѣненіяхъ владимірское дворянство ходатайствуетъ «для всѣхъ сословій». Печать съ своей стороны указывала на необходимость преобразованія мѣстныхъ установленій также на началахъ самообразованія.

Въ то время, какъ общество было охвачено такой жаждой реформъ и громко заявляло о своихъ желаніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ той своей части, которая могла это сдѣлать, т.-е. черезъ дворянство, правительство рѣшило произвести реформу мѣстнаго управленія. Реформа, какъ сказано, во многомъ отвѣчала желаніямъ общества.

* * *

25 марта 1859 года состоялось Высочайшее повелѣніе — «при устройствѣ исполнительной и слѣдственной части, войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, при чемъ обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи».

Въ этихъ видахъ была образована комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, а затѣмъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Валуева въ составѣ представителей отъ всѣхъ министерствъ — отъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, отъ государственной канцеляріи и петербургскаго полицмейстера.

15 марта 1862 года составленный комиссіей проектъ о земскихъ учрежденіяхъ былъ разсмотрѣнъ въ Совѣтѣ министровъ — въ особомъ совѣщательномъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. 2 іюня 1862 года проектъ въ такомъ видѣ былъ одобренъ Государемъ. А въ маѣ слѣдующаго года былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ при участіи столичныхъ губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ и получилъ силу закона.

Въ теченіе 1865—1866 гг., согласно этому положенію, земскія учрежденія были введены въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи и въ области Войска Донского. Относительно же другихъ губерній было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ составить особое положеніе.

Земскія учрежденія по положенію 1864 года подраздѣляются на уѣздныя и губернскія. Тѣ и другія состоятъ изъ земскаго собранія, имѣющаго распорядительную и контролирующую власть, и земской управы — исполнительнаго органа. Земское собраніе составляется изъ выборныхъ населенія — уѣздныхъ гласныхъ, баллотироваться въ которые имѣютъ право всѣ обыватели уѣзда, удовлетворяющіе требованіямъ имущественнаго ценза (владѣніе недвижимымъ имуществомъ

стоимостью не менѣе 15.000 р.—въ уѣздѣ и отъ 500—3000 р. или купеческое свидѣтельство—въ городѣ) и нравственнаго (неопороченное) поведенія.

Губернское земское собраніе составляется изъ гласныхъ, выбираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Для выбора въ гласные избиратели дѣлятся на три разряда: землевладѣльцы, собственное городское населеніе и сельскія общества.

Первые избираются изъ всѣхъ имѣющихъ право баллотироваться землевладѣльцевъ, вторые, изъ горожанъ и третье

Валуевъ.

выборное собраніе составляется изъ выборныхъ сельскихъ сходовъ. Сельскія общества могутъ въ качествѣ земскихъ гласныхъ отъ себя выбирать и изъ первой группы, т.-е. землевладѣльцевъ. Лица, не имѣющія полнаго ценза, могутъ составлять складочный цензъ и сообразно съ этимъ выбираютъ отъ себя представителя. Кромѣ указанныхъ трехъ группъ, въ составъ земскихъ собраній входятъ представители отдѣльныхъ вѣдомствъ (удѣльнаго, государственныхъ имуществъ, Церкви).

Земскія управы состоятъ изъ предсѣдателя и членовъ управы. Предсѣдатели утверждаются въ своей должности:

уѣздный — губернаторомъ, губернскій — министромъ внутреннихъ дѣлъ. Для членовъ этого не требуется; правами государственной службы ни тѣ ни другіе не пользуются.

Исполнительные органы земскихъ собраній отвѣтственны передъ губернскимъ собраніемъ, которое правомочно налагать на нихъ наказанія, кромѣ, конечно, случаевъ, подлежащихъ вѣдѣнію общей администраціи и суда.

Мѣстной администраціи принадлежитъ надзоръ за земскими учрежденіями съ точки зрѣнія дѣйствій ихъ, согласно закону и нуждамъ мѣстнаго населенія. Руководствуясь этимъ, губернаторъ имѣетъ право протестовать и останавливать постановленія земскихъ собраній. Окончательное разрѣшеніе столкновеній администраціи и министра внутреннихъ дѣлъ съ земскими учрежденіями принадлежитъ Сенату.

Въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ компетенціи земскія учрежденія дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно и могутъ издавать обязательныя постановленія, которыя для мѣстнаго населенія имѣютъ силу закона.

Компетенція земства положеніемъ 1864 года опредѣляется въ такомъ видѣ: 1) завѣдываніе имуществомъ, капиталами и денежными сборами земства; 2) устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и другихъ сооруженій, а также путей сообщенія; 3) мѣра обезпеченія народнаго продовольствія; 4) благотворительныя заведенія и прочія мѣры призрѣнія; 5) взаимное земское страхованіе имуществъ; 6) попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; 7) участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ; 8) ветеринарно-агрономическія мѣры; 9) участіе въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ общегосударственныхъ нуждъ (почта, воинское дѣло и др.); 10) представленіе высшему правительству свѣдѣній, заключеній и ходатайствъ по предметамъ, относящимся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ и др.

Земскія собранія бываютъ очередныя — разъ въ годъ — и чрезвычайныя.

Цѣль земскихъ учрежденій въ объяснительной запискѣ къ положенію опредѣляется — «по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія».

Организуя земскія учрежденія на всесословномъ началѣ, правительство сдѣлало, однако, такъ сказать, уступку исторіи, давъ «перевѣсъ въ составѣ земскихъ собраній» дворянству, какъ «классу болѣе образованному и развитому» и «уже нѣсколько опытному въ гражданской жизни» [1]).

---

[1]) Въ 22 губерніяхъ, по свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гласные распредѣлялись по сословіямъ въ первое и второе трехлѣтіе такимъ образомъ:

Картина земства. Земская уѣздная управа.

Въ такомъ видѣ было преобразовано мѣстное управленіе согласно положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года.

* * *

Земская реформа была встрѣчена восторженно обществомъ, и призванное къ управленію населеніе принялось съ давно невиданнымъ рвеніемъ за устроеніе мѣстной жизни, удовлетвореніе назрѣвшихъ нуждъ.

«Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи»—писало во всеподданнѣйшемъ адресѣ московское дворянство 11 января 1865 года.

	1-ое трехлѣтіе.	
Дворянъ	4018	42,5%
Крестьянъ . . .	3629	38,5
Духовенства . .	91	1,0
Прочихъ	1672	18,0
	9410	100

	2-ое трехлѣтіе.	
Дворянъ	4192	44,9
Крестьянъ . . .	3494	37,4
Духовенства . .	49	0,5
Прочихъ	1603	17,2
	9338	100

Въ печати земская реформа была привѣтствована какъ вступленіе правительства на путь децентрализаціи, т.-е. предоставленіе самостоятельнаго положенія мѣстности, какъ основаніе въ Россіи самоуправленія.

«Мы со смѣлостью, безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра, выступили на поприще общественной жизни», «ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого широкаго участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому»—писалъ одинъ публицистъ (А. И. Васильчиковъ).

Послѣ, когда прошелъ пылъ первыхъ дней и съ земскими учрежденіями познакомились на практикѣ, восторженное отношеніе смѣнилось не только болѣе спокойнымъ, но даже равнодушнымъ.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ ихъ введенія одинъ изъ земскихъ дѣятелей (А. А. Головачевъ) уже писалъ, что «людей, которыми руководилъ бы не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они и являются, то въ видѣ исключеній и безъ большого вліянія».

Наступившее такъ скоро равнодушіе въ отношеніи къ земскимъ учрежденіямъ и уклоненіе лучшихъ людей объяснялось недостатками самого положенія 1864 года.

Эти недостатки состояли въ неточномъ разграниченіи сферъ земства и администраціи по нѣкоторымъ вопросамъ и выдѣленіи земскихъ учрежденій, какъ хозяйственно-распорядительныхъ, изъ состава другихъ учрежденій — государственныхъ. На это указала тогда же печать. Въ томъ же смыслѣ высказалась и извѣстная Кохановская комиссія 1881 года, образованная съ цѣлью преобразованія мѣстнаго управленія. Она находила необходимостью включить земскія учрежденія въ составъ государственныхъ учрежденій, какъ равноправные органы, вѣдающіе также государственное дѣло.

Несмотря на обнаружившіеся недостатки земскаго положенія и нѣкоторое равнодушіе со стороны общества, земскія учрежденія сослужили огромную службу русскому народу.

Лучшая оцѣнка ихъ лежитъ въ ихъ дѣятельности, продолжающейся до сихъ поръ. Мы видимъ въ настоящее время Россію покрытой школами, народными библіотеками, больницами, пріютами, улучшенными дорогами; мы видимъ, какъ успѣшно населеніе борется съ такими бѣдствіями, какъ голодъ, падежъ скота и т. п И всѣмъ этимъ почти всецѣло она обязана земскимъ учрежденіямъ [1]). Эта заслуга была отмѣчена и при преобразованіи учрежденій въ 1890 году.

---

[1]) Въ связи съ введеніемъ земскихъ учрежденій и освобожденіемъ крестьянъ были созданы новыя мѣстныя учреждені при участіи выборныхъ представителей населенія—присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, воинскія присутствія (съ введеніемъ всеобщей

* * *

Зачатки того строя городского управленія, который осуществило городское положеніе 1870 года, имѣются уже въ жалованной грамотѣ городамъ 1785 года.

«Она впервые вноситъ въ область закона представленіе о городскомъ населеніи, какъ *обществѣ*, во всей его совокупности, т.-е. въ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ классовъ населенія, безъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую, сословную организацію. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, это общество признается ею, какъ нѣчто такое, что имѣетъ свои особые интересы, «нужды и пользы», которые и вѣдать должны органы этого общества. Идея о такомъ «обществѣ» съ его интересами въ теченіе ста лѣтъ развѣ только замирала въ такія, напримѣръ, времена, какъ кратковременное царствованіе Императора Павла, но не умерла въ сознаніи законодателя, постепенно высказываясь и все болѣе и болѣе развиваясь въ разнаго рода законодательныхъ проектахъ и самомъ законѣ».

Екатерина II, даровавъ жалованныя грамоты городамъ (1785 г.), торгово-промышленному классу, одновременно съ дворянствомъ сословныя права, въ то же время хотѣла все городское населеніе устроить, какъ особый классъ, «средній родъ людей». Этотъ «средній родъ людей» (западно-европейское третье сословіе tiers etat) и составляетъ городское общество жалованной грамоты городамъ 1785 года.

«Городскими обывателями разумѣются всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны и потому городу носятъ службу или тягость (повинность)». Таково городское общество. Однако, для участія въ выборахъ и службѣ по выбору необходимъ имущественный цензъ (владѣніе домомъ или землей). Выборы происходятъ по разрядамъ (6), на которые подраздѣляются всѣ городскіе обыватели (посадскіе, цеховые, купцы и т. д.). Для завѣдыванія городскими дѣлами выбираются двѣ думы—общая городская дума (теперешняя дума) и шестигласная дума (теперешняя управа). Послѣдняя, во главѣ съ городскимъ головой, и вѣдаетъ всѣ текущія дѣла, первая же собирается только разъ въ три года. На эти органы городского управленія, согласно жалованной грамотѣ, возложено веденіе всего

воинской повинности), статистическіе комитеты и др. Прежнія уѣздныя и губернскія учрежденія подверглись тоже преобразованіямъ. Съ отмѣной откуповъ появились акцизныя управленія (1863 г.).

Въ 1865 году были учреждены контрольныя палаты. Словомъ, какъ мы замѣтили, мѣстное управленіе во всѣхъ своихъ частяхъ получило коренную перестройку.

городского хозяйства, не исключая и нѣкоторыхъ полицейскихъ обязанностей.

Но, предоставивъ выборнымъ городскимъ учрежденіямъ въ широкихъ размѣрахъ веденіе городского хозяйства, жалованная грамота не опредѣлила ясно отношеніе ихъ къ другимъ учрежденіямъ и къ мѣстной администраціи. Возникалъ вопросъ, какія именно дѣла должна вѣдать городская дума, насколько она зависитъ или не зависитъ отъ губернатора или губернскаго правленія. Практика разрѣшала эти вопросы такъ, что городское хозяйство въ концѣ-концовъ пришло въ полный упадокъ. Павелъ I замѣнилъ городскія думы административными комиссіями. Александръ I рѣшилъ «возобновить городское положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей силѣ ея и пространствѣ». Но въ то же время былъ сдѣланъ рядъ попытокъ измѣнить городское положеніе, по крайней мѣрѣ, столицъ, сообразно измѣнившимся условіямъ времени. Но попытки эти въ царствованіе Александра I ни къ чему практическому не привели. Въ началѣ слѣдующаго царствованія опять возникъ вопросъ о преобразованіи городского управленія, и былъ составленъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ проектъ и переданъ генералъ-губернаторамъ обѣихъ столицъ для разсмотрѣнія совмѣстно съ городскими головами и почетнѣйшими изъ гражданъ.

Проектъ строитъ городское управленіе на всесословномъ началѣ. Въ составъ городского общества входятъ всѣ сословія, въ томъ числѣ и дворянство (исключенное жалованной грамотой), и выборы происходятъ не посословно, а по частямъ города. Для завѣдыванія дѣлами выбираются депутаты, которые выбираютъ изъ своей среды градскую думу для веденія текущихъ дѣлъ. Однако, приглашенные къ разсмотрѣнію проекта предводитель дворянства, голова и почетнѣйшіе граждане высказались противъ всесословности городского управленія. «Доколѣ существуетъ законъ о раздѣленіи народа на разныя сословія съ разными правами и остаются въ своемъ видѣ прочія присутственныя мѣста, до тѣхъ поръ нѣтъ причинъ измѣнять составъ городского общества». «Градское правленіе издавна принадлежитъ гражданамъ», т.-е. купечеству.

Такъ заявилъ московскій городской голова. Петербургскій городской голова пошелъ еще дальше. Онъ усмотрѣлъ во включеніи дворянства въ составъ городского общества «явное подавленіе правъ купечества», которое можетъ привести къ «безпорядкамъ и замѣшательствамъ»; что при такомъ «небываломъ совокупленіи разнородныхъ и противоположныхъ сословій» дворяне возьмутъ верхъ, и получится «дворянское общество».

Дворяне тоже заявили, что ихъ дѣло «разсуждать о политикѣ», а не о коммерціи. Такъ проектъ и не получилъ силы закона. Это было въ началѣ царствованія Николая I (1828 г.). Въ 1837 и 1840 г. имѣли намѣреніе подвергнуть новому пересмотру проектъ 1828 года, но неудачно. Между тѣмъ, упадокъ городского хозяйства настоятельно требовалъ реформы городского управленія. Тогда въ 1842 году было образовано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ «временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства», которое составило проектъ новаго Городового Положенія, но только для Петербурга, получившій силу закона 13 февраля 1846 года.

Новое Городовое Положеніе, согласно мысли авторовъ, является возвращеніемъ къ началамъ жалованной грамоты.

Городское общество по этому положенію составляютъ — дворяне, потомственные и личные почетные граждане, разночинцы, купцы, мѣщане и ремесленники. Выборы происходятъ по сословіямъ (5), которыя въ общей совокупности выбираютъ не менѣе 600 гласныхъ, составляющихъ общую думу. Но общая дума распадается на 5 сословныхъ отдѣленій, собирающихся отдѣльно. Общая дума уже выбираетъ изъ своей среды думу распорядительную «для отправленія распорядительной части подъ вѣдѣніемъ общей думы и попечительствомъ правительства». Въ обѣихъ думахъ предсѣдательствуетъ городской голова — «начальникъ всего общественнаго управленія и главный уполномоченный отъ всего городского общества». Относительно круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію новаго городского управленія, сдѣлана простая ссылка на шестигласную думу. Зато отношеніе къ администраціи опредѣлено болѣе точно въ смыслѣ правительственнаго надзора и опеки.

На практикѣ новое управленіе оказалось чисто-сословнымъ и зависимымъ отъ администраціи. Дѣла рѣшались по сословнымъ отдѣленіямъ думы, и рѣшенія «старшихъ» отдѣленій (дворянъ и почетныхъ гражданъ) обыкновенно принимались безъ обсужденія «младшими». Это городовое положеніе въ Петербургѣ дожило до новаго царствованія Александра II и до введенія положенія 1870 года подверглось измѣненіямъ вмѣстѣ съ городовымъ положеніемъ Москвы и Одессы. Въ остальныхъ городахъ продолжали дѣйствовать жалованныя грамоты 1785 года.

Въ это время, какъ извѣстно, начиналась крестьянская реформа. Общее оживленіе отразилось и на жизни городовъ. Съ 1859 года города стали ходатайствовать передъ правительствомъ объ измѣненіи городового положенія. Любопытно, что одесскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ въ своемъ

ходатайствѣ отъ Одессы писалъ, что «административная дѣятельность начальства не можетъ безъ постояннаго участія всего общества и предоставленія ему первой инціативы въ дѣлахъ общественнаго управленія изыскивать прочные и наименѣе обременительные для народонаселенія способы къ улучшенію городского хозяйства».

Въ результатѣ этихъ ходатайствъ было введеніе новыхъ городовыхъ положеній въ Москвѣ въ 1862 году и въ Одессѣ въ 1863 году. Новыя положенія значительно отступили отъ положенія 1846 года въ сторону безсословности, расширенія круга избирателей, большей опредѣленности отношенія обѣихъ думъ между собой и къ администраціи, въ смыслѣ зависимости и опеки.

На эти положенія, однако, правительство, повидимому, смотрѣло какъ на временныя, ибо 20 марта 1862 года состоялось рѣшеніе «безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи».

Къ такому рѣшительному шагу правительство побуждало очевидный упадокъ городского хозяйства и не менѣе очевидная недѣйствительность всѣхъ административныхъ мѣръ борьбы съ нимъ.

Произведенныя въ 40-хъ и 60-хъ годахъ правительствомъ ревизіи городского управленія обнаружили удивительную картину.

Прежде всего онѣ обнаружили полное равнодушіе населенія къ предоставленнымъ имъ правамъ — въ избирательныя собранія являлась одна десятая, двадцатая и меньше избирателей; обывательскія книги не велись. Затѣмъ оказалось, что общія думы совершенно не существовали въ городахъ, въ Москвѣ, напримѣръ, съ 1828 года — члены думы «ежедневно внѣ присутствія», а въ нѣкоторыхъ городахъ не было и шестигласныхъ думъ, городскія дѣла вѣдала полиція. Тамъ же, гдѣ были шестигласныя думы, онѣ обращались въ канцеляріи для веденія приходо-расходныхъ книгъ. Про московскую шестигласную думу генералъ-губернаторъ Игнатьевъ доноситъ, что она «приняла видъ какой-то канцеляріи, безпрекословно исполнявшей всѣ предписанія и требованія начальства, нимало не заботясь о городскихъ интересахъ» (1860 г.).

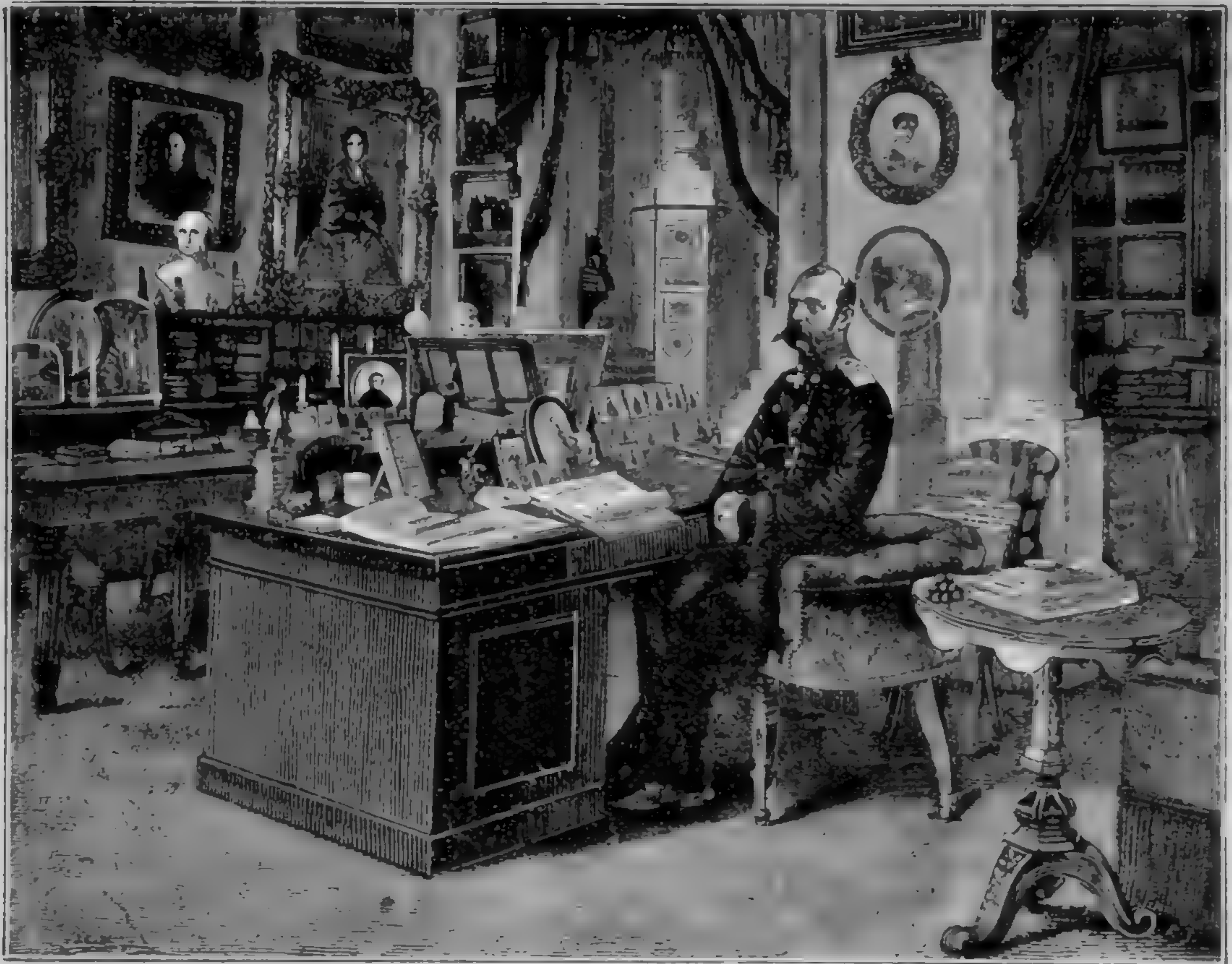
Но и канцелярія эта дѣйствовала плохо, смѣты составлялись изъ года въ годъ безъ измѣненія, сборы не сбиравшіеся попадали въ смѣту, а дѣйствительно сбиравшіеся — нѣтъ, отчетовъ не составлялось по нѣскольку лѣтъ, во многихъ думахъ совсѣмъ не велись приходо-расходныя книги. Члены думы, по словамъ ревизоровъ, «люди темные, безотвѣтные» все дѣлаетъ секретарь, иногда лѣнивый, пьяный, а чаще всего недобросовѣстный.

Понятно, такіе порядки отражались на благосостояніи городовъ.

Городскія имущества не приносили дохода, иногда дума даже не знала объ ихъ существованіи, городскіе капиталы расхищались.

Нужды и пользы городскія оставались въ небреженіи.

«Въ губернскихъ городахъ, напримѣръ, въ Астрахани, изъ общаго бюджета въ 116.000 р. собственно на «благоустрой-

Александръ II въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

ство» города расходовалось 28.000 р. Въ Ярославлѣ на «благотворительныя и богоугодныя заведенія», включая сюда больницы, въ 1846 году и слѣдующихъ отпускалось 2000 р. въ годъ; на дѣло «просвѣщенія» шла великая сумма въ *четыреста рублей!* Въ 1857 году общая сумма на то и другое возросла до 3840 р. Въ уѣздныхъ городахъ тѣ же потребности поглощали *сотни* рублей, не свыше однако *пяти-шести сотенъ!* На такія «нужды» какъ городское «освѣщеніе» въ губернскихъ городахъ расходовались *сотни* рублей, а въ уѣздныхъ, даже

такихъ, какъ Рыбинскѣ, — *десятки* (56 р.). «На содержаніе *мостовъ, каналовъ, бульваровъ*» и проч. въ городахъ Ярославской губерніи шло по «росписямъ» отъ *ста двадцати* до *четырехсотъ рублей*». А органы городского управленія иногда отнимали до 60% бюджета.

Изъ этихъ цифръ можно судить, въ какомъ положеніи находилось въ городахъ школьное дѣло, больничное и вообще городское благоустройство.

Такимъ образомъ, съ городскимъ управленіемъ произошло то же, что и съ уѣзднымъ. Одинаковыя причины привели къ одинаковымъ слѣдствіямъ.

Какія мѣры правительство ни принимало къ подъему городского управленія, всѣ онѣ оказывались тщетными. Надо было начинать съ другого конца. Съ какого именно конца, на это вполнѣ опредѣленно указалъ минскій губернаторъ, доносившій въ 60-хъ годахъ, что «слишкомъ заботливая опека правительства, столь тягостная для него самого (какъ плодящая массу переписки) и вредная для гражданственности на разумныхъ началахъ, должна прекратиться».

На этотъ путь правительство теперь и вступило.

* * *

Задумавъ реформу городского управленія, правительство рѣшило обратиться къ средству, уже испытанному въ крестьянской реформѣ, т.-е. содѣйствію общества. Съ этою цѣлью, подобно крестьянскимъ губернскимъ комитетамъ, предписано было губернаторамъ учреждать въ городахъ «особыя комиссіи изъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ лицъ—депутатовъ отъ всѣхъ сословій города, владѣющихъ въ немъ недвижимой собственностью», для полученія отъ нихъ свѣдѣній о мѣстныхъ особенностяхъ и привлеченія такимъ путемъ городское общество «къ болѣе заботливому участію въ собственныхъ дѣлахъ своихъ... къ попеченію о собственныхъ интересахъ и нуждахъ».

Отвѣты свои дать правительство просило комиссію «возможно обстоятельнѣе и обдуманнѣе», чтобы «равнодушіе и небрежность» не отразились «на самомъ же обществѣ неблагопріятными послѣдствіями».

Комиссіи (509), дѣйствительно, дали отвѣтъ, вполнѣ обстоятельный и обдуманный.

Правительство дало комиссіямъ руководящія начала, которыя, однако, не помѣшали комиссіямъ взглянуть на дѣло шире.

Комиссіи должны были подать свои мнѣнія относительно состава городского общества, состава городскихъ избирателей (кто имѣетъ право участія въ выборахъ и быть выбранными), круга дѣлъ городскихъ учрежденій и отношенія ихъ между собой и администраціей и др.

По первому вопросу большинство комиссій высказалось за включеніе въ городское общество всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и дворянства и духовенства. Нѣкоторыя комиссіи находили необходимымъ «принимать въ свою среду лицъ, оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствомъ, ремесломъ», даже «если они вовсе никакой собственностью недвижимой не владѣютъ» (Архангельскъ). Другія предлагали включить въ городское общество «кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», такъ какъ они могутъ «образованіемъ и опытностью» принести большую пользу (Тверь и Черниговъ). «Умъ и знаніе — такой же капиталъ, а часто и важнѣе его».

Нашлись, впрочемъ, комиссіи, которыя были противъ введенія въ составъ городского общества дворянъ и разночинцевъ, какъ мало привязанныхъ къ городу. Эти комиссіи стояли и за сохраненіе сословныхъ подраздѣленій.

Тогда какъ комиссіи, предлагавшія на ряду съ имуществомъ умственный цензъ, высказались за сліяніе сословій: «городскіе обыватели должны слиться въ одно нераздѣльное общество, девизомъ котораго пусть будетъ одно желаніе — благо, развитіе и преуспѣяніе во всѣхъ отношеніяхъ».

Относительно права избранія — избирать и быть избираемымъ — многія комиссіи высказались за расширеніе такого права независимо отъ имущественнаго ценза.

«Есть люди, которые вовсе не получаютъ дохода съ своего имущества и живутъ единственно своими трудами, но къ своимъ нравственнымъ качествамъ и исправному платежу податей и повинностей болѣе другихъ достойны участвовать въ выборахъ». Тѣ же комиссіи, которыя стоятъ за имущественный цензъ, сводятъ его къ незначительнымъ размѣрамъ дохода отъ 15—5 руб. или просто введенію «самостоятельнаго хозяйства», независимо отъ размѣровъ.

Наконецъ, нѣкоторыя комиссіи высказали мысль о складочномъ цензѣ, подобно земскому, т.-е. чтобы малоимущіе соединялись вмѣстѣ и выбирали представителя.

Такъ смотрѣли комиссіи на право избирать; относительно права быть избранными многія опять выдвигаютъ на первый планъ нравственныя качества — общественное довѣріе, извѣстность, наконецъ, образованіе. Нѣкоторыя нашли нужнымъ,

напримѣръ, для городского головы требовать окончанія курса въ уѣздномъ училищѣ или хотя бы грамотности.

Для того, чтобы какъ можно болѣе расширить кругъ лицъ, избираемыхъ въ городское управленіе и воспользоваться всѣми наличными общественными силами, многія комиссіи высказались противъ ограниченія правъ раскольниковъ и евреевъ.

По вопросу объ отношеніи органовъ городского самоуправленія къ администраціи комиссіи высказались за совершенное устраненіе опеки и предоставленіе имъ полной самостоятельности. Особенно ревниво оберегаютъ комиссіи городского голову, для увольненія котораго онѣ предлагаютъ согласія министра внутреннихъ дѣлъ и «истребованія мнѣній общей думы».

По частнымъ вопросамъ любопытно, что комиссіи предлагали разграничить сферу думы и управы и для думы выбирать особаго предсѣдателя; затѣмъ онѣ высказали мысль о городской полиціи.

* * *

Мнѣнія комиссій были обработаны въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и на основаніи ихъ былъ составленъ проектъ Городового Положенія.

Проектъ поступилъ во II отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, откуда, по просмотрѣ главноуправляющимъ, переданъ въ совѣтъ министровъ, а затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. Государственный Совѣтъ нашелъ необходимымъ отобрать мнѣнія городскихъ головъ и въ специальной комиссіи разсмотрѣть проектъ. Въ январѣ 1870 года такая комиссія составилась подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго Собственной Е. И. В. канцеляріею и при участіи городскихъ головъ и гласныхъ—членовъ-экспертовъ (10 человѣкъ): Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова, Динабурга, Ельца, Череповца и Вознесенскаго посада, по указанію губернаторовъ.

Выработанный въ этой комиссіи проектъ 31 марта 1870 года поступилъ въ Государственный Совѣтъ сначала на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ соединенныхъ департаментовъ, а затѣмъ въ общемъ присутствіи, и 16 іюня получилъ силу закона.

Такимъ образомъ, новое Городовое Положеніе вырабатывали въ теченіе 8 лѣтъ—съ 1862 года, когда правительство рѣшило «безотлагательно» заняться этимъ вопросомъ. Такой продолжительный срокъ не могъ, конечно, не отразиться на самомъ Городовомъ Положеніи—оно вышло въ концѣ-концовъ не такимъ, какимъ было задумано въ самомъ началѣ.

Въ теченіе этихъ 8 лѣтъ было выработано въ сущности три проекта, которые измѣнялись и перерабатывались, наконецъ приняли видъ Городового Положенія 1870 года.

Мнѣнія комиссій были приняты въ соображеніе; по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ были горячія пренія. Но все-таки такія существенныя заявленія комиссіи, какъ введеніе образовательнаго ценза, отдѣленіе предсѣдательства въ думѣ и полная самостоятельность органовъ городского управленія, не вошли въ законъ. И надо сказать, что комиссіи не нашли при обсужденіи этихъ вопросовъ поддержки даже въ членахъ-экспертахъ.

По положенію 1870 года органами городского управленія являются городскія думы и городскія управы. Дума состоитъ изъ гласныхъ, выбираемыхъ черезъ каждые четыре года; городская управа состоитъ изъ городского головы и членовъ управы, выбираемыхъ гласными изъ своей среды и утверждаемыхъ административной властью. Для участія въ выборахъ въ гласные требуется, кромѣ общихъ условій, имущественный цензъ — владѣніе, торговыя, даже приказчичьи, свидѣтельства I разряда. Выборы происходятъ по тремъ разрядамъ, на которые дѣлятся имѣющіе право участія въ выборахъ. Къ первому разряду относятся плательщики сборовъ высшаго размѣра, въ общей совокупности равняющихся одной трети городскихъ сборовъ; ко второму—плательщики слѣдующей трети сборовъ и, наконецъ, къ третьему—послѣдней трети сборовъ. Такимъ образомъ, первый разрядъ, по численности меньшій, избираетъ число гласныхъ такое же, какъ и два другіе разряда, по численности большіе.

Управа является исполнительнымъ (по преимуществу) органомъ; дума—распорядительнымъ.

Компетенція городского управленія въ общемъ та же, что и земскихъ учрежденій; дѣла, касающіяся городского хозяйства, внѣшняго благоустройства и благосостоянія городского населенія (народное образованіе), народное здравіе, общественное призрѣніе, завѣдываніе городскими имуществами и сборами, представленіе высшему правительству ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

Въ этихъ предѣлахъ городское управленіе самостоятельно и можетъ издавать обязательныя постановленія для жителей города, по соглашенію, однако, съ мѣстной администраціей.

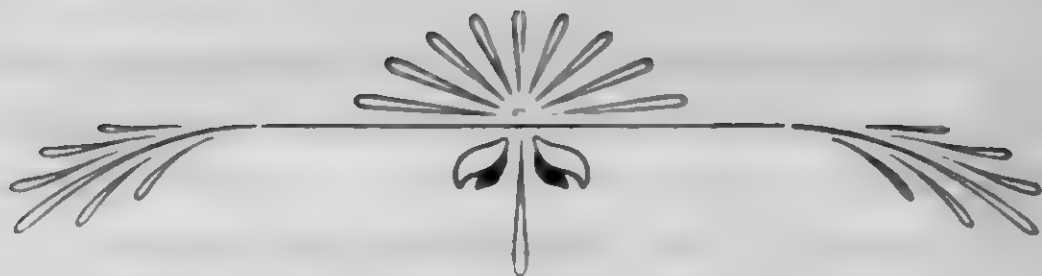
Административной власти въ лицѣ губернатора и присутствія по городскимъ дѣламъ предоставленъ надзоръ за дѣйствіемъ городского управленія съ точки зрѣнія законности и мѣстныхъ интересовъ. Въ виду этого губернатору предоста-

вляются копіи съ думскихъ постановленій; нѣкоторыя постановленія требуютъ утвержденія губернатора или министра.

Недоразумѣнія между городскими учрежденіями и другими разрѣшаются городскимъ присутствіемъ [1]) и Сенатомъ. Черезъ эту же инстанцію проходитъ и преданіе суду должностныхъ лицъ городского управленія, постановляемое думой.

Городская управа дѣйствуетъ все время. Дума созывается по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію городского головы, заявленію гласныхъ, по требованію губернатора [2]).

Введеніе новаго Городового Положенія, такъ долго ожидаемое обществомъ, встрѣчено было полнымъ сочувствіемъ и съ надеждами на оживленіе, благодаря ему, городской жизни.

[1]) Присутствіе это состоитъ изъ губернатора (предсѣдателя), вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора, предсѣдателя мирового суда, губернской управы и городского головы.

[2]) Какъ раньше земскіе, такъ теперь и городскіе представители вошли въ составъ тѣхъ же коллегіальныхъ учрежденій.

Польскій мятежъ 1863 г. Покореніе Кавказа.

За нѣсколько дней до подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ было получено Императоромъ извѣстіе о волненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Александръ II, вскорѣ же послѣ вступленія на престолъ, выяснилъ полякамъ свое отношеніе къ польскому вопросу.

Принимая въ Варшавѣ 11 мая 1856 года польскую депутацію, онъ сказалъ:

«Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, такъ же, какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ, но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія. Тѣхъ, кто захотѣлъ бы оставаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступать изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло...»

«Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло — облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтанія!»

Но поляки не оставили мечтаній и этимъ объясняется возникновеніе мятежа.

Въ приведенной рѣчи Императора чувства гуманнаго и доброжелательнаго отношенія къ Польшѣ, такъ сказать, чередуются со строгостью и непреклонностью воли относительно того, что названо въ рѣчи «мечтаніями». Но эти оба чувства всегда боролись въ любвеобильной, мягкой душѣ Александра II, и часто гуманность брала верхъ надъ строгостью и непреклонностью воли. Такъ было и въ польскомъ вопросѣ. Заявляя о своей непреклонности въ подавленіи «мечтаній» объ отдѣленіи Польши, Александръ II, какъ увидимъ сейчасъ, подъ влія-

ніемъ своей мягкой, гуманной натуры, дѣлалъ уступки этимъ мечтаніямъ, соглашался на мѣры, скорѣе затруднявшія, чѣмъ облегчавшія сліяніе Польши съ Россіей. И только, когда истощился въ миролюбивыхъ и гуманныхъ мѣрахъ, рѣшился подавить «мечтанія», разгорѣвшіяся въ мятежъ, силою оружія.

Терпѣливое и мягкое отношеніе къ полякамъ отличало и тогдашняго намѣстника Польши, престарѣлаго севастопольскаго ветерана кн. М. Д. Горчакова, постоянно ходатайствовавшаго передъ Государемъ за поляковъ. Благодаря этому, положеніе Польши было несравненно лучше, чѣмъ въ предшествующее царствованіе, и обѣщало еще болѣе улучшиться.

Но поляки не довольствовались этимъ, они хотѣли большаго, они не оставили «мечтаній» — полнаго отдѣленія Царства Польскаго отъ Россіи. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ высказывались обѣ политическія партіи поляковъ — «красные» (радикалы) и «бѣлые» (консерваторы). Обѣ партіи въ сущности стремились къ одной цѣли, но послѣдняя была болѣе умѣренною. Одинъ изъ представителей ея, оберъ-прокуроръ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ Сената, Энохъ, даже предлагалъ, въ виду своей умѣренности, намѣстнику опереться на «бѣлую» партію для умиротворенія Польши и провести нѣкоторыя реформы.

Энохъ предлагалъ возобновленіе Наполеонова кодекса 1807 года, преобразованіе департаментовъ Сената въ Государственный Совѣтъ, открытіе высшихъ учебныхъ заведеній съ подчиненіемъ ихъ особой комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предоставляющаго полякамъ-католикамъ учрежденіе выборныхъ городскихъ совѣтовъ, и, наконецъ, центральнаго выборнаго учрежденія.

Предложеніе Эноха, кстати сказать, было сдѣлано намѣстнику, когда уже началось въ Царствѣ Польскомъ броженіе.

* * *

Волненія начались еще лѣтомъ 1860 года въ видѣ враждебныхъ русскому правительству манифестацій и процессій, организованныхъ революціонными партіями.

«Въ процессіяхъ, выходившихъ изъ костеловъ, принимали участіе лица всякаго званія и въ большомъ числѣ воспитанники учебныхъ заведеній, женщины и дѣти. Они проходили по городу, неся польскіе національные значки и эмблемы, распѣвая полурелигіозные, полуполитическіе гимны, осыпая ругательствами и насмѣшками встрѣчавшіяся имъ по пути русскую полицію и войска».

Мѣры, принимавшіяся администраціей противъ демонстрантовъ, отличались на первыхъ порахъ слабостью и нерѣшительностью и придавали имъ еще большую смѣлость и дерзость. Во время пребыванія Императора въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ, въ день народнаго спектакля императорская ложа была облита купоросомъ, а уличные мальчишки отрѣзали шлейфы у дамъ, ѣхавшихъ на балъ къ намѣстнику. На улицахъ и площадяхъ раздавались листки.

Въ виду такого положенія дѣлъ Императоръ приказалъ Горчакову доносить ему по телеграфу возможно чаще о состояніи края и принимать строгія мѣры. Въ подкрѣпленіе варшавскому гарнизону были присланы войска изъ Петербурга. Но нерѣшительный и мягкій Горчаковъ не способенъ былъ успокоить волненіе; вмѣсто рѣшительныхъ мѣръ онъ шелъ на уступки, иногда даже вопреки волѣ Государя. Тогда Александръ II для успокоенія умовъ издалъ на имя намѣстника рескриптъ съ приказомъ опубликовать его во всеобщее свѣдѣніе.

Въ рескриптѣ говорилось:

«Всѣ заботы Мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ Моей имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ Моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благоденствіе. Я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ... Неизмѣнны пребудутъ во Мнѣ таковыя желанія и намѣренія... Я исполню свои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка...»

Одновременно съ рескриптомъ Императоръ извѣщалъ намѣстника о томъ, что уже разрабатывается проектъ преобразованій для Царства Польскаго. Вскорѣ же за этимъ былъ обнародованъ и высочайшій указъ о самыхъ преобразованіяхъ.

Согласно указу возстановлялся Государственный Совѣтъ, учреждалась комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и въ губерніяхъ, уѣздахъ и по городамъ выборные совѣты. Такимъ образомъ въ преобразованіе вошли нѣкоторыя предложенія Эноха.

Надежда на эти два акта верховной власти, однако, не оправдалась. Волненія продолжались, даже скорѣе возрастали, чѣмъ уменьшались. Пришлось даже объявить военное положеніе.

Въ этотъ моментъ выдвигается личность, игравшая и послѣ видную роль въ исторіи Польши, маркизъ Велепольскій. Благодаря слабости намѣстника, Велепольскій захватилъ въ

свои руки почти все гражданское управленіе края и сталъ ходатайствовать передъ Государемъ о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи.

Смерть Горчакова остановила дѣятельность маркиза Велепольскаго, такъ какъ назначенный на его мѣсто для временнаго исправленія должности намѣстника военный министръ Сухозанетъ занялъ иное положеніе относительно поляковъ

Генералъ-адъютантъ гр. Лидерсъ.

Онъ тотчасъ же по пріѣздѣ принялъ рядъ чрезвычайныхъ мѣръ — аресты, высылка изъ Польши практиковались имъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ результатѣ получилось нѣкоторое успокоеніе волненія.

Но Сухозанетъ, какъ мы сказали, назначенъ былъ временно до назначенія новаго намѣстника. Въ августѣ 1861 г. былъ назначенъ намѣстникомъ гр. К. К. Ламбертъ.

При назначеніи новаго намѣстника опять послѣдовало со стороны Александра II обращеніе къ благоразумію поляковъ.

Въ высочайшемъ рескриптѣ по этому поводу выражалась надежда, что болѣе благоразумная и просвѣщенная часть польскаго общества предпочтетъ законныя формы проявленія своихъ желаній и нуждъ открытому возмущенію и, что Государь, если волненіе уляжется, «съ радостью готовъ предать прошедшее забвенію и на довѣріе къ себѣ и любовь польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же».

Военный министръ Н. О. Сухозанетъ.

Надежды на успокоеніе волненія и на этотъ разъ оказались тщетными. Волненія продолжались, распространяясь далеко за предѣлы Варшавы. Женщины облеклись въ трауръ, по улицамъ проходили толпы народа съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. Словомъ, положеніе становилось очень похожимъ на то, что было при Горчаковѣ. Новый намѣстникъ, подобно своему предшественнику, оказался человѣкомъ слабымъ и нерѣшительнымъ. На телеграммы Ламберта Государь требовалъ рѣшительныхъ мѣръ вплоть до объявленія военнаго положенія во всемъ Царствѣ Польскомъ. Ламбертъ же

все колебался. Наконецъ, весь край былъ объявленъ на военномъ положенiи.

«Дай Богъ, чтобы объявленiе всего Царства Польскаго на военномъ положенiи, — писалъ Александръ II Ламберту, — произвело тотъ результатъ, который я давно ожидаю».

Первый день по объявленiи военнаго положенiя прошелъ дѣйствительно спокойно, но затѣмъ безпорядки опять возобновились. И графъ Ламбертъ, чувствуя себя безсильнымъ бороться съ охватившимъ край волненiемъ, подалъ въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ.

До прiѣзда Лидерса въ Варшаву опять прiѣхалъ на время Сухозанетъ, которому удалось возстановить нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, внѣшнее спокойствiе. Въ это же время былъ вызванъ въ Петербургъ маркизъ Велепольскiй.

Въ такомъ положенiи дѣло оставалось въ продолженiе всей зимы и весны 1862 года.

«Варшава приняла Лидерса печальнѣе, нежели Ламберта: костелы были закрыты, не раздавалось привѣтнаго звона колоколовъ, управляющаго всею дневною жизнью истиннаго католика; улицы были пусты; ихъ не оживляли толпы богомолокъ, спѣшившихъ съ молитвенниками въ костелы или изъ костеловъ; только угрюмыя мужскiя фигуры, въ черномъ, сновали тамъ и сямъ, какъ бы для того, чтобы придать городу еще болѣе сумрачный видъ».

Съ прiѣздомъ Лидерса мѣры строгости увеличились. Осадное положенiе было возстановлено во всей строгости. Воспрещено было ношенiе даже палокъ, — останавливаться на улицахъ болѣе трехъ человѣкъ; послѣ полуночи движенiе прекращалось. По вечерамъ каждый ходилъ съ фонаремъ. Войска стояли лагеремъ на улицахъ и площадяхъ Варшавы. Днемъ и ночью ходили патрульные.

Возстановивъ спокойствiе (по крайней мѣрѣ, наружное), Лидерсъ мало-по-малу постарался ввести варшавскую жизнь въ обычную колею. Открывались театры, увеселительные сады, собранiя, стали открываться и костелы.

Будущее, однако, показало, что эта «обычная колея» была очень недолговѣчна — за ней скрывалась не прекращавшаяся дѣятельность революцiонныхъ кружковъ.

Надо замѣтить, что Государь и въ это время не отказывалъ въ снисхожденiяхъ: смягчалъ наказанiя, опредѣленныя намѣстникомъ. А въ годовщину восшествiя на престолъ и день своего рожденiя объявилъ даже помилованiе большему числу политическихъ преступниковъ изъ поляковъ.

Въ то же время по мѣрѣ успокоенiя вводились объявленныя преобразованiя въ Царствѣ Польскомъ.

Маркизъ Велепольскій встрѣтилъ въ Петербургѣ любезный пріемъ со стороны Государя и высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Елены Павловны, и даже поддержку своимъ планамъ.

Въ послѣднемъ онъ настолько успѣлъ, что рѣшено было назначить Велепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія, а намѣстникомъ — Великаго Князя Константина Николаевича.

27 мая 1862 года состоялись оба назначенія.

На эти назначенія возлагались большія надежды, въ смыслѣ умиротворенія края, но надежды эти не оправдались.

На другой же день по пріѣздѣ Великаго Князя въ Варшаву на него было совершено покушеніе, стоившее ему, по счастью, легкой раны, а передъ этимъ было покушеніе на генерала Лидерса.

Несмотря на такой пріемъ, Великій Князь началъ свое правленіе съ заявленія желанія быть полезнымъ Польшѣ. На пріемѣ пришедшихъ его поздравить со спасеніемъ чиновниковъ и почетныхъ лицъ онъ сказалъ:

— Разсчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить мою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что только въ моихъ силахъ.

То же желаніе выразилъ Великій Князь и въ воззваніи къ полякамъ.

«Поляки, ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣрился вамъ. Да одушевляетъ насъ единое чувство. Будемъ трудиться сообща, и въ мирѣ для счастья Польши, моля Бога, чтобы Онъ благословилъ наши усилія».

Отвѣтомъ на это воззваніе былъ адресъ, подписанный болѣе чѣмъ 300 лицами, требовавшій возвращенія Польшѣ старинныхъ правъ и вольностей.

Такимъ образомъ, поляки оставались при своихъ требованіяхъ, и броженіе во всѣхъ слояхъ населенія продолжалось, несмотря на всѣ мѣры, какъ строгости такъ и милости.

Маркизъ Велепольскій, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ, энергично принялся за осуществленіе своего плана—обособленія Царства Польскаго, и провелъ цѣлый рядъ мѣръ въ гражданскомъ управленіи края, клонящихся къ этой цѣли.

Но возбужденное настроеніе поляковъ, не поддававшееся никакимъ мѣрамъ, въ концѣ концовъ разрѣшилось вооружен-

нымъ мятежомъ, охватившимъ, кромѣ собственно Царства Польскаго, Юго-Западный и Сѣверо-Западный края—въ самомъ началѣ 1863 года.

* * *

Поводомъ къ вооруженному возстанію былъ избранъ рекрутскій наборъ, произведенный въ Варшавѣ въ ночь съ 2—3 января. Въ рекруты должны были попасть главные зачинщики и участники безпорядковъ. Они узнали объ этомъ и скрылись въ окрестныхъ лѣсахъ, образовавъ первыя шайки, вооруженныя косами, саблями, охотничьими ружьями. Подпольный центральный комитетъ издалъ призывъ къ всеобщему возстанію. Мятежъ вспыхнулъ во всѣхъ концахъ.

Противъ мятежниковъ были двинуты войска, которыя, разбившись на летучіе отряды, преслѣдовали разсѣянныя повсюду шайки повстанцевъ. Войска дѣйствовали энергично и рѣшительно, но мятежъ не унимался.

Александръ II снова обратился къ мирному средству.

Въ день Пасхи былъ изданъ манифестъ, въ которомъ повстанцамъ предлагалось сложить оружіе.

«Въ Нашихъ заботахъ о будущности края, — говорилось въ манифестѣ, — Мы готовы всѣ предшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ Нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1 будущаго мая».

Отвѣтъ поляковъ на царскій манифестъ показалъ, что мятежъ можетъ быть усмиренъ только силой оружія. Центральный комитетъ издалъ два воззванія, изъ которыхъ въ одномъ отвергалъ царскую милость, а въ другомъ требовалъ независимости Польши. Польскій мятежъ принялъ особенно широкіе размѣры, и дерзость поляковъ возросла до высшей степени особенно потому, что поляки сознавали за собой поддержку извнѣ. Англія и Франція, гордыя своей недавней севастопольской побѣдой, возвысили голосъ, грозно требуя автономіи Польши. Являлось даже опасеніе новой войны. Но русское общество, глубоко возмущенное упорствомъ и вызывающимъ тономъ поляковъ, тѣсно сплотилось вокругъ своего державнаго вождя, цѣлымъ рядомъ вѣрноподданническихъ адресовъ вы-

ражая благоговѣйную любовь къ царю, преданность, довѣріе, готовность всѣмъ жертвовать для защиты отечества.

Первый адресъ подало петербургское дворянство. За Петербургомъ послѣдовала первопрестольная столица: московское дворянство, дума, университетъ, старообрядцы Рогожскаго кладбища, безпоповцы Преображенскаго богадѣльнаго дома, водворенные въ Москвѣ временно-обязанные крестьяне изъ разныхъ губерній, всѣ наперерывъ спѣшили излить Царю воодушевлявшія ихъ вѣрноподданническія чувства. Московскій адресъ отличается особенной задушевностью, теплотою, подъемомъ духа.

Примѣру обѣихъ столицъ послѣдовали и прочіе города русскіе, всѣ единодушно изъявляя готовность бороться и умереть за честь Россіи [1]).

Видя полную безразультатность миролюбивыхъ мѣръ, Александръ II рѣшилъ подавить мятежъ самыми строгими мѣрами. Съ этой цѣлью онъ назначилъ въ помощь Великому Князю графа Берга въ званіи главнокомандующаго войсками... Въ Сѣверо-Западный же край былъ посланъ М. Н. Муравьевъ. Назначенія въ этихъ цѣляхъ были сдѣланы удачно. Муравьевъ скоро крутыми и энергичными мѣрами замирилъ Сѣверо-Западный край.

«Два имени были у всѣхъ въ умѣ и на языкѣ: Муравьевъ и Катковъ. Въ какой мѣрѣ былъ знакомъ умиротворитель Литвы съ московскимъ писателемъ до возстанія, я не знаю [2]). Народное бѣдствіе сравняло, сблизило ихъ, и сравнивать этихъ двухъ людей было очень трудно. Одинъ являлся во всеоружіи власти, имѣя въ рукахъ государственный мечъ, врученный ему самимъ монархомъ, съ обширными полномочіями. Въ рукахъ Каткова было одно только перо. Онъ былъ частнымъ человѣкомъ, почти безъ всякаго офиціальнаго или служебнаго положенія. Однако, изъ сближенія этихъ двухъ полюсовъ сверкнули молніи, испепелившія крамолу до самаго корня! Не буду говорить о тогдашнихъ статьяхъ Каткова, — онѣ слишкомъ общеизвѣстны. Не буду распространяться и о томъ, съ какимъ жгучимъ интересомъ перечитывалъ я «Московскія Вѣдомости». Едва ли ошибусь, если скажу, что съ ними народъ пережи-

[1]) Мощнымъ выразителемъ истинно русскаго чувства, поборникомъ единенія всѣхъ русскихъ людей съ верховной властью, въ общемъ отстаиваніи державныхъ правъ Россіи, ея чести и достоинства, въ русской печати являлся издатель «Московскихъ Вѣдомостей» Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Пламенная рѣчь этого даровитаго и убѣжденнаго писателя имѣла рѣшающее значеніе. Онъ возвысилъ свой голосъ, который тотчасъ же сталъ голосомъ Россіи. Въ рядѣ статей онъ начерталъ ей ясную и послѣдовательную программу дѣйствій по отношенію къ ея внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ и какъ только Россія безповоротно усвоила себѣ эту программу, тотчасъ же разсѣялся мучившій ее кошмаръ, исчезла угрожавшая ей опасность, и она благополучно справилась съ угрожавшей ей трудной задачей.

[2]) Они не были знакомы (см. «Рус. В.» 1897 г. *Августъ*).

валъ душою и умомъ каждый день и часъ смутнаго времени. Эти статьи укрѣпляли, ободряли и вдохновляли самого Муравьева. Говорю не наобумъ, потому что слышалъ это отъ самого Муравьева: «Много читаю, потому что обязанъ читать; но, не говоря о заграничной чепухѣ, и у насъ мало путнаго нахожу, кромѣ, однакоже, московскихъ газетъ, — прибавилъ онъ твердо и серіозно,—особенно катковская газета, по-моему, самое отрадное исключеніе». Я отвѣтилъ очень искренно простымъ разсказомъ о томъ, какъ зачитывался въ Москвѣ «Московскими Вѣдомостями», упомянувъ о народномъ говорѣ и о томъ, что, по моему убѣжденію, статьи Каткова проникаютъ въ народъ. Муравьевъ слушалъ, безпрестанно кивая головой: «Еще бы не проникнуть,—сказалъ онъ наконецъ,— все это доступно народу, потому что писано простымъ, понятнымъ языкомъ. Катковъ пишетъ дѣльно, убѣдительно, потому что не боится писать. Это прямой народолюбецъ, воистину русскій человѣкъ. Онъ зорко смотритъ, далеко видитъ и дѣло понимаетъ такъ, какъ оно есть! Дай Богъ, чтобы всѣ такъ понимали!»

«Присутствующіе единодушно и горячо поддакнули хозяину, и неудивительно: этимъ двумъ людямъ поддакивала въ то время вся Россія». (Воспоминаніе о Муравьевѣ князя Имеретинскаго. «Историческій Вѣстникъ» декабря 1892 г.).

Графу Бергу стоило большихъ усилій сдѣлать то же въ Царствѣ Польскомъ но, все-таки и онъ, благодаря строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, успокоилъ край. Къ 1 мая 1864 года войска усмирили поляковъ, и объявлено окончаніе кампаніи.

Возставшая и усмиренная силой оружія Польша уже не могла, конечно, разсчитывать на преобразованія въ духѣ автономіи — своимъ неповиновеніемъ она лишила себя всего, что ей было обѣщано Императоромъ Александромъ II — и навсегда. Отнынѣ цѣлью преобразованій русскаго правительства стало уже не дарованіе Польшѣ самостоятельныхъ учрежденій, какъ это хотѣлъ раньше Александръ II, а ея полное сліяніе съ остальной Россіей. Вскорѣ послѣ замиренія былъ посланъ въ Польшу извѣстный уже намъ Н. А. Милютинъ для устройства освобожденныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и для введенія тамъ преобразованій уже въ противоположномъ автономіи духѣ.

* * *

Въ годъ польскаго мятежа былъ окончательно замиренъ Кавказъ, т.-е. послѣ полутораста лѣтнихъ усилій.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ начались очень рано, еще при Иванѣ Грозномъ. Покореніе же началось гораздо позднѣе.

Царствованіе Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II составили четыре эпохи въ покореніи Кавказа.

Россія не могла избѣжать кавказской войны и не присоединить рано или поздно Кавказъ къ своимъ владѣніямъ. Безпокойное населеніе этой горной страны всегда угрожало, благодаря близкому сосѣдству, спокойствію русскаго государства. Столкновенія можно было ждать каждую минуту.

Къ тому же вели и отношенія Россіи съ Турціей и Персіей. Турція и Персія пользовались мусульманскимъ населеніемъ Кавказа всегда во вредъ Россіи. Они возбуждали горцевъ противъ Россіи. А горцы, въ свою очередь, искали поддержки противъ Россіи въ единовѣрныхъ имъ Турціи и Персіи. Кличъ священной войны мусульманъ противъ христіанъ очень часто оглашалъ Кавказскія горы и поднималъ возстанія горцевъ на русскихъ. Какъ у Россіи война съ Турціей — такъ горцы уже насторожѣ.

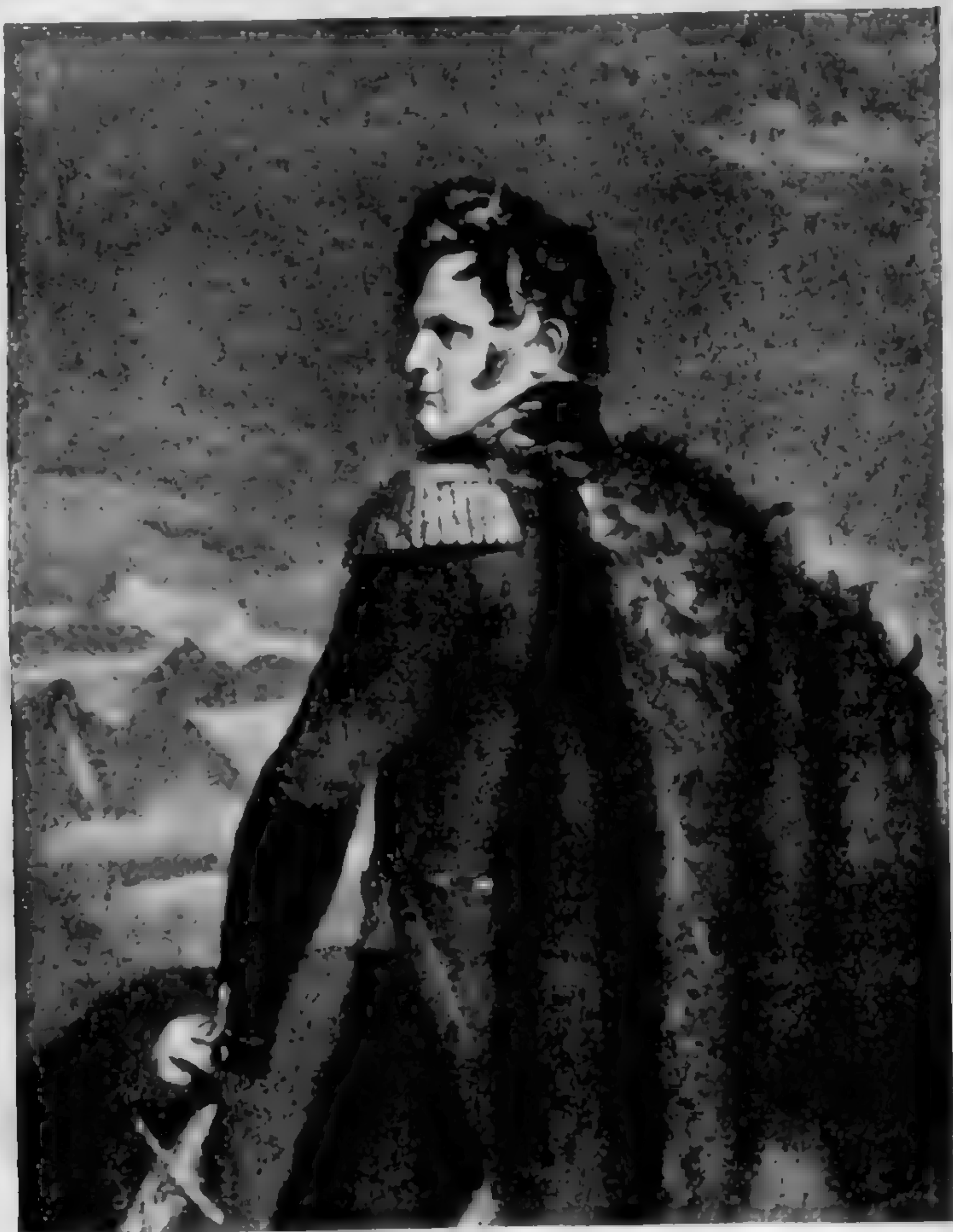
М. Н. Муравьевъ.

Между тѣмъ, Россія вела очень часто и очень долгія войны съ Турціей. Особенно богаты турецкими войнами царствованія Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II. Въ эти царствованія и произошло постепенное покореніе Кавказа.

Кромѣ того, на Кавказѣ было родственное по религіи христіанское царство — Грузія.

Грузинскіе цари давно взирали на Россію, какъ на покровительницу. Въ 1783 году Екатерина II, дѣйствительно, приняла подъ свое покровительство Грузію. Потомъ при Павлѣ I и по смерти послѣдняго грузинскаго царя Грузія была присоединена къ Россіи. Тогда уже Россія должна была защищать на Кавказѣ собственныя владѣнія.

Война съ Кавказомъ была очень трудна. Горы раздѣляли однихъ горцевъ отъ другихъ и, вмѣстѣ съ непроходимыми лѣсами, служили для нихъ надежной защитой. Нужно было вырубать лѣса, занимать горы и покорять горцевъ въ одиночку. Каждую гору нужно было брать приступомъ, какъ крѣпость. Возьмутъ одну гору,—нужно брать другую. Борьба была неравная — всѣ преимущества на сторонѣ горцевъ. Они хорошо знаютъ мѣстность, знаютъ, гдѣ укрыться, откуда на-

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

пасть на русскихъ. Русскіе же плохо еще знали Кавказъ,— не привыкли воевать въ горахъ. Нужно было время, чтобы узнать страну, сообразить средства, какими можно побѣдить горцевъ. Приходилось поэтому вначалѣ только обороняться отъ горцевъ. И уже послѣ, когда во главѣ русскихъ войскъ стали люди, знавшіе Кавказскій край, русскіе перешли въ наступленіе и стали покорять Кавказъ.

Геройскіе подвиги русскихъ генераловъ Циціанова, Паскевича, Ермолова положили начало прочнымъ завоеваніямъ Россіи на Кавказѣ.

Еще при Екатеринѣ II были завоеваны Дербентъ, Баку, при Александрѣ I — Мингрелія, Имеретія, Гурія.

Особенно много сдѣлалъ для покоренія Кавказа Ермоловъ. Онъ показалъ, какъ нужно воевать съ горцами, вырубать лѣса, устраивать дороги, выселять горцевъ изъ горъ, заселять завоеванныя мѣста русскими поселенцами.

Война осложнялась еще религіозными броженіями. Иногда среди горцевъ появлялись вожди и призывали ихъ къ священной войнѣ противъ христіанъ — русскихъ.

Графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій.

Особенно ожесточились горцы, когда появилось въ ихъ средѣ новое религіозное ученіе — ***мюридизмъ***, которое требовало избіенія христіанъ.

Явились вожди: Кази-Мулла, Гамза-Бекъ, которые стали поднимать горцевъ противъ русскихъ. Началась священная война — ожесточенная, какъ всѣ религіозныя войны. Отдѣльныя возстанія подавлялись русскими войсками, но тотчасъ же вспыхивали вновь. Вожди поддерживали въ горцахъ религіозный пылъ и ненависть къ русскимъ. Горцы не успокаивались.

Особенно ожесточенной и упорной сдѣлалась война, когда во главѣ горцевъ сталъ Шамиль. Это былъ очень умный и

хитрый человѣкъ. Онъ сумѣлъ воодушевить и объединить горцевъ противъ русскихъ. Кромѣ того, онъ отлично вооружилъ ихъ и строилъ укрѣпленія не хуже русскихъ инженеровъ. Выбитый изъ одной позиціи, Шамиль быстро занималъ другую и укрѣплялся въ безъ того неприступныхъ горахъ. Поднималъ возстанія то тамъ, то здѣсь. Когда религіозное вліяніе его стало слабѣть, онъ сталъ прибѣгать къ жестокостямъ.

Къ несчастію, въ это время (въ царствованіе Николая I) обострились отношенія Россіи съ Турціей. Дѣло кончилось полнымъ разрывомъ и Крымской войной. Горцы воспользовались этимъ и завязали сношенія съ турками. Имъ была обѣщана помощь.

Но затрудненія Россіи только отсрочили окончательное покореніе кавказскихъ горцевъ.

Когда кончилась Крымская война въ 1856 году и былъ заключенъ миръ, рѣшилась и участь кавказскихъ горцевъ.

Войска, освободившіяся отъ турецкой войны, были двинуты на Кавказъ. Главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ былъ назначенъ князь Барятинскій. Новый главнокомандующій приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Побѣды надъ горцами быстро слѣдовали одна за другой.

Шамиль засѣлъ въ чеченскомъ аулѣ Веденѣ. Поэтому всѣ усилія русскихъ войскъ направились къ тому, чтобы занять Веденъ.

Борьба была упорная и ожесточенная. Сначала были заняты Малая и Большая Чечни, затѣмъ Аухъ, а въ январѣ 1858 года генералъ Евдокимовъ прорвался черезъ Аргунское ущелье и былъ у Ведена.

1 апрѣля Веденъ палъ, но не палъ Шамиль.

Теперь открылся путь въ Дагестанъ. И русскія войска тремя отрядами — подъ командой Евдокимова, Врангеля и Барятинскаго — стали прокладывать себѣ дальнѣйшій путь.

Дѣйствія русскихъ были очень успѣшны. Приказы главнокомандующаго къ кавказскимъ войскамъ извѣщали о побѣдѣ за побѣдой.

21 іюля главнокомандующій объявлялъ:

«Войска дагестанскаго отряда, вы храбро заняли переправу черезъ Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ».

27 іюля опять побѣда:

«Сегодня доношу я Государю Императору о покореніи его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатовіи, Андіи, Технуцала и другихъ верхнихъ обществъ.

«Благодарю войска дагестанскаго и чеченскаго отрядовъ. всѣхъ — отъ генерала до солдатъ, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго монарха».

6 августа новая благодарность главнокомандующаго по случаю побѣды:

«Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія Восточнаго Кавказа самая тяжкая доля трудовъ предстояла вамъ, войска лезгинскаго отряда. Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія. Примите, братцы, мое душевное спасибо».

22 августа князь Барятинскій телеграфировалъ Государю:

«Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество съ августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ нашихъ рукахъ. Я лично былъ въ Карсгѣ, Тлохѣ, Игали и т. д. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами».

Кн. Барятинскій, взявшій въ плѣнъ Шамиля.

Въ тотъ же день по войскамъ приказъ съ благодарностью:

«Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ».

А черезъ три дня приказъ о взятіи Гуниба:

«Гунибъ взятъ; Шамиль въ плѣну; поздравляю кавказскую армію».

Шамиль защищался до послѣдней степени. Только съ семьей и небольшой шайкой онъ укрѣпился въ горахъ и казался неприступнымъ. На русскіе отряды съ горъ сыпался градъ камней и пуль. Князь Барятинскій предлагалъ Шамилю сдаться добровольно. Но тотъ упорно отказывался. Наконецъ не выдержалъ и сдался.

Восточный Кавказъ, такимъ образомъ, былъ покоренъ.

Паденіе Гуниба и плѣнъ Шамиля сильно поразили горцевъ. Они пали духомъ. Вождь племени абадзеховъ даже добровольно сложилъ оружіе. Однако, военныя дѣйствія не остановились. Надо было покорять Западный Кавказъ.

Главное начальство надъ войсками было возложено на генерала Евдокимова, получившаго теперь графскій титулъ. Евдокимовъ энергично принялся за дѣло. Онъ построилъ рядъ укрѣпленій и, продвигаясь Закубанскимъ краемъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, всюду дѣлалъ просѣки, прокладывалъ дороги и образовывалъ станицы.

Сюда 11 сентября 1862 года прибылъ Александръ II, пожелавшій лично узнать положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Государь осмотрѣлъ укрѣпленія и произвелъ смотръ войскамъ. Въ это время къ Государю явилась депутація отъ 60 непокоренныхъ горскихъ племенъ. Депутаціи было сказано, что онѣ должны въ теченіе мѣсяца оставить горы и поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ укажутъ.

Между тѣмъ, главнокомандующій кн. Барятинскій, пожалованный въ фельдмаршалы за кавказскую войну, сильно занемогъ. Онъ не могъ уже руководить военными дѣйствіями и заниматься дѣлами. Тогда онъ самъ обратился къ Государю съ просьбой назначить ему преемника. Выборъ палъ на брата Государя, Великаго Князя Михаила Николаевича.

Новый главнокомандующій прибылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. на Кавказъ и тотчасъ же отправился къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Военныя дѣйствія шли своимъ порядкомъ, приближая русскія войска къ конечной цѣли.

Къ концу лѣта 1863 года покорилась вся Кубанская область. Оставались непокоренными племена шапсуговъ и убыховъ.

Весной слѣдующаго года были покорены и эти племена. Великій Князь телеграфировалъ объ этомъ въ день рожденія Александра II.

«Лучшаго подарка получить не могъ, — отвѣтилъ Государь. — Спасибо отъ души тебѣ, графу Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ».

25 мая главнокомандующій поздравлялъ Государя уже съ окончаніемъ кавказской войны:

«Имѣю счастье поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ славной кавказской войны: отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени».

Великій Князь за окончаніе кавказской войны былъ пожалованъ орденомъ Георгія второй степени при особомъ на его имя высочайшемъ рескриптѣ.

Въ рескриптѣ Императоръ писалъ:

«Рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ славными кавказскими войсками, подъ предводительствомъ многихъ доблестныхъ вождей, ознаменовалъ многолѣтнюю кровавую борьбу, подъятую для огражденія нашихъ владѣній,

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ краемъ, отъ набѣговъ хищниковъ, для защиты отъ порабощенія мусульманами единовѣрныхъ намъ народовъ, добровольно вручившихъ свои судьбы подъ покровительство Россіи, и для умиротворенія края, представлявшаго издревле постоянное зрѣлище междоусобій, грабежей и разбоевъ.

«На долю Вашего Императорскаго Высочества выпалъ завидный жребій завершить начатое полтора вѣка тому назадъ дѣло покоренія Западнаго Кавказа и впервые возвѣстить русскому народу, что отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени».

Завоеванія въ Азіи въ царствованіе Императора Александра II.

Первыя экспедиціи къ юго-востоку отъ рѣки Урала, для усмиренія кочевниковъ и установленія торговыхъ сношеній, были предприняты еще въ царствованіе Петра Великаго въ 1711 году. Ихъ было двѣ: Бековича-Черкаскаго на Хиву, бѣдственно окончившаяся,—весь отрядъ вѣроломно былъ вырѣзанъ въ Хивѣ,—и Бухгольца со стороны Сибири на Верхній Иртышъ, закончившаяся занятіемъ Средняго Иртыша и основаніемъ г. Омска и этимъ положившая начало Сибирской степной линіи.

Въ началѣ XVIII вѣка киргизы и туркмены, тѣснимые могущественными кокандцами и джунгарами, нѣсколько разъ обращались къ нашему правительству съ просьбой принять ихъ подъ свое подданство, но имъ каждый разъ отказывали изъ нежеланія углубляться въ средне-азіатскія степи. Наконецъ, въ 1730 г. ханъ Малой Орды Абдулъ-Хаиръ особенно сильно просилъ—тутъ играли большую роль его личныя выгоды — подданства, обѣщая, при условіи постройки нами пограничныхъ укрѣпленій, охранять границу и давать конвой нашимъ караванамъ. Предложеніе его было принято, и основано укрѣпленіе Орскъ, положившее начало Оренбургской степной линіи. Но это рѣшеніе принесло мало выгоды. Приходилось то защищать кочевниковъ-киргизовъ, то ихъ же наказывать за набѣги. Киргизы и туркмены сами постоянно производили нападенія, грабежи, угонъ скота, уводъ русскихъ людей въ плѣнъ для продажи въ рабство въ Хиву, Бухару, Кокандъ. Посылаемые отряды приносили мало пользы. Пойдетъ отрядъ, усмиритъ, накажетъ грабителей, вернетъ, если успѣетъ, русскихъ плѣнныхъ, вернется назадъ, а въ какомъ-нибудь мѣстѣ снова разграбили русское поселенье, и лови ихъ опять въ степи. Такъ продолжалось болѣе ста лѣтъ, когда пришли къ необходимости углубиться въ степь и построить укрѣпленія среди кочевій. Въ 1833 г. было основано на Каспійскомъ морѣ укрѣпленіе Ново-Александровское, а по Оренбургской линіи графъ Перовскій построилъ четыре укрѣпленія. Но и эта мѣра не измѣнила положенія вещей, и тогда въ 1839 году была организована вторая экспедиція въ Хиву

генералъ-адъютантомъ графомъ Перовскимъ съ отрядомъ въ четыре тысячи человѣкъ при двѣнадцати орудіяхъ подъ его начальствомъ. Заранѣе на предположенномъ пути было построено два укрѣпленія, поставлены туда гарнизоны и свезены припасы. Одно—Аты-Якши въ 500 верстахъ отъ Оренбурга, другое—Акъ-Булакъ въ 660 верстахъ отъ Оренбурга.

Время для экспедиціи выбрали неудачно. Изъ Оренбурга выступили въ ноябрѣ при сильныхъ холодахъ, быстро перешедшихъ въ 30° морозы. Отъ недостатка горячей пищи, утомительности переходовъ по глубокимъ снѣгамъ, отсутствія отдыха, благодаря холоду на ночлегахъ, въ отрядѣ открылись цынга, горячка, глазныя болѣзни въ такой степени, что къ концу января, когда подошли къ Акъ-Булаку, въ строю осталось меньше половины людей. Изъ 9500 верблюдовъ, вышедшихъ изъ Оренбурга одна только четверть оказалась годными для дальнѣйшаго движенія. Остальные отъ безкормицы и мороза или пали, или окончательно ослабѣли. При такихъ условіяхъ генералъ-адъютантъ Перовскій не могъ двигаться дальше и рѣшилъ вернуться обратно.

Неудача этой экспедиціи породила въ азіатахъ сомнѣніе въ могуществѣ Россіи. Начался рядъ болѣе серьезныхъ набѣговъ на русскія поселенія и на принявшихъ наше подданство киргизовъ. Для устраненія ихъ пришлось еще больше углубиться въ степь, и въ 1845 г. были основаны укрѣпленія Тургай и Иргизъ, а въ 1846 г.—на устьяхъ Сыръ-Дарьи укрѣпленіе Аральское.

Въ 1851 году кокандскіе киргизы отбили у нашихъ кочевниковъ свыше 50.000 головъ скота. Хотя отрядъ нашъ, посланный въ погоню, отбилъ скотъ обратно, но этого поступка нельзя было оставить безъ наказанія, иначе это было бы сочтено за слабость. Для этого въ 1853 году отрядъ, въ составѣ 2100 человѣкъ и 12 орудій, выступилъ изъ Оренбурга и, основавъ по пути два форта, № 1 и № 2, нынѣ Казалинскъ и Кармакчи, осадилъ кокандскую крѣпость Акъ-Тепе, которая послѣ мѣсячнаго обложенія была взята. Акъ-Мечеть осталась за нами и была переименована въ фортъ Перовскій. Въ томъ же году къ форту Перовскому подступили огромныя полчища кокандцевъ съ артиллеріей предводимыя Якубъ-Бекомъ. Гарнизонъ около 1000 человѣкъ, подъ начальствомъ подполковника Огарева, не сталъ дожидаться осады, сдѣлалъ вылазку и разгромилъ кокандцевъ. Нашими трофеями были весь лагерь, вся артиллерія (17 орудій) и порохъ.

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла въ Средней Азіи ко времени восшествія на престолъ Александра II. Мы имѣли двѣ укрѣпленныя линіи, Оренбургскую и Сибирскую,

крайними южными пунктами которыхъ были фортъ Перовскій и укрѣпленіе Вѣрный. Между этими линіями оставалось свободнымъ пространство въ 900 верстъ, куда могли врываться кокандцы и производить свои грабежи и разбои. Отъ времени до времени изъ форта Перовскаго и Вѣрнаго посылались отряды для овладѣнія тѣмъ или другимъ укрѣпленнымъ пунктомъ и разрушенія его, и послѣ этого отряды возвращались обратно. Послѣднее признавалось азіатами за проявленіе слабости, а не за нежеланіе расширять свои владѣнія, и не производило желаемыхъ результатовъ, а иногда вмѣсто успокоенія вызывало совершенно обратное дѣйствіе. Такимъ образомъ, отъ Перовскаго въ 1861 г. были разрушены Джулекъ и Яны-Курганъ, а съ Сибирской линіи — Пишпекъ. Послѣ взятія нами Пишпека кокандцы объявили газаватъ (священную войну) и двинулись изъ Ташкента съ 20.000 человѣкъ при 10 орудіяхъ, чтобы взять и разгромить Вѣрный. Весь гарнизонъ Вѣрнаго состоялъ изъ 1000 человѣкъ. Начальникъ его, храбрый и рѣшительный подполковникъ Колпаковскій, не подпустилъ кокандцевъ къ городу, чтобы не подвергать его разграбленію, а вышелъ навстрѣчу и, послѣ упорнаго боя у Узунъ-Агача 20 октября, разбилъ противника, несмотря на его подавляющую численность. Чтобы разрушить вoзобновленный кокандцами Пишпекъ, подполковнику Колпаковскому было приказано собрать изъ окрестныхъ укрѣпленій войска и двинуться къ нему. Составившійся отрядъ Колпаковскаго состоялъ изъ 8 ротъ, 2 сотенъ казаковъ, 8 орудій и нѣсколькихъ мортиръ. Послѣ недѣльной осады Пишпекъ сдался. Стѣны его были разрушены, послѣ чего нашъ отрядъ вернулся обратно. Кокандцы снова заняли его, возстановили укрѣпленія, и Пишпекъ сталъ опять центромъ возмущеній. ***Въ 1863 году Высочайше повелѣно соединить обѣ линіи, занявъ Аулізата, Чемкентъ и Туркестанъ, перенести нашу границу на р. Арысъ.***

Для приведенія въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія изъ Вѣрнаго двинулся отрядъ въ 2500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Черняева, и изъ форта Перовскаго — отрядъ полковника Веревкина силою въ 1500 человѣкъ. 6-го іюня Черняевъ взялъ Аулізата; Веревкинъ 12 іюня — городъ Туркестанъ. Теперь разстояніе между отрядами сократилось до 300 верстъ. Между ними еще находился довольно сильно укрѣпленный городъ Чемкентъ, куда стянулись значительныя силы кокандцевъ подъ предводительствомъ Алимкула. Наши отряды уже вошли въ связь между собой. Только что произведенный въ генералъ-майоры Черняевъ, для овладѣнія Чемкентомъ, двинулся къ нему съ отрядомъ въ 1300 чел. и

просилъ о содѣйствіи полковника Веревкина. Веревкинъ выслалъ къ нему навстрѣчу отрядъ силою въ 400 человѣкъ, который былъ окруженъ кокандцами и принужденъ былъ отступить, потерявъ убитыми и ранеными около 80 человѣкъ. Вслѣдствіе этого отступилъ и отрядъ генерала Черняева. Одна изъ причинъ этой неудачи была въ томъ, что оба дѣйствующихъ отряда были вполнѣ самостоятельны и не имѣли одного

М. Г. Черняевъ.

общаго начальника. Для объединенія власти начальство всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ въ Туркестанѣ, было подчинено генералъ-майору Черняеву. Для овладѣнія Чемкентомъ, Черняевъ къ сентябрю мѣсяцу 1864 г. собралъ подъ его стѣнами отрядъ въ 10½ ротъ, 2½ сотни казаковъ, 1000 милиціонеровъ изъ киргизовъ, 13 орудій, 5 мортиръ. Чемкентъ представлялъ изъ себя крѣпость съ высокой и толстой глинобитной стѣной и цитаделью, командовавшей всѣми окружающими высотами. Открытой силой, принимая во вниманіе, что гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и имѣлъ

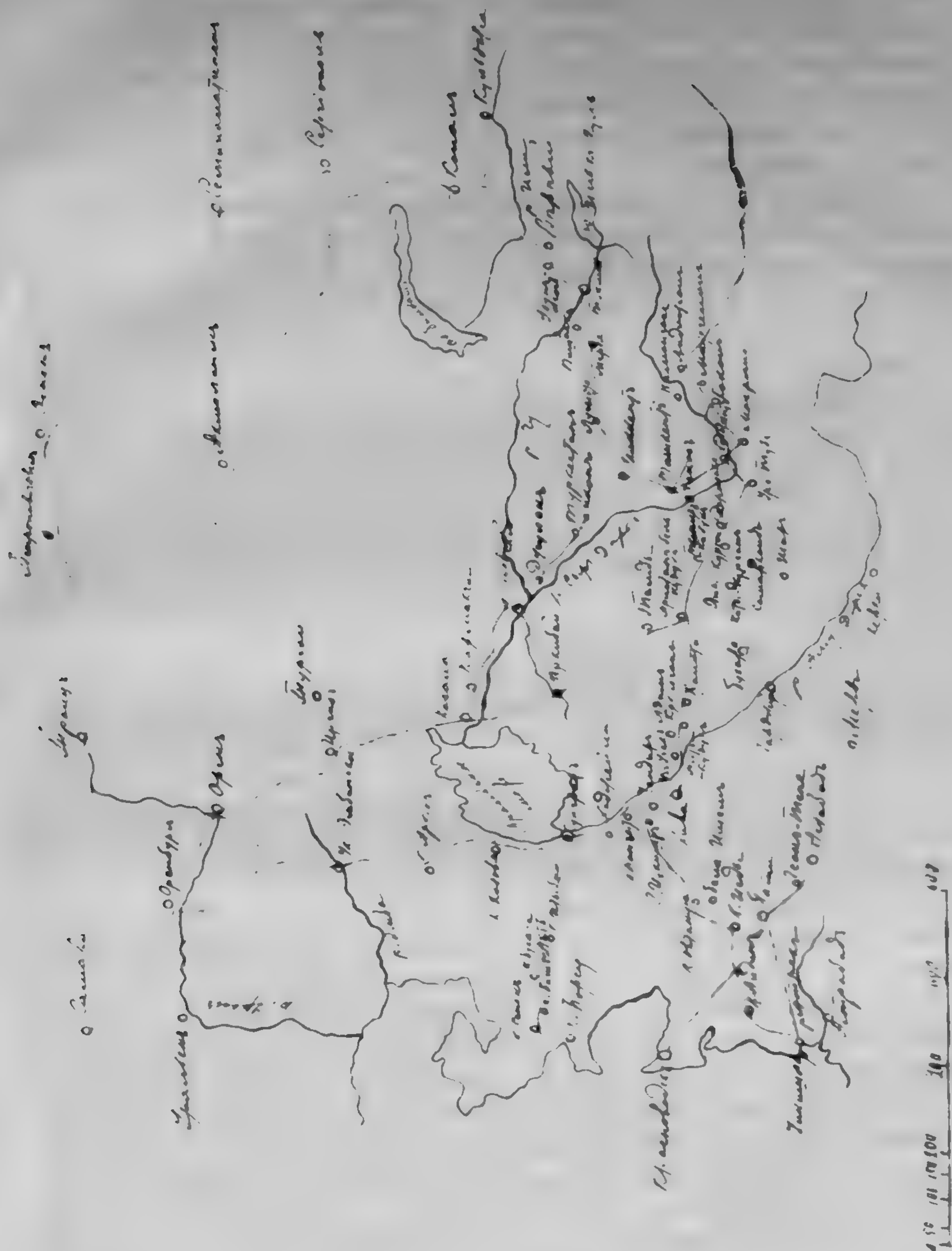
артиллерію, крѣпость брать нечего было и думать. Приступили къ осаднымъ работамъ. Кокандцы тоже повели навстрѣчу свои окопы.

Наши работы и осажденныхъ производились въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Наши прикрытія работающихъ не выдержали близости противника и оттѣснили его за крѣпостныя стѣны, куда и сами ворвались на его плечахъ. Черняевъ пустилъ за ними остальныя войска, и цитадель была взята. Непріятель бѣжалъ, и нашей добычей были 30 пушекъ, знамена, бунчуки и масса оружія.

Такимъ образомъ, у насъ учредилась Ново-Кокандская кордонная линія, связывающая линіи Сибирскую и Оренбургскую. Черняевъ былъ назначенъ ея начальникомъ съ подчиненіемъ генералъ-губернатору Западной Сибири.

О нашихъ новыхъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи правительство поставило въ извѣстность западныя державы, выставивъ причиной нашего углубленія въ степи безопасность границъ и торговыхъ сношеній. Не желаніе расширенія владѣній Россіи заставило послѣдовательно основаться въ Перовскомъ, Туркестанѣ, Чемкентѣ и въ Вѣрномъ, Пишпекѣ, Ауліэата, а необходимость имѣть эти опорные пункты, для обузданія набѣговъ и грабительствъ безпокойныхъ сосѣдей. Вмѣстѣ съ тѣмъ державы увѣдомлялись, что Россія не намѣрена переступать черезъ Чемкентъ. Между тѣмъ, Черняевъ получилъ свѣдѣнія, что въ Ташкентѣ, городѣ со стотысячнымъ населеніемъ, лежащемъ въ 114 верстахъ къ югу отъ Чемкента, готовятся къ войнѣ, вступивъ въ сношенія съ Бухарой. Тогда Черняевъ съ отрядомъ въ полторы тысячи человѣкъ при 12 орудіяхъ рѣшилъ двинуться къ Ташкенту, разсчитывая его взять при помощи мирнаго населенія города. Походъ былъ неудачный, и отрядъ вернулся, потерявъ убитыми и ранеными 4 офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ, а что хуже всего, наша неудача подняла духъ кокандцевъ, и они начали появляться на сообщеніяхъ между Чемкентомъ и Россіей. Алимкулъ съ 10.000 человѣкъ появился около города Туркестана. На развѣдки была послана комендантомъ укрѣпленія сотня казаковъ въ составѣ 2 офицеровъ, 5 урядниковъ и 98 казаковъ при одномъ горномъ единорогѣ съ 4 артиллеристами. Сотня встрѣтилась со скопищемъ кокандцевъ около деревни Иканъ, и здѣсь произошелъ славный бой, въ которомъ горсть храбрецовъ произвела такое впечатлѣніе на Алимкула, что онъ не осмѣлился двигаться дальше и вернулся въ Ташкентъ. Сотня въ два часа пополудни 4-го декабря была окружена кокандцами и залегла въ канавѣ и за валомъ, устроеннымъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ. Нѣсколько разъ кокандцы ходили въ

Русскія завоеванія въ Средней Азіи.

....Завоевательный путь русскихъ войскъ.

атаку, но каждый разъ были отбиваемы. 5 вечеромъ Алимкулъ предложилъ сдаться, но получилъ отказъ отъ командира сотни есаула Сѣрова. 6 оставшiеся въ живыхъ рѣшили пробиться и бросились на толпы противника. Каждый шагъ былъ заплаченъ кровью. 8 верстъ продолжалось отступленiе. Подоспѣвшая помощь встрѣтила живыхъ только 1 офицера, 36 казаковъ, 4 артиллеристовъ. Не раненыхъ осталось всего 8 казаковъ.

Весною 1865 года Черняевъ узналъ, что эмиръ бухарскiй съ войскомъ изъ Самарканда пошелъ на соединенiе къ Ташкенту. Черняеву представлялось со своимъ отрядомъ, силою въ 2000 человѣкъ, или ждать соединившихся бухарцевъ и кокандцевъ въ Чемкентѣ, или же быстрымъ движенiемъ къ Ташкенту сначала взять и покорить его жителей, а затѣмъ выйти навстрѣчу къ бухарцамъ. Помощи за двѣ тысячи верстъ изъ Оренбурга ждать было нечего. Черняевъ рѣшился итти къ Ташкенту. 9 мая кокандцы были разбиты въ 7 верстахъ отъ Ташкента, и самъ Алимкулъ былъ убитъ. Въ Ташкентѣ было свыше 30.000 войскъ и 60 орудiй. Окружность города равнялась 24 верстамъ, почему осада города для отряда неполныхъ 2000 человѣкъ при 12 орудiяхъ была немыслима. Приходилось его брать штурмомъ.

15 мая, около 2 ч. утра штурмовая колонна штабсъ-капитана Абрамова, силою въ 1½ роты, пользуясь темнотою, незамѣтно приблизилась къ Камеланскимъ воротамъ. Защитники Ташкента не успѣли опомниться, какъ наши охотники были уже на стѣнѣ и отбросили непрiятеля отъ стѣны во внутрь города. Подошедшiе резервы и колонна полковника Краевскаго, которому было поручено произвести демонстрацiю въ 6 верстахъ отъ Камеланскихъ воротъ, послѣ упорнаго боя соединились въ городѣ. Цитадель была взята въ 7 ч. утра.

Въ продолженiе всего дня шелъ бой на улицахъ. Къ вечеру войска стянулись къ стѣнѣ, а на слѣдующiй день съ утра бой продолжался опять, но защитники вели его уже съ меньшей энергiей. Къ вечеру бой вспыхивалъ только мѣстами. 17 мая городъ сдался. Въ нашихъ рукахъ было 16 знаменъ, 60 орудiй, 2000 пудовъ пороху. Убитыхъ и раненыхъ у насъ было 125 человѣкъ.

Послѣ Ташкента былъ занятъ Чиназъ. Жители Ташкента просили генералъ адъютанта Крыжановскаго оренбургскаго генералъ-губернатора, который самъ прiѣхалъ сюда, принять ихъ въ русское подданство, взамѣнъ чего имъ было предложено образовать отдѣльное ханство, подъ покровительствомъ Россiи, и выбрать себѣ хана. Переговоры съ эмиромъ бухарскимъ

шли неудачно. Посланное къ нему генераломъ Черняевымъ посольство было задержано. Въ январѣ 1866 года Черняевъ свое требованіе освободить пословъ поддержалъ движеніемъ войскъ къ Джизаку, но, за недостаткомъ фуража и въ виду приказаній изъ Петербурга, долженъ былъ вернуться назадъ. Это отступленіе сильно подѣйствовало на возбужденіе фанатизма въ Бухарѣ. Весною эмиръ Бухарскій съ 35.000 войскомъ двинулся къ Ташкенту.

Смѣнившій генерала Черняева генералъ Романовскій встрѣтилъ его 6 мая съ трехтысячнымъ отрядомъ на Ирджарѣ и разбилъ. Затѣмъ 24 мая взятъ Ходжентъ, а въ октябрѣ, съ пріѣздомъ къ отряду генерала Крыжановскаго, взяты сильныя крѣпости: Ура-Тюбе и Джизакъ.

Генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

26 марта Императоромъ Александромъ II была принята въ Петербургѣ депутація отъ присоединенныхъ нашихъ новыхъ земель, на принятіе которыхъ онъ изъявилъ свое согласіе. Изъ всѣхъ занятыхъ нами съ 1847 года земель было образовано Туркестанское генералъ - губернаторство. Генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками назначенъ генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Въ виду отдаленности отъ Петербурга ему были даны права вести переговоры съ сосѣдними владѣніями, объявлять войну и заключать миръ.

Генералъ - адъютантъ Кауфманъ прибылъ въ край въ ноябрѣ 1867 года. Помимо внутренняго устройства края, ему нужно было прійти къ какому-нибудь соглашенію съ сосѣдними Кокандскимъ, Бухарскимъ и Хивинскимъ ханствами. Худояръ, ханъ кокандскій, скоро согласился на наши условія и былъ вѣренъ договору до 1875 года, пока возмущенное его притѣсненіями населеніе не прогнало его. Эмиръ бухарскій не могъ примириться съ занятіемъ нами Ура - Тюбе и Джизака. Онъ соглашался вступить въ переговоры только по очищеніи нами этихъ укрѣпленій, но сдѣлать этого было нельзя, не подорвавъ вѣру въ могущество Россіи въ странѣ, гдѣ единственнымъ авторитетомъ является сила. Самъ эмиръ

бухарскій, между тѣмъ, нанялъ 10.000 текинцевъ и приглашалъ Хиву, Кашгаръ и Афганистанъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ русскихъ войскъ. При такихъ условіяхъ неизбѣжно предстоялъ походъ на Бухару. Весной тамъ былъ объявленъ газаватъ. Вокругъ Яны-Кургана Джизака и около Ташкента появились вооруженныя шайки.

Чтобы потушить общее возстаніе, Кауфманъ въ Яны-Курганъ быстро собралъ отрядъ въ 3500 человѣкъ при 16 орудіяхъ и 1 мая стоялъ передъ 40 — 50-тысячной бухарской арміей, занимавшей позицію на Чапаватинскихъ высотахъ, въ виду Самарканда. Бухарцы были разбиты и бѣжали, бросивъ 21 орудіе и массу оружія. На другой день генералъ Кауфманъ безъ боя вступилъ въ Самаркандъ.

Въ продолженіе мая мѣсяца была занята большая часть долины Зеравшана, а 2 іюня армія эмира бухарскаго окончательно разбита на Зерабулакскихъ высотахъ. Послѣ этого генералъ Кауфманъ вернулся обратно, чтобы укрѣпить занятыя владѣнія. Это было вполнѣ своевременно. Промедли еще Кауфманъ немного, мы рисковали потерять Самаркандъ, а малѣйшая неудача могла послужить сигналомъ къ общему возстанію, и тогда была бы поставлена на карту цѣлость нашихъ завоеваній за послѣднія пять лѣтъ.

Съ уходомъ генерала Кауфмана изъ Самарканда въ этомъ священномъ центрѣ мусульманъ былъ оставленъ гарнизонъ въ 772 человѣка, считая тутъ батальонъ пѣхоты, саперовъ, артиллеристовъ и казаковъ и два орудія и двѣ мортиры, подъ начальствомъ майора Штемпеля. Въ планъ нашего противника входило, не принимая боя, завлекать главныя русскія силы отъ Самарканда, а въ это время произвести нападеніе на Самаркандъ и овладѣть имъ. Для этого были предназначены жители округа Шахрисябзя и жители Самарканда, числомъ 40 — 50.000. Дня за два до нападенія майоръ Штемпель получилъ объ этомъ свѣдѣнія. Имъ были приняты всевозможныя, имѣвшіяся подъ рукой, средства для усиленія обороны: исправлены стѣны цитадели, усилена артиллерія бухарскими орудіями, приготовлены бухарскія гранаты для бросанія ихъ руками; изъ чиновниковъ, купцовъ и лицъ не военныхъ около 100 человѣкъ, которымъ въ случаѣ паденія цитадели все равно предстояла бы смерть отъ рукъ побѣдителей, сформирована отдѣльная команда.

Штурмъ начался 2 іюня въ 4 ч. утра. Взаимное обстрѣливаніе артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ не разъ переходило въ штыковой бой, и наши комичныя по величинѣ силы оказывали чудеса храбрости. Въ первые два дня непрерывныхъ днемъ и ночью атакъ у осажденныхъ было выбито

четверть наличнаго числа людей. 4, 5, 6, 7 іюня было отбито по нѣскольку атакъ, несмотря на то, что число защитниковъ каждый день все сокращалось.

8 іюня, наконецъ, вернувшійся главный отрядъ съ генераломъ Кауфманомъ атаковалъ Самаркандъ и вмѣстѣ съ осажденнымъ гарнизономъ захватилъ городъ. За вѣроломство самаркандцевъ, принявшихъ наше подданство, городъ былъ сожженъ и отданъ на три дня войскамъ.

Послѣ разгрома Самарканда поднявшееся кругомъ возстаніе сейчасъ же улеглось. Эмиръ бухарскій просилъ мира. По заключенному съ нимъ договору, къ Россіи отходили отъ Бухары Ура-Тюбе, Джизакъ и весь Зеравшанскій округъ съ городами Самаркандомъ и Катты-Курганомъ, а также Бухарой признавалось владѣніе Россіей землями, отвоеванными у кокандцевъ. Русскимъ подданнымъ предоставлялось право свободной торговли во всѣхъ городахъ бухарскихъ владѣній съ пошлиной на русскіе товары въ 2½ % ихъ стоимости и устройство торговыхъ складовъ. Отвѣтственность за безопасность русскихъ купцовъ ложилась на бухарское правительство. Невольничество уничтожалось. Кромѣ всего этого, Бухара уплачивала расходы по военнымъ издержкамъ. Кокандъ тоже самое давалъ русскимъ подданнымъ тѣ же права по торговлѣ.

Въ августѣ 1870 г. былъ посланъ отрядъ въ 1300 человѣкъ подъ начальствомъ генералъ-майора Абрамова, чтобы наказать шахрисябцевъ за ихъ нападеніе на Самаркандъ. 14 августа были взяты Шаара и Китабъ. Въ этомъ же году кавказскими войсками занятъ Мангышлакскій полуостровъ и основано укрѣпленіе Красноводскъ. Въ 1871 г. генералъ-майоръ Колпаковскій повелъ экспедицію въ Кульджу для усмиренія ея хана, волновавшаго нашихъ киргизовъ. Результатомъ этого похода было десятилѣтнее владѣніе нами Кульджой, по договору отданной нами потомъ обратно китайцамъ противъ желанія населенія.

Пока шли наши завоеванія, англичане стали сильно безпокоиться, что, по мѣрѣ расширенія нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній, мы все ближе подвигаемся къ Индіи. Несмотря на слова Государя, что у Россіи нѣтъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ и что всѣ наши дѣйствія въ Средней Азіи совершаются исключительно благодаря поведенію нашихъ полудикихъ сосѣдей. Англія настаивала на томъ, чтобы между нашими и ея владѣніями была бы создана нейтральная полоса, на которую не имѣли бы вліянія, какъ, они такъ и мы, и которая была бы закрыта вторженію нашихъ и англійскихъ войскъ. Послѣ трехлѣтнихъ переговоровъ въ 1873 году былъ установленъ нейтральнымъ государствомъ Афганистанъ.

Въ административномъ отношеніи Туркестанское генералъ-губернаторство раздѣлено на Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую области и Зеравшанскій округъ. Военно-административный центръ — Ташкентъ. Бухара и Кокандъ находились въ сферѣ нашего вліянія.

Итакъ, всѣ ближайшіе сосѣди умиротворены и приведены въ повиновеніе. Оставалась только одна Хива. Окруженная со всѣхъ сторонъ песками, она считала себя недосягаемой. Это мнѣніе въ ней еще больше поддерживали неудачные походы Бековича-Черкасскаго и графа Перовскаго. На этомъ основаніи хивинцы постоянно позволяли себѣ разбои и грабежи на границахъ нашихъ новыхъ владѣній, подстрекали къ возмущенію нашихъ киргизовъ и собирали съ нихъ налоги, нападали на проѣзжающихъ по Оренбурго-Ташкентскому тракту, уводили русскихъ и инородцевъ, подданныхъ нашихъ, въ неволю въ Хиву. Нѣсколько разъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ пробовалъ вступить съ ними въ мирные переговоры, но они, вѣря въ свою непобѣдимость, отвѣчали гордымъ отказомъ. Тогда Кауфманъ рѣшилъ смирить хищниковъ, доказавъ имъ, что никакіе пески не страшны для русскихъ войскъ.

Организація хивинскаго похода (1873 г.) особенно интересна, и ея подготовкой серьезно занялись, потому что не столько пугали сами хивинцы (они могли выставить войско въ 60.000, изъ которыхъ 20.000 туркменъ), съ которыми доблестныя туркестанскія войска уже были знакомы, сколько борьба съ природой. Предстоялъ походъ, одинъ изъ труднѣйшихъ, извѣстныхъ въ военной исторіи, по тягостямъ котораго до тѣхъ поръ не было подобнаго. Провіантъ, фуражъ, всѣ припасы приходилось брать съ собой на весь путь, вслѣдствіе чего сильно увеличивался обозъ отрядовъ, состоящій изъ верблюдовъ. Нужно было имѣть въ запасѣ бочки, баклаги для воды, потому что вѣрнаго расчета на колодцы не могло быть. Войскамъ нужно было разсчитывать на постоянный недостатокъ воды, корма, топлива, на жары и пески.

Хивинская экспедиція состояла изъ четырехъ отрядовъ, которые съ разныхъ сторонъ должны были подойти къ Хивѣ и, соединившись, открыть военныя дѣйствія. Туркестанскій отрядъ силою въ 5200 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана, вышелъ изъ Джизака 1 марта; Красноводскій отрядъ въ 2200 человѣкъ полковника Маркозова выступилъ изъ Чикишляра 19 марта; Мангышлакскій отрядъ полковника Ломакина въ 2100 человѣкъ выступилъ изъ Киндерлійскаго залива, отъ колодцевъ Порсу-бурунъ 14 апрѣля; Оренбургскій отрядъ генералъ-майора Веревкина въ 3500 чело-

вѣкъ въ серединѣ марта собрался на Эмбенскомъ посту въ 500 верстахъ отъ Оренбурга, откуда выступилъ 26 марта. Отрядамъ предстояло пройти песками до Хивинскаго базиса: Туркестанскому 900 верстъ, Красноводскому 800 верстъ, Мангышлакскому 814 верстъ, Оренбургскому 1400 верстъ. Отрядамъ приходилось зачастую дѣлать безводные переходы до 80 верстъ. Для перевозки тяжестей отряды были снабжены верблюдами. Такъ, при Туркестанскомъ отрядѣ было 10.000 верблюдовъ, что приходится въ среднемъ почти два верблюда груза на человѣка. Считая, что верблюдъ поднимаетъ 12 пудовъ, можно сосчитать, сколько запасовъ потребовалось, чтобы двинуть пятитысячный отрядъ. Хуже всѣхъ снаряженъ былъ, потому что позднѣе всѣхъ приступилъ къ сборамъ и поставленъ былъ въ болѣе невыгодныя для этого условія, Красноводскій отрядъ. Онъ одинъ изъ четырехъ отрядовъ не дошелъ до Хивы и вернулся назадъ. И путь Красноводскаго отряда былъ самый трудный, ему приходилось сдѣлать переходъ въ 150 верстъ безъ воды. Каждый изъ отрядовъ во время похода былъ на краю гибели отъ недостатка воды. Иногда приходилось расчищать колодцы, вода медленно настаивалась, и отрядъ уходилъ дальше, не успѣвъ утолить жажды. Мученія были ужасны. Одинъ изъ участниковъ Мангышлакскаго отряда пишетъ, что видѣлъ, какъ одинъ солдатъ подошелъ къ лезгину-милиціонеру, проходившему мимо съ бутылкой воды, и держа, можетъ-быть, послѣднюю рублевую бумажку, умолялъ взять ее за двѣ крышки воды. Лезгинъ сжалился, подѣлился съ солдатомъ, но денегъ не взялъ...

«... Подъ вліяніемъ мучительной жажды, разжигаемой еще болѣе адской температурой, солдаты въ изнеможеніи опускались на землю или отставали десятками и затѣмъ казаки арьергарда подбирали этихъ несчастныхъ и сажали на своихъ лошадей. Офицеры ободряли людей, пока, выбившись изъ силъ, и сами падали на землю. Уныніе, овладѣвшее людьми, перешло наконецъ въ тупое отчаяніе: побросавъ оружіе и сбросивъ все платье, совершенно голые, одни изъ нихъ разрывали раскаленный песокъ, ложились въ образовавшіяся ямы и засыпали себя землей, въ надеждѣ хоть сколько-нибудь укрыться отъ невыносимо жгучихъ лучей; другіе, не зная на что рѣшиться, безцѣльно кидались въ стороны и какъ сумасшедшіе метались по землѣ...» Далѣе онъ пишетъ, что температура была такова, что у него въ сундукѣ стеаринъ растаялъ, а изъ отдѣльныхъ сургучныхъ палочекъ образовалась одна сплошная масса.

На долю Туркестанскаго и Оренбургскаго отрядовъ, выступившихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, вначалѣ много пришлось вы-

нести мученій отъ холодовъ, булановъ, а Оренбургскому — еще отъ заносовъ снѣга.

Но все-таки въ борьбѣ съ природой наши войска остались побѣдителями, какъ остались побѣдителями и въ цѣли похода надъ хивинцами. 14 мая отрядъ Мангышлакскій соединился съ Оренбургскимъ, и 27 мая они подошли къ Хивѣ. 29 мая подошелъ и Туркестанскій отрядъ, и Хива была наша. Въ августѣ мѣсяцѣ отряды потянулись обратно, основавъ укрѣпленіе Петроалександровское и оставивъ въ немъ отрядъ для поддержанія спокойствія въ ханствѣ. По договору съ хивинскимъ ханомъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахманъ-Генадуръ-ханомъ, къ Россіи отходилъ правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему земли. Русскимъ пароходамъ предоставлялось свободное плаванье по Аму-Дарьѣ. Устанавливались правила для свободной русской торговли въ ханствѣ и правила для разбора претензій русскихъ и хивинцевъ между собой. Въ ханствѣ уничтожалось рабство на вѣчныя времена. Хива платила Россіи военныхъ издержекъ 2.200.000 рублей, уплата которыхъ разсрочивалась на 20 лѣтъ.

Слѣдующій походъ въ 1875 году былъ въ Кокандское ханство. Причиной его послужило, послѣ изгнанія дружественнаго намъ его правителя—Худояръ-хана, объявленіе священной войны противъ невѣрныхъ—русскихъ, возставшими подъ предводительствомъ Абдурахмана-автобачи кокандцами.

Въ августѣ ихъ скопища, раздѣлившись на двѣ части, одно атаковало Ходжентъ, другое пошло къ Ташкенту. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, отрядомъ въ 9 ротъ, 8 сотенъ казаковъ и 20 орудій, разбилъ 22 августа кокандцевъ подъ Махрамомъ. 29 августа подошелъ къ Коканду и занялъ его безъ боя. Войска Абдурахмана-автобачи разбѣжались. Результатомъ этой экспедиціи было занятіе сѣверной части ханства съ городомъ Наманганомъ. Нашъ отрядъ вернулся обратно, оставивъ гарнизонъ въ Наманганѣ.

Въ концѣ того же года возмутившіеся кипчаки осадили Наманганъ. Къ осажденному пришелъ на выручку генералъ Скобелевъ и прогналъ кокандцевъ. Чтобы потушить возстаніе на мѣстѣ, онъ вторично 8 января 1876 г. взялъ штурмомъ Андижанъ, 24 захватилъ въ плѣнъ самого Абдурахмана-автобачи и 28 вступилъ опять въ Кокандъ.

Кокандское ханство отошло все къ намъ и составило Ферганскую область, первымъ военнымъ губернаторомъ въ которой былъ назначенъ молодой генералъ М. Д. Скобелевъ.

Послѣ двухлѣтняго спокойствія явилась необходимость наложить руку на крайне воинственное племя Туркмена, которое грабежъ, разбои (аламаны) возвели у себя въ ремесло.

Начиная съ осени до весны, они собирались шайками отъ 150 до 1000 человѣкъ и отправлялись въ набѣги въ сосѣднія земли. Больше всѣхъ отъ нихъ страдала Персія. Афганистанъ, Хиву и Бухару они тоже не щадили. Постоянные набѣги сдѣлали изъ нихъ отличныхъ воиновъ, что ихъ дѣлало болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ съ какимъ намъ приходилось до сихъ поръ сталкиваться въ Средней Азіи.

Генералъ-адъютантъ М. Д. Скобелевъ.

Первую экспедицію повелъ генералъ-адъютантъ Лазаревъ въ концѣ іюня 1879 г. Кончилась она неудачно. Въ походѣ умеръ Лазаревъ и его мѣсто заступилъ какъ старшій генералъ маіоръ Ломакинъ. Штурмъ Геокъ-Тепе, гдѣ заперлись текинцы, былъ неудаченъ, и отрядъ отступилъ къ Чикишляру. Причину неудачи нужно искать, во-первыхъ, въ неумѣло организованной подготовкѣ доставки припасовъ и перевозочныхъ средствъ, не позволившей послѣ штурма дольше держаться подъ стѣнами Геокъ-Тепе, затѣмъ въ слишкомъ большой увѣренности въ слабости противника, что онъ не сумѣетъ

дать отпора, и, какъ слѣдствіе этого, отсутствіе рекогносцировокъ крѣпости и подготовки атаки огнемъ. Текинцы, а за ними Бухара и Хива воспряли духомъ, увидя, что и надъ русскими войсками возможна побѣда. Понятно, сейчасъ же участились нападенія текинцевъ, и нужно было во что бы то ни стало возстановить скорѣе славу нашего оружія, пока возмущеніе не поднялось по всей Азіи.

Геокъ-Тепинскій музей и памятникъ артиллеристамъ, павшимъ при взятіи штурмомъ крѣпости Геокъ-Тепе близъ развалинъ Геокъ-Тепе.

Планъ генералъ-адъютанта М. Д. Скобелева, назначеннаго начальникомъ экспедиціи для покоренія текинцевъ, заключался въ занятіи сначала Бами, въ устройствѣ здѣсь базы и въ обезпеченіи связи этого пункта съ Красноводскомъ и Чикишляромъ. Цѣлью экспедиціи становился опять Геокъ-Тепе и занятіе Ахалъ-Текинскаго оазиса. Со стороны Туркестана должна была быть произведена демонстрація на Мервъ.

Къ 4-му мая 1880 года, ко времени пріѣзда Скобелева въ Красноводскъ, расположеніе нашихъ войскъ было слѣдующее:

Полковникъ Куропаткинъ.

Въ Красноводскѣ.	3 роты	$^3/_4$ сотни—	4 орудія	
На Михайловскомъ посту .	1 »	$^1/_4$ »		
Чикишлярѣ	8 »	4 »	6 »	
Караджа-батырѣ	1 »			
Яглы-оглумѣ	1 »			
Чатѣ	7 »	2 »	4 »	
Дузъ-олумѣ	8 »	2 »	4 »	
Всего	29 ротъ	9 сотенъ	18 орудій.	

Вновь назначено въ составъ отряда изъ войскъ Кавказскаго округа 36 ротъ, 12 сотенъ, 56 орудій, 14 мортиръ, 9 картечницъ, 9 ракетныхъ станковъ. Изъ Туркестанскаго и Оренбургскаго округовъ 3 роты, 5 сотенъ и 2 орудія.

7 мая передовой отрядъ въ 7 ротъ, 4 сотни и 18 орудій выступилъ изъ Дузъ-озлума и 10 мая занялъ безъ боя Бами. Въ продолженіе пяти слѣдующихъ мѣсяцевъ перевезли въ Бами запасовъ на 800.000 пудовъ. Сильная задержка вышла

съ доставкой верблюдовъ. Потребность ихъ исчислялась въ 18.000 штукъ. На мѣстѣ верблюдовъ было мало и достать ихъ было трудно, потому что іомуды давали ихъ неохотно. Ихъ пришлось пригнать отъ оренбургскихъ киргизовъ изъ Нижне-Эмбенскаго поста и Хивы и Бухары и частію скупить у іомудовъ и на Мангышлакѣ. Во время подвоза припасовъ въ Бами транспортъ сильно тревожили текинцы, и появленіе ихъ на Атрекѣ стало волновать іомудовъ.

Чтобы нѣсколько сдержать пылъ текинцевъ и произвести рекогносцировку окрестностей крѣпости, генералъ-адъютантъ Скобелевъ въ іюлѣ мѣсяцѣ произвелъ очень смѣлое движеніе къ Денгиль-Тепе съ отрядомъ въ 750 человѣкъ 6 орудій и 8 ракетныхъ станковъ. 6 іюня произведена рекогносцировка Геокъ-Тепе и пущено съ сотню снарядовъ въ Денгиль-Тепе. При возвращеніи отрядъ выдержалъ схватку, въ которой потерялъ 19 человѣкъ. Текинцы потеряли до 200 человѣкъ. Въ октябрѣ началась перевозка съ Кавказа войскъ, которыя раньше не перевозили, на восточный берегъ, чтобы не тратить на нихъ здѣсь продовольствія.

Тыкма сардарь.

8 октября изъ Петро-Александровска въ Бами прибылъ отрядъ полковника Куропаткина въ составѣ 3 ротъ, 2 сотенъ и 2 орудій. Отрядъ генералъ-адъютанта Скобелева четырьмя эшалонами началъ выступать изъ Бами 26 ноября. Наступленіе началось послѣ схватки у Келяте взятіемъ Сіяньбахтырь-кала, недалеко отъ Денгиль-Тепе, и перенесеніемъ туда базы. Начало рѣшительныхъ дѣйствій предположено сосредоточіемъ артиллерійскихъ припасовъ и отряда въ 4000 человѣкъ пѣхоты, 11 сотенъ и эскадроновъ и 47 орудій. Денгиль-Тепе рѣшено взять ускоренной осадой и 23 декабря заложена 1 параллель. Штурмъ и взятіе Денгиль-Тепе состоялись 12 января 1881 г.

Асхабадъ занятъ 18 января безъ боя передовымъ отрядомъ полковника Куропаткина, которому предводитель текинской обороны Тыкма сардарь вручилъ свою саблю, а за нимъ вскорѣ пришло все населеніе, прося о принятіи въ русское подданство. Земли туркменскія присоединены къ рус-

ской коронѣ, и изъ нихъ составлена Закаспійская область, послѣднее завоеваніе, сдѣланное въ царствованіе Императора Александра II.

* * *

На восточной окраинѣ Азіи въ то же царствованіе также сдѣланы важныя земельныя пріобрѣтенія.

Въ 1847 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи за присоедине-

Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій

ніе обширнаго Амурскаго края получившій титулъ графа Амурскаго.

Муравьевъ понималъ важность пріобрѣтенія Амура, такъ какъ рѣка эта являлась удобнымъ путемъ сообщенія съ Тихимъ океаномъ. Вслѣдствіе этого онъ оказалъ энергичную поддержку Невельскому, захватившему устья Амура. Въ теченіе 1851 по 1853 г г. производились серьезныя изслѣдованія здѣсь и также на островѣ Сахалинѣ, большей своей частью еще принадлежавшемъ Японіи. Война 1854 г. доказала правильность взгляда Муравьева, и Императоръ Николай разрѣшилъ производить сплавъ войскъ по Амуру и въ то же время

вступить въ переговоры съ китайскимъ правительствомъ по разграниченію нашей восточной окраины. Эти долго длившіеся переговоры въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ. По айгунскому трактату, заключенному Муравьевымъ съ китайскимъ правительствомъ 16 мая 1858 года, Амуръ до самаго устья сдѣлался границей между Россіей и Китаемъ.

Но это былъ еще первый шагъ, и обладаніе однимъ лѣвымъ берегомъ, особенно устья рѣки, не обезпечивало твердаго положенія русскихъ въ этихъ водахъ. Въ 1860 г. до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ былъ пополненъ пекинскимъ договоромъ, заключеннымъ съ китайскимъ правительствомъ гр. Игнатьевымъ. По этому договору Россія пріобрѣла не только устья Амура и Уссурійскій край, но и южные порты, а именно ей была уступлена Китаемъ вся территорія между р. Уссури, Кореей и моремъ.

Что же касается острова Сахалина, весьма важнаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ онъ является ключомъ къ Амурской области, то не принадлежавшая еще Россіи южная часть его была ей уступлена Японіей въ 1875 г. въ обмѣнъ на Курильскіе острова, потерявшіе для насъ всякое значеніе послѣ нашей уступки Сѣверо-Американскимъ Штатамъ нашихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ.

Нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, что всѣ эти обширныя пріобрѣтенія на Дальнемъ Востокѣ достигнуты мирнымъ путемъ.

Судебная реформа, учебная, законы о печати и другія реформы.

Судебная реформа вытекала изъ акта 19 февраля 1861 года съ такою же необходимостью, какъ земская и городская. И, подобно послѣднимъ, судебная реформа должна была коренным образомъ перестроить весь судебный порядокъ, существовавшій до сихъ поръ.

Порядокъ этотъ заключался въ судебныхъ учрежденіяхъ Императрицы Екатерины II. Пламенная почитательница знаменитыхъ мыслителей своего вѣка—Вольтера, Дидро, Монтескье и Блекстона—Екатерина II хотѣла водворить въ русскомъ государствѣ правосудіе, обезпечить каждому возможность найти себѣ защиту подъ сѣнію закона.

Имѣя передъ собой общество, раздѣленное на сословія, Екатерина II и суду придала сословный характеръ. Пусть каждый судится себѣ равными, т.-е. людьми своего сословія—вотъ мысль, которая легла въ основу судебныхъ учрежденій почитательницы Блекстона.

Такимъ образомъ, возникли въ 1775 и послѣдующихъ годахъ новыя судебныя учрежденія.

Для дворянъ были учреждены—«уѣздный» (первая инстанція) и «верхній земскій судъ» (вторая инстанція); для городского сословія - «городовой магистратъ» (первая инстанція) и «губернскій магистратъ» (вторая инстанція); для крестьянъ (не крѣпостныхъ)—«нижняя расправа» (первая инстанція) и «верхняя расправа» (вторая инстанція)

Въ составъ этихъ судовъ обѣихъ инстанцій входили, кромѣ коронныхъ чиновниковъ, выборные отъ общества, по сословіямъ. Суды вѣдали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Кромѣ того, при уѣздныхъ судахъ были образованы дворянскія опеки (для попеченія о малолѣтнихъ сиротахъ, а при городовыхъ магистратахъ сиротскіе суды).

Надъ всѣми этими судами стояли, какъ высшая, третья инстанція, «палаты гражданскаго суда и уголовнаго суда», члены которыхъ были всѣ по назначенію и независимо отъ сословныхъ различій. На рѣшеніе этой инстанціи можно было въ нѣкоторыхъ сучаяхъ жаловаться лишь Сенату. Для наблюденія за правильностью дѣйствій судебныхъ учрежденій были назначены прокуроры въ городахъ, въ уѣздахъ же — стряпчіе.

Совершенно особнякомъ стоялъ такъ называемый «совѣстный судъ»—предтеча настоящаго суда совѣсти, современнаго суда присяжныхъ.

«Совѣстный судъ (по мысли законодательницы) никогда ничьей судьбы да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе порученныхъ ему дѣлъ». Задача его состояла въ восполненіи недостатковъ, присущихъ перечисленнымъ выше судамъ. Онъ вѣдалъ преступленія, совершенныя вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ или въ безпамятствѣ, наконецъ, малолѣтними, гдѣ недостаточно было формальнаго отношенія, нужно было вмѣшательство совѣсти. Кромѣ того, въ совѣстный судъ подавались жалобы на заключеніе въ тюрьму безъ объявленія закономъ причины въ теченіе 3-хъ дней, т.-е. въ этомъ случаѣ совѣстный судъ становился на стражу личныхъ правъ гражданина. Высшей инстанціей для этого рода дѣлъ служилъ «высшій совѣстный судъ». Всѣ перечисленные суды пользовались до извѣстной степени независимостью, но наиболѣе независимое положеніе занималъ «совѣстный судъ»—онъ получалъ указы только отъ Сената и Императора. Въ составъ его входили представители отъ всѣхъ сословій.

Въ судебныхъ учрежденіяхъ Екатерины II, собственно говоря, имѣются налицо многія условія, считающіяся необходимыми въ настоящее время для обезпеченія правосудія. Это отдѣленіе судебной власти отъ административной, а въ судебной—уголовныхъ дѣлъ отъ гражданскихъ, независимость судебной власти отъ административной, участіе общества въ судѣ, равенство суда (въ сословномъ смыслѣ) и, наконецъ, даже судъ совѣсти.

Однако, эти гарантіи, помимо своей ограниченности, существовали больше въ теоріи, на практикѣ же, благодаря неопредѣленности, указанной въ законѣ, и условіямъ общественной жизни, не привели къ осуществленію желаній законодательницы.

Просуществовавъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ (сократилось число инстанцій -- одна палата, во второй инстанціи остались лишь уѣздные суды и магистраты) до реформы 1864 г. и даже позднѣе, судебныя учрежденія Екатерины II на практикѣ привели къ отрицанію всѣхъ названныхъ выше гарантій правосудія.

Ихъ постигла та же участь, какъ и другія мѣстныя установленія (уѣздное и городское управленіе). Мы видѣли, что общество не воспользовалось предоставленными ему правами и устранилось отъ мѣстнаго управленія.

Точно такъ же поступлено и съ судомъ. Общественный элементъ вслѣдствіе этого потерялъ всякое значеніе въ судѣ, и

на первый планъ выступилъ бюрократическій. Въ судѣ, какъ и въ городской думѣ, всѣми дѣлами сталъ заправлять отнынѣ всемогущій секретарь.

«Все зиждилось на секретарѣ, онъ и былъ вершителемъ дѣла, онъ писалъ журналы, а прочіе члены, если и являлись въ судъ, то только для подписи оныхъ. Заурядъ журналы для подписи посылались на домъ къ членамъ, которые иногда даже и не жили въ городахъ, гдѣ были суды, а въ уѣздахъ». Рѣшенія поражали своей измѣнчивостью. «Сегодня, по журналу, дѣло рѣшалось такъ, а завтра иначе, смотря по тому, куда вѣтеръ дулъ, или чья сторона брала верхъ, или кто изъ членовъ превозмогалъ другихъ».

Секретарь, конечно, строилъ все дѣло производства на входящихъ и исходящихъ бумагахъ, передъ которыми совершенно отступили живые люди съ ихъ нуждами и интересами, и являлись неизбѣжные спутники бумажнаго дѣлопроизводства—формализмъ и крайняя медлительность.

Всѣ мѣры, направленныя противъ этихъ недостатковъ судопроизводства съ сохраненіемъ его основъ, оказывались недѣйствительными—приводили только къ ухищреніямъ и уловкамъ неаккуратныхъ чиновниковъ, отражавшимися, конечно, на интересахъ живыхъ людей.

«Губернскіе чиновники особыхъ порученій вихремъ летали по городамъ для понужденій то полиціи, то суда, поднимались и губернаторы, производя стряпчія ревизіи уѣздныхъ мѣстъ, наводя неописанный страхъ на всѣхъ служащихъ въ оныхъ. Дѣла подновлялись новыми подтвержденіями, а болѣе запущенныя прятались отъ взоровъ то въ стѣнахъ, шкафахъ, то въ архивахъ въ числѣ рѣшенныхъ, а наконецъ были и такіе случаи, какъ напримѣръ, въ Курскѣ при ревизіи сенатора Дурасова въ 1850 году, дѣла одного судебнаго мѣста оказались потопленными въ рѣкѣ. Самъ сенаторъ, съ подлежащими властями, въ лодкахъ, представляя собою цѣлую побѣдную флотилію, наблюдалъ за извлеченіемъ дѣлъ изъ царства Нептуна».

Но вытѣснивъ общественный элементъ изъ суда, судебная бюрократія сама была вытѣснена бюрократіей административной. Судъ не только не былъ отдѣленъ отъ полиціи, но подпалъ подъ полное вліяніе и зависимость полиціи. Насколько въ этомъ случаѣ была всесильна полиція, показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Жившій въ царствованіе Николая I купецъ Гутковъ нажилъ себѣ въ короткое время крупное состояніе. Это показалось подозрительнымъ III отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, оно притянуло его

къ допросу помимо суда и доложило Государю объ отобраніи у него состоянія. Николай I, однако, не допустилъ этого.

Князь Суворовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, по жалобѣ на коммерческій судъ, приказалъ всѣхъ членовъ арестовать. Въ одну изъ палатъ, замѣченную въ медлительности, онъ послалъ жандармскаго офицера, которому было предписано не выѣзжать изъ этого города, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла. Бѣда была еще въ томъ, что подъ покровомъ судебной тайны развилось лицепріятіе и взяточничество. Наконецъ, дореформенный судъ не зналъ защиты подсудимыхъ. Адвокатуры тогда не было, и самое званіе «адвокатъ» было въ подозрѣніи.

При такихъ условіяхъ и при отсутствіи гласности и контроля со стороны общественнаго мнѣнія «черная неправда» свила себѣ въ дореформенномъ судѣ прочное гнѣздо.

Въ результатѣ такихъ судебныхъ порядковъ былъ упадокъ въ народѣ довѣрія къ суду и уваженія къ закону.

Фактъ этотъ былъ установленъ правительствомъ наканунѣ судебной реформы. Такъ, на запросъ мѣстныхъ властей относительно причинъ судебныхъ непорядковъ, онѣ указали на повсемѣстное неуваженіе къ закону и повседневное его нарушеніе.

* * *

Правительство Николая I сознавало, что существующій судебный порядокъ плохъ и не обезпечиваетъ интересовъ правосудія. Самъ Николай I въ слѣдующихъ выраженіяхъ призналъ печальное положеніе вещей. Отправляя князя Давыдова на ревизію въ Калугу, онъ сказалъ ему:

— Поѣзжай — знаю напередъ, что хорошаго ты тамъ мало найдешь. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проекты о ней въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а разоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ.

Такимъ образомъ, не только были плохи судебные порядки, но и мѣры къ улучшенію ихъ «не двигались впередъ». Мѣры эти, впрочемъ, были таковы, что даже при осуществленіи ихъ не привели ни къ чему. Онѣ состояли, главнымъ образомъ, въ сокращеніи дѣлопроизводства, тогда какъ необходимо было коренное преобразованіе судебной части на новыхъ началахъ.

Въ этомъ убѣдился на дѣлѣ старый юристъ николаевскаго времени гр. Д. Н. Блудовъ, которому при Николаѣ I было поручено преобразованіе судебныхъ учрежденій и который

открылъ эру судебныхъ преобразованій при Александрѣ II, уже въ другомъ духѣ.

Въ своей заметкѣ 1857 года относительно судебной реформы гр. Блудовъ такъ писалъ относительно своего прежняго взгляда на реформу и теперешняго. «Мнѣ ранѣе казалось, при началѣ моего труда, что можно было бы улучшить наше производство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ тщательнѣе я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина, уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что черезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной намъ цѣли, но едва ли даже въ нѣкоторомъ отношеніи не удаляемся отъ нея. Поэтому «надобно стараться устранить причины зла, т.-е. безпорядковъ въ самомъ ихъ корнѣ; а для сего необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ общихъ непреложныхъ началахъ, безъ какихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова».

Эти «непреложныя начала», по мнѣнію гр. Блудова, состояли: въ отдѣленіи судебной власти отъ административной, уничтоженіи канцелярской тайны и введеніи гласности и устности судопроизводства и введеніи состязательнаго процесса, въ учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ; въ уголовныхъ—въ устраненіи полиціи отъ производства слѣдствія; въ введеніи на ряду съ обвинительной властью защиты, во ослабленіи теоріи законныхъ доказательствъ, въ предоставленіи простора убѣжденію судей, въ отмѣнѣ сословныхъ судовъ.

Т.-е. гр. Блудовъ требовалъ утвержденія началъ, прямо противоположныхъ современному ему суду — зависимому и безгласному, письменному, сословному, лишенному защиты.

Однако, на дѣлѣ это могло осуществиться только послѣ отмѣны крѣпостного права—ничѣмъ, какъ только крѣпостнымъ правомъ убусловливался и держался описанный порядокъ въ судахъ.

По мнѣнію Государственнаго Совѣта, высказанному въ 1862 году,—«смѣшеніе властей, напримѣръ, было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія. Помѣщичьи крестьяне, составлявшіе около половины всего нашего народонаселенія и лишенные гражданскихъ правъ, имѣли въ лицѣ своего владѣльца-хозяина судью и исполнителя своихъ рѣшеній. Такое же смѣшеніе властей наблюдалось и на учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ хозяйственныя и

полицейскія власти сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными. При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ оно должно было проникнуть и въ общее управленіе имперіей. и такъ всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава до губернатора и даже до министра, вмѣшиваясь въ силу самого закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія».

Съ такою же несомнѣнностью должны быть отнесены на счетъ крѣпостного права и другіе недостатки дореформеннаго суда.

Естественно поэтому, что отмѣна крѣпостного права открыла возможность коренного преобразованія суда.

Такъ поняло это и русское общество. Оно тѣсно связало крестьянскую реформу съ судебной. И когда была предпринята крестьянская реформа, оно стало возбуждать соотвѣтствующія ходатайства.

Мы уже знаемъ, что, напримѣръ, губернскіе комитеты, представляя свои проекты, указывали на необходимость преобразованія судебной части и въ какомъ именно видѣ. Отдѣленіе судебной власти отъ административной, гласность судопроизводства, мировой институтъ—вотъ pia desiderata комитетовъ. Тѣ же желанія высказало и дворянство нѣкоторыхъ губерній, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Ярославское дворянство въ числѣ другихъ мѣръ «ходатайствовало объ учрежденіи дѣйствительно независимой судебной власти, т.-е. суда присяжныхъ съ публичнымъ словеснымъ судопроизводствомъ и непосредственною отвѣтственностью предъ судомъ и обществомъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ».

«Руководимое только закономъ гласное гражданское судопроизводство, уголовный судъ, гласный по совѣсти и закону, т.-е. судъ присяжныхъ», «непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ»—вотъ о чемъ ходатайствовало владимирское дворянство.

Въ томъ же смыслѣ высказывалась и печать.

Осенью 1861 года государственный секретарь В. П. Бутковъ совмѣстно съ гр. Блудовымъ представили государю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ предлагали образовать при государственной канцеляріи особую комиссію для извлеченія изъ блудовскихъ проектовъ «главныхъ основныхъ началъ судебной реформы» и привлечь къ участію въ этой работѣ прикомандированныхъ къ государственной канцеляріи юристовъ

Государь одобрилъ мысль Буткова, и комиссія была образована. Въ качествѣ «прикомандированныхъ юристовъ» въ нее

вошли: Н. Л. Буцковскій, Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ, А. М. Пловскій.

Къ концу 1861 года комиссія разобрала проектъ Блудова, а въ началѣ 1862 года приступила къ выработкѣ «основныхъ началъ».

Въ это время предсѣдательство въ комиссіи вмѣсто Блудова получилъ кн. П. П. Гагаринъ, который испросилъ Высочайшее разрѣшеніе для комиссіи воспользоваться при выработкѣ основныхъ началъ «наукою и опытомъ европейскихъ державъ».

Въ апрѣлѣ—іюлѣ 1862 года выработанныя комиссіей начала были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и 27 сентября утверждены Государемъ, причемъ по предложенію С. И. Зарудпаго, начала были распубликованы въ «Собраніи Узаконеній», чтобы они могли подвергаться обсужденію со стороны общества. Новыя основныя начала, повторяя приведенныя выше «непреложныя начала» Блудова, прибавляютъ къ нимъ въ то же время такія существенныя учрежденія, какъ судъ присяжныхъ и мировой институтъ, затѣмъ учрежденіе прокуратуры, нотаріатства и кассаціоннаго суда (отмѣна рѣшенія).

К. П. Побѣдоносцевъ.

Руководствуясь этими и блудовскими началами, уже другая комиссія, подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, принялась за составленіе самыхъ судебныхъ уставовъ. Комиссія раздѣлилась на три секціи — гражданскую, уголовную и судопроизводство. Въ составъ ея вошли: С. И. Зарудный, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. В. Калачевъ, Н. А. Буцковскій, Д. А. Ровинскій, Н. В. Донской и др., впослѣдствіи получившіе извѣстность въ судебномъ мірѣ. Между членами-экспертами комиссіи были и профессора. Къ осени 1863 года комиссія закончила свою работу, и выработанные ею уставы поступили на разсмотрѣніе II отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Въ декабрѣ того же года судебные уставы внесены были въ Государственный Совѣтъ, гдѣ разсматривались въ теченіе 1864 года вплоть до 20 ноября, когда они получили Высочайшее утвержденіе.

Утвержденіе новыхъ судебныхъ уставовъ сопровождалось особымъ указомъ Правительствующему Сенату, въ которомъ указывалась исторія и цѣль судебной реформы.

«По вступленіи на прародительскій престолъ,—говорится въ указѣ,—однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 1856 года, было: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли».

Въ этихъ видахъ были предприняты преобразованія и выработаны начала и проекты новыхъ судебныхъ уставовъ.

«Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ

Ст.-секретарь Д. Н. Замятнинъ, министръ юстиціи.

скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Въ заключеніе указъ приглашаетъ всѣхъ къ содѣйствію цѣлямъ законодателя.

«Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ

вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства».

* * *

Судебныя учрежденія, согласно уставамъ 1864 года, распадаются на мировыя и общія.

Мировыя учрежденія состоятъ изъ мировыхъ судей (первая инстанція) и мировыхъ съѣздовъ (вторая инстанція). Городъ со своимъ уѣздомъ составляетъ, такъ сказать, мировой округъ, подраздѣляющійся на участки, по которымъ и распредѣляются участковые мировые судьи.

Мировые судьи выбираются черезъ посредство земскихъ собраній изъ мѣстныхъ жителей. Для избранія въ мировые судьи необходимъ образовательный цензъ или, по крайней мѣрѣ, трехлѣтняя служба и имущественный, равный двойному цензу земскихъ гласныхъ. Въ дополненіе къ участковымъ мировымъ судьямъ выбираются почетные, какъ замѣстители ихъ. Мировые судьи вѣдаютъ гражданскія и уголовныя дѣла.

Высшей инстанціей для мировыхъ судей служитъ съѣздъ мировыхъ судей, куда поступаютъ жалобы на рѣшенія мировыхъ судей.

Мировые судьи пользуются правомъ несмѣняемости и независимостью.

Общія судебныя учрежденія состоятъ изъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Окружный судъ обслуживаетъ нѣсколько уѣздовъ и состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ суда (коронные судьи). Дѣла, подвѣдомственныя окружному суду, разбираются при участіи присяжныхъ засѣдателей. Списки послѣднихъ составляются земскими собраніями.

Судебныя палаты обнимаютъ округи въ нѣсколько губерній и служатъ высшей судебной инстанціей для окружныхъ судовъ. Кромѣ того, нѣкоторыя преступленія (напримѣръ, должностныхъ лицъ) разбираются только судебными палатами (при участіи сословныхъ представителей).

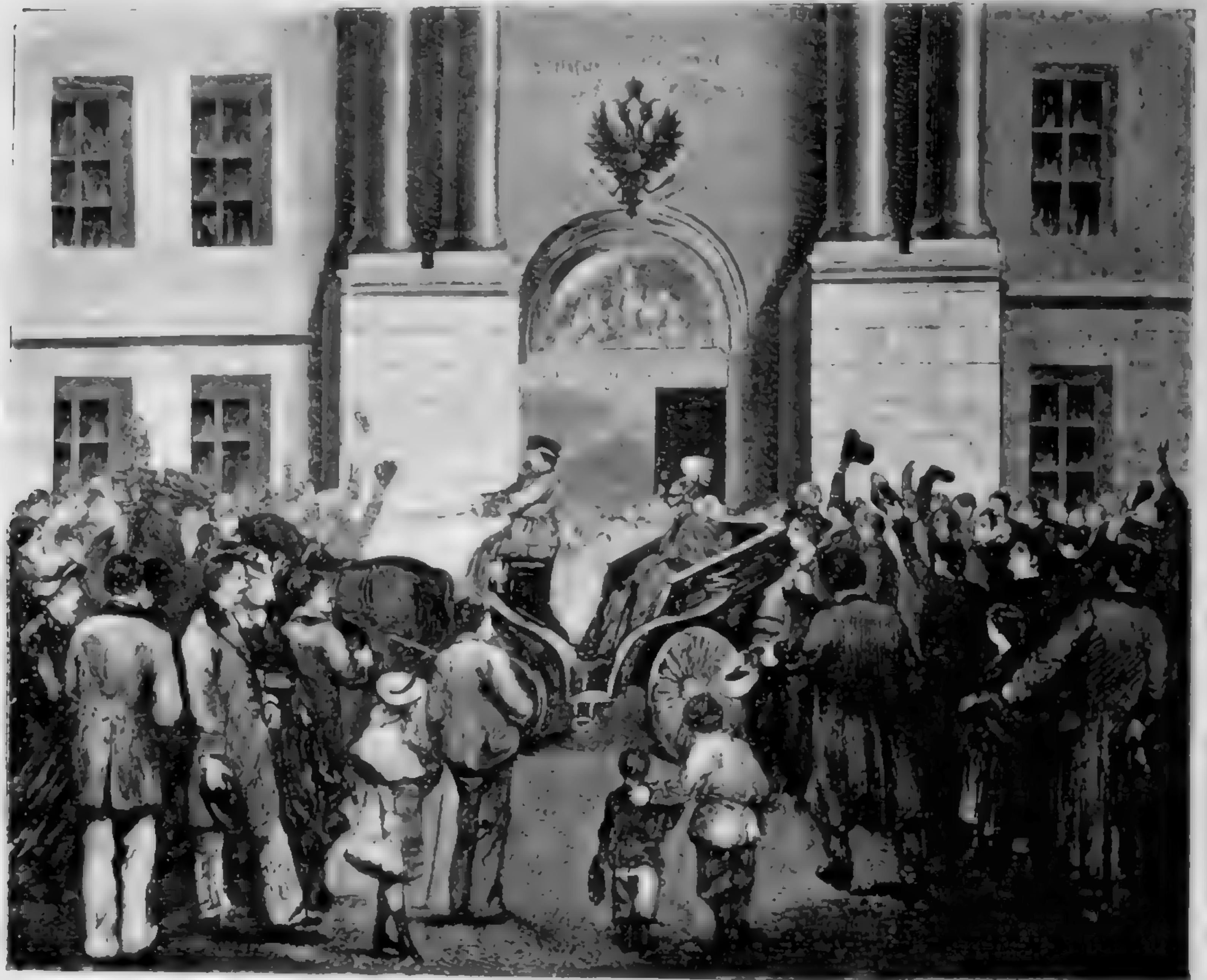
Судебныя палаты подраздѣляются на департаменты, образующіе, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя, общее присутствіе.

Къ составу судебныхъ же учрежденій принадлежатъ прокуроры съ ихъ товарищами, судебные слѣдователи, пристава и корпорація присяжныхъ повѣренныхъ съ ихъ помощниками и совѣтомъ.

Верховное наблюденіе за судебными установленіями принадлежитъ Сенату и министру юстиціи.

Новые судебные уставы рѣшено было ввести сначала въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ, затѣмъ въ остальной Европейской Россіи въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Съ особенною торжественностью состоялось открытіе новыхъ судовъ въ столицахъ, въ Петербургѣ—при участіи Императора.

Государь у зданія новаго суда въ С.-Петербургѣ

Общество судебную реформу встрѣтило съ такимъ же, если не большимъ, восторгомъ, какъ и другія реформы этого царствованія.

Петербургская дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ по поводу открытія новыхъ судовъ выразилась такъ:—«открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія».

На обѣдѣ по поводу открытія новаго суда въ Петербургѣ, 17 апрѣля 1866 года, извѣстный теперь юристъ Ѳ. А. Кони произнесъ слѣдующее стихотвореніе:

„На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто словомъ озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностной стратигъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта,
Онъ боли русскія постигъ
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ“.

Засѣданіе новаго суда по уголовному дѣлу.

Печать отмѣтила крупное значеніе совершившейся реформы.

«Немногое изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ обѣщать намъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться по важности и значенію съ судебною реформою, съ этимъ великимъ преобразованіемъ, долженствующимъ принести Россіи гражданское обновленіе и провести ясную черту между проходящимъ и грядущимъ». («Московскія Вѣдомости»).

«Все, что есть живого, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси»...

«До сихъ поръ бюрократическая администрація была все во всемъ. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе повсюду и видоизмѣнить весь строй нашей жизни» («Московскія Вѣдомости»).

«Къ новымъ русскимъ народнымъ праздникамъ принадлежатъ прежде всего дни 19 февраля и 17 апрѣля (день открытія новаго суда въ Петербургѣ), дни великихъ побѣдъ не надъ внѣшними врагами, а надъ исконною нашею домашнею губительницею—вѣковою неправдою; дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а стародавняго тирана—вѣкового безправія, или, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи». («Голосъ»).

Практика новыхъ судебныхъ учрежденій показала, насколько правы были публицисты наши, придавая такое большое значеніе судебной реформѣ, и укрѣпила довѣріе къ суду. А народъ русскій на дѣлѣ узналъ всю разницу между судомъ безгласнымъ и гласнымъ, долгимъ и скорымъ, зависимымъ и свободнымъ, неправымъ и правымъ.

* * *

Учебная реформа этого царствованія опять возвращаетъ насъ къ екатерининскому времени. Екатерина II и въ этой области была піонеркой, бросила сѣмена которыя взошли въ послѣдующія царствованія. Петровская школа имѣла по преимуществу практическо-профессіональный характеръ, цѣлью ея была, такъ сказать, техническая выучка. Екатерина II первая рѣшила придать школѣ общеобразовательный и, что особенно замѣчательно, всесословный характеръ и цѣлью школы поставила «произвести новое порожденіе», «новую породу» людей, т.-е. воспитаніе.

Осуществленію этихъ цѣлей должна была служить трояkаго типа школа,—малая (трехклассная), средняя (трехклассная) и главная (четырехклассная), учрежденныя Екатериной II въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, и столичные пансіоны—закрытыя учебныя заведенія. Въ числѣ послѣднихъ впервые появляется женское учебное заведеніе—Смольный институтъ. Въ это же царствованіе была сдѣлана первая попытка устроить низшую сельскую школу, но неудачно. И впервые была высказана мысль объ обязательности обученія.

Нельзя сказать, чтобы относительно средняго образованія Екатерина II имѣла успѣхъ.

При практическомъ проведеніи своего плана она натолкнулась на двоякое затрудненіе, встрѣчавшееся и впослѣдствіи ея преемникомъ,—на недостатокъ, какъ учителей, такъ и учениковъ. Первыхъ, при низкомъ уровнѣ образованія, трудно было найти въ Россіи, а послѣдніе сами не шли въ школы, уступали только силѣ, набирались въ школы нерѣдко при помощи полиціи. Кромѣ того, порученныя попеченію приказовъ общественнаго призрѣнія школы, какъ говорится, отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть, ибо приказы раздѣляли отрицательное отношеніе населенія къ школамъ и не обѣщали средствъ на нихъ.

Царствованіе внука піонерки русской общеобразовательной школы въ первую половину отличается оживленіемъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Народное просвѣщеніе теперь становится «особой государственной частью» и поручается самостоятельному министру, съ особымъ бюджетомъ на нужды народнаго образованія. Административная часть получаетъ стройную планимѣрную организацію. Вся Россія подраздѣляется на округа, подвѣдомственные попечителямъ округовъ, управляющимъ округами изъ Петербурга. Округа пріурочены къ университетамъ [1]), являющимся, такимъ образомъ, центромъ округовъ. Къ каждому округу приписано извѣстное число губерній, имѣющихъ каждое губернское училище (гимназіи) и подвѣдомственныхъ университетамъ. Слѣдующую ступень составляетъ уѣздный городъ съ уѣздомъ, имѣющій уѣздныя и приходскія училища, изъ которыхъ первыя находятся въ вѣдѣніи директора гимназіи, а вторыя—смотрителя уѣзднаго училища.

Учебная часть новой школы, сохранивъ прежній общеобразовательный характеръ, установила тѣсную связь между тремя типами школъ (при Екатеринѣ каждая изъ нихъ имѣла законный курсъ), расширила программу средней школы, ставшей теперь классической, и сдѣлала гимназію ступенью къ университету.

Университеты получили автономную организацію. Профессора выбирали ректора, декановъ и совѣтъ, свободно управляющій учебной и хозяйственной частью университета. Имѣлся свой университетскій судъ. Власть попечителя была отдаленной и скорѣе номинальной [2]).

Но во вторую половину царствованія Александра I, какъ извѣстно, совсѣмъ не похожую на первую, автономные университеты подверглись гоненію и лишились лучшихъ своихъ ученыхъ силъ, изъ иностранцевъ.

[1]) Въ то время было 3 университета—Московскій, Виленскій и Дерптскій, предполагали открыть въ Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ.

[2]) Въ это царствованіе былъ открытъ университетъ въ Харьковѣ.

Недостатокъ не только въ преподавателяхъ, но и въ учащихся, особенно въ университетахъ, гдѣ число слушателей иногда не достигало ста, служилъ и въ это время не малымъ препятствіемъ къ насажденію просвѣщенія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что время усиленныхъ заботъ русскаго правительства о народномъ образованіи, не совпадаетъ съ потребностью въ самомъ населеніи къ образованію, встрѣчается имъ равнодушно. (Царствованіе Екатерины II и первая половина царствованія Александра I).

* * *

Однако, это явленіе оказывается временнымъ, и заботы правительства о народномъ образованіи не пропали даромъ; въ слѣдующихъ поколѣніяхъ не только нарождается сильная потребность въ образованіи, но даже изъ среды русскаго общества выходятъ свои видные ученые и общественные дѣятели. Мы разумѣемъ поколѣніе второй половины царствованія Александра I и царствованія Николая I.

Но тогда, въ силу особыхъ политическихъ условій своего времени, русское правительство не проявляетъ склонности къ широкимъ заботамъ о просвѣщеніи. Наоборотъ, оно старается ввести его въ извѣстные предѣлы, ограничить его извѣстнымъ кругомъ лицъ и извѣстной сферой.

Такъ случилось съ народнымъ образованіемъ въ царствованіе Николая I. Особыя обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ этого Императора, были отнесены на счетъ недостатковъ образованія — «недостатки твердыхъ познаній», «пагубной роскоши полупознанія», располагающихъ къ «мечтательнымъ крайностямъ». Рѣшено было реформировать образованіе, и 14 мая 1826 года былъ съ этою цѣлью учрежденъ «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній». Вдохновителемъ комитета явился министръ Шишковъ, представившій цѣлый планъ реформы. Въ основу своего плана Шишковъ положилъ правило «каждому свое», т.-е. примѣнительно къ русскому обществу это означало, что каждый классъ общества долженъ былъ получить образованіе, отвѣчающее его соціальному положенію и нуждамъ и интересамъ его среды. Такимъ образомъ, «приходскія школы должны были существовать преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи—преимущественно для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права поступать въ нихъ».

А для предупрежденія распространенія среди юношества вредныхъ идей Шишковъ предлагалъ устроить при гимназіяхъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ для дворянъ пансіоны, а частные пансіоны закрыть. Такимъ путемъ предполагалось удержать юношество на возможно дальній срокъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній подъ бдительнымъ надзоромъ учебнаго начальства.

Шишковъ.

Планъ Шишкова, принятый въ своихъ основныхъ началахъ, получилъ примѣненіе въ уставѣ гимназіи и приходскихъ и уѣздныхъ училищъ (8 декабря 1828 г.), въ положеніи объ учебныхъ округахъ (25 іюня 1835 г.) и уставахъ университета (26 іюля 1835 года).

Первое законоположеніе внесло нѣкоторыя измѣненія въ учебныя программы училищъ, учредило должность директора народныхъ училищъ и приняло содержаніе ихъ на казенный счетъ. Въ гимназіяхъ же было сокращено преподаваніе древнихъ языковъ и расширена программа математики и новыхъ языковъ.

Положенiе объ учебныхъ округахъ совершенно разрушило Александровскую систему — вмѣсто сложной iерархической зависимости однихъ учебныхъ заведенiй отъ другихъ (низшихъ отъ высшихъ) явилось болѣе полное подчиненiе всѣхъ учебныхъ заведенiй одному общему учебному начальству, въ томъ числѣ и высшихъ. Теперь попечитель, перемѣстившiйся изъ Петербурга въ университетскiй городъ, сталъ дѣйствительнымъ начальникомъ округа.

Въ университетахъ былъ облегченъ судъ, ограничена власть совѣта и расширена власть попечителя надъ университетомъ въ учебныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ; инспекторъ университета теперь назначался попечителемъ. Ректора и декановъ продолжали выбирать. Студентамъ была дана форма и уставъ, опредѣляющiй ихъ поведенiе въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ университета. Преподаванiе было тоже реформировано въ духѣ «русскихъ началъ».

Преобразованiя на этомъ, однако, не остановились, они пошли дальше въ томъ же направленiи, подъ прямымъ влiянiемъ событiй на западѣ Европы.

Такъ, въ 1845 году была повышена плата за ученiе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiяхъ.

Мѣра эта была принимаема въ виду того, какъ сказано въ официальномъ документѣ отъ 1845 года, «что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведенiяхъ черезъ мѣру умножился процентъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованiе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянiя безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства». И вводится она «не столько для усиленiя экономическихъ суммъ учебныхъ заведенiй, сколько для удержанiя стремленiя юношества къ образованiю въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословiй». Такимъ образомъ, мысль Шишкова получила дальнѣйшее развитiе.

Затѣмъ цѣлый рядъ предметовъ распоряженiями 1842—50 годовъ былъ изъятъ изъ преподаванiя въ гимназiяхъ и университетахъ.

Въ гимназiяхъ оставались отъ александровскаго времени философскiя (логика, психологiя) и общественныя (законовѣдѣнiе, статистика) науки. Теперь эти предметы были упразднены; той же участи подвергся греческiй языкъ. Въ университетахъ были закрыты каѳедры государственнаго права европейскихъ державъ и философiи — въ виду послѣднихъ пожизненныхъ событiй въ Западной Европѣ. Пали въ университетахъ и послѣднiе остатки былой автономiи: ректоръ сталъ

назначаться министромъ, и даже не изъ профессоровъ, деканы хотя изъ профессоровъ, но безъ выбора; за преподаваніемъ былъ учрежденъ строгій надзоръ — лекціи предъявлялись предварительно въ рукописи, и при чтеніи нельзя было отступиться ни на іоту отъ разрѣшенной рукописи. При чтеніи нѣкоторыхъ предметовъ было предрѣшено направленіе и духъ ихъ.

Въ то же время впервые учреждена приватъ-доцентура для подготовки молодыхъ людей къ профессорскому званію безъ командировки за границу [1]).

* * *

Съ воцареніемъ Императора Александра II политика Министерства Народнаго Просвѣщенія круто перемѣнилась. Одна за другой были отмѣнены стѣснительныя мѣры сороковыхъ годовъ. Харьковскій и кіевскій округа, отданные въ 1847—48 гг. въ вѣдомство генералъ-губернаторовъ, вернулись подъ управленіе попечителей (1855); ректоры и деканы снова сдѣлались выборными, и данная имъ инструкція (для надзора за преподаваніемъ) уничтожена (1861). Инспекторъ потерялъ власть надъ студентами за стѣнами университета (1858), гдѣ имъ разрѣшено было носить партикулярное платье; въ 1861 г. форма была отмѣнена. Посылка профессоровъ за границу, пріостановленная въ 1848 г., возобновилась въ 1856 г.; чтеніе публичныхъ лекцій было облегчено (1862). Каѳедры философіи и государственнаго права были возстановлены.

Для студенческихъ дѣлъ учрежденъ университетскій судъ. Кромѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, требующихъ утвержденія попечителя, университеты вполнѣ самостоятельны. Студенты принимаются въ университетъ по гимназическимъ аттестатамъ зрѣлости и обязываются подпиской исполнять установленныя для нихъ правила; за право ученія вносится плата. Новый уставъ былъ введенъ во всѣхъ университетахъ, кромѣ Дерптскаго, и одновременно съ этимъ увеличенъ отпускъ средствъ на нужды университетовъ [2]).

* * *

Реформа средней школы была результатомъ компромисса между сторонниками классическаго и реальнаго образованія. Въ періодъ выработки, при участіи своими заключеніями

[1]) Въ это царствованіе былъ открытъ Кіевскій университетъ.

[2]) Въ это царствованіе семья университетская увеличилась двумя членами: открытъ былъ Варшавскій университетъ и рѣшено учредить университетъ въ Томскѣ.

110 педагогическихъ учрежденій и 255 частныхъ лицъ, обнаружилось много сторонниковъ какъ классическаго, такъ и реальнаго образованія. Вопросъ шелъ о томъ, какую школу признать за общеобразовательную — реальную или классическую. Ожесточенный споръ между классиками и реалистами не давалъ рѣшенія ни въ ту ни въ другую сторону, и потому рѣшено было сохранить классическую и реальную гимназію въ равномъ количествѣ; но въ угоду классикамъ въ половинѣ классической гимназіи вводились оба древнихъ языка, въ другой оставался одинъ латинскій.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Въ такомъ видѣ былъ утвержденъ новый уставъ гимназій 19 ноября 1864 года, просуществовавшій до 30 іюля 1871 года, когда былъ изданъ новый уставъ, по предложенію новаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого [1]). Согласно

[1]) Иниціаторомъ и главнымъ вдохновителемъ реформы 1871 года былъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковъ. Онъ выступилъ горячимъ поборникомъ классическаго образованія еще въ 1864 году и неустанно продолжалъ печатать въ своей газетѣ статьи по этому предмету. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ введенія классическаго образованія, Катковъ сдѣлалъ выборъ изъ важнѣйшихъ своихъ статей за періодъ 1864—1871 гг., посвященныхъ организаціи среднихъ школъ, и помѣстилъ ихъ въ 6-й книгѣ «Русскаго Вѣстника» 1879 года.

этому уставу классическая система образованія уже окончательно восторжествовала — всѣ гимназіи были обращены въ строго классическія съ обоими древними языками, а реальныя обращены въ «училища», не дающія права поступленія въ университетъ, куда отнынѣ принимаются *только* воспитанники гимназій.

Проведеніе реформы Толстымъ не обошлось безъ борьбы; защита имъ классической системы образованія, какъ единственно цѣлесообразной и въ педагогическомъ, и общественномъ, и морально-религіозномъ отношеніяхъ, встрѣтила энергичный отпоръ во всѣхъ стадіяхъ прохожденія. А въ послѣдней стадіи, т.-е. въ Государственномъ Совѣтѣ, была даже отвергнута большинствомъ членовъ. Только присоединеніе Государя къ меньшинству обезпечило осуществленіе реформы гр. Толстого.

* * *

Что касается реформы низшаго образованія, впервые этотъ вопросъ былъ поставленъ редакціонной комиссіей по выработкѣ положенія 19 февраля 1861 года, которая указала на необходимость открытія въ селахъ и деревняхъ начальныхъ народныхъ училищъ и принятіе содержанія ихъ на счетъ правительства.

Однако, прежде чѣмъ были приняты какія-либо мѣры въ этомъ смыслѣ правительствомъ, народное образованіе нашло поддержку въ обществѣ. Явился особый типъ школы, можно сказать, до сихъ поръ не извѣстный въ Россіи,—воскресныя школы. При Николаѣ I такихъ школъ было только три. Теперь же, благодаря измѣнившемуся отношенію правительства къ общественнымъ начинаніямъ, такія школы стали очень быстро возникать и въ сравнительно короткое время (годъ - два) достигли 300 съ 20.000 учащихся (къ іюню 1862 г.). Число учащихся въ отдѣльныхъ школахъ доходило до 100 и болѣе, а Шлиссельбургская воскресная школа въ Петербургѣ насчитывала 700 учащихся. Особенно широкое развитіе получило это дѣло въ Кіевѣ, гдѣ во главѣ его сталъ проф. Павловъ, и дѣятельную поддержку оказывалъ попечи-

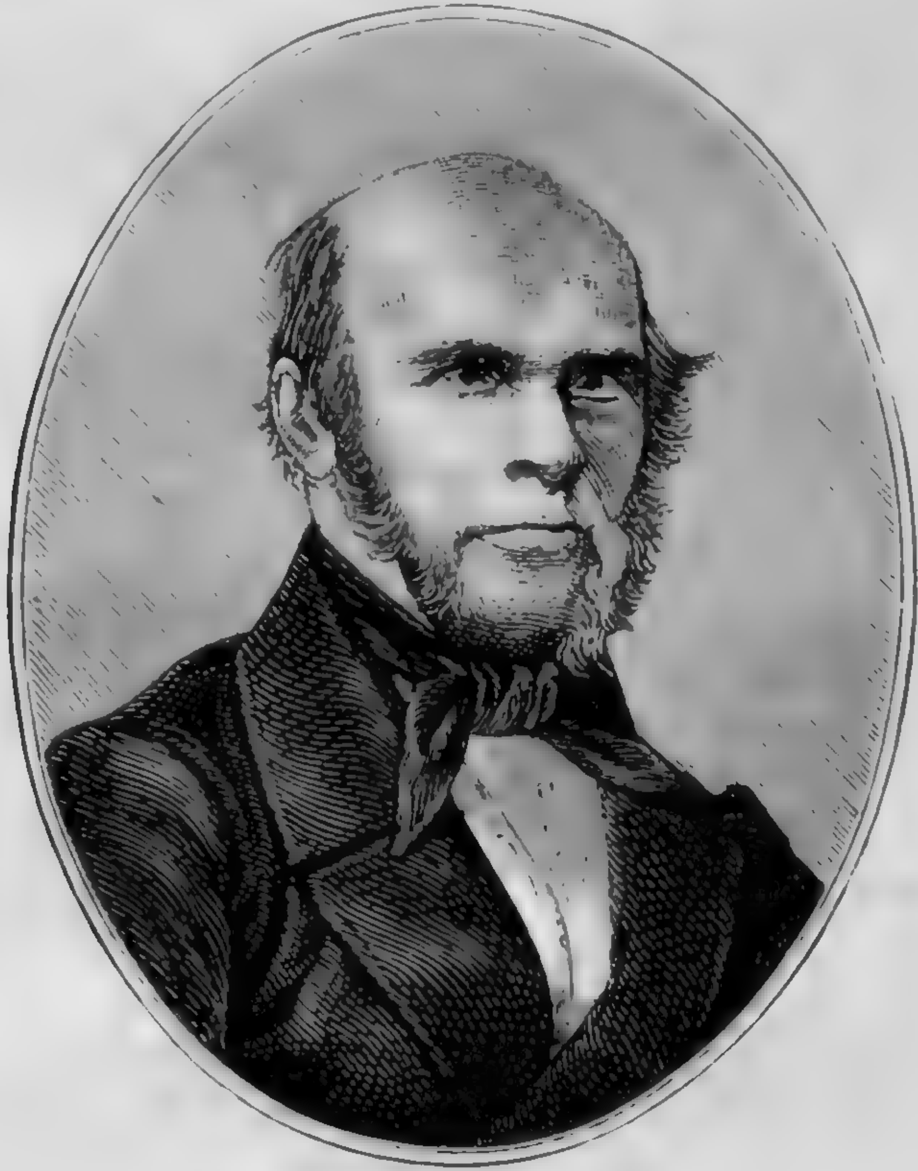

Классическую школу Катковъ понималъ, какъ единую годную для подготовленія ко всякой умственной дѣятельности, и доказывалъ неизбѣжность классической школы въ странѣ, желающей процвѣтанія самостоятельной науки во всѣхъ областяхъ знанія, не исключая и математической и естественно-исторической.

Ревностнымъ сотрудникомъ М. Н. Каткова по проведенію въ общественномъ сознаніи пользы и необходимости классической школы былъ его другъ и товарищъ по изданію «Московскихъ Вѣдомостей» — Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, посвятившій послѣдніе годы своей жизни основанному ими обѣими лицею Цесаревича Николая, гдѣ на практикѣ было примѣнено все то, что оба товарища проповѣдывали въ теоріи въ своей газетѣ.

тель Н. И. Пироговъ[1]), а также въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ образовался особый кружокъ для организаціи воскресныхъ школъ и сбора средствъ на нихъ. Преподаваніе велось вполнѣ свободно, какъ и вообще все дѣло. Въ качествѣ преподавателей были учащіеся и офицеры въ школахъ для солдатъ.

Это общественное начинаніе нашло себѣ поддержку въ правительственныхъ сферахъ — министръ внутреннихъ дѣлъ (Ланской) призналъ очень полезной такого рода дѣятельность общества и министръ народнаго просвѣщенія (Головнинъ) оказалъ поддержку, предоставивъ помѣщенія въ гимна-

Николай Ивановичъ Пироговъ.

зіяхъ для воскресныхъ школъ. Но такое положеніе воскресныхъ школъ продолжалось недолго. Въ обществѣ стали распространяться слухи о томъ, что воскресныя школы служатъ мѣстомъ для пропаганды. Слухи дошли до правительства, и воскресныя школы были сначала подчинены строгому надзору, а затѣмъ, подъ вліяніемъ тревожнаго общественнаго на-

[1]) Вмѣстѣ съ Пироговымъ въ рядъ дѣятелей этой эпохи и школьнаго дѣла долженъ быть поставленъ К. Д. Ушинскій, какъ выдающійся педагогъ. Какъ только для освобожденнаго народа понадобились школы и книги, Ушинскій занялся ихъ составленіемъ. Кромѣ того, онъ горячо ратовалъ за устройство учительскихъ семинарій, столь необходимыхъ для подготовленія учителей для новыхъ школъ.

строенія, и совсѣмъ закрыты, впредь до особыхъ распоряженій.

До назначенія министромъ народнаго просвѣщенія Головнина, при которомъ состоялась реформа низшаго образованія, въ этомъ министерствѣ было составлено два проекта — ученымъ комитетомъ и особымъ комитетомъ изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ. Головнинъ, получивъ эти проекты, нашелъ прежде всего необходимымъ оба проекта

К. Д. Ушинскій.

разослать для заключенія по всѣмъ вѣдомствамъ, частнымъ лицамъ и, въ переводѣ, иностраннымъ извѣстнымъ педагогамъ. Отзывы на проекты были сосредоточены въ ученомъ комитетѣ, который выработалъ проектъ и передалъ его на разсмотрѣніе особаго совѣщанія при участіи оберъ-прокурора Св. Синода и министровъ — просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.

Этому совѣщанію Головнинъ представилъ свои соображенія относительно организаціи начальнаго образованія. По его мнѣнію, надо объединить прежде всего дѣло начальнаго

образованія на началѣ совмѣстной работы вѣдомствъ, учрежденій и частныхъ лицъ, имѣющихъ школы. Для этого Головнинъ предлагалъ на мѣстахъ учредить попечительные уѣздные училищные совѣты, состоящіе изъ представителей отъ министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, духовнаго вѣдомства и представителей вѣдомствъ, содержащихъ школы. Комитеты эти и должны вѣдать народное образованіе въ предѣлахъ уѣзда, предоставивъ, однако, непосредственное управленіе школами общинамъ или частнымъ лицамъ, содержащимъ эти школы.

Роль Министерства Народнаго Просвѣщенія, по мысли Головнина, должна заключаться въ наблюденіи за учебной частью, составленіи учебниковъ, учрежденіи образцовыхъ школъ. Роль духовенства — въ доставленіи законоучителей. На Министерство же Внутреннихъ Дѣлъ возлагается содѣйствіе по изысканію матеріальныхъ средствъ на содержаніе школъ и наблюденіе за школами со стороны благонадежности преподавателей. Въ виду разнообразія мѣстныхъ условій Головнинъ предлагалъ отступленіе отъ общаго типа школы, не исключая и преподаванія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Наконецъ, Головнинъ находилъ необходимымъ оказывать всякое содѣйствіе частной инициативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Особое совѣщаніе приняло всѣ соображенія Головнина, кромѣ преподаванія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ.

Въ такомъ видѣ, съ присоединеніемъ смѣты, проектъ поступилъ въ іюлѣ 1863 года на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Здѣсь было сдѣлано возраженіе на ту часть проекта, которая предлагаетъ учрежденіе училищныхъ совѣтовъ. Главноуправляющій II отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи баронъ Корфъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій находили болѣе цѣлесообразнымъ передать управленіе всѣми школами земствамъ, какъ органамъ, близко стоящимъ къ населенію, хорошо знающимъ нужды своей мѣстности, и потому болѣе компетентнымъ. Отъ привлеченія земствъ дѣло народнаго образованія выиграетъ и въ смыслѣ оживленія и въ смыслѣ развитія.

Мнѣніе это было отклонено, но, въ видѣ уступки ему, представители земства включены въ составъ уѣздныхъ совѣтовъ. 14 іюля 1864 года положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ получило высочайшее утвержденіе и введено, за нѣкоторыми исключеніями, въ большинствѣ губерній Европейской Россіи.

Въ министерствѣ гр. Д. А. Толстого организація начальнаго образованія претерпѣла нѣкоторыя измѣненія въ смыслѣ

предоставленія большаго участія въ этомъ дѣлѣ учебному начальству и сокращенія комитетныхъ общественныхъ органовъ, исключеніе было сдѣлано для одного сословія — дворянства. Послѣднее, въ лицѣ своихъ предводителей, приглашено высочайшимъ рескриптомъ на имя министра «стать настражѣ народной школы».

Около того же времени было обращено вниманіе и на земское образованіе. Уже въ 60-хъ годахъ на ряду съ существовавшими земскими закрытыми учебными заведеніями, или

Александръ II съ Императрицей въ сельской школѣ.

институтами, стали устраиваться открытыя земскія учебныя заведенія, находящіяся, подобно институтамъ, въ вѣдѣніи вѣдомства Императрицы Маріи. Теперь такія же открытыя женскія учебныя заведенія, доступныя для дѣвицъ всѣхъ сословій, стало учреждать и Министерство Народнаго Просвѣщенія, и въ 1870 г. 24 мая состоялось Высочайшее утвержденіе новаго положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Затѣмъ потребность въ высшемъ образованіи для женщинъ также получила удовлетвореніе черезъ утвержденіе педагогическихъ женскихъ курсовъ и выс-

шихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани и Одессѣ.

Въ тѣсной связи съ заботами о народномъ просвѣщеніи стоитъ новый законъ о печати. Привлекая общество къ участію въ реформахъ и отдавая неоднократно на судъ этого общества свои законопроекты, правительство не могло обойти такого важнаго вопроса, какъ положеніе русской печати.

И прежде всѣхъ этотъ вопросъ занималъ самого Императора.

Александръ II хотѣлъ, чтобы печать пользовалась извѣстной степенью свободы и чтобы для сдерживанія ея направленія, не согласнаго съ видами правительства, употреблялись не мѣры стѣсненія, а мѣры косвеннаго воздѣйствія.

Въ этихъ видахъ былъ учрежденъ негласный комитетъ. Но, какъ и предполагалъ Императоръ, комитетъ не нашелъ расположенія и довѣрія въ публикѣ, къ нему отнеслись съ подозрѣніемъ, считая его повтореніемъ «бутурлинскаго» комитета 1848 года, а въ печати были сдѣланы рѣзкія нападки на комитетъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что, просуществовавъ около года, комитетъ, какъ не достигшій своего назначенія, былъ закрытъ. Но пока принимались мѣры косвеннаго воздѣйствія на печать, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія начата была работа по пересмотру законовъ о печати и составленію новаго законоположенія по этой части.

Съ этой цѣлью были собраны матеріалы по исторіи законодательства о печати въ Россіи и за границей, и дозволено было заинтересованной въ этомъ дѣлѣ части общества—литераторамъ—высказать свои мнѣнія. А въ мартѣ 1862 года подъ предсѣдательствомъ кн. Д. Оболенскаго была образована особая комиссія для составленія устава о книгопечатаніи, которая къ началу 1863 года составила проектъ. Дѣло было задумано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ очень широко, но онъ сдѣлалъ одинъ шагъ, который измѣнилъ весь ходъ дѣла.

Представляя свой проектъ въ комитетъ министровъ, онъ поставилъ вопросъ о томъ, какому министерству должна принадлежать цензура — народнаго просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ. Мало того, поставивъ вопросъ, онъ далъ на него самъ же и отвѣтъ въ пользу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, т.-е. добровольно отказался отъ руководительства печатью. «Министерство Народнаго Просвѣщенія, — говорилъ Головнинъ, — имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о развитіи, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ быть ея строгимъ судьею».

Въ другомъ положеніи находится Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

«На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за нарушеніемъ закона и способнѣе Министерства Просвѣщенія оцѣнить важность нарушенія, роль Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе».

Доклады Головнина нашли убѣдительными, и цензура, въ силу Высочайшаго повелѣнія 10 января 1863 года, была передана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Туда же перешелъ и проектъ.

Теперь за дѣло взялся министръ внутреннихъ дѣлъ графъ П. А. Валуевъ. Онъ образовалъ новую комиссію, въ которую вошли въ числѣ другихъ Никитенко, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ (литераторы). Къ веснѣ 1863 года комиссія составила проектъ. Въ основу проекта было положено французское законодательство о печати времени второй имперіи (Наполеона III). Особенности его состояли во введеніи предостереженій, освобожденіи нѣкоторыхъ изданій (объемомъ до 20 листовъ) отъ предварительной цензуры, установленіи законовъ для періодическихъ изданій и передачѣ нѣкоторыхъ преступленій печати суду присяжныхъ.

До поступленія въ Государственный Совѣтъ проектъ былъ разосланъ министрамъ и главноуправляющимъ, изъ которыхъ существенныя возраженія на проектъ сдѣлали Головнинъ и баронъ Корфъ. Оба находили, что проектъ страдаетъ неопредѣленностью, смѣшеніемъ двухъ системъ — предупредительной и карательной.

Когда проектъ поступилъ, въ январѣ 1865 года, въ департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта, то и здѣсь были сдѣланы замѣчанія бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ о смѣшеніи въ проектѣ карательной и предупредительной системъ. Департаментъ законовъ согласился съ мнѣніемъ о преимуществѣ карательной системы, но, въ виду неустройства судебной части, остановился на смѣшанной системѣ проекта, какъ на переходной мѣрѣ, до упорядоченія судебной части. Размѣръ изданій безъ предварительной цензуры опредѣленъ въ 10 листовъ. Судъ же присяжныхъ для печати былъ замѣненъ судомъ сословныхъ представителей.

Такимъ образомъ, послѣ двукратнаго разсмотрѣнія проекта департаментомъ законовъ онъ былъ одобренъ общимъ присутствіемъ и 6 апрѣля 1865 года сталъ закономъ, но закономъ временнымъ, какъ переходная мѣра до преобразованія судебной части и указаній опыта.

Печать, какъ и нужно было ожидать, встрѣтила новый законъ съ чувствомъ неподдѣльной радости.

Остальныя реформы этого царствованія — въ военномъ дѣлѣ и въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ. Изъ нихъ, однако, наиболѣе крупной надо признать введеніе всеобщей воинской повинности 1 января 1874 года. Мѣра эта обязана своимъ осуществленіемъ молодому и талантливому военному министру Д. А. Милютину, брату извѣстнаго намъ Н. А. Милютина. Въ виду ея важнаго значенія мы подробно остановимся на этой реформѣ. Что же до Министерства Финансовъ,

Мих. Христ. Рейтернъ, министръ финансовъ.

то осуществлена отмѣна откуповъ и соляной монополіи и впервые обнародована во всеобщее свѣдѣніе государственная роспись доходовъ и расходовъ въ 1862 году, въ министерство М. Х. Рейтерна.

Въ 1865 году царскую семью, а вмѣстѣ съ нею и Россію постигло тяжкое горе. Въ Ниццѣ, въ виллѣ Бермонъ, въ ночь съ 11 на 12 апрѣля, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ тихо скончался на рукахъ безмѣрно огорченныхъ родителей, невѣсты и горячо любимаго брата Александра Александровича.

Глубокой скорбью и истинно-христіанскимъ смиреніемъ проникнутъ Высочайшій манифестъ, извѣстившій Россію о кончинѣ царскаго первенца. «Покоряясь безропотно Промыслу Божьему,—читаемъ въ этомъ манифестѣ,— Мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ Намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею Намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ наши вѣрные подданные раздѣлятъ съ Нами душевную скорбь Нашу, Мы въ нихъ находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ Нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго сына Нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, Нами и всей Россіей на него возложенныхъ. Да осѣнитъ его десница Вышняя

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

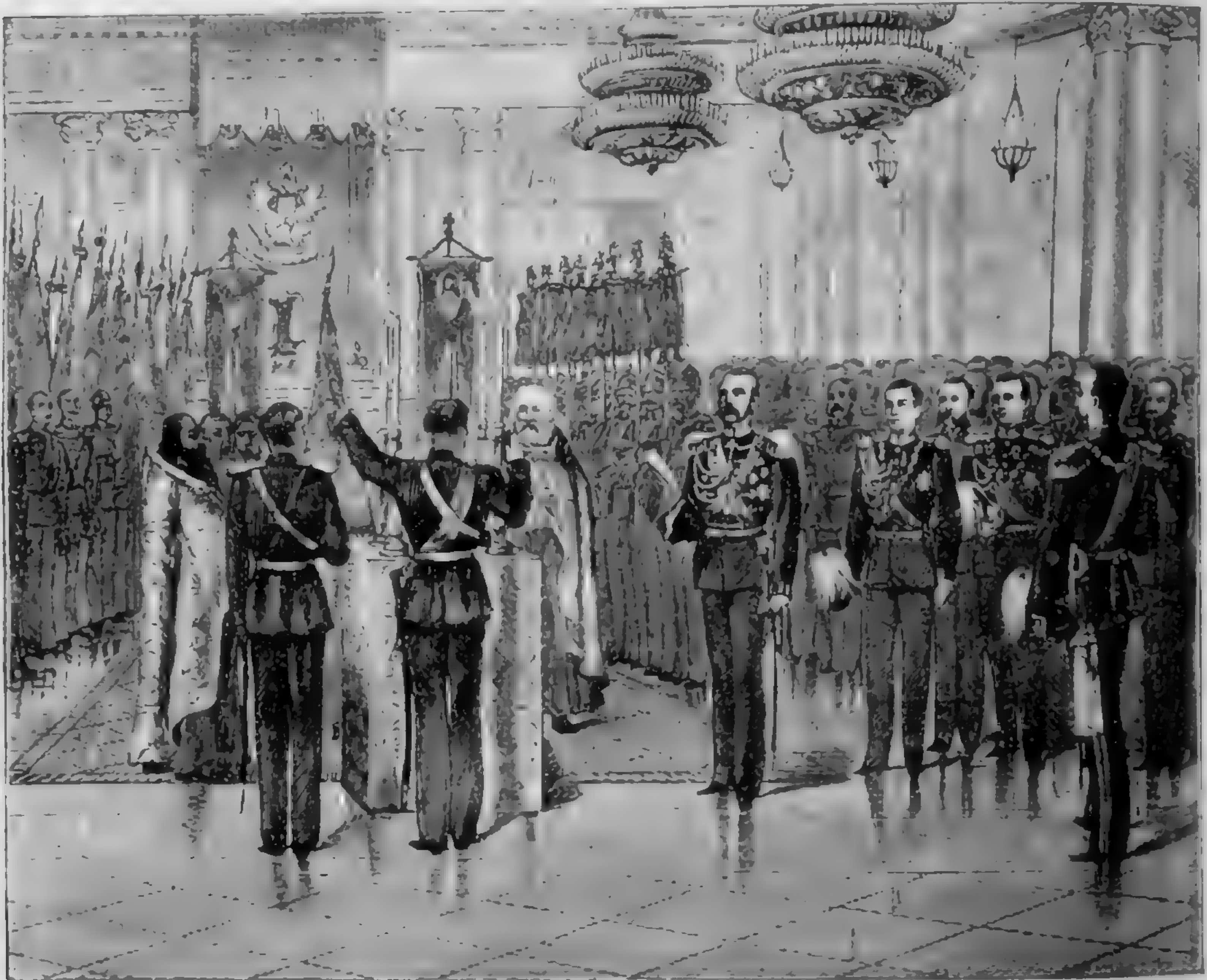
въ мірѣ лучшемъ, идѣ же нѣсть болѣзни и печали». Заключался манифестъ провозглашеніемъ Наслѣдникомъ и Цесаревичемъ Великаго Князя Александра Александровича.

17-го апрѣля состоялось перенесеніе смертныхъ останковъ Цесаревича Николая на фрегатъ «Александръ Невскій» для слѣдованія въ Россію, а 28-го—мая и самое погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ, усыпальницѣ Императорскаго Дома.

29-го мая Государь Императоръ принималъ представителей иноземныхъ державъ, а также многочисленныя депутаціи отъ всѣхъ сословій, прибывшихъ изъ разныхъ губерній для присутствованія при похоронахъ Цесаревича Николая и для принесенія вѣрноподданническихъ чувствъ глубокой скорби о постигшей царскую семью и всю Россію утратѣ.

Государь вышелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. Выразивъ въ теплыхъ словахъ скорбь по отшедшемъ и благодарность за сочувствіе всему народу русскому, Государь закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго Наслѣдника моего тѣ чувства, которыя вы питали къ его покойному брату. За его же чувства къ вамъ я ручаюсь. Онъ любитъ васъ такъ же горячо, какъ я васъ люблю и какъ любилъ

Присяга Цесаревича Александра Александровича лѣтомъ въ 1866 году.

васъ покойный. Молитесь Богу, чтобъ Онъ сохранилъ его намъ для будущаго благоденствія и славы Россіи! Еще разъ благодарю васъ, господа, отъ души».

20-го іюня состоялось торжественное принесеніе присяги Наслѣдникомъ Цесаревичемъ о чемъ Государь Императоръ извѣстилъ своихъ подданныхъ новымъ прочувствованнымъ манифестомъ.

Согласно установленному издревле обычаю Императоръ пожелалъ самъ представить своего Наслѣдника первопрестольной столицѣ. Оба прибыли въ Москву 14-го августа и пробыли тамъ цѣлую недѣлю, къ великой радости москвичей.

17-го іюня 1866 года Цесаревичъ Александръ Александровичъ былъ помолвленъ съ дочерью короля датскаго, принцессой Дагмарой. 14-го сентября высоконареченная невѣста высадилась въ Кронштадтѣ, гдѣ ее встрѣтили Императоръ, Императрица, августѣйшій женихъ и всѣ члены царской семьи, сопроводившіе ее въ Петергофъ. Отсюда 17-го сентября состоялся торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты въ столицу. Св. миропомазаніе принцессы съ нареченіемъ ея Великой Княжной Маріей Ѳеодоровной и обрученіе происходили 13-го октября, а 28-го того же мѣсяца Высочайшій манифестъ огласилъ по всей Россіи радостную вѣсть о вступле-

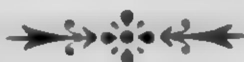

Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна.

ніи въ бракъ Наслѣдника престола, призывая всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ вознести вмѣстѣ съ царскою семьею молитвы къ престолу Всевышняго «да осѣнитъ Онъ эту любезную Намъ чету Его всещедрою благодатію и да благословитъ союзъ ихъ Императорскихъ Высочествъ многолѣтнимъ полнымъ и безмятежнымъ счастіемъ къ утѣшенію Нашему, любезнѣйшей супруги Нашей, Государыни Императрицы Маріи Александровны, всего Нашего императорскаго дома и ко благу любимой Нами Россіи».

Военныя реформы.

Мирный договоръ, подписанный въ Парижѣ 18-го марта 1856 г., извѣстный подъ названіемъ Парижскаго мира, былъ удачнымъ разрѣшеніемъ политической грозовой тучи, собравшейся надъ Россіей, хотя Императоръ, въ случаѣ неблагопріятнаго поворота переговоровъ для выгодъ государства и національнаго чувства, принялъ рѣшеніе дать вооруженный отпоръ и выдержать до конца ниспосланное свыше испытаніе.

Но война кончилась. Миръ былъ заключенъ. Паденіе Севастополя было тяжелымъ оскорбленіемъ для народнаго самолюбія и заставило глубже отнестись къ его причинамъ. Выяснились многіе недочеты какъ во внутренней организаціи войска, такъ и несовершенства всей системы Военнаго Министерства. Амуниція солдатъ была тяжела и неудобна. Вооруженіе было плохо. Гладкоствольныя ружья годились только для рукопашныхъ схватокъ и въ стрѣльбѣ были безсильны противъ нарѣзного оружія, что и являлось одной изъ главныхъ причинъ многихъ изъ нашихъ неудачъ въ сраженіяхъ съ союзниками. Штыковой рукопашный бой нашихъ войскъ не имѣлъ себѣ равнаго, но прежде чѣмъ наша атакующая колонна достигнетъ противника, она несла большія потери отъ его огня.

Офицерскій составъ былъ крайне неудовлетворительный. 60 процентовъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и до 80 процентовъ, было недоучекъ среднеучебныхъ заведеній, кончившихъ уѣздное училище или кантонистскую школу, просто съ домашнимъ образованіемъ или людей, выслужившихся изъ нижняго званія. Требованія, которыя предъявлялись офицерамъ, были крайне ограничены и не шли далѣе знаній уставовъ, да и обученіе солдатъ въ большинствѣ случаевъ лежало не на офицерахъ, а на фельдфебеляхъ, унтеръ-офицерахъ, примѣнявшихъ своеобразные педагогическіе пріемы: кулачная расправа составляла непремѣнную принадлежность всякаго ученія, и офицеры, отдавая дань духу времени, если кто и самъ не билъ, то во всякомъ случаѣ смотрѣли на это снисходительно. Шпицрутены въ 3000 ударовъ составляли заурядное явленіе. Все это при двадцатипятилѣтнемъ срокѣ службы превращало жизнь солдата въ каторгу, на которую съ ужасомъ провожали родные рекрута.

На постъ военнаго министра, вскорѣ послѣ заключенія мира, вмѣсто князя В. А. Долгорукова вступилъ Н. О. Сухо-

занетъ. За пять лѣтъ, которыя онъ стоялъ во главѣ Военнаго Министерства, имъ, для обезпеченія положенія нижнихъ чиновъ былъ замѣненъ двадцатипятилѣтній срокъ службы пятнадцатилѣтнимъ въ сухопутныхъ войскахъ и четырнадцатилѣтнимъ во флотѣ и окончательно отмѣнены военныя поселенія. Въ первый же годъ послѣ войны съ приведеніемъ арміи на мирное положеніе около полумилліона нижнихъ чиновъ

Д. А. Милютинъ.

было уволено въ отставку, въ безсрочные и временные отпуска.

Кореннымъ реформамъ подверглось все Военное Министерство, когда въ 1861 году военнымъ министромъ сталъ товарищъ министра генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ. Главною цѣлью преобразованій онъ поставилъ возможное уменьшеніе въ экономическихъ видахъ наличнаго числа войскъ въ мирное время, при условіи наибольшаго развертыванія при открытіи военныхъ дѣйствій, въ чемъ явилась уже такая настоятельная надобность во время послѣдней Восточной войны. Основнымъ

условіемъ для этого было образованіе въ имперіи запаса людей, знакомыхъ со строемъ, который можно было бы въ любую данную минуту влить въ ряды.

Слѣдовало измѣнить порядокъ набора солдатъ и сократить срокъ службы, чтобы черезъ ряды проходило возможно большее число людей. Воинская повинность ложилась до сихъ поръ только на податное сословіе, т.-е. на крестьянъ и мѣщанъ.

Званіе солдата, которое считается теперь высокимъ и почетнымъ, можно было раньше пріобрѣсти за преступленія и позорную жизнь, такъ какъ отдача въ солдаты прямо опредѣлялась уголовными законами, а также разрѣшалась помѣщикамъ, какъ средство избавиться отъ негодныхъ людей. На ряду съ ними попадали въ солдаты люди и хорошіе, но бѣдные, не имѣющіе средствъ купить выкупную рекрутскую квитанцію или приписаться къ купечеству. Д. А. Милютинъ считалъ справедливымъ сдѣлать воинскую повинность принадлежностью не одного только бѣднѣйшаго класса населенія, а всеобщей.

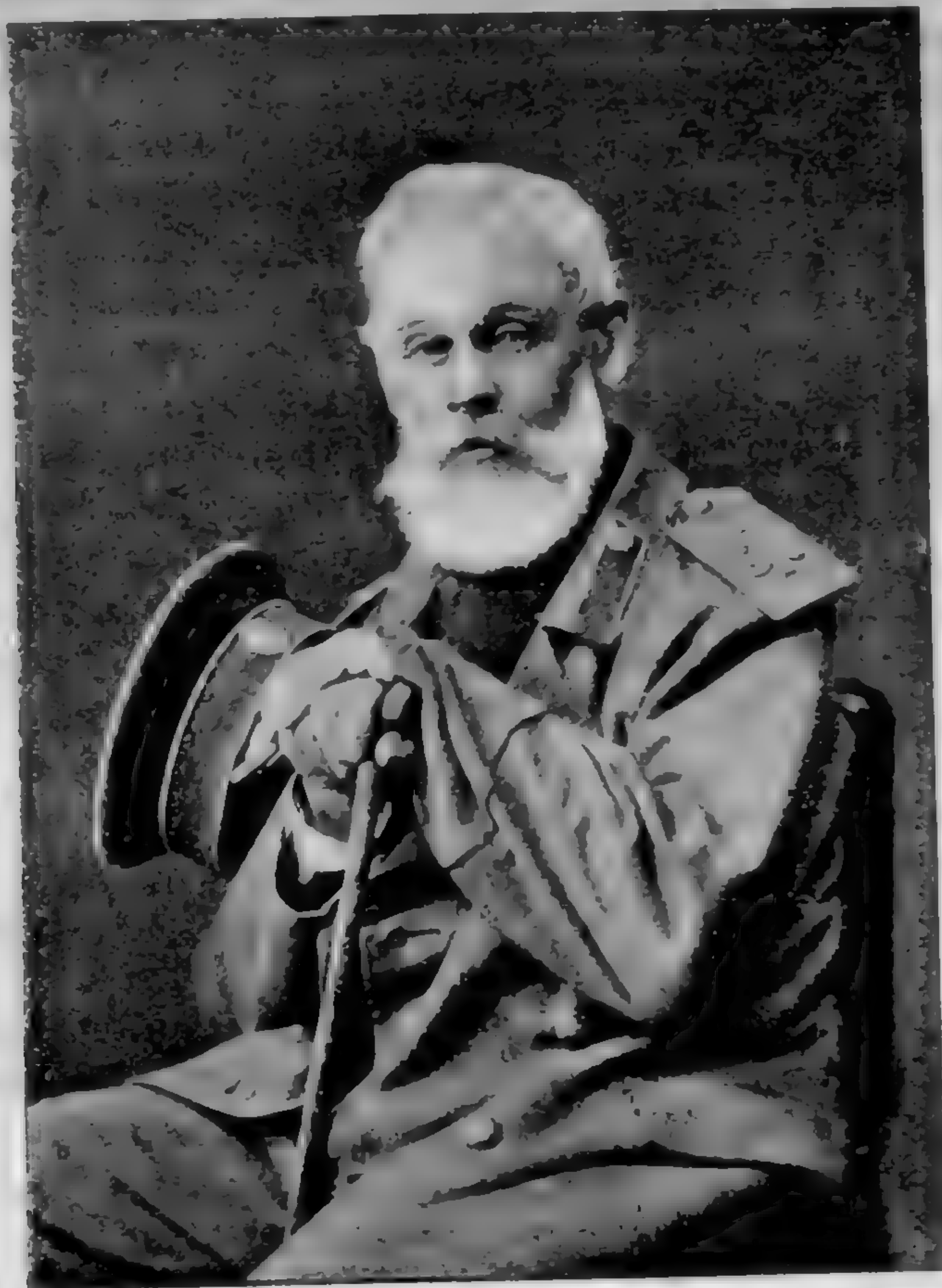
Понятное дѣло, идея равенства всѣхъ сословій для несенія этой тягчайшей государственной повинности, нашла себѣ ярыхъ противниковъ среди тѣхъ классовъ, на которые она до сихъ поръ не распространялась. Результатомъ этого было то, что реформа, задуманная въ 1862 г., была приведена въ исполненіе только въ 1874, да и то сильнымъ толчкомъ къ этому была франко-прусская война. Прусскія побѣды слишкомъ наглядно показали преимущества введенной у нихъ еще раньше всеобщей воинской повинности, чтобы не вызвать подражанія въ этомъ и у насъ.

Въ концѣ-концовъ законъ о воинской повинности, утвержденный 1 января 1874 г., вылился въ положенія, по которымъ воинской повинности подлежатъ всѣ безъ изъятія. Право откупа отъ военной службы и замѣны себя другимъ совершенно исключено.

Срокъ службы уменьшенъ до 7 лѣтъ пребыванія на дѣйствительной службѣ въ мирное время. Отъ военной службы освобождаются только лица, имѣющія физическіе недостатки. По семейному положенію дается отсрочка. Пріемъ на службу рѣшается жребіемъ.

По образованію даны большія льготы. Начиная съ лицъ съ высшимъ образованіемъ и кончая кончившими начальныя училища, сокращены сроки службы отъ полугода до четырехъ лѣтъ. До окончанія образованія даны отсрочки. Признано полезнымъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, поступившихъ по жребію, не отвлекать отъ другихъ родовъ госу-

дарственной дѣятельности и держать ихъ на дѣйствительной службѣ только крайне короткій срокъ, необходимый для усвоенія военной службы. Льготы по образованію широко отвѣчали общепросвѣтительнымъ цѣлямъ государства. Разница въ срокѣ службы кончившаго высшее учебное заведеніе и гимназію могла служить послѣднему толчкомъ для продолженія своего образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ для полученія права на льготу.

Д. А. Милютинъ.

Въ принципѣ обученія солдатъ положено, что сила государства не въ одной численности войскъ, но и въ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ этого войска. Солдатъ стали развивать, обучать, возвышать нравственно, ограничивъ тѣлесныя наказанія и кулачную расправу. Обученіе всѣхъ солдатъ грамотѣ въ смыслѣ поднятія народнаго образованія поставило Военное Министерство солиднымъ помощникомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ, новый законъ, кромѣ блага для спеціально военнаго дѣла, имѣлъ огромное значеніе для распространенія просвѣщенія въ массѣ.

Заслуги Д. А. Милютина поистинѣ оцѣнены въ Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ есть слѣдующія слова:

«Проникнутый горячей заботливостью о пользѣ арміи и общемъ благѣ государства, вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно нравственной силы войска, а въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ: быта семейнаго, промышленности, торговли и искусствъ, а въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ».

При измѣненіи организаціи войскового управленія высшимъ войсковымъ начальникамъ было признано необходимымъ дать бо̀льшую самостоятельность и бо̀льшую объединяющую власть, дѣятельность же центральныхъ учрежденій свести къ главному контролю съ указаніемъ общаго направленія. Съ этой цѣлью къ началу 1871 года вся Россія была раздѣлена на 14 военныхъ округовъ: петербургскій, финляндскій, виленскій, варшавскій, кіевскій, одесскій, харьковскій, московскій, казанскій, кавказскій, оренбургскій, два сибирскихъ и туркестанскій. Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ были устранены многія неудобства, продолжавшіяся долгіе годы. При старыхъ порядкахъ по каждому отдѣлу военнаго хозяйства — инженерному, артиллерійскому, коммисаріатскому, провіантскому и т. д. — имѣлись спеціальные округа, имѣвшіе на мѣстѣ малую власть и обращавшіеся за утвержденіемъ всякой мелочи въ Петербургъ.

Власть командующаго округомъ объединила всѣ эти разнородные отдѣлы, устранила неминуемую раньше волокиту и пререканія между строевыми начальниками и хозяйственными инстанціями и вмѣстѣ явила изъ себя контроль на мѣстѣ, облеченный большими полномочіями. Намеки на военно-окружную систему были у насъ и раньше на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири, гдѣ корпусные начальники были и начальниками края. Тамъ считалось это необходимымъ, потому что въ тѣхъ мѣстностяхъ постоянно велась война, а въ короткіе промежутки, когда ее не было, нужно было быть постоянно готовымъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій.

Организація въ мирное время большихъ армій уничтожена, а положено съ мобилизаціей войскъ формировать арміи, штабы, назначая главнокомандующими способнѣйшихъ генераловъ. Къ началу 1871 г. войскъ состояло: 853½ батальона, 287½ эскадроновъ, 234 батареи и около 700 отдѣльныхъ ротъ и командъ — всего около 730 тысячъ. Впослѣдствіи для увеличенія войскъ были сформированы четвертые батальоны въ полкахъ и пятыя и шестыя батареи въ бригадахъ.

Въ преобразованное Военное Министерство вошли: главная квартира и военно-походная Его Величества Канцелярія, военный совѣтъ съ пятью главными комитетами: военно-кодификаціоннымъ, по устройству и образованію войскъ, военно-учебнымъ, военно-госпитальнымъ и военно-тюремнымъ, главный военный судъ, канцелярія Военнаго Министерства, главный штабъ съ военно-топографическимъ отдѣломъ, Николаевскою академіею генеральнаго штаба, военно-учебнымъ комитетомъ, комитетомъ по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою и корпусами: офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ топографовъ съ фельдъегерскимъ; главныя управленія и при нихъ комитеты: интендантское, артиллерійское съ Михайловской артиллерійской академіей, инженерное съ Николаевской инженерной академіей и военно-медицинскимъ ученымъ комитетомъ, военно-учебныхъ заведеній съ педагогическимъ комитетомъ, иррегулярныхъ войскъ съ комитетомъ того же наименованія, военно-судное съ военно-юридической академіей; управленія: генералъ-инспектора кавалеріи и инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ. Къ министерству причисленъ комитетъ о раненыхъ.

Перевооруженіе всей арміи производилось постепенно. Нарѣзное, заряжающееся съ дула ружье было замѣнено заряжающимся съ казенной части сначала системы Крынка, затѣмъ Карля и наконецъ Бердана съ откиднымъ затворомъ. Всѣ эти три ружья были у войскъ въ кампанію 1877—78 года. Въ полевой артиллеріи былъ окончательно установленъ типъ 1866 г. стальной пушки 9-ти и 4-хъ фунтовой, заряжающейся съ казны.

Усовершенствованіе крѣпостной и осадной артиллеріи вызвало перестройку крѣпостей. Генераломъ Тотлебеномъ былъ выработанъ планъ перестройки всѣхъ крѣпостей, но по недостатку средствъ онъ не могъ быть весь приведенъ въ исполненіе.

Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ начальникомъ которыхъ по смерти Ростовцева былъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, было сдѣлано существенное измѣненіе: корпуса были замѣнены военными гимназіями, преобразованными по современнымъ требованіямъ педагогіи съ прекращеніемъ въ нихъ фронтовыхъ занятій, какъ не соотвѣтствующихъ возрасту обучавшихся. Спеціальные классы соединены въ училища, чтобы ближе поставить молодыхъ людей къ условіямъ военнаго воспитанія. Учреждены юнкерскія училища для образованія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ. Всего къ 1880 г. учебныхъ заведеній, дающихъ военное образованіе, было: 5 военныхъ академій, 6 военныхъ училищъ,

20 военныхъ гимназій, 16 юнкерскихъ училищъ, 8 прогимназій, Пажескій и Финляндскій корпуса со специальными классами, приготовительный пансіонъ Николаевскаго кавалерійскаго училища и морской корпусъ.

Состояніе флота при восшествіи на престолъ Императора Александра II было тоже далеко не блестящее. Черноморскій флотъ для загражденія Севастопольскаго порта былъ нами потопленъ, и мы не имѣли права его возстановить. Въ Балтій-

Генералъ Тотлебенъ.

скомъ флотѣ было около 200 судовъ различной величины, но всѣ они были парусныя, и изъ нихъ только девять фрегатовъ паровыхъ. Въ Каспійскомъ, Бѣломъ и Охотскомъ моряхъ плавало всего нѣсколько небольшихъ судовъ.

Въ такомъ положеніи находилось наше морское дѣло, когда въ началѣ царствованія во главѣ его всталъ генералъ-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Прекрасно знакомый съ дѣломъ, чтобы хорошо его поставить, Великій Князь былъ крайне стѣсненъ денежными отпусками вслѣдствіе разстроеннаго въ то время состоянія государственныхъ финансовъ.

Не задаваясь широкими, дорого стоющими затѣями, для развитія флота онъ поставилъ себѣ принципомъ дать возможно большую практику имѣющимся въ наличности судамъ, посылая ихъ постоянно въ дальнія плаванія, чтобы этимъ образовать хорошій кадръ моряковъ, завести въ Россіи свое кораблестроительство и быть въ этомъ отношеніи независимымъ отъ иностранныхъ державъ, сократить и упростить береговую администрацію.

Первое, съ чего онъ началъ,—это было вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира,—сокращеніе состава офицеровъ и матросовъ, такъ какъ былъ излишекъ противъ дѣйствительной ихъ надобности. Матросы уволены въ отставку и резервъ, а офицеры—нѣкоторые переведены на выгодныхъ условіяхъ въ коммерческій флотъ, а нѣкоторые тоже въ резервъ. Затѣмъ, начиная съ 1856 г., отдѣльныя эскадры были посылаемы въ Средиземное море, въ Черное море, къ устьямъ Амура, въ Тихій океанъ, въ Сѣверную Америку. Ежегодно стали производиться учебныя плаванія винтовыхъ судовъ по Балтійскому морю, въ которыхъ съ 1864 года стали принимать участіе и броненосцы.

При необходимости сооруженія броненосныхъ судовъ пришлось перестроить всѣ эллинги въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ. Первое броненосное судно «Первенецъ», какъ образецъ, было заказано въ 1861 году въ Англіи, но происшедшія несогласія по поводу польскаго вопроса помѣшали ему быть тамъ достроеннымъ, и оно уже было окончено въ Россіи. Всего съ 1856 г. по 1864 г. сооружено винтовыхъ судовъ двадцать шесть, изъ которыхъ пять заказаны за границей, а остальныя построены на нашихъ верфяхъ. Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ спущены на воду двѣ двухбашенныя лодки «Чародѣйка» и «Русалка», два двухбашенные фрегата «Адмиралъ Спиридовъ» и «Адмиралъ Чичаговъ», два трехбашенные фрегата «Адмиралъ Грейгъ» и «Адмиралъ Лазаревъ» и броненосный фрегатъ «Князь Пожарскій». Къ концу 1869 года на Балтійскомъ морѣ ходило 22 броненосныхъ судна мелкаго плаванія, предназначенныхъ для обороны Кронштадта и Петербурга. Изъ громадныхъ броненосцевъ въ 1876 г. былъ построенъ «Петръ Великій», въ 1870 г. по 1880 г. — три бронированныхъ крейсера дальняго плаванія «Генералъ-Адмиралъ», «Герцогъ Эдинбургскій», «Мининъ», восемь небронированныхъ клиперовъ и сто миноносокъ. Въ Америкѣ куплено четыре клипера. Въ Николаевѣ построены два броненосца — поповки для береговой охраны.

Съ введеніемъ во флотѣ металлической брони размѣры орудій на броненосцахъ стали сильно увеличиваться, доходя

вѣсомъ до пяти тысячъ пудовъ. Для выработки пушекъ въ 1864 г. былъ основанъ работавшій подъ наблюденіемъ Морского Министерства и съ большой субсидіей отъ правительства Обуховскій сталелитейный заводъ, расширившійся впослѣдствіи настолько, что сталъ работать и снаряды, пушечные станки и стволы для винтовокъ.

Минное дѣло тоже у насъ нашло примѣненіе и настолько сильно развилось, что изъ основаннаго миннаго училища съ офицерскими классами къ 1880 г. было выпущено 70 минныхъ офицеровъ и 266 минеровъ — нижнихъ чиновъ. Срокъ службы матросовъ замѣненъ съ двадцатипятилѣтняго на десять лѣтъ, изъ которыхъ 7, 6, 5 на дѣйствительной службѣ.

Преобразованія административнаго управленія Морского Министерства выразились въ увеличеніи правъ и самостоятельности мѣстныхъ властей и сокращеніи числа служащихъ при министерствѣ, не имѣющихъ прямого отношенія къ морскому дѣлу. Измѣнены отчетность и хозяйство, учрежденъ строгій контроль, пересмотрѣны всѣ морскіе уставы и законы.

Радостнымъ для нашихъ моряковъ былъ 1871 годъ, когда 20 февраля въ Лондонѣ конференція уполномоченныхъ державъ-участницъ Парижскаго договора отмѣнила тѣ его статьи, по которымъ мы не имѣли права держать въ Черномъ морѣ свой флотъ.

Всѣ военныя реформы, коснувшіяся арміи и флота въ царствованіи Императора Александра II, подвинули настолько военное дѣло впередъ и внесли въ него столько усовершенствованій, научной подготовки и единенія, что къ концу царствованія въ этомъ отношеніи мы нисколько не стояли позади западныхъ державъ. Много было сдѣлано за 25 лѣтъ, и вся эта громадная работа выполнялась по строго опредѣленному систематическому плану, указанному самимъ Императоромъ. Всѣ вопросы по измѣненію узаконеній разбирались комиссіями, въ составъ которыхъ входили представители не только военныхъ, но и лица другихъ вѣдомствъ, спеціально знакомыя съ дѣломъ, разрабатывались при всестороннемъ обсужденіи съ большой осторожностью и утверждались только на основаніи мнѣній большинства. Хотя въ свое время всѣ новшества вызывали, какъ въ военныхъ, такъ и въ невоенныхъ сферахъ не только раздраженіе и опасенія, но и частныя противодѣйствія, однако, быстро достигнутые хорошіе результаты сдѣланныхъ преобразованій скоро заставили недовольныхъ умолкнуть. Двинутое въ 1877 г. наше войско на войну за освобожденіе славянъ покрыло себя неувядаемой славой и доказало основательность всѣхъ этихъ преобразованій.

Освободительная война 1877—78 года.

Внѣшняя политика Россіи, главнымъ руководителемъ которой почти все время былъ кн. А. М. Горчаковъ, въ это царствованіе отличается миролюбивымъ характеромъ. Такое

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

направленіе выражалось не только въ воздержаніи самой Россіи отъ войны, но и въ ея стремленіи охранить и поддержать миръ въ цѣлой Европѣ. Въ этихъ видахъ правительство русское, стоя на почвѣ договоровъ, заключенныхъ главными европейскими державами, принимаетъ на себя неоднократно посредничество для улаженія международныхъ осложненій. Такъ, личному вмѣшательству Александра II Франція обязана спасеніемъ отъ окончательнаго разгрома въ 1875 году, когда Германія намѣревалась нанести ей новый ударъ и когда Франція еще не успѣла оправиться послѣ погрома 1871 г. Но

миролюбивыя стремленія Россіи часто разбивались объ упорство корыстной политики Англіи и представителя теоріи «крови и желѣза» князя Бисмарка. Однако, Россія несмотря на это, все-таки сама оставалась вѣрной своей миролюбивой политикѣ. Она оставалась такою даже и тогда, когда великія державы беззастѣнчиво оставляли почву договоровъ, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Россіи (польскій мятежъ), и сама всегда старалась поддерживать мирныя отношенія съ европейскими державами.

Осложненія на Востокѣ, однако, заставили русское правительство отказаться отъ усвоенной имъ послѣ крымской войны мирной политики, и Россія, вопреки всѣмъ стараніямъ и усиліямъ предотвратить разрывъ съ Турціей, должна была вступить въ войну съ нею.

Восточный вопросъ уже не первый разъ являлся для Россіи поводомъ къ войнѣ съ Турціей и издавна Россія приносила жертвы для разрѣшенія этого вопроса.

«У нашего героя — какъ говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ о Восточномъ вопросѣ — древнее и знаменитое происхожденіе... Восточный вопросъ появился въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ европейскій человѣкъ созналъ различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ духомъ. Восточный вопросъ составляетъ сущность исторіи древней Греціи, всѣ эти имена, знакомыя намъ съ малолѣтства, имена Мильтіадовъ, Ѳемистокловъ близки, родственны намъ потому, что это имена людей, потрудившихся при рѣшеніи восточнаго вопроса, потрудившихся въ борьбѣ между Европою и Азіею».

Въ такомъ видѣ восточный вопросъ проходитъ черезъ всю исторію Европы. Въ частности для Россіи онъ отливается въ форму борьбы Россіи съ кочевниками, — татарами и наконецъ — турками. Но намъ нѣтъ нужды забираться въ такую глубь временъ (вѣковъ). Это уже Восточный вопросъ въ широкомъ смыслѣ. Для насъ ближе и интереснѣй Восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. отношенія Россіи въ XIX вѣкѣ къ Турціи и, въ связи съ турецкими отношеніями, отношенія къ восточно-европейскимъ державамъ. Эти отношенія тоже древняго происхожденія. До раздѣла и паденія Польши въ царствованіе Екатерины II турецкія и польскія отношенія тѣсно переплетались между собою въ Восточномъ вопросѣ для Россіи. Съ паденіемъ Польши польскій элементъ исчезаетъ, остается отношеніе Росссіи къ Турціи, всегда осложненное отношеніемъ къ западно-европейскимъ державамъ.

Турція основала свое государство въ Европѣ (XV вѣкъ) на развалинахъ греческаго, и въ составъ его вошли народ-

ности, исповѣдующія христіанскую религію. Эта разница въ исповѣданіи между побѣдителями-мусульманами и побѣжденными-христіанами, наиболѣе выступающая изъ другихъ различій племенного характера, и составляетъ узелъ Восточнаго вопроса самого по себѣ. Эта вѣроисповѣдная разница на дѣлѣ выражается въ рѣзкомъ, враждебномъ и непримиримомъ антагонизмѣ между мусульманами и христіанами. Мусульманинъ и христіанинъ не могутъ жить рядомъ другъ съ другомъ — ре-

С. М. Соловьевъ.

лигія перваго требуетъ уничтоженія послѣдняго. И такое уничтоженіе христіанъ мусульманами происходитъ на протяженіи уже не одного столѣтія. Но уничтожая христіанъ, мусульмане уничтожаютъ самихъ себя — постепенно одна народность христіанская за другою отпадаютъ отъ Турціи, а сама она, слабѣя численно, ослабѣваетъ и качественно, дряхлѣетъ. Такое самоуничтоженіе и дряхлѣніе началось тоже съ давняго времени. Однако, несмотря на такое давнее дряхлѣніе, которое, казалось вотъ-вотъ приведетъ Турцію къ окончательному

паденію, агонія «больного человѣка», какъ назвалъ Турцію Николай I, затянулась. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что «больной человѣкъ», при своемъ хроническомъ обнищаніи, обладаетъ очень цѣннымъ наслѣдствомъ, Босфоромъ, своего рода «золотымъ руномъ». Каждой изъ европейскихъ державъ хочется обладать этимъ руномъ и ни одной не хочется уступить другой турецкаго наслѣдства. Пусть лучше пока не достается никому, пусть лучше живетъ «больной человѣкъ»! Въ этомъ пунктѣ Восточный вопросъ осложняется западно-европейскими отношеніями.

Въ частности для Россіи, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Турціей и національнаго родства съ ея христіанскими народами, видящими въ Россіи преемницу Византіи, Восточный вопросъ оказывается наиболѣе близкимъ и жгучимъ.

Но Россія, отлично понимая цѣнность турецкаго наслѣдства, всегда, однако, старалась построить свои отношенія къ Турціи на болѣе или менѣе справедливыхъ основаніяхъ и ни мало не стремилась къ территоріальнымъ захватамъ въ свою пользу. На своемъ знамени она поставила: освобожденіе христіанскихъ народовъ отъ турецкаго владычества. Такимъ образомъ, когда балканскіе народы стали освобождаться каждый въ отдѣльности, русское правительство стало на защиту и покровительство отдѣльнымъ народностямъ. Такъ постепенно освободились Греція, Румынія, Сербія, Болгарія. Предполагая въ русскомъ правительствѣ совершенно противоположное стремленіе, а именно стремленіе овладѣть Босфоромъ, западно-европейскія державы (особенно Англія) старались всячески затруднять отношенія Россіи къ Турціи, вмѣшиваться и даже принимать сторону Турціи,—наконецъ, мѣшать Россіи пользоваться плодами своихъ побѣдъ, участвовать въ раздѣленіи этихъ плодовъ, безъ участія въ добываніи ихъ. Такъ было во всѣ войны Россіи съ Турціей. Такъ было и въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877—88 года, по справедливости названную ***освободительной***.

Но для уясненія положенія сдѣлаемъ прежде всего краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ, болгаръ и сербовъ, подпавшихъ подъ турецкое иго и въ теченіе столѣтій тяжко страдавшихъ подъ его гнетомъ.

Болгары издавно обитали по берегамъ нижняго Дуная и Чернаго моря. Для всѣхъ славянскихъ народовъ и въ томъ числѣ и для русскихъ они имѣютъ важное значеніе вслѣдствіе того, что, просвѣщенные первоучителями славянскими, святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, они первые приняли христіанство, и притомъ всѣ первыя богослужебныя книги были переведены на болгарскій языкъ. Воинственные и храбрые по природѣ,

болгары вели постоянныя войны съ своими сосѣдями и одно время достигли большого могущества, но не надолго, и вмѣстѣ съ сербами были покорены турками.

Обширное сербское племя занимало верхній и средній Дунай и разселилось также по берегамъ рѣкъ Дриссы, Босны и двухъ Моравъ. Оно образовало нѣсколько княжествъ, управлявшихся родовыми старшинами, которыхъ народъ звалъ жупанами. Угрожаемыя сосѣдями всѣ эти мелкія княжества соединились въ одно и подчинились власти одного великаго жупана, котораго вскорѣ стали звать кралемъ, т.-е. королемъ. Сербія достигла большой силы и славы при своихъ краляхъ, особенно при кралѣ Стефанѣ Душанѣ, прозванномъ Сильнымъ. Свою зависимость отъ него признали и всѣ прочіе балканскіе славяне. Стефанъ Душанъ даже сталъ называться царемъ и императоромъ, и держава его была велика, богата и могуча. Душанъ старался насаждать въ своемъ царствѣ просвѣщеніе; при немъ былъ составленъ первый сборникъ письменныхъ законовъ; онъ собирался прогнать изъ своего сосѣдства турокъ, которые въ то время уже успѣли завладѣть большей частью греческой земли. Смерть помѣшала славному Стефану сокрушить враговъ христіанства, а по смерти его держава его распалась, и не сербы пошли войной на турокъ, а турки собрали несмѣтныя силы и двинулись на сербовъ и ихъ сосѣдей—болгаръ. Общая опасность соединила славянскіе народы, и подъ начальствомъ сербскаго краля Лазаря они сошлись со врагомъ на Коссовомъ Полѣ 15 іюня 1389 года. Славяне были разбиты на голову, а Лазарь былъ казненъ по приказанію смертельно раненаго султана Мурада I. Турки разорили всѣ славянскія земли и наложили на нихъ тяжкую дань. Они готовы были бы избить всѣхъ славянъ, но разсудили, что выгоднѣе сдѣлать изъ нихъ рабовъ себѣ и жить на ихъ счетъ.

Западные народы предлагали свою помощь, но требовали, чтобъ православные славяне приняли латинство. Не захотѣли того ни сербы ни болгары, — дорога была имъ вѣра православная, и имъ казалось легче бороться съ нехристями, чѣмъ цѣной своей вѣры купить у запада себѣ свободу.

Еще 50 лѣтъ Сербія сохраняла тѣнь самостоятельности, но въ 1459 г. султанъ Магометъ II занялъ послѣднюю сербскую твердыню Смедерево и обратилъ Сербію въ турецкій пашалыкъ. Та же участь постигла Боснію, Герцеговину и Зету. Недавно цвѣтущія славянскія поля и селенія были вытоптаны, разорены и сожжены, а сами покоренные славяне были обращены въ рабовъ, названныхъ побѣдителями райей. И много-много вытерпѣла на себѣ въ теченіе вѣковъ несчастная, угнетенная райя.

Одни только «ускоки Черной Горы» успѣли отстоять свою самостоятельность, а вскорѣ и совсѣмъ свергнуть съ себя турецкое владычество. Этому, разумѣется, не мало содѣйствовалъ отважный и рѣшительный характеръ черногорцевъ, но также и гористая мѣстность ихъ страны, не допускающая вторженія въ ея предѣлы крупныхъ непріятельскихъ силъ. Пока непріятель небольшими отрядами идетъ по ущельямъ, храбрые черногорцы, знающіе каждую тропинку, каждую пещерку въ своихъ горахъ, нападаютъ на врага и или совсѣмъ уничтожаютъ его, или обращаютъ въ бѣгство. Такимъ образомъ, благодаря счастливымъ условіямъ мѣстности, черногорцы отстояли свою независимость отъ общихъ славянскихъ притѣснителей. Они составляютъ маленькое отдѣльное княжество съ главнымъ городомъ Цетинье, который стоитъ на неприступной горѣ и, кромѣ того, хорошо укрѣпленъ. Всѣмъ народомъ правитъ въ Черногоріи князь по обычаямъ предковъ и преданіямъ старины.

Сербіи сравнительно еще очень недавно удалось свергнуть ненавистное турецкое иго при дѣятельной помощи со стороны Россіи. Но объ этомъ послѣ.

Турки по завоеваніи балканскихъ городовъ укрѣпились на полуостровѣ и въ теченіе долгаго періода времени угрожали всей Европѣ и особенно странамъ, находящимся съ ними въ непосредственномъ сосѣдствѣ, т.-е. Австріи, Польшѣ и Россіи. Однако, достигнувъ апогея своего могущества, турецкая имперія въ концѣ XVII столѣтія уже стала обнаруживать признаки упадка, особенно послѣ разгрома турецкихъ войскъ подъ стѣнами Вѣны европейскими соединенными силами подъ начальствомъ польскаго короля Яна III Собѣскаго въ 1683 г. Этой побѣдой былъ положенъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ турокъ въ Европѣ, и съ этого же момента началось постепенно увеличивающееся ослабленіе Турціи, какъ слѣдствіе борьбы противъ нея Австріи, Польши и Россіи.

Но дѣятельность этихъ государствъ вытекала не изъ одинаковыхъ причинъ. Австрія дѣйствовала всегда въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, въ дѣйствіяхъ Россіи и Польши всегда отсутствовало чувство эгоизма, ибо онѣ главнымъ образомъ стремились къ изгнанію турокъ изъ Европы съ цѣлью освобожденія подвластныхъ имъ балканскихъ христіанскихъ народовъ. Но къ Польшѣ, державѣ католической и неоднократно проявлявшей склонность къ обращенію православныхъ въ католицизмъ, славянскіе народы, какъ православные, тяготѣнія имѣть не могли; кромѣ того, постепенное ослабленіе самой Польши не могло не отразиться на отношеніи къ ней славянскихъ народовъ. Наоборотъ, единство вѣры и постоян-

ное возрастаніе могущества Россіи были причиной того, что балканскіе народы издавна привыкли смотрѣть на нее, какъ на свою естественную покровительницу и безкорыстную защитницу противъ невѣрныхъ. Точно такъ же и сама Россія съ давнихъ временъ сознательно относилась къ выпавшей на ея долю политической миссіи на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ, уже Борисъ Годуновъ собирался объявить войну Турціи для освобожденія балканскихъ славянъ. При Алексѣ Михайловичѣ, по почину серба Юрія Крижанича, былъ поднятъ вопросъ объ объединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ. Съ другой стороны при томъ же царѣ заходила рѣчь о войнѣ съ Турціей, при чемъ не только дунайскіе славяне и румыны, но также и поляки готовы были примкнуть къ русскимъ войскамъ. Позднѣе Петръ Великій весьма интересовался судьбою славянъ и турецкихъ и австрійскихъ. Россія уже и тогда пользовалась среди нихъ вліяніемъ и значеніемъ, которыя еще болѣе возросли во время побѣдоносныхъ войнъ Екатерины II съ турками.

Вскорѣ послѣ этого началось освобожденіе сербовъ отъ турецкаго ига, и съ этого момента Россія начала проявлять особенно дѣятельное участіе въ пользу сербовъ въ частности и всѣхъ балканскихъ народовъ вообще.

Въ то время въ Сербіи появился народный вождь, по имени Кара-Георгій или Георгій Черный. Благодаря своей отчаянной храбрости и помощи русскихъ, ему удалось освободить часть своей родины отъ турецкаго владычества. Царствовавшій въ то время въ Россіи Императоръ Александръ I послалъ въ Сербію войска, чтобъ и всему народу сербскому освободиться отъ власти притѣснителей, но вторженіе въ Россію Наполеона I не позволило русскимъ кончить это святое дѣло. Царю Александру I пришлось вернуть изъ Сербіи свои войска для защиты своей собственной страны. Пока русскіе были въ Сербіи, турки обѣщали сдѣлать многія уступки сербамъ, но по удаленіи русскихъ войскъ они не только не исполнили данныхъ обѣщаній, а еще болѣе стали притѣснять сербовъ. Кара-Георгій и другіе сербскіе вожди были вынуждены бѣжать въ Австрію.

Но сербы этой неудачей не отчаялись, и начатое Карой-Георгіемъ продолжалъ другой человѣкъ, по имени Милошъ Обреновичъ. Онъ долго возился съ турками, то сражался съ ними, то мирился и хитрилъ, но наконецъ добился крупныхъ уступокъ. Турція соглашалась дать Сербіи большія льготы, но все таки не хотѣла признать ея полной независимости. Въ эту рѣшительную минуту снова вступилась за сербовъ Россія и принудила султана признать Сербію совершенно независимою отъ него. Сербія стала страною свободною, княжествомъ

самостоятельнымъ: она получила право управляться сама собою, имѣть собственнаго князя, строить крѣпости и держать войско. Только дань въ двѣсти тысячъ рублей показывала ея нѣкоторую зависимость отъ турокъ, которые, однако, всѣ были изгнаны изъ ея предѣловъ. Предводитель возстанія Милошъ Обреновичъ былъ избранъ и утвержденъ княземъ Сербіи въ 1828 году.

Не такъ-то посчастливилось соплеменникамъ сербовъ — герцеговинцамъ и боснякамъ, а также и племени болгарскому. Съ тѣхъ поръ, какъ собственные сербы отдѣлились отъ Турціи, прочимъ славянамъ, еще остававшимся подъ владычествомъ турокъ, стало еще тяжеле, еще невыносимѣе. Налоги сдѣлались такъ велики, что народъ окончательно обнищалъ. Безправная райя стала подвергаться еще большимъ притѣсненіямъ, заключавшимся часто кровавой, звѣрской расправой.

Наконецъ, въ іюлѣ 1875 года поднялись на своихъ притѣснителей герцеговинцы, а за ними босняки.

«Братья! — воскликнули они; — намъ всѣмъ суждено погибнуть отъ тяжкой неволи, лучше умремъ всѣ до единаго съ оружіемъ въ рукахъ и не дадимъ туркамъ у насъ на глазахъ осквернять наши церкви, безчестить нашихъ женъ и дочерей, отнимать у насъ малыхъ дѣтей и все, что мы имѣемъ. Братья! Время наступило! И для насъ засіяетъ звѣзда свободы! Къ дѣлу! Къ дѣлу!»

И встали угнетенные герцеговинцы и босняки, какъ одинъ человѣкъ, встали они на турокъ. Турки пришли въ ярость, когда увидали, что вчерашніе рабы не хотятъ имъ болѣе повиноваться. Не разбирая ни праваго ни виноватаго, бросились они съ дикимъ бѣшенствомъ грабить и убивать по городамъ и селамъ беззащитныхъ жителей, предавая ихъ страшнымъ терзаніямъ, — кровь лилась рѣкой.

Между тѣмъ султанъ пытался успокоить возставшихъ славянъ, обѣщая имъ многія права и льготы. Но неоднократно обманываемые славяне не вѣрили обѣщаніямъ: они требовали полную свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они взывали о помощи къ своимъ соплеменникамъ Хорватіи, Воеводины, Далмаціи, Черногоріи и Сербіи: «Поспѣшите къ намъ на помощь! Теперь, или никогда, разобьемъ мы оковы нашего рабства! За вѣру, за свободу! Впередъ! Впередъ!»

Черногорцы и сербы услыхали призывъ своихъ братьевъ, но не тотчасъ пошли за нихъ въ битву, а пока только оказывали всякую помощь ихъ бѣглецамъ, давали пріютъ ихъ женамъ и дѣтямъ. Они выжидали также, не опомнятся ли турки, не прекратятъ ли своихъ звѣрствъ, не встанетъ ли вся Европа за избиваемыхъ христіанъ...

Вопль негодованія пронесся по Европѣ по поводу не-поддающихся описанію турецкихъ звѣрствъ, но, тѣмъ не менѣе, Европа рѣшила постараться воздѣйствовать на Турцію не вооруженной силой, а дипломатическимъ путемъ. Начались безконечные переговоры и совѣщанія, которые, между прочимъ, постоянно тормозились недоброжелательствомъ Англіи по отношенію къ Россіи, которую, судя по силѣ, Англія подозрѣвала въ своекорыстныхъ замыслахъ. Такимъ образомъ, всѣ благія начинанія Россіи разбивались объ упорство Англіи и,

Николай Нѣгошъ, князь черногорскій.

кромѣ того, о хитрую политику князя Бисмарка, открыто проявлявшаго сочувствіе почину Россіи, а тайкомъ работавшаго въ ущербъ всѣмъ ея стремленіямъ.

Между тѣмъ положеніе на Балканскомъ полуостровѣ принимало все болѣе зловѣщій характеръ.

Босняки и герцеговинцы, выступившіе за славянское дѣло передовыми бойцами, проявляли безпримѣрное мужество, отчаянную храбрость. Высылаемыя противъ нихъ турецкія войска

то и дѣло терпѣли пораженія. Но, разумѣется, это могло быть только временно, ибо Турція не считала это настоящей войной, и рано или поздно храбрые славянскіе воины должны были изнемочь и пасть въ неравной борьбѣ. А пока ихъ временные успѣхи обозлили Турцію, и она стала срывать зло на совершенно беззащитныхъ болгарахъ.

Еще съ 1864 года Порта стала разселять въ Болгаріи черкесовъ, покидавшихъ Кавказъ изъ нежеланія подчиниться русскому господству. Эти дикіе горцы, получившіе названіе баши-бузуковъ, всю жизнь промышлявшіе разбоемъ и грабежомъ, и въ новой странѣ не измѣнили своимъ жестокимъ нравамъ. Они стали самымъ варварскимъ образомъ притѣснять болгарскихъ крестьянъ. Наконецъ тѣ не выдержали и взялись за оружіе.

Турція какъ будто только этого и ждала. Баши-бузуки и другія иррегулярныя войска хлынули въ Болгарію, и начался кровавый пиръ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было вырѣзано болѣе 20.000 болгаръ. Мусульмане уничтожали христіанъ — гяуровъ. И не просто избивали они ихъ, а предавали ихъ страшнымъ мукамъ, такъ что смерть являлась для несчастныхъ страдальцевъ желанной избавительницей.

Вопли и стоны христіанскихъ мучениковъ заставили дрогнуть всѣ сердца соплеменниковъ.

Въ Сербіи князь Миланъ и въ Черногоріи князь Николай только съ большимъ трудомъ сдерживали своихъ бойцовъ, рвавшихся сразиться съ турками, защитить своихъ единовѣрцевъ.

Русскій народъ все время чутко прислушивался ко всѣмъ вѣстямъ съ Балканскаго полуострова, съ болью и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за подвигами славянскихъ героевъ, оплакивалъ страданія мучениковъ, щедрой рукой посылалъ помощь бездомнымъ славянскимъ семьямъ, скитальцамъ, бѣжавшимъ въ сосѣднія земли отъ звѣрствъ мусульманскихъ. Ежедневно во всѣхъ концахъ земли русской собирались вольныя даянія, и много было случаевъ, когда самые бѣдные русскіе люди отдавали свои послѣдніе гроши на помощь страждущимъ братьямъ-славянамъ.

Чѣмъ больше разгорался пожаръ въ славянскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе росло къ нимъ всеобщее сочувствіе. У насъ въ Россіи, движеніе въ пользу возставшихъ, охватывавшее все болѣе всѣ слои русскаго общества, достигло своего апогея, когда лѣтомъ 1876 года въ Сербію выѣхали добровольцами: прославившійся въ Туркестанѣ генералъ М. Г. Черняевъ, севастопольскій генералъ Новоселовъ, генералы Дохтуровъ и

Межениновъ, полковники Раевскій и Кирѣевъ, Комаровъ и цѣлая толпа русскихъ добровольцевъ всѣхъ классовъ и состояній.

Между тѣмъ всеобщее напряженіе достигло крайней степени: война становилась неизбѣжной,

И, дѣйствительно, такъ и случилось.

Въ іюнѣ генералъ Черняевъ произвелъ смотръ сербскимъ войскамъ, а 20 іюня княжества Сербія и Черногорія объявили войну Турціи.

Черногорія, имѣя всего 100.000 мужского населенія, смогла выставить армію всего въ 20.000 человѣкъ. Черногорскія войска почти вовсе не имѣли кавалеріи и располагали крайне ограниченнымъ количествомъ горныхъ орудій мелкаго калибра. Но, слабая численно, черногорская армія была сильна качественно: храбрые и мужественные черногорцы—прирожденные воины и замѣчательные стрѣлки. Черногорскій князь Николай самъ повелъ своихъ храбрецовъ въ бой.

Сербская армія находилась подъ командованіемъ генерала Черняева. Она была болѣе чѣмъ въ пять разъ многочисленнѣе черногорской: она насчитывала въ своихъ рядахъ болѣе 100.000 человѣкъ и обладала изряднымъ количествомъ орудій. Но это была армія неопытная, по преимуществу милиціонная, ибо постоянная армія княжества была всего въ 4100 человѣкъ при 72 орудіяхъ. Милиціонеры были крайне плохо обучены и только своимъ бравымъ видомъ ввели въ заблужденіе генерала Черняева, когда онъ имъ дѣлалъ смотръ передъ объявленіемъ войны.

Что же до непріятельской, то-есть турецкой арміи, то она была хорошо обучена, отлично снабжена артиллеріей и вообще представляла собою боевую, уже испытанную силу. Численнымъ своимъ составомъ она превышала численность армій обоихъ княжествъ.

Нетрудно представить себѣ послѣдствія такой неравной борьбы.

Несмотря на блестящія способности поистинѣ боевого генерала Черняева и его сподвижниковъ, несмотря на геройское поведеніе сербовъ и цѣлый рядъ черногорскихъ побѣдъ, конечный исходъ войны не отвѣчалъ ея началу.

Пять мѣсяцевъ бились упорно сербы и черногорцы, изнемогая въ неравномъ бою. Много полегло славянъ на полѣ брани, много пало и русскихъ героевъ. Однимъ изъ первыхъ палъ геройски Н. А. Кирѣевъ, не стало и многихъ другихъ офицеровъ; тысячи сербскихъ воиновъ и тысячи нашихъ добровольцевъ, крестьянъ и казаковъ, сложили свои кости въ упитанной кровью землѣ.

Наконецъ наступилъ роковой для сербской арміи день 29 октября. Въ сраженіи подъ Дюнишемъ, несмотря на геройскую оборону, сербскія линіи укрѣпленій были прорваны, дорога въ Бѣлградъ была открыта.

Сербія ожидала участи уже опустошенныхъ славянскихъ земель...

Въ это время раздался мощный голосъ русскаго Царя, и турецкія орды не посмѣли броситься на Бѣлградъ и предать огню и мечу всю страну, какъ имъ бы того хотѣлось.

Александръ II въ это время находился въ Ливадіи и, озабоченный серьезнымъ положеніемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, нѣсколько разъ совѣщался относительно того, какъ поступить въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства. На этихъ совѣщаніяхъ было рѣшено въ такомъ случаѣ предметомъ военныхъ операцій сдѣлать Константинополь, но цѣль войны отнюдь не должна заключаться въ распаденіи Оттоманской имперіи, а единственно въ освобожденіи Болгаріи отъ турецкаго произвола и насилія, и занятіе Константинополя имѣть въ виду лишь какъ крайнее средство для побужденія султана къ миру и выполненію русскихъ требованій.

Пока же было рѣшено стараться уладить дѣло дипломатическимъ путемъ — переговорить съ державами. Между тѣмъ получено было извѣстіе объ окончательномъ разгромѣ сербовъ турками. Тогда Александръ II черезъ русскаго посла въ Константинополѣ гр. Игнатьева потребовалъ отъ Турціи немедленно заключенія мира, грозя въ противномъ случаѣ разрывомъ. Турція согласилась.

Одновременно съ этимъ Александръ II принялъ въ аудіенціи англійскаго посла Августа Лофтуса, въ откровенной бесѣдѣ съ которымъ онъ изложилъ свой взглядъ на Восточный вопросъ и свои отношенія къ Англіи. Остановимся на этой чрезвычайно любопытной бесѣдѣ.

Императоръ сказалъ, что въ Восточномъ вопросѣ онъ неоднократно имѣлъ случай заявить свое миролюбіе и согласіе дѣйствовать совмѣстно съ прочими европейскими державами. Турція своими ухищреніями дѣлаетъ безсильными мѣры державъ и угрожаетъ всеобщему миру. Онъ согласенъ и теперь дѣйствовать совмѣстно съ державами, но образъ дѣйствій Порты онъ считаетъ для себя оскорбительнымъ и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ и честью Россіи, а потому, если Европа не перейдетъ къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ противъ Турціи, то онъ будетъ дѣйствовать одинъ.

Обращаясь къ своимъ отношеніямъ къ Англіи, Александръ II выразилъ сожалѣніе, что въ странѣ этой доселѣ питаютъ застарѣлую подозрительность по отношенію къ рус-

ской политикѣ и постоянный страхъ предъ предписываемыми Россіи наступательными и завоевательными замыслами. Сколько разъ онъ торжественно уже заявлялъ, что не хочетъ завоеваній, что не стремится къ увеличенію своихъ владѣній, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія овладѣть Константинополемъ. Все, что говорилось или писалось о желаніи Петра Великаго и помыслахъ Екатерины II, — иллюзіи и призраки, никогда не существовавшіе въ дѣйствительности, и самъ онъ считалъ бы пріобрѣтеніе Константинополя несчастіемъ для Россіи, о немъ нынѣ нѣтъ и рѣчи; не помышлялъ о немъ и по-

Графъ Игнатьевъ.

койный Императоръ Николай, доказавшій это въ 1829 году, когда его побѣдоносная армія остановилась всего въ четырехъ переходахъ отъ турецкой столицы. При этомъ Александръ II далъ «честное слово», что не имѣетъ намѣренія пріобрѣсти Константинополь и что, если обстоятельства вынудятъ его занять часть Болгаріи, то только на время, для обезпеченія мира.

«Ему непонятно, почему, коль скоро двѣ стороны преслѣдуютъ общую цѣль, а именно поддержаніе мира и улучшеніе участи христіанъ, коль скоро самъ онъ далъ несомнѣнныя

доказательства того, что онъ не желаетъ ни завоеванія ни земельнаго приращенія,—почему бы не состояться между Англіей и Россіей соглашенію, основанному на политикѣ мира, одинаково выгодной ихъ обоюднымъ интересамъ и вообще интересамъ всей Европы».

Выразивъ еще разъ сожалѣніе по поводу недовѣрія Англіи къ русской политикѣ, Александръ II просилъ посла сдѣлать все возможное для устраненія этого недовѣрія.

Какъ бы отвѣтомъ на исповѣдь русскаго Императора была рѣчь англійскаго министра гр. Биконсфильда на банкетѣ въ честь лондонскаго городского головы, въ которой онъ зло смѣялся надъ русскимъ требованіемъ (ультиматумомъ) отъ Турціи мира и приписывалъ заслугу возстановленія перемирія Англіи.

Александръ II въ это время находился въ Москвѣ, гдѣ броженіе во всѣхъ классахъ общества съ каждымъ днемъ все болѣе усиливалось, всюду раздавались настойчивые голоса, требованія вооруженной силы вступиться за угнетенныхъ славянъ. Принимая въ кремлевскомъ дворцѣ московское дворянство и городское общество съ адресомъ, Императоръ счелъ нужнымъ подѣлиться съ ними своими мыслями о настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ.

«Благодарю васъ, господа -- сказалъ онъ,—за чувства, которыя вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія (съ Сербіей и Черногоріей), чтобъ положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли прійти къ общему соглашенію. Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы

въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи этого потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!»

Надежды Александра II на успѣшный исходъ совѣщанія представителей державъ въ Константинополѣ, однако, не оправдались — представители разошлись, не достигнувъ цѣли, вслѣдствіе упорства Турціи, сознававшей, что оплотомъ славянскаго дѣла является только одна Россія и что прочія державы (особенно Англія) скорѣе будутъ тормозить ея дѣятельность, чѣмъ облегчать ее.

Однако, когда Россія была уже готова приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, державами еще разъ была сдѣлана совмѣстная попытка мирнаго улаженія дѣла. Турціи было предъявлено требованіе реформъ въ подвластныхъ ей славянскихъ земляхъ. Турція, однако, высокомѣрно и рѣшительно отвергла требованіе державъ. Такимъ образомъ, послѣдняя мирная попытка оказалась безуспѣшной, оставалось одно средство — воздѣйствовать на Порту силой оружія. Сдѣлать это взяла на себя великодушно и самоотверженно Россія, часть войскъ была уже ранѣе двинута къ турецкой границѣ и былъ уже составленъ планъ военныхъ дѣйствій.

11-го апрѣля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ извѣстилъ Порту, что ему приказано со всѣмъ штатомъ посольства и консулами порвать съ Турціей дипломатическія сношенія и выѣхать изъ ея предѣловъ, а 12-го апрѣля Александръ II подписалъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

Объявленіе войны.

7-го апрѣля 1877 г. Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской ж. д. и 11-го вечеромъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ находилась главная квартира дѣйствующей арміи. По пути Государь производилъ смотры войскамъ въ Жмеринкѣ и Борзулѣ. Смотры сопровождались напутственными рѣчами Государя къ войскамъ, которыя должны были отправляться на войну. На другой день по прибытіи въ Кишиневъ, 12-го апрѣля, Государь, подписавъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, отправился въ соборъ. Долго молился онъ, стоя на колѣнахъ у иконостаса, затѣмъ сѣлъ на коня и выѣхалъ къ войскамъ, собраннымъ на скаковомъ полѣ. Погода, хмурая и прохладная съ ранняго утра, совершенно прояснилась къ пріѣзду Императора. Объѣхавъ фронтъ войскъ, Государь со всей свитой отъѣхалъ на средину поля и сошелъ съ коня. Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій, и въ полномъ облаченіи началъ чтеніе Высочайшаго манифеста.

«Божіею милостію Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч.

«Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы, для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова. Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословеніе мира. Эта заботливость осталась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣлью достигнуть улучшенія въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы охранить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произ-

вола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать для убѣжденія Порты всевоз-

Александръ II въ 1877 г.

можные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до дна миро-

любіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуетъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповании на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя

Великій Князь Николай Николаевичъ

единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи. Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12 дня, лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ двадесять третье».

Во время чтенія манифеста Государь проливалъ слезы, и волненіе его живо сообщилось окружающимъ, но по прочтеніи печаль смѣнилась энтузіазмомъ. Подъ подавляющимъ вліяніемъ высокоторжественной, всемірно-исторической минуты благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Государь скомандовалъ: «Батальоны на колѣни!» Колѣнопреклоненное войско, съ державнымъ Вождемъ своимъ во главѣ, въ благоговѣніи внимало произнесенной преосвященнымъ Павломъ умилительной молитвы о ниспосланіи русскому оружію побѣды и одолѣнія надъ врагомъ. По возглашеніи многолѣтія, епископъ окропилъ знамена святою водой. Подойдя къ

Генералъ-майоръ Н. Г. Столѣтовъ.

главнокомандующему, Великому князю Николаю Николаевичу, Императоръ крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ, потомъ снова сѣлъ на коня и пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. «Прощайте, до свиданія! — говорилъ онъ проходившимъ мимо него полкамъ. — Возвращайтесь поскорѣй со славой! Поддержите честь русскаго оружія! Да хранитъ васъ Всевышній!» Громкое «ура» покрывало царскія слова. Съ парада пѣхота отправилась на свои стоянки съ музыкой и пѣніемъ. Кавалерія прямо съ плаца выступила въ походъ.

Къ вечеру того же дня передовой отрядъ выступившихъ войскъ подъ командой полковника Струкова занялъ Бар-

бошскій мостъ, послѣ чего дорога къ Дунаю была открыта. 14-го апрѣля наши передовыя части заняли Браиловъ, а черезъ недѣлю съ румынскаго берега нами былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ, и началась война.

Одними изъ первыхъ выступили изъ Кишинева наскоро сформированныя болгарскія дружины, прославившіяся потомъ въ борьбѣ за родину и сыгравшія въ войнѣ 1877 г. очень крупную роль. Эти отряды были сформированы подъ руко-

Государыня Императрица Марія Александровна.

водствомъ генералъ-майора Столѣтова преимущественно изъ болгарскихъ бѣглецовъ, потерявшихъ все у себя на родинѣ и только успѣвшихъ сами спастись отъ турецкихъ звѣрствъ. Знаніе края предстоявшихъ намъ военныхъ дѣйствій и условій мѣстной жизни дѣлали эти дружины весьма полезными для нашей арміи, а ихъ личное настроеніе не допускало сомнѣнія въ ихъ храбрости и готовности умереть, сражаясь за родину. И, дѣйствительно, большая часть ихъ пала въ битвѣ.

Въ то время, какъ русскія войска приступали къ началу военныхъ дѣйствій, Императоръ Александръ II осматривалъ въ Кишиневѣ походные госпитали, лазареты, проходившія черезъ городъ войска, всѣхъ ободрялъ своимъ участіемъ, очаровывая милостивыми и ласковыми словами. Здѣсь онъ оставался цѣлую недѣлю. Наконецъ, 19-го апрѣля, Государь выѣхалъ изъ Кишинева и 22-го вечеромъ прибылъ въ Москву.

Восторженное настроеніе первопрестольной столицы при встрѣчѣ Государя и во время его пребыванія въ ея стѣнахъ не поддается описанію. Всѣ улицы и площади, гдѣ только проѣзжалъ Государь, были запружены народомъ и воздухъ оглашался восторженнымъ кликомъ радостной и умиленной толпы.

Утромъ 23-го Государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ московскаго дворянства и городской думы, поднесшія всеподданнѣйшіе адресы. Выслушавъ ихъ, Государь заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

«Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, — сказалъ онъ,—въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, родного Кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ донельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ, Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12-го апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государыней Императрицей благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно-патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за вѣру, Царя и отечество!»

Посѣтивъ Троицкую Лавру, Государь 25-го апрѣля вернулся въ Петербургъ. Петербургское дворянство и городское общество, а затѣмъ и всѣ города и всѣ классы общества наперерывъ спѣшили въ восторженныхъ адресахъ выразить свое полное сочувствіе Императору.

Открытіе военныхъ дѣйствій.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай.

Театръ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ обнималъ княжество Румынію, дѣйствующую совмѣстно съ Россіей, Дунайскую Болгарію, или Дунайскій вилайетъ, и Румелію, или Адріанопольскій вилайетъ.

Полковникъ Струковъ.

Турція обладала многими превосходными крѣпостями и укрѣпленіями, какъ вдоль Дуная, такъ и при Черномъ морѣ, и кромѣ сухопутныхъ войскъ располагала значительнымъ флотомъ. Внутреннія, сухопутныя крѣпости также представляли неприступныя твердыни, особенно благодаря топографическимъ условіямъ мѣстности.

Затрудненія въ войнѣ съ Турціей для Россіи, по справедливому замѣчанію нашего извѣстнаго военнаго писателя генерала Леера, теперь, какъ и всегда, сводились: 1) къ переправѣ черезъ такую рѣку, какъ Дунай; 2) къ переходу такого труднодоступнаго хребта, какъ Балканы; 3) къ дѣйствію въ такихъ странахъ, гдѣ за недостаткомъ удобныхъ путей сообщенія и иныхъ весьма важныхъ условій, никогда нельзя разсчитывать на безостановочность, быстроту и свободу въ стратегическихъ операціяхъ; 4) къ необходимости овладѣнія зна-

Баронъ А. Ѳ. Фонъ-Дризенъ

чительнымъ числомъ крѣпостей; 5) къ борьбѣ съ полудикимъ, фанатичнымъ противникомъ, не признающимъ установленныхъ международнымъ правомъ основныхъ началъ въ дѣлѣ гуманнаго способа веденія войны.

Прибавимъ къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ еще и то, что Россія въ то время не располагала флотомъ на Черномъ морѣ. Для предстоящей войны на югъ были перевезены всѣ приспособленные къ торпедной службѣ паровые баркасы Балтійскаго прибрежья, а также императорскія паровыя яхты съ Невы и изъ Царскаго Села; кромѣ того, пріобрѣтено было 20 миноносокъ.

Между тѣмъ у турокъ дунайская флотилія состояла изъ 7 броненосныхъ и 17 неброненосныхъ военныхъ судовъ при 68 орудіяхъ. Кромѣ того, на Черномъ морѣ турки имѣли у европейскихъ береговъ 6 броненосныхъ военныхъ судовъ и у азіатскихъ береговъ 5, не считая множества прочихъ мелкихъ судовъ.

Затѣмъ, если бъ русскіе напали на турокъ немедленно послѣ разгрома сербскихъ войскъ, то Турція была бы застигнута

Кн. Шаховской.

врасплохъ; но переговоры, тянувшіеся нѣсколько мѣсяцевъ, и продолжавшаяся съ ноября мобилизація русскихъ войскъ дали время Турціи собрать и привести всѣ свои военныя силы, а также и крѣпости въ полную боевую готовность.

Въ то время, какъ Государь получалъ со всѣхъ сторонъ вѣрноподданническія заявленія, наша армія совершила уже нѣсколько геройскихъ подвиговъ. Уже 12 апрѣля дунайская армія перешла Прутъ четырьмя колоннами подъ начальствомъ генераловъ: барона Дризена, Ванновскаго, Радецкаго и князя Шаховского.

а передовой отрядъ полковника Струкова, какъ мы видѣли, занялъ Барбошскій мостъ, на Серетѣ, близъ Галаца. Въ тотъ же день войска кавказской арміи вступили въ Малую Азію, также въ четырехъ колоннахъ, которыми начальствовали генералы: Лорисъ-Меликовъ, направившійся къ Карсу, Тергукасовъ—къ Баязету, Девель—къ Ардагану и Оклобжіо—къ Батуму.

Первыя дѣйствія русскихъ войскъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи ознаменовались блестящими успѣхами. Прибывшая къ Браилову осадная артиллерія открыла перестрѣлку съ турецкой артиллеріей, находившеюся по ту сторону Дуная. Первыми нашими выстрѣлами былъ взорванъ турецкій корветъ «Люфти-Джелиль» и приведены въ негодность два броненосца. На среднемъ и нижнемъ Дунаѣ были устроены минныя загражденія, которыя должны были удержать прекрасную бронированную турецкую флотилію отъ попытки воспрепятствовать переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай. По окончаніи минныхъ работъ дѣятельность нашихъ храбрыхъ моряковъ не прекратилась: лейтенанты Дубасовъ, Шестаковъ и Петровъ и мичманы Просинъ и Баль, задумавшіе испытать дѣйствіе шестовыхъ торпедъ надъ броненосцами непріятеля, въ глухую ночь на 14 мая проскользнули на четырехъ шлюпкахъ въ Мачинскій рукавъ. Замѣченная турками и осыпанная градомъ пуль шлюпка Дубасова «Цесаревичъ» первая ударила въ лѣвый бортъ большого монитора, который медленно сталъ опускаться въ воду, но, не удовлетворившись этимъ, Шестаковъ на своей «Ксеніи» нанесъ второй ударъ турецкому кораблю и при томъ такъ искусно, что исполинъ затонулъ почти сейчасъ же. Съ трудомъ отбивши атаку множества турецкихъ шлюпокъ, герои-моряки, всѣ до единаго цѣлы и невредимы, вернулись на зарѣ изъ своего рискованнаго предпріятія. Въ тотъ же день Государь пожаловалъ Дубасова и Шестакова по телеграфу орденами св. Георгія Побѣдоносца.

Ванновскій.

Императоръ Александръ горѣлъ нетерпѣніемъ быть личнымъ свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ доблестныхъ своихъ войскъ. 21-го мая, въ 11 час. вечера, онъ, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, выѣхалъ

изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію и вечеромъ 25-го прибылъ въ Плоешти - въ главную квартиру дѣйствующей арміи.

27 мая Императоръ посѣтилъ въ Бухарестѣ своего союзника, князя Карла, въ столицѣ Румынскаго княжества. Всѣ улицы города, разукрашенныя въ этотъ знаменательный день, были полны народомъ; всюду красовались привѣтственныя надписи на русскомъ языкѣ; весь день музыка играла по всему городу.

Самойло, минеръ, взорвавшій 1-й турецкій броненосецъ.

Между тѣмъ главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, былъ всецѣло озабоченъ мыслью о переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай. Прежде всего, конечно, онъ позаботился о томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, обезвредить турецкую флотилію, которая могла явиться крупной для насъ помѣхой при переправѣ. Въ виду этого 22 мая главнокомандующій приказалъ капитану I ранга Рагулю заградить Мачинскій рукавъ и его верховья, а также погрузить мины и въ большой Дунай около Гирсова. Черезъ пять дней подготови-

тельныя работы были окончены, и моряки наши начали свои дѣйствія подъ огнемъ непріятеля и въ виду множества пароходовъ и судовъ и, тѣмъ не менѣе, успѣшно исполнили возложенную на нихъ задачу: 8 іюня загражденіе было окончено.

Между прочимъ, въ отчаянной попыткѣ взорвать турецкій броненосецъ миннымъ шестомъ былъ раненъ лейтенантъ Л. Н. Скрыдловъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сопутствовавшій ему, нынѣ покойный, художникъ В. В. Верещагинъ.

Шестаковъ и Дубасовъ.

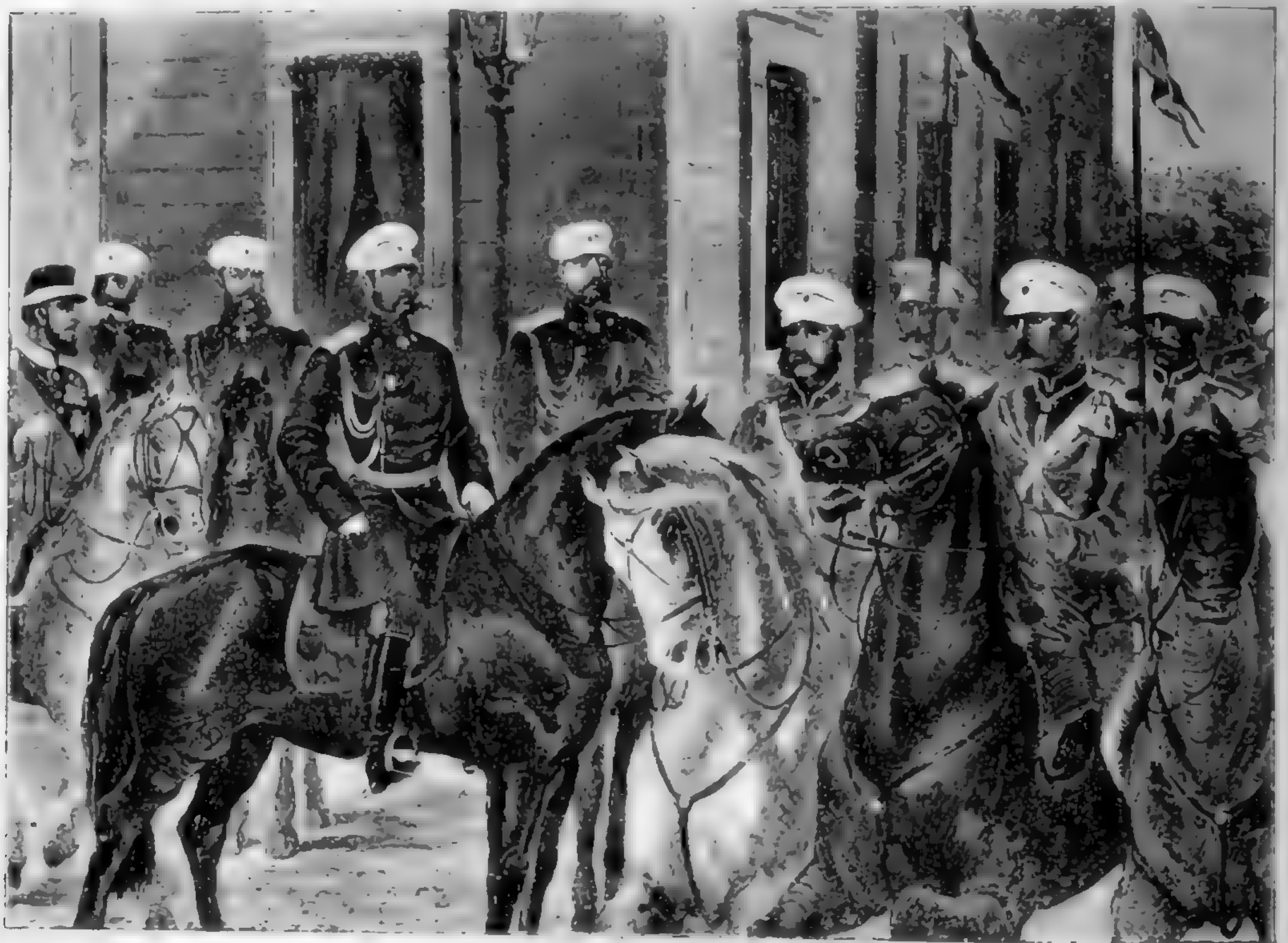
Долго половодье на Дунаѣ не позволяло предпринять переправы черезъ эту рѣку. Но въ половинѣ іюня, несмотря на еще сильный разливъ, главнокомандующій рѣшилъ перейти рѣку. Мѣстомъ перехода главныхъ русскихъ силъ черезъ Дунай, въ глубочайшей тайнѣ, была избрана главнокомандующимъ Зимница, мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, противъ лежащаго на правомъ берегу болгарскаго города Систова.

Чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ главнаго мѣста переправы, генералъ Циммерманъ во главѣ 18-ой пѣхотной

дивизіи долженъ былъ совершить переправу въ ночь на 10-е іюня черезъ нижній Дунай у Галаца.

Переправа была достаточно подготовлена. Мостъ у Браилова былъ почти оконченъ. Въ 1 часъ ночи бригада Жукова, распредѣленная по-эшелонно на лодкахъ, начала переправу у Галаца. Отрядъ въ 600 человѣкъ турокъ бросился навстрѣчу. До разсвѣта кипѣлъ упорный бой. Турки были вынуждены отступить.

Въ 7 часовъ утра казаки молодецкимъ натискомъ ударили въ лѣвый флангъ турокъ, успѣвшихъ сосредоточиться

Государь въ Бухарестѣ.

въ количествѣ 2000. Вскорѣ Жуковъ заставилъ ихъ отступить. Теперь путь временно здѣсь былъ свободенъ. Генералъ Циммерманъ безпрепятственно могъ переправить свой отрядъ, послѣ чего онъ занялъ уже на турецкомъ берегу высоты у Буджака.

Въ тотъ же день Государь отправился въ Галацъ. Первымъ вопросомъ его было: «Сколько жертвъ стоила эта переправа?» Узнавъ, что раненые офицеры и нижніе чины отвезены въ галацкій госпиталь, Императоръ пожелалъ немедленно навѣстить ихъ. Съ этого дня и до самаго отъѣзда изъ арміи посѣщеніе госпиталей и лазаретовъ сдѣлалось главной заботой Государя. Онъ являлся въ нихъ ангеломъ-утѣшите-

лемъ, ободряя раненыхъ, ласково бесѣдуя съ ними, разспрашивая объ ихъ желаніяхъ и нуждахъ, осыпая выраженіями царской милости какъ ихъ, такъ и санитарный персоналъ, врачей и сестеръ милосердія, съ неутомимымъ рвеніемъ совершая человѣколюбивый свой подвигъ.

Къ вечеру 14 іюня главнокомандующимъ было получено и передано Государю извѣстіе отъ генерала Циммермана, что Гирсово занято безъ боя.

Рагуль, начальникъ, командиръ флотиліи.

Между тѣмъ въ ночь была рѣшена главная переправа войскъ у Зимницы, а подготовленія къ переправѣ для отвлеченія вниманія непріятеля были предприняты у Никополя, который яростно громили наши батареи. Тайна переправы была до того соблюдена, что не участвовавшіе въ ней русскіе офицеры изъ свиты Государя также все свое вниманіе сосредоточивали на артиллерійской битвѣ у Никополя. Только одинъ Государь, сидя на высокомъ курганѣ, съ замираніемъ сердца смотрѣлъ въ бинокль въ сторону Зимницы подъ Систовымъ.

Начальство надъ всѣми частями войскъ, которымъ надлежало переправиться на понтонахъ у Зимницы, было ввѣрено генералъ-маиору Драгомирову. Движеніе всѣхъ частей этого отряда заслуживаетъ вниманія по своей скрытности, въ чемъ и заключается успѣхъ этого, въ высшей степени рискованнаго, предпріятія. По сосредоточеніи всего отряда у Зимницы генералъ Драгомировъ собралъ всѣхъ начальниковъ частей, указалъ имъ цѣль дѣйствій и далъ надлежащія наставленія.

Лейтенантъ Скрыдловъ.

Войска были разсчитаны на 7 рейсовъ, при чемъ въ составъ каждаго рейса были назначены части всѣхъ родовъ оружія.

Въ сумерки были спущены въ рукавъ Дуная понтоны, выстроившіеся у мѣста перехода. Первый рейсъ отплылъ около 2-хъ часовъ пополуночи, но сильный вѣтеръ и тучи, закрывавшія луну, не дали подойти всѣмъ понтонамъ къ цѣли своего назначенія, то-есть къ устью Текиръ-дере. Турки ихъ замѣтили и едва успѣли наши построиться въ боевой порядокъ, какъ завязался горячій бой. Драгомировъ поспѣшилъ

переправиться со своимъ штабомъ, въ которому добровольно присоединился отважный генералъ М. Д. Скобелевъ. Къ 8 часамъ утра турки были прогнаны. Съ прибытіемъ прочихъ рейсовъ русскіе перешли въ наступленіе на систовскія высоты, составлявшія ключъ къ позиціи, а затѣмъ и на городъ Систовъ, который и былъ взятъ къ 3 часамъ дня. Разбитые турки отступили къ Царевицу, Никополю и Рущуку.

А. Э. Циммерманъ.

Вслѣдъ за отрядомъ Драгомирова началась переправа прочихъ войскъ уже безостановочно. 16-го было приступлено къ устройству моста, который былъ окончательно готовъ только 20. Задержка была вызвана бурей. Такимъ образомъ пала первая оборонительная линія турокъ.

Послѣ переправы главныхъ силъ былъ отправленъ къ югу отрядъ генерала Гурко, для завладѣнія проходами въ Балканахъ; за нимъ слѣдовалъ отрядъ генерала Радецкаго; такъ называемый Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича двинулся къ

Рущуку; остальныя войска направлены были частью къ Никополю, частью оставлены въ общемъ резервѣ у Журжи.

Встревоженной нашимъ переходомъ черезъ Дунай Портѣ пришлось отозвать значительную часть войскъ Сулеймана изъ Черногоріи, что и спасло геройскую страну, которая, несмотря на все мужество ея воиновъ, должна была погибнуть, раздавленная численно превосходнымъ врагомъ.

22-го началось наше наступленіе, 23-го былъ взять городъ Бѣла, 25 Тырновъ и Плевна, откуда, къ сожалѣнію, занявшіе ее казаки удалились, а 9-ый корпусъ направился къ Никополю, который и былъ взятъ 4-го іюля. Турки отвѣчали такою же усиленной дѣятельностью. Въ то время, какъ навстрѣчу намъ двинулся Абдулъ-Керимъ, войска котораго занимали четырехугольникъ между крѣпостями Шумлой, Варной, Рущукомъ и Силистріей, Реуфъ-паша стягивалъ свою армію въ долину Тунджи за Балканами, Махмедъ-Али отъ границы Сербіи передвигался къ Софіи, а Османъ-паша изъ Виддина шелъ намъ навстрѣчу, чтобы впослѣдствіи создать намъ «Плевну», о которой онъ тогда такъ же мало думалъ, какъ и мы.

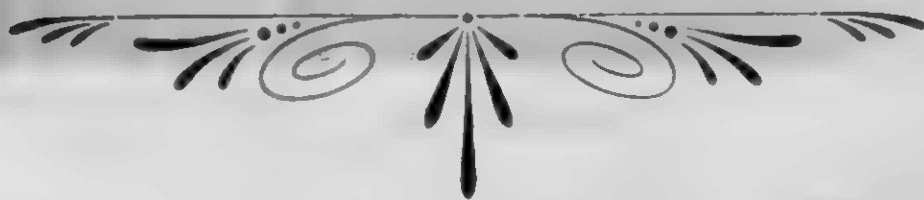

М. И. Драгомировъ

Генералъ-майоръ Жуковъ.

Въ это время вниманіе не только спеціалистовъ военнаго дѣла, но и всей Европы было сосредоточено на блестящихъ дѣйствіяхъ нашего передового отряда, на переходѣ черезъ Балканы и занятіи Шипки генераломъ Гурко, безспорно составляющихъ интереснѣйшія событія войны 1877—78 гг.

Первый переходъ генерала Гурко черезъ Балканы.

25-го іюня 1876 года генералъ Гурко во главѣ передового отряда русскихъ войскъ побѣдоносно вступилъ, при неописуемомъ восторгѣ жителей-болгаръ, въ бывшую столицу Болгаріи—Тырновъ, лежащую по сѣверную сторону Балканскихъ

Генералъ Гурко

горъ. Такимъ образомъ, такъ сказать, ключъ къ Балканамъ оказался въ нашихъ рукахъ, почти безъ потерь, исключительно благодаря смѣлости, рѣшительности и быстротѣ дѣйствій генерала Гурко.

Но вслѣдъ за тѣмъ русскимъ войскамъ предстояло совершить подвигъ, невѣроятный по связаннымъ съ нимъ трудностямъ: надлежало во что бы то ни стало овладѣть укрѣпленіями Шипки, и вотъ почему.

Укрѣпленія Шипки, находящіяся на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ, представляли собой совершенно неприступныя позиціи, которыя можно было взять развѣ только одной блокадой, т.-е. принудить къ сдачѣ голодомъ, для чего было необходимо отрѣзать предварительно отъ всякаго сообщенія съ главнымъ операціоннымъ базисомъ турецкой арміи — Филиппополемъ. Взятіе же шипкинскихъ укрѣпленій открывало торную, шоссейную дорогу черезъ Балканы въ Казанлыкскую долину.

Такимъ образомъ, главная задача генерала Гурко состояла не только въ томъ, чтобъ перейти Балканы, но пройти незамѣтно какою-нибудь неизвѣстною туркамъ дорогою и врасплохъ напасть на нихъ съ юга, съ стороны Казанлыка и Филиппопольской дороги. При этомъ предполагалось, что другой отрядъ русскаго войска двинется съ сѣвера отъ Габрова по шоссе, и что такимъ образомъ гарнизонъ Шипки очутится окруженнымъ русскими войсками съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Самой серьезной частью этого предпріятія было найти обходную дорогу черезъ Балканы изъ Тырнова въ Казанлыкскую долину. Изъ заявленій мѣстныхъ жителей-болгаръ, хорошо знакомыхъ съ краемъ, оказалось, что, кромѣ общеизвѣстныхъ дорогъ, въ Казанлыкскую долину существуетъ только одна малоизвѣстная тропа, годная только для вьюка и узкимъ ущельемъ выходящая въ долину у деревни Хаинкіой. Трудности для провоза артиллеріи были невѣроятныя, но выбора не было: всѣ малѣйшіе проходы были заняты турками. Они оставили незанятымъ только одно Хаинкіойское ущелье, какъ слишкомъ хорошо защищенное самою природою дикихъ горъ, такъ и потому, что оно пользовалось у турокъ страшной извѣстностью: они были убѣждены, что и птица туда не залетаетъ и звѣрь не заходитъ, а обитаютъ тамъ одни горные духи, вѣчно занятые злыми кознями противъ людей.

Генералъ Гурко рѣшилъ пройти черезъ Хаинкіойское ущелье. Впередъ, подъ командою генерала Рауха, была выслана небольшая колонна, выступившая изъ Тырнова 28 іюня. Задача этой колонны состояла въ томъ, чтобы быстро обратить тропу въ проходимую для артиллеріи и войска дорогу. Для того, чтобы не выдать своего присутствія въ горахъ, колонна эта должна была соблюдать строжайшую тишину; было запрещено пользоваться динамитомъ для взрыванія скалъ, разводить костры для варки пищи. Провіанта было взято съ собою самое малое количество, да и тотъ пришлось бросить за невозможностью везти его. Жара стояла невыносимая. Солдаты изнемогали отъ жары, голода

и усталости. Генералъ Раухъ и капитанъ Сахаровъ, снявъ мундиры, съ кирками и ломами шли впереди отряда и работали сами, своимъ примѣромъ ободряя солдатъ.

Хаинкіойское ущелье.

Невозможное было совершено. 1 іюля отрядъ генерала Гурко уже выходилъ изъ Хаинкіойскаго ущелья въ Казанлыкскую долину, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ напасть съ тыла на засѣвшихъ на Шипкѣ турокъ. Непрерывнымъ боемъ въ те-

ченіе 2, 3, 4 іюля подвигался генералъ Гурко по Казанлыкской долинѣ, сражаясь у каждой деревушки. Войска его за эти дни обратили въ бѣгство одинъ за другимъ четыре турецкихъ отряда (отъ одного до пяти таборовъ каждый) у Хаинкіойя, у деревни Конаро, близъ деревни Ореазари и при деревнѣ Уфлани.

Дойдя къ вечеру 4-го іюля до Маглиша, отрядъ генерала Гурко на другой день, 5-го іюля, былъ вновь задержанъ турками верстахъ въ 8-ми не доходя Казанлыка. Побѣда снова осталась за нашими войсками: непріятель былъ опрокинутъ

Генералъ-майоръ О. Е. Раухъ

на Казанлыкъ, а затѣмъ сталъ было отступать къ Шипкѣ, но былъ обращенъ въ бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ 3 орудія и до 400 плѣнныхъ. Въ полдень Казанлыкъ былъ занятъ нашими войсками.

Генералъ Гурко съ кавалеріей двинулся къ Шипкѣ, но такъ какъ пѣхота не могла итти такъ же скоро, онъ не имѣлъ возможности атаковать въ тотъ же день Шипкинскій перевалъ.

Между тѣмъ въ этотъ самый день перевалъ былъ атакованъ съ сѣвера Габровскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генералъ-майора Дерожинскаго, при которомъ находились также генералы М. Д. Скобелевъ и кн. Святополкъ-Мирскій. Атака эта,

несмотря на частные успѣхи, была неудачна вслѣдствіе опозданія передового отряда генерала Гурко, который никакимъ образомъ не могъ притти ранѣе.

6 іюля Гурко двинулъ къ перевалу 13-й и 15-й стрѣлковые батальоны и пластуновъ. Сраженье было кровопролитное. Турки поражали русскихъ изъ двойныхъ рядовъ окоповъ не только ружейнымъ, но и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ битвѣ за Шипкинскій перевалъ турки запятнали себя гнуснымъ коварствомъ и звѣрской жестокостью,

Когда наши стрѣлки и пластуны, взявъ первыя непріятельскія позиціи, почти окружили послѣднюю турецкую позицію на горѣ св. Николая, турки выслали парламентера съ бѣлымъ флагомъ. Вслѣдствіе этого немедленно была остановлена атака, и съ нашей стороны также вышли парламентеры. Но не успѣли еще сойтись парламентеры, какъ съ турецкихъ высотъ грянулъ залпъ по нашимъ стрѣлкамъ, вышедшимъ изъ прикрытій. Атака возобновилась, но уже съ большими потерями съ нашей стороны, и почти уже овладѣвшіе высотами стрѣлки были вынуждены отступить, причемъ они не могли захватить съ собою всѣхъ раненыхъ, которыхъ было очень трудно разыскивать въ кустахъ.

Спустилась ночь. На утро, еще до возобновленія съ нашей стороны атаки, прибылъ турецкій офицеръ съ письмомъ отъ паши, который сдавался со всѣмъ своимъ отрядомъ на капитуляцію. Выработаны были условія, и сдача была назначена на 12 часовъ дня. Однако, срокъ прошелъ, а турки не подавали признака жизни. Посланы были охотники развѣдать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что турки бѣжали, а парламентеръ былъ присланъ лишь затѣмъ, чтобъ скрыть ихъ бѣгство и дать имъ возможность уйти подальше. Турки ушли по направленію къ Канoферу, но скрываясь въ горахъ и убѣгая тѣсными тропинками, они оставили весь свой лагерь и всѣ припасы.

Между тѣмъ изъ Габровскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Скобелева, было послано 10 ротъ 36-го пѣхотнаго полка съ четырьмя орудіями.

И вотъ съ перевала былъ присланъ къ Гурко вѣстовой Скобелева, который донесъ, что перевалъ занятъ генераломъ безъ боя, такъ какъ турки бѣжали.

Страшную картину представляла Шипка. Среди грудъ убитыхъ видны были звѣрскіе слѣды турецкихъ истязаній надъ ранеными русскими.

«Турки, — пишетъ очевидецъ, - замучивали нашихъ раненыхъ живыми, обрубали имъ руки, ноги, разрубали ихъ на части, наносили имъ удары ножами и штыками въ грудь, животъ и спину. Одинъ изъ этихъ мучениковъ — солдатъ

лежитъ на спинѣ съ отрубленною головой, съ застывшею поднятою вверхъ рукой и съ пальцами, сложенными для крестнаго знаменія; другой застылъ въ предсмертныхъ судорогахъ съ перерѣзанными на рукахъ и ногахъ жилами. Тутъ же валяется рука въ рукавѣ, повязанномъ повязкою Краснаго Креста. Врачъ, сопровождавшій насъ, констатировалъ тотъ фактъ, что всѣ эти мученики были замучены живыми и

Генералъ-майоръ Дерожинскій.

умерли не отъ ранъ, полученныхъ ими на полѣ битвъ, а отъ турецкихъ истязаній».

Такъ обращались съ ранеными не прославленные своими звѣрствами баши-бузуки, а сама императорская гвардія, низамъ!

По прибытіи генерала Гурко на Шипку было приступлено къ уборкѣ убитыхъ. На снѣжной вершинѣ перевала была вырыта глубокая, широкая братская могила. Священникъ совершилъ отпѣванье, насыпали холмъ, водрузили деревянный крестъ надъ доблестно павшими воинами.

Шипка была наша.

Занявъ Шипку, генералъ Гурко двинулся снова впередъ, основавъ главную квартиру въ городѣ Казанлыкѣ, лежащемъ въ долинѣ между Большими и Малыми Балканами. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли *передовымъ отрядомъ* при поддержкѣ Габровскаго, были достигнуты весьма важные результаты. Мы овладѣли Балканами на протяженіи слишкомъ двухъ переходовъ съ горными проходами, сходящимися къ Тырнову, при чемъ были заняты и выходы изъ этихъ проходовъ въ долину р. Тунджи, долина же эта очищена отъ турокъ.

* * *

Въ теченіе десяти дней стоянки войскъ въ Казанлыкѣ были предприняты казачьи рекогносцировки, которыя выяснили, что съ юга надвигается большая турецкая армія, въ 45 батальоновъ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши. Разъѣздами же было также выяснено, что однимъ изъ передовыхъ отрядовъ арміи Сулеймана занятъ городъ Ени-Загра, отдѣленный отъ Казанлыка одними Малыми Балканами, которыя не представляли, сравнительно съ Большими Балканами, трудности для перехода.

Имѣя всего 11.000 человѣкъ, генералъ Гурко рѣшилъ держаться оборонительнаго образа дѣйствій, предварительно выгнавъ турокъ изъ Ени-Загры. Въ виду этого онъ распорядился 17 іюля двинуть свои войска тремя колоннами къ Ени-Загрѣ: изъ Казанлыка черезъ Малыя Балканы онъ долженъ былъ выступить самъ, изъ Ханикіоя долженъ былъ справа подойти отрядъ генерала Борейши, а слѣва, изъ Эски-Загры, Николай Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ и полуторы бригады болгарскаго ополченія. Условлено было 19 іюля съ трехъ сторонъ напасть на Ени-Загру.

Между тѣмъ Сулейманъ-паша, находясь во главѣ болѣе чѣмъ 30.000 арміи, также тремя колоннами двинулся впередъ, рѣшивъ отнять у насъ Эски-Загру, при чемъ отъ Эни-Загры долженъ былъ итти Реуфъ-паша, а со стороны Чирпана—Хулюсси-паша.

17 іюня Реуфъ-паша у Карабунара наткнулся на отрядъ герцога Лейхтенбергскаго, и происшедшій бой окончился пораженіемъ турокъ. Тѣмъ не менѣе, Николай Максимиліановичъ отодвинулъ большую часть своихъ войскъ обратно къ Эски-Загрѣ, а съ остальными, продолжая сдерживать Реуфа-

пашу, надѣялся войти въ связь съ генераломъ Гурко, такъ какъ наступавшія передовыя части Сулеймана и Хулюсси были уже недалеко.

Раннимъ утромъ, едва свѣтало, въ назначенный день двинулся черезъ горы Гурко съ главными силами. Онъ быстро дошелъ до перевала и, спрятавъ войска въ ущельи, въ сопровожденіи штаба взобрался на вершину. Передъ нимъ открывалась безконечная равнина рѣки Марицы, верстахъ въ пяти какъ

Николай Максимиліановичъ, князь Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

разъ противъ него былъ расположенъ городъ Ени-Загра. Въ бинокль онъ увидалъ медленно спускавшееся войско генерала Борейши, но отряда герцога Лейхтенбергскаго не было видно, только далеко, съ правой стороны, поднимались облачка дыма: очевидно, подъ Эски-Загрой уже шелъ бой. Медлить было нельзя. Отрядъ Лейхтенбергскаго былъ незначителенъ, и если на него наступала вся армія Сулеймана, то гибель войска до послѣдняго солдата была неминуема. Надо было кончать назначенное дѣло и итти спасать отрядъ боровшійся подъ Эски-Загрой. Тѣмъ временемъ батарея Борейши уже открыла огонь съ лѣваго фланга, и Сѣвскій полкъ, заходя съ того же края, уже завязалъ ружейную перестрѣлку.

Съ высокой горы видно было, какъ побѣжали изъ города конные черкесы и мирные жители, спасаясь въ близлежащія горы, но регулярное турецкое войско, закопавшись въ глубокихъ окопахъ, стойко выдерживало нашъ огонь, отвѣчая на него своими скорострѣльными ружьями и батареей.

Битва длилась около 5-ти часовъ; дѣло было рѣшено конной батареей, зашедшей съ тыла, и стрѣлковой бригадой, бросившейся въ штыки на непріятеля. Турки бѣжали, побросавъ не только военные припасы, но сбрасывая на ходу даже платье, мѣшавшее бѣгству. Часа черезъ два по окончаніи сраженія отрядъ уже снова двигался по шоссе по направленію къ Эски-Загрѣ, идя на выручку своимъ. Усталыя, измученныя и боемъ и нестерпимымъ жаромъ, медленно тянулись славныя боевыя колонны по пыльному шоссе. Заночевали по дорогѣ въ разбитой, полусожженной болгарской деревушкѣ; ночь была сырая и холодная, а на утро ужъ опять двигались къ далекой Эски-Загрѣ. Часовъ въ 8 къ Гурко подскакало нѣсколько казаковъ съ донесеніемъ, что врагъ показался на шоссе, и передовой разъѣздъ уже завязалъ перестрѣлку.

Не долго пришлось ждать непріятеля. Шоссе поднималось на холмъ, и, взойдя на него, Гурко увидалъ турокъ. Непріятель занималъ гораздо болѣе выгодную позицію: онъ былъ спрятанъ въ лѣсу за деревьями и оттуда могъ съ точностью направлять свои удары. Пространство отъ холма до лѣса покрывалъ невысокій кустарникъ, и турки, взбираясь на деревья, указывали своимъ товарищамъ, куда направлять огонь. Съ правой стороны Гурко выслалъ конную батарею, открывшую мѣткій и частый огонь, но турецкая пѣхота начала выдвигаться изъ лѣса, переходя въ наступленіе. Гурко стоялъ на курганѣ. Гранаты рвались передъ нимъ, проносились пули, окружающіе уговаривали генерала сойти съ кургана, но неустрашимый начальникъ, подавая собою примѣръ беззавѣтной храбрости, отклонялъ всѣ предложенія. 8 часовъ длилось сраженіе. Наши войска, казалось, были безсильны выбить врага изъ занятыхъ имъ позицій, но опять неустрашимость и упорство русскихъ войскъ взяли верхъ. Два стрѣлковыхъ батальона, 13-й и 15-й, зайдя съ лѣвой стороны, пошли въ атаку, несмотря на адскій огонь, и ударили въ штыки. Турки не выдержали штыковой атаки нашей стрѣлковой бригады и бросились бѣжать изъ лѣса, побросавъ все на мѣстѣ: раненыхъ, убитыхъ, весь лагерь.

Въ этомъ дѣлѣ, получившемъ свое названіе отъ близлежащей деревушки Джуранлы, турокъ вмѣстѣ съ черкесами и баши-бузуками было до 12.000 человѣкъ, тогда какъ утомленный вчерашнимъ боемъ и дальнимъ переходомъ отрядъ

Гурко былъ всего въ 7000 тысячъ. Обращенный въ бѣгство подъ Джуранлы турецкій отрядъ былъ отрядомъ Реуфа-паши и составлялъ правое крыло арміи Сулеймана-паши. Во время боя прискакалъ изъ Эски-Загры Кіевскій гусарскій полкъ съ извѣстіемъ, что принцъ Лейхтенбергскій отступилъ на Казанлыкъ, тщетно пытаясь весь вчерашній день удержать главныя силы Сулеймана, доходившія до 30 тысячъ.

Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ, наши видѣли, какъ надъ Эски-Загрою взвиваются громадные клубы чернаго дыма, какъ повсюду въ окрестности пылаютъ болгарскія села...

А подъ Эски-Загрой шелъ горячій, отчаянный бой.

Пока герцогъ Лейхтенбергскій отстаивалъ занятую имъ позицію, на Эски-Загру надвигались таборъ за таборомъ турки. На помощь къ защитнику города Депрерадовичу герцогъ послалъ драгунъ казанцевъ, а дабы удержать путь отступленія, приказалъ занять бугры у входа въ ущелье двумя болгарскими дружинами.

Въ половинѣ двѣнадцатаго неожиданно прибылъ генералъ Раухъ, прорвавшійся подъ градомъ снарядовъ изъ Ени-Загринской колонны. Принявъ начальство надъ Эски-Загринскимъ отрядомъ, онъ отправилъ на помощь казанскимъ драгунамъ два донскія орудія, которыя повелъ генералъ Столѣтовъ. Но орудія пришлось поставить около бугровъ, заслоняющихъ входъ въ ущелье.

Въ городѣ кипѣлъ ожесточенный, но неравный бой. Горсть героевъ русскихъ и болгарскихъ дружинниковъ въ теченіе многихъ часовъ билась со всѣми силами полчищъ Сулеймана-паши. Въ этомъ смертномъ поединкѣ молодыя болгарскія дружины прославились своимъ мужествомъ наравнѣ съ закаленными русскими полками. Болгарскіе воины дрались какъ львы, отстаивая каждую пядь своей земли и съ безумной отвагой бросаясь на цѣлый лѣсъ турецкихъ штыковъ, въ то же время осыпаемые градомъ турецкихъ снарядовъ.

Но всякимъ человѣческимъ силамъ существуетъ предѣлъ. Отступленіе было неизбѣжно. Оно совершилось въ полномъ порядкѣ, и къ 5 часамъ вечера генералъ Раухъ отвелъ повозки съ ранеными и послѣднія войска за рѣку Тунджу.

Много пало русскихъ воиновъ въ этомъ ужасномъ боѣ, но еще болѣе пострадали дружинники: 1-я и 3-я дружины потеряли три четверти своихъ людей и большую часть офицеровъ.

Послѣ одержанной побѣды подъ Джуранлы отрядъ генерала Гурко не могъ подать помощи Эски-Загрѣ: городъ уже былъ въ турецкихъ рукахъ, да и положеніе самаго отряда Гурки было крайне тяжелое. Войска были истощены.

Солнце палило невыносимо. Около колодца тѣснились солдаты. Генералъ Гурко сидѣлъ на холмѣ, обдумывая со штабомъ дальнѣйшія дѣйствія. «Что будетъ дальше?»—это былъ вопросъ, занимавшій всѣхъ. Усталость, жажда, голодъ и неизвѣстность грядущаго, а впереди грозная армія Сулеймана, полная свѣжихъ силъ и во много разъ больше нашей.

Вдругъ неожиданно для всѣхъ Гурко далъ команду сбора. Полки строились на шоссе, и черезъ нѣсколько времени мы уже шли впередъ: мы наступали на Сулеймана, мы шли въ атаку на 30-тысячную армію.

Не говоря уже объ убыли въ солдатахъ за эти послѣдніе тяжелые дни, почти не было и снарядовъ. Среднимъ числомъ по три выстрѣла на пушку приходилось, а наши восемь орудій гордо и вызывающе глядѣли съ холма на пылавшій городъ. Темнѣло. Тревога росла—что, если Сулейманъ, пославъ на утро развѣдчиковъ, откроетъ, что небольшая горсть русскихъ удальцовъ безумно отваживается угрожать его огромной арміи? Двинувшись впередъ, онъ раздавилъ бы насъ.

Ночь спустилась на землю; ночь была темная, непроглядная. Съ наступленіемъ полнаго мрака Гурко отдалъ приказъ двигаться вправо отъ шоссе, направляясь къ Малымъ Балканамъ. Наконецъ добрались до склона горъ. Люди были окончательно измучены. Не разбирая мѣста, кто гдѣ и какъ попало, наскоро пообѣдавъ чѣмъ попало, повалились на землю, и лагерь заснулъ.

Ночь прошла благополучно. Рано утромъ стали подниматься въ гору. Тяжелъ былъ этотъ перевалъ черезъ Балканы въ долину рѣки Тунджи. Люди помогали лошадямъ, сами запрягаясь въ орудія. Спускъ въ долину былъ, пожалуй, еще хуже: горные потоки, стремительно бросавшіеся въ долину, преграждали путь, камни застилали дорогу, повозки съ ранеными громыхали по камнямъ, и съ каждымъ толчкомъ слышались отчаянные стоны. Отрядъ Гурко былъ спасенъ. Въ богатой долинѣ Тунджи солдаты нашли и отдыхъ и пищу.

Впослѣдствіи выяснилось, что Сулейманъ-паша отступилъ отъ Эски-Загры на другой же день послѣ битвы подъ Джуранлы и демонстраціи, произведенной Гурко подъ Эски-Загрой. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ русскихъ послѣдовательныхъ побѣдъ у Ени-Загры, Джуранлы и, наконецъ, того вызывающаго вида, какой принялъ Гурко въ виду турецкихъ полчищъ подъ Ески-Загрой, Сулейманъ-паша вообразилъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ какимъ-нибудь ничтожнымъ отрядомъ въ семь тысячъ человѣкъ, отрядомъ усталымъ, лишеннымъ боевыхъ припасовъ, но что передъ нимъ стоитъ авангардъ большой русской арміи, перешедшей Балканы, которой численность

должна быть громадна, если судить о ней по смѣлости и рѣшительнымъ дѣйствіямъ ея авангарда. Поэтому Сулейманъ-паша счелъ за лучшее отступить, оставивъ въ Эски-Загрѣ небольшой заслонъ изъ пѣхоты для прикрытія своего отступленія.

Принимая во вниманіе невозможность сразиться съ арміей Сулеймана, Гурко, совершенно правильно принялъ рѣшеніе

Князь Святополкъ-Мирскій.

отойти къ Ханкіойскому ущелью. По исполненіи этого рѣшенія войска передового отряда поступили подъ начальство командира VIII корпуса генералъ-лейтенанта Радецкаго, который приказалъ Гурко отвести кавалерію къ Тырнову, а пѣхоту на Ханкіойскій перевалъ, выдѣливъ одинъ полкъ для защиты Травинскаго перевала. Такъ кончился первый походъ за Балканы. Вернувшись въ Тырново, Гурко вскорѣ уѣхалъ въ Россію встрѣчать двигавшуюся гвардію, командованіе которой было вручено ему, какъ опытному и покрывшему себя славой генералу.

Отрядъ генерала Радецкаго.

Шипка.

Генералу Радецкому были подчинены, кромѣ VIII корпуса, передовой отрядъ и дивизіи 11-я пѣхотная и 13-я кавалерійская. Съ этими войсками онъ долженъ былъ оборонять нашъ южный фронтъ, отъ Сельви черезъ Шипку на Елену къ Османъ-Базару (почти 150 верстъ), входя въ связь направо съ войсками, дѣйствовавшими на западномъ фронтѣ, и налѣво — съ Рущукскимъ отрядомъ. Въ виду столь неблагопріятнаго положенія дѣлъ, генералъ Радецкій не могъ придерживаться иного, кромѣ строго оборонительнаго образа дѣйствій.

Шипкинскій перевалъ послѣ отъѣзда Гурко былъ занятъ русскимъ отрядомъ изъ 15 ротъ и 5 значительно уже порѣдѣвшихъ болгарскихъ дружинъ. Главная квартира генерала Радецкаго находилась въ Тырновѣ. Здѣсь 7 августа онъ получилъ донесеніе, что Сулейманъ съ значительными силами стоитъ въ Казанлыкѣ, на слѣдующій день что онъ готовится атаковать Шипкинскій проходъ, а 9 августа — что атака уже началась. Радецкій поспѣшилъ послать одинъ пѣхотный полкъ въ подкрѣпленіе на Шипку, а 14-ю пѣхотную дивизію и 4-ю стрѣлковую бригаду стянулъ къ Габрову въ качествѣ общаго резерва.

Раздраженный своей ошибкой подъ Эски-Загрой, когда онъ безъ боя пропустилъ отрядъ генерала Гурко, Сулейманъ-паша поклялся во что бы то ни стало овладѣть Шипкой.

Мощными массами двинулись турки, подъ командой своего грознаго предводителя, уничтожая все на своемъ пути, превращая въ обугленныя, дымящіяся пепелища такъ еще недавно цвѣтущія селенія болгаръ. Звѣрства турецкія превышали здѣсь всякія границы.

Тридцатитысячная армія надвигалась бурнымъ потокомъ противъ горсти русскихъ солдатъ и болгарскихъ дружинниковъ.

Турки клялись на Коранѣ взять Шипку, но и наши войска рѣшились биться до послѣдняго вздоха и не отступать ни шага.

9 августа началась атака и тѣмъ же днемъ подоспѣлъ въ помощь нашимъ героямъ 35 пѣхотный полкъ, но все-таки численность русскихъ была ничтожна.

Колонна за колонной шла въ атаку на наши позиціи. Едва разстроится подъ нашими выстрѣлами одна, какъ на смѣну ей уже выступаетъ другая...

Въ первый день на одну изъ шипкинскихъ батарей 6 разъ возобновлялась ожесточенная атака. Турки лѣзли впередъ съ какимъ-то остервенѣніемъ. Они бросались на наши штыки, хватались за нихъ руками, стаскивали внизъ солдатъ и тутъ же рубили ихъ на куски.

На нашей батареѣ снарядовъ не хватало. Солдаты, навалившись, скатывали цѣлыя скалы, которыя, обрушиваясь съ вы-

Генералъ Радецкій.

соты, производили страшное опустошеніе въ турецкихъ рядахъ. Болгарскіе дружинники не отставали отъ русскихъ, проявляя изумительныя мужество и стойкость.

На другой день, 10 августа, бой продолжался съ тѣмъ же упорствомъ. Турки черезъ своихъ лазутчиковъ знали, что съ сѣвера къ русскимъ идетъ подмога и торопились завладѣть позиціями до ея появленія.

Ждали помощи и русскіе. Ряды геройскихъ защитниковъ Шипки рѣдѣли съ каждымъ часомъ. Патроновъ не хватало, разстрѣляли всѣ, обыскивали убитыхъ изъ-за каждаго лиш-

няго патрона. Взоры утомленныхъ бойцовъ то и дѣло обращались къ сѣверу: не идетъ ли подмога. Поутру ждали, днемъ, но вотъ уже и ночь спустилась, а все нѣтъ никого!

«Кто-то изъ генераловъ, — разсказываетъ очевидецъ, — подходитъ подъ вечеръ къ совершенно окровавленному офицеру, вокругъ котораго лежало 17 солдатъ. Офицеръ сдѣлалъ подъ козырекъ.

«— Что это они у васъ спятъ? — спрашиваетъ генералъ.

«— Да, ваше п-во, спятъ... и не проснутся. Они всѣ убиты

«— А вы что же здѣсь дѣлаете?

«— Ожидаю своей очереди... Это была моя команда, — тихо отвѣтилъ офицеръ».

И всюду то же опустошеніе, всюду отсутствіе и людей и патроновъ. И все-таки немногіе оставшіеся напрягали послѣднія силы, предпочитая умереть всѣмъ до послѣдняго, но не сдавать добровольно своихъ позицій.

Наступилъ третій день обороны, 11 августа. Геройскіе защитники попрежнему бились стойко, но силъ уже не было, они изнемогали. А турецкія колонны, смѣняя одна другую, свѣжія и бодрыя, наступали, казалось, съ еще большимъ неистовствомъ.

Конецъ былъ близокъ.

Вдругъ далеко-далеко въ горахъ послышался какой-то глухой гулъ.

«Наши!» пронеслось по Шипкѣ, и солдаты ободрились. Услыхали и турки, остановились въ своемъ натискѣ, стали прислушиваться. Гулъ все росъ, становился явственнѣе. «Ура!» пронеслось по Шипкѣ и отдалось глухимъ отзвукомъ въ горахъ.

То генералъ Радецкій шелъ на выручку немногимъ оставшимся въ живыхъ изъ шипкинскаго гарнизона, но Шипка была спасена.

Послѣ новой безуспѣшной атаки Сулеймана Радецкій самъ перешелъ въ наступленіе. Бой продолжался еще и 12 и 13 августа. Наконецъ турки были окончательно оттѣснены. Сулейманъ, убѣдившись въ невозможности взять Шипку, отказался отъ дальнѣйшихъ атакъ.

Съ нашей стороны изъ строя выбыло до 100 офицеровъ, въ томъ числѣ Драгомировъ (раненый) и Дерожинскій (убитый) и около 3500 нижнихъ чиновъ. Потери турокъ были втрое большія.

Послѣдовалъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ недѣли на двѣ. За это время Радецкому были присланы подкрѣпленія; старыя позиціи были обновлены и возведены многія новыя укрѣпленія.

Съ 1 по 5 сентября Сулейманъ пытался, но безуспѣшно, вновь атаковать Шипку. Въ послѣдній день онъ произвелъ ночную атаку, но снова былъ отброшенъ.

Съ этого времени Шипкинскій перевалъ оставался уже въ нашихъ рукахъ. Нашъ отрядъ, подъ командой Радецкаго, всю осень, всю зиму какъ грозный часовой стоялъ на Шипкинскихъ высотахъ, съ геройскимъ мужествомъ перенося всѣ невзгоды, охраняя тылъ нашей дѣйствующей арміи.

Часть русскихъ войскъ послѣ взятія Шипки была отведена и двинута на нашъ западный фронтъ. А именно 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи соединилась съ отрядомъ М. Д. Скобе-

Князь Имеретинскій

лева, который во время шипкинскихъ боевъ охранялъ тылъ арміи Радецкаго. Этотъ соединенный отрядъ, подъ начальствомъ князя Имеретинскаго, 22 августа атаковалъ и взялъ Ловчу, при чемъ особенно отличился генералъ Скобелевъ. Большая часть турецкаго ловчинскаго отряда была истреблена, а меньшая разсѣялась и бѣжала въ Плевну. Послѣ этой побѣды войска генераловъ кн. Имеретинскаго и Скобелева были притянуты къ Плевнѣ и присоединились къ нашему остальному отряду

Что же до Сулеймана-паши, то послѣ своей неудачи у Шипки онъ принялъ во второй половинѣ сентября начальство надъ Ломской арміей, дѣйствовавшей противъ Рущукскаго отряда

Рущукскій отрядъ.

Отрядъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, состоялъ изъ двухъ армейскихъ корпусовъ: 12-го, подъ командою Вел. Кн. Владиміра Александровича, и 13-го, подъ командою генер.-лейтенанта Гана. Отряду этому сперва было поручено обложеніе придунайской крѣпости Рущукъ, отъ которой онъ и получилъ свое названіе, а затѣмъ это распоряженіе было отмѣнено, и на рущукскій отрядъ была возложена труднѣйшая задача обезпеченія нашей операціонной линіи съ востока. И Рущукскій отрядъ въ высшей степени мужественно и умѣло выполнялъ данную ему оборонительную задачу, прикрывая нашъ лѣвый флангъ противъ турецкой арміи, сосредоточившейся въ четырехугольникѣ крѣпостей Рущука, Шумны, Варны и Силистріи.

Главнокомандующій турецкой арміи Мехметъ-Али-паша располагалъ вдвое большими по численности военными силами и превосходно укрѣпленными и обильно снабженными всѣмъ необходимымъ крѣпостями. При этомъ онъ обладалъ недюжиннымъ организаторскимъ талантомъ, и борьба противъ него оказывалась дѣломъ крайне серіознымъ и далеко не легкимъ. Въ началѣ кампаніи онъ очень скоро изъ оборонительнаго положенія перешелъ въ наступленіе и одержалъ даже нѣсколько частичныхъ успѣховъ, дѣлавшихъ, однакоже, гораздо больше чести его храброму противнику. При этомъ произошли слѣдующіе бои: 10 и 11 августа при Аясларѣ, 18-го—при Карахассанкіоѣ и 27-го—при Пайкіоѣ. Но зато 15-го августа наши войска побѣдоносно отразили вылазку турокъ изъ Рущука, а 24 августа, въ двухъ бояхъ, при Коцеловѣ и Аблавѣ, русскія войска, несмотря на успѣхъ турокъ въ первомъ боѣ и несмотря на громадное превосходство вражескихъ силъ, отбросили непріятеля за р. Кара-Ломъ.

Герой дня, баронъ Дризенъ, командовавшій войсками въ этомъ достопамятномъ бою, одержанную побѣду въ своемъ донесеніи Цесаревичу полностью приписываетъ: «стойкости и храбрости офицеровъ и солдатъ, которые дрались противъ въ четыре раза сильнѣйшаго врага, подъ начальствомъ турецкаго главнокомандующаго Мехмета-Али-паши». Что ка-

сается послѣдствій аблавской побѣды, то они были неисчислимы не только для ея участниковъ, не только для всего Рущукскаго отряда, а можетъ быть и для всей русской арміи. Если бы баронъ Дризенъ не удержался подъ Аблавой и далъ бы задавить себя противнику, на сторонѣ котораго была сила, то турки прорвали бы средину общаго расположенія Рущукскаго отряда, и Мехметъ-Али тогда безнаказанно могъ бы

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ

угрожать не только нашимъ войскамъ подъ Плевной, но и всему тылу нашей дѣйствующей арміи.

Но одиннадцатичасовой бой дорого обошелся русскимъ: изъ строя выбыло убитыми и ранеными 56 офицеровъ и 1250 нижнихъ чиновъ. Турецкія потери, впрочемъ, были еще значительнѣе.

Однако, несмотря на выдающуюся побѣду, положеніе Рущукскаго отряда было настолько опасно, что Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ своимъ войскамъ перейти за Баницкій

Ломъ къ р. Янтрѣ, что и было исполнено 25 и 26 августа въ образцовомъ порядкѣ.

Тѣмъ не менѣе, не продолжительна была передышка. Уже со 2-го сентября снова начались кровопролитныя сраженія и всегда съ непріятелемъ, превосходящимъ наши войска своей численностью.

Неудачная попытка турокъ прорвать расположеніе Рущукскаго отряда у Аблавы 24 августа лишь отсрочила исполненіе этого намѣренія до болѣе удобнаго времени. Въ виду этой цѣли турки не предпринимали пока рѣшительныхъ дѣйствій до полнаго окончанія приготовленій. Но нерѣшительное поведеніе противника, обладавшаго огромными силами, заставляло насъ догадываться о замышляемомъ наступленіи и держаться насторожѣ.

Изъ производимыхъ ежедневно развѣдокъ обнаружилось что наступленіе турокъ готовится противъ праваго фланга Рущукскаго отряда, а еще вѣрнѣе противъ лѣваго фланга такъ называемаго Сѣвернаго отряда.

Отрядъ этотъ находился подъ командой генерала Татищева и вмѣстѣ съ прикомандированными къ нему тремя полками Рущукскаго отряда къ 8-му сентября достигъ почти 16.000 человѣкъ. Стоялъ онъ у деревни Чайркіой и фронтомъ своимъ приблизительно версты 4 длиною былъ обращенъ къ деревнѣ Церковнѣ.

Передвиженія, замѣчаемыя у непріятеля, держали Сѣверный отрядъ въ постоянной готовности къ бою.

Какъ ни близка была гроза и какъ ни ждали ее, она все-таки разразилась неожиданно. Случилось это 9-го сентября. Въ 10 часовъ утра вдругъ грянулъ выстрѣлъ; то былъ турецкій сигналъ къ артиллерійскому бою, и вскорѣ непріятель началъ наступленіе. Сначала бой какъ будто склонялся въ сторону турокъ, но отчаянное мужество, мѣткій артиллерійскій и ружейный огонь и наконецъ великолѣпная штыковая работа русскихъ храбрецовъ взяли верхъ. Къ ночи турки были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство.

Эта блестящая побѣда имѣла весьма важныя и благопріятныя послѣдствія для всего Рущукскаго отряда. Турецкая армія послѣ чайркіойскаго пораженія начала общее отступленіе за р. Кара-Ломъ; способнѣйшій изъ турецкихъ главнокомандующихъ Мехметъ-Али былъ смѣненъ Сулейманомъ, и наконецъ часть войскъ арміи, египетскія войска, несправедливо обвиненныя въ недостаточной стойкости, были отозваны.

Новый турецкій главнокомандующій Сулейманъ стремился во что бы то ни стало оправдать возложенное на него султаномъ довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить за понесенное

турецкой армiей пораженiе. Значительнымъ препятствiемъ ему долгое время служила дурная погода, но къ началу октября погода стала проясняться, и каждый день можно было ожидать боя. Армiя Сулеймана къ этому времени, по слухамъ, простиралась до 100.000 человѣкъ при 168 орудiяхъ. Съ нашей стороны въ предстоящемъ бою могли принять участiе 36 баталiоновъ и 34 эскадрона при 146 орудiяхъ, подъ личнымъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владимiра Александровича.

Ген.-лейт. Татищевъ.

Между тѣмъ изъ свѣдѣнiй, добываемыхъ развѣдками, оказывалось, что турки отступаютъ отъ Кадыкiоя и сосредоточиваются у Рущука и Разграда. Но свѣдѣнiя эти далеко не отличались достовѣрностью, и потому Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ одновременно произвести рядъ развѣдокъ по всему фронту расположенiя отряда. Выбранъ былъ день 12 октября.

День начался несчастливо. Выѣхавшiй въ 8 часовъ утра на передовую линiю герцогъ Лейхтенбергскiй Сергѣй Максимилiановичъ съ цѣлью осмотрѣть мѣстность передъ предстоящимъ боемъ, былъ убитъ пулей въ голову въ то время, какъ

онъ только что взялъ бинокль изъ рукъ сопровождавшаго его казака. Смерть была мгновенна. Печальная вѣсть быстро облетѣла всѣ войска и грустно отозвалась въ сердцѣ каждаго солдата.

Развѣдки 12 октября разыгрались настоящимъ боемъ, результаты котораго были велики, ибо непріятель развернулъ и показалъ намъ всѣ свои силы, но и потери наши, особенно для развѣдокъ были, немалыя, а именно 8 офицеровъ и 430 нижнихъ чиновъ.

Сергѣй Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій.

Время шло. Сулейманъ все еще готовился къ наступленію. А между тѣмъ русская армія изнемогала въ борьбѣ съ инымъ врагомъ, противъ котораго и штыкъ и пуля безсильны. Наступившая осень со своимъ бездорожьемъ затрудняла всякій подвозъ. Въ разоренной турками странѣ негдѣ было взять ни продовольствія людямъ ни корма конямъ. Оставалось одно — добывать все силой у турокъ, и мелкіе отряды нашихъ войскъ часто съ успѣхомъ добывали этимъ путемъ пропитаніе и себѣ

и конямъ, называя это фуражировками, которыя не менѣе часто разыгрывались въ настоящія сраженія.

7-го ноября русскія войска собирались праздновать полученное счастливое извѣстіе съ малоазіатскаго театра войны о взятіи Карса, но празднованію этому не суждено было состояться. Никто не подозрѣвалъ, что именно къ этому утру у турокъ созрѣлъ планъ наступленія противъ Рущукскаго отряда, приведшій къ столкновенію съ передовыми отрядами, 12-го корпуса у Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме. Бой былъ кровопролитный, но къ вечеру въ обоихъ пунктахъ, несмотря на рѣшительныя и многократныя наступленія турокъ, поле сраженія осталось за нами. Если со стороны турокъ эти наступленія были приняты съ цѣлью разсмотрѣть наше расположеніе, то и въ этомъ случаѣ они остались ни съ чѣмъ, ибо ни въ чемъ относительно нашихъ войскъ удостовѣриться не смогли.

Прошла недѣля, прежде чѣмъ непріятель рѣшился снова потревожить насъ, а у насъ между тѣмъ были кончены всѣ приготовленія для встрѣчи врага.

Холоднымъ утромъ начался день 14 ноября. Стало свѣтать. Кругомъ все тихо. Вдругъ какой-то глухой гулъ раздался въ отдаленіи. Съ минуты на минуту онъ все болѣе усиливался, становился все явственнѣе. Казаки, стоявшіе на аванпостахъ передъ лѣвымъ флангомъ, первые услыхали гулъ и, всматриваясь вдаль, скоро увидали грозный лѣсъ непріятельскихъ штыковъ. Турки большими массами наступали на насъ. Казаки по разнымъ направленіямъ поскакали съ извѣстіемъ о наступленіи непріятеля, поднимая по пути тревогу и призывая войска къ оборонѣ.

Позиціи нашихъ войскъ были расположены слѣдующимъ образомъ: у деревни Мечки, подъ начальствомъ генералъ-майора Цицiадзева, стояли 6 баталіоновъ и 16 орудій; у деревни Трестеника, подъ начальствомъ генералъ-майора Фофонова, 9 баталіоновъ и 44 орудія; отъ этихъ войскъ были выставлены дежурныя части къ Пиргосу и Ханъ-Гюль-Чесме. Кромѣ того, у Трестеника же, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена, стояли 8 эскадроновъ и 6 сотенъ кавалеріи при 6 орудіяхъ, нѣсколько эскадроновъ было на передовыхъ постахъ, и въ общемъ резервѣ верстахъ въ 7 назадъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Тимоѳеева, оставалось 9 баталіоновъ, 6 сотенъ и 36 орудій.

Общее начальство надъ всѣми передовыми войсками было поручено генералъ-лейтенату барону Фирксу.

Первый натискъ турокъ былъ на Пиргосскія высоты. Какъ ни мѣтокъ былъ здѣсь нашъ огонь, онъ не могъ остановить турокъ, и около 9 часовъ утра Пиргосъ ужъ былъ

въ рукахъ непріятеля. Наши войска отступили къ Мечкѣ, гдѣ бой быстро разгорался и куда къ туркамъ подходили все новыя войска. Въ то же почти время начался бой у Ханъ-Гюль-Чесме и наступленіе непріятеля на Трестеникъ.

Особенно было тяжело положеніе наше у Мечки. Несмотря на нашъ убійственный огонь, турки упорно продолжали наступать, укрываясь въ виноградникахъ и за неровностями мѣстности; вдали чернѣли новыя густыя колонны, переходившія черезъ хребты возвышенностей.

Единственное, но крайне рискованное средство остановить турокъ — было самимъ перейти въ наступленіе и ударить въ штыки. Выбравъ удобную минуту, командиръ 8-ой роты Днѣпровскаго полка Ивановъ съ горстью своихъ храбрецовъ вышелъ изъ прикрытія и смѣло бросился на непріятеля. За нимъ бросились остальныя роты съ могучимъ крикомъ «ура!» а затѣмъ и по всему фронту наши войска перешли въ наступленіе. Турки были опрокинуты и обращены въ безпорядочное бѣгство. Пиргосъ также былъ скоро вырванъ изъ рукъ непріятеля. Такимъ образомъ лѣвый флангъ турокъ былъ окончательно сбитъ.

Бой у Ханъ-Гюль-Чесме начался артиллерійской канонадой. Вскорѣ непріятель сталъ сильно тѣснить нашъ правый флангъ. Держаться противъ многочисленнаго непріятеля нашему небольшому авангарду не было возможности, ибо онъ рисковалъ быть окруженнымъ и уничтоженнымъ. Упорно отстрѣливаясь, онъ сталъ медленно отходить къ Трестенику. Но положеніе отряда въ виду продолжающагося наступленія непріятеля становилось безнадежнымъ. Присланный фонъ-Фирксомъ руководить отступленіемъ полковникъ Брантъ рѣшилъ ударить въ штыки. Загремѣло грозное «ура!», выстрѣлы мгновенно прекратились, и весь отступавшій авангардъ стремительно бросился на непріятеля. Переходъ отъ отступленія къ атакѣ былъ такъ неожиданъ и рѣшителенъ, что турки растерялись въ первую минуту, часть ихъ побѣжала, но вскорѣ закипѣла отчаянная рукопашная схватка. Тѣмъ не менѣе, наши войска смогли отойти къ главнымъ позиціямъ у Трестеника. Здѣсь бой принялъ ужасающую силу, и положеніе нашихъ войскъ съ минуты на минуту становилось все отчаяннѣе, тѣмъ болѣе, что къ непріятелю подходили все новыя подкрѣпленія: противъ нашихъ 5 баталіоновъ было 40 таборовъ!

Оставалась одна надежда на Мечкинскій отрядъ. Фонъ-Фирксъ послалъ туда за помощью, но и безъ того Мечкинскій отрядъ самъ уже направлялся къ Трестенику. Былъ 4-ый часъ дня, когда подошли свѣжія силы и тотчасъ же наши войска перешли въ наступленіе. День былъ богатъ множе-

ствомъ отдѣльныхъ подвиговъ изумительной храбрости. Бой продолжался до ночи и окончился сперва отступленіемъ, а затѣмъ бѣгствомъ турокъ. Прибавимъ, что у турокъ было въ $3^1/_2$ раза большее количество пѣхоты и равное намъ количество кавалеріи и артиллеріи, а также, что бой 14 ноября болѣе ярко, чѣмъ когда-либо, доказалъ справедливость знаменитаго выраженія Суворова: «штыкъ — молодецъ, а пуля — дура».

Послѣ этого двѣ недѣли Рущукскій отрядъ отдыхалъ, не тревожимый непріятелемъ. Но въ этотъ промежутокъ времени, а именно 22-го ноября, произошелъ кровопролитный и несчастный для насъ бой подъ городомъ Еленой, занятымъ изъ отряда Радецкаго баталіонами Сѣвскаго и Орловскаго полковъ, приблизительно въ 6000 человѣкъ при 26 орудіяхъ. Раздраженный пораженіемъ подъ Трестеникомъ, Сулейманомъ съ 30.000 человѣкъ турокъ грозно обрушился на Елену. Русскія войска сражались съ отчаяннымъ мужествомъ противъ въ 5 разъ болѣе многочисленнаго врага, заботясь лишь о томъ, чтобы побѣда обошлась ему какъ можно дороже. Почти половина нашего храбраго отряда пала въ жестокомъ бою; однако, на другой день, получивъ съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія, частью и изъ Рущукскаго отряда, онъ снова былъ готовъ сразиться съ врагомъ на новыхъ позиціяхъ. Но Сулейманъ отступилъ, убѣдившись въ невозможности немедленно двинуться на выручку Плевны.

Между прочимъ въ тотъ же день турецкія войска перешли въ наступленіе противъ западнаго фронта Рущукскаго отряда. По всей вѣроятности, это было сдѣлано съ цѣлью отвлеченія нашего вниманія отъ происходившаго на Балканахъ, ибо дѣло здѣсь ограничилось сравнительно пустяками; гораздо важнѣе былъ бой 28 ноября, вызванный развѣдками нашими подъ командой генералъ-майора Горшкова, и затѣмъ бой 30 ноября. Въ первомъ случаѣ нашимъ 13-ти ротамъ пришлось дѣйствовать противъ 10-ти таборовъ пѣхоты, а во второмъ — нашимъ 30-ти баталіонамъ противъ турецкихъ 60-ти. Мы не станемъ описывать всѣхъ перепитій обѣихъ битвъ, но констатируемъ только, что близкое пораженіе оба раза превращалось въ блестящую побѣду. Это только подтверждаетъ, что побѣда въ бою, въ большинствѣ случаевъ, на сторонѣ того, у кого больше рѣшительности и храбрости въ самые опасные моменты, и кто смѣло смотритъ въ глаза угрожающей опасности.

За ходомъ боя 30 ноября наблюдалъ самъ августѣйшій начальникъ Рущукскаго отряда, а боемъ руководилъ Великій Князь Владимиръ Александровичъ.

Въ минуту крайней опасности и близко тѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ наши внезапно перешли въ наступленіе и ударили въ штыки. Турки не выдержали молодецкаго натиска, были опрокинуты и въ безпорядкѣ бѣжали за рѣку Ломъ, преслѣдуемые нашими разсвирѣпѣвшими солдатами.

Успѣху, какъ этого боя, такъ и боя 14 ноября, много способствовали осадныя порапанскія батареи и въ особенности мониторъ ***Никополь***, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отбитый у турокъ нашими моряками на Дунаѣ. 30 августа ***Никополь*** дѣйствовалъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ, самъ подвергаясь выстрѣламъ нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ и опасности со стороны мѣткаго огня съ рущукскихъ фортовъ.

Сраженіемъ 30 ноября закончились наступательныя дѣйствія Сулеймана-паши противъ Рущукскаго отряда, ибо Сулейманъ спѣшилъ перенести за Балканы свою дѣятельность, уже не наступательную, а оборонительную, имѣя цѣлью защиту турецкихъ столицъ.

Вся же забота Рущукскаго отряда отнынѣ сосредоточилась въ борьбѣ съ наступившей зимой и устройствѣ для себя сносной зимней стоянки.

Значеніе дѣятельности Рущукскаго отряда превосходно охарактеризовано въ рескриптѣ, данномъ Государемъ Императоромъ начальнику отряда Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу.

«Рядомъ доблестныхъ подвиговъ, совершенныхъ храбрыми войсками ввѣреннаго Вамъ отряда,— между прочимъ говорится въ этомъ рескриптѣ, — блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Васъ въ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій».

Прибавимъ, что успѣшное выполненіе этой трудной задачи въ значительной мѣрѣ способствовало и успѣшному веденію и завершенію кампаніи. Такъ насъ смутившая и такъ дорого стоившая намъ Плевна едва ли была бы наконецъ взята нами, если бы Рущукскій отрядъ не сумѣлъ удержать рвавшуюся къ ней на выручку армію Сулеймана-паши.

Плевна.

Если мы не совсѣмъ вѣрно судили о турецкихъ силахъ и вооруженіяхъ, если намъ почти всюду приходилось имѣть дѣло съ значительно превышающимъ насъ численностью врагомъ, все-таки военныя наши дѣйствія пока были успѣшны, если не считать несчастной битвы подъ Эски-Загрой и боя подъ Еленой, гдѣ потери наши были громадны и гдѣ намъ

Ген.-лейт. Э. И. Тотлебенъ.

пришлось отступить. Но неудачи эти ничто по сравненію съ тѣми, которыя насъ постигли подъ Плевной.

Небольшой городокъ Плевна при началѣ войны былъ легко захваченъ разъѣздомъ нашихъ казаковъ и оставленъ безъ всякаго вниманія съ нашей стороны.

Въ этомъ-то и заключалась наша громадная и непростительная ошибка, за которую намъ пришлось поплатиться крайне дорогой цѣной.

Дѣло въ томъ, что Плевна, расположенная въ долинѣ одного изъ притоковъ рѣки Видъ, впадающей въ Дунай, и находясь на пересѣченіи нѣсколькихъ большихъ дорогъ, являлась важнымъ стратегическимъ пунктомъ, чему еще болѣе способствовала прилегающая къ ней гористая мѣстность. О томъ, чтобы занять и укрѣпить Плевну, подумали только по взятіи 4 іюня Никополя войсками нашего IX корпуса. Командиръ его, генералъ-лейтенантъ баронъ Криднеръ, на слѣдующій день получилъ изъ главной квартиры приказаніе взять Плевну, въ виду того, что туда двигались сильныя непріятельскія колонны съ запада. Въ то время Плевна была уже занята турками, въ количествѣ 6 таборовъ съ 2 батареями и значительнымъ числомъ черкесовъ.

Въ исполненіе полученнаго приказанія баронъ Криднеръ направилъ къ Плевнѣ генерала Шильдеръ-Шульднера съ отрядомъ изъ 9 баталіоновъ и 32 орудій, усиленныхъ еще войсками изъ Бѣлы. Отряду этому было приказано 8 іюля овладѣть Плевной.

Между тѣмъ въ этотъ самый день въ Плевну вступилъ подоспѣвшій изъ Видина одинъ изъ самыхъ талантливыхъ турецкихъ генераловъ, Османъ-паша, который привелъ съ собою 18 баталіоновъ, 9 батарей и полкъ кавалеріи. Такимъ образомъ въ Плевнѣ сосредоточилось 24 баталіона, 11 батарей, 1 полкъ регулярной и нѣсколько тысячъ иррегулярной конницы, не считая прорвавшихся сюда остатковъ никопольскаго гарнизона.

Ничего этого не было извѣстно начальству IX корпуса, которое не приняло надлежащихъ мѣръ къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, заключавшейся въ томъ, чтобы войти въ соприкосновеніе съ противникомъ и раскрыть его дѣйствительныя силы и намѣренія, прежде чѣмъ предпринимать противъ него рѣшительныя наступательныя дѣйствія.

У насъ предполагали, что если къ Плевнѣ и успѣла подойти часть арміи Османа-паши, то часть небольшая, по всей вѣроятности, развѣдочный отрядъ, и мы легко овладѣемъ городомъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что непріятель значительно превосходитъ насъ числомъ, окруженъ превосходными окопами, изъ которыхъ 58 орудій грозно смотрятъ, поджидая врага.

Артиллерійскій бой начался 7 іюля, но атаковать городъ Шильдеръ-Шульднеръ не отважился до слѣдующаго утра.

8 іюля началась *первая* атака Плевны. Русскіе со страшнымъ урономъ были отброшены на всѣхъ позиціяхъ. Безуспѣшный бой стоилъ намъ болѣе 2800 человѣкъ.

Когда извѣстіе о пораженіи подъ Плевной достигло главной квартиры, всѣ были изумлены неожиданностью — такъ были увѣрены въ ничтожности гарнизона города.

Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, рѣшилъ двинуть къ Плевнѣ болѣе значительныя силы. Уже 17 іюля подъ Плевной было стянуто около 32 тысячъ войскъ при 176 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Криднера. Османъ-паша, въ свою очередь, получилъ подкрѣпленія, подошедшія съ юга по шоссе, пролегавшему черезъ горы въ Софію. Турки все время, не переставая, продолжали возводить новыя земляныя укрѣпленія, расширять и углублять возведенныя раньше.

Считая важнымъ пунктомъ для расширенія поля военныхъ дѣйствій, Османъ-паша занялъ большимъ гарнизономъ также и городъ Ловчу, лежащій за Плевной, и тоже окружилъ его окопами.

Второй штурмъ Плевны состоялся 18 іюля. Теперь русскихъ было больше и людьми и орудіями, но укрѣпленія Османъ-паши были такъ устроены, такъ ловко связаны между собой, поддерживая другъ друга, что наша сильная атака кончилась еще болѣе тяжкимъ пораженіемъ, чѣмъ 8 іюля.

Объ этомъ сраженіи Куропаткинъ въ своей книгѣ „*Ловча и Плевна*" говоритъ слѣдующее:

«Войска генерала Вельяминова заняли позицію противъ непріятеля въ 7 часовъ утра, а войска князя Шаховского - въ 9 часовъ утра, и затѣмъ начали наступленіе. Къ 2½ часамъ пополудни выяснилось, что нашъ правый флангъ долженъ атаковать Гривицкій редутъ, а цѣлью дѣйствій лѣваго фланга назначенъ обходъ слѣва первой линіи непріятельскихъ укрѣпленій и взятіе города Плевны. Войска генерала Вельяминова и князя Шаховского заняли противъ фронта непріятельской позиціи 10 верстъ (не считая отряда генерала Скобелева 2 го) и атаковали непріятельскую позицію въ 8 верстъ. При этомъ главные предметы дѣйствій для нашихъ войскъ находились на оконечностяхъ этой 8-ми верстовой линіи. Гривицкій редутъ, служившій предметомъ дѣйствій для праваго крыла, былъ отдѣленъ отъ города Плевны на 10 верстъ. Войска генерала Вельяминова дѣйствовали къ сѣверу отъ плевно-рущукскаго шоссе безъ всякой связи съ войсками князя Шаховского, дѣйствовавшими къ сѣверу отъ деревни Радищева. Между правымъ флангомъ князя Шаховского и лѣвымъ генерала Вельяминова лежало совершенно обнаженное отъ войскъ пространство болѣе, чѣмъ въ 4 версты. Наибольшее значеніе придавалось дѣйствіямъ нашего праваго крыла, болѣе сильнаго по составу; общій резервъ былъ также приближенъ къ

правому крылу. ***Лежащій противъ этого крыла Гривицкій редутъ признавался тактическимъ ключомъ позиціи турокъ.***

«Сраженіе окончилось для насъ неудачно съ огромными потерями (168 офицеровъ и 7167 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя)».

Причины нашего пораженія 18-го іюля, по мнѣнію генерала Куропаткина, въ общемъ были тѣ же, что и 8-го іюля, и сводились къ слѣдующему. Прежде всего рекогносцировка была недостаточна. Значеніе Гривицкаго редута преувеличено. Общаго командованія не было. Выборъ направленія и пунктовъ для атаки, особенно праваго крыла, былъ неправиленъ. Въ общій резервъ было отведено слишкомъ мало силъ.

Послѣ пораженій 8 и 18 іюля подъ Плевной и оттѣсненія нашего передового отряда за Балканы, почти совпавшаго съ нашей второй Плевненской неудачей, положеніе нашей арміи было весьма неблагопріятное. Обнаружившаяся недостаточность нашихъ силъ для успѣшнаго продолженія компаніи вызвала рѣшеніе усилить почти вдвое первоначальный составъ арміи и до прихода подкрѣпленій держаться только оборонительнаго положенія, какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ.

Плевна сдѣлалась главнымъ предметомъ для дѣйствій нашей арміи, и паденіе Плевны, помимо нравственнаго удовлетворенія за понесенныя пораженія, обусловливало собою дальнѣйшій ходъ кампаніи.

Былъ образованъ западный отрядъ подъ начальствомъ командира генералъ-лейтенанта Зотова, который пока долженъ былъ препятствовать возможному наступленію Османа-паши, а по прибытіи подкрѣпленій перейти въ наступленіе противъ Плевны.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ подъ Плевной безъ боя. Положеніе наше не только здѣсь, но и въ другихъ отрядахъ было крайне тяжелое до прибытія къ намъ подкрѣпленій. Но турки не сумѣли использовать выгодъ своего положенія; отдѣльные отряды не сумѣли войти въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, дабы соединенными силами прорвать нашъ крайне растянутый чуть ли не на 250 верстъ кордонъ и нанести намъ рѣшительный ударъ. Мы уже знаемъ о неудачныхъ попыткахъ Сулеймана-паши подать руку Плевнѣ. Та же участь постигла и Османа-пашу. 19 августа онъ предпринялъ наступленіе противъ нашего Западнаго отряда, имѣя въ виду соединеніе съ Сулейманомъ, но подъ Пелишатомъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ вернуться обратно въ Плевну.

Между тѣмъ къ 20 августа наша армія усилилась значительными подкрѣпленіями. Последовательно прибыли 2-я, 3-я и 26-я пѣхотныя дивизіи, 3-я стрѣлковая бригада, румынская армія и ожидалась еще гвардія, гренадеры и 24-я дивизія.

Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, рѣшилъ, главнымъ образомъ, усилить нашъ Западный отрядъ, такъ какъ не только русская армія, но и вся Россія жаждала немедленныхъ дѣйствій подъ Плевной, жаждала отместки за понесенныя неудачи.

Мы могли располагать подъ Плевной свыше 100 баталіоновъ пѣхоты, 70 эскадроновъ и сотенъ и 400 орудій, т.-е. болѣе чѣмъ 100 тысячами человѣкъ при 20 тысячахъ коняхъ, не считая еще общаго резерва 20 баталіоновъ при

Ген.-лейт. Зотовъ

60 орудіяхъ. Съ этими силами можно было разсчитывать на успѣхъ противъ Османа-паши, армія котораго равнялась приблизительно 40 тысячамъ человѣкъ. Но, кромѣ того, въ ближайшихъ подчиненныхъ ему пунктахъ Виддинѣ, Раховѣ, Ломѣ, Орханіи, Ташкисенѣ, Комарцахъ, Эрополѣ и Софіи онъ располагалъ еще въ общемъ силой въ 27½ тысячъ человѣкъ.

Казалось, что на этотъ разъ мы имѣли полное право ожидать успѣха, и *третій* штурмъ Плевны былъ рѣшенъ.

Съ 26-го августа началось усиленное бомбардированіе турецкихъ укрѣпленій, а 30-го августа былъ предпринятъ общій штурмъ. Офиціально велъ осаду Плевны князь Карлъ Румынскій, во главѣ своей 36-тысячной арміи, но въ дѣйствительности дѣло велъ генералъ Зотовъ. Съ праваго фланга,

со стороны деревни Гривицы, наступали румыны, подъ начальствомъ князя Карла, и сравнительно небольшая часть нашихъ войскъ. Съ лѣваго же фланга наступали князь Имеретинскій и Скобелевъ. Нѣсколько дней уже самъ Государь Императоръ пріѣзжалъ съ утра наблюдать за ходомъ бомбардировки, ободряя своимъ присутствіемъ войска.

Наступило 30 августа, день именинъ Государя, день общаго третьяго штурма Плевны. Съ утра шелъ мелкій дождикъ, дороги разгрязнились, но штурма не отложили.

Государь еще слушалъ обѣдню въ то время, какъ войска уже пошли на штурмъ. Въ началѣ боя съ холмовъ, лежавшихъ въ серединѣ, еще были видны бѣлыя облачка пушечныхъ выстрѣловъ Скобелевскаго и Гривицкаго редутовъ, но скоро все заволокло пороховымъ дымомъ.

Нашъ штурмъ въ центрѣ былъ отбитъ. Государь, не отнимая отъ глазъ бинокля, слѣдилъ за ходомъ сраженія. — «Отбиты! — заговорили кругомъ. — Отбиты!»

Пока въ центрѣ наши, понеся небывалыя до сихъ поръ потери, отступали, на флангахъ еще кипѣлъ горячій бой.

Со стороны Гривицкаго редута атака была болѣе успѣшна. Вотъ что говоритъ очевидецъ, В. Н. Немировичъ-Данченко.

«29 августа Архангелогородскій и Вологодскій полки выдвинулись къ деревнѣ Гривицѣ на боевую позицію, гдѣ пробыли недолго. На другой день, тридцатаго, въ половинѣ третьяго, приказано было итти на штурмъ съ мѣста. Солдаты пошли стойко, смѣло, бодро. Наши батареи въ это время открыли огонь по Гривицкому редуту и ложементамъ, бывшимъ передъ нимъ, чтобы помочь атакѣ, но въ этомъ случаѣ огонь ихъ большой пользы не принесъ. Турки, пока мы были далеко, попрятались за блиндажами, открывая огонь по артиллерійской прислугѣ и наступавшимъ, и вышли оттуда тогда, когда, вслѣдствіе нашего приближенія къ редуту батареи замолкли, чтобы не попасть въ своихъ. Артиллерійскій же огонь былъ на насъ и на наши батареи праваго фланга направленъ не съ этого Гривицкаго редута, потому что тогда бы наши пушки заставили его замолчать, а съ боковыхъ. По мѣрѣ того, какъ Архангелогородскій и Вологодскій полки переходили изъ одной балки въ другую, по нимъ били резервныя батареи, соотвѣтствующія въ данный моментъ мѣсту нахожденія атакующихъ. Турки такъ ловко расположили свои орудія, что каждое мѣсто обстрѣливалось откуда-нибудь; мертвыхъ точекъ, куда не попадало бы снарядовъ, не было вовсе. Шаговъ за полтараста отъ редута и ложементовъ солдаты, не останавливаясь ни на одну секунду, бросились впередъ съ оглушающимъ крикомъ «ура», по-

крывшимъ и ревъ орудій и трескотню выстрѣловъ. Кинулись они съ кургана, такъ что имъ пришлось перебѣжать лощину, вползти на скатъ, гдѣ они такъ неистово ударили на турокъ, что Гривицкій редутъ былъ взятъ очень скоро. Внутри редута минуты три кипѣлъ бой, и защитники его были выброшены уже въ другую сторону. Ихъ преслѣдовали по скату горы, которая вся была усѣяна турками, убитыми и ранеными.

«Когда наши кинулись на «ура», турки открыли такой убійственный огонь, что ничего подобнаго солдаты не запомнятъ. Точно черезъ огненный дождь, падавшій не сверху, а горизонтально, приходилось бѣжать. Пули пронизывали ряды, щелкали тутъ же, свистали массами мимо ушей. Нужно при этомъ сказать, что часть штурмующихъ обошла редутъ съ юго-запада и лѣвымъ флангомъ попала въ турецкій лагерь, который расположился за редутомъ.

«Со взятіемъ редута дѣло еще не кончилось. Мало было взять, нужно еще закрѣпить его за собою. Тотчасъ по отступленіи турокъ отсюда ихъ орудія открыли по Гривицкому редуту сильнѣйшій огонь.

«Канонада продолжалась всю ночь и весь день. Нѣтъ внутри редута мѣста, которое не было бы изрыто турецкими гранатами. Люди падали здѣсь какъ колосья подъ серпомъ. Турки строятъ свои укрѣпленія такимъ образомъ вообще, чтобъ по взятіи ихъ непріятелемъ можно было тотчасъ же открывать изъ своихъ батарей по уступленнымъ пунктамъ сильнѣйшій огонь... У нихъ было приноровлено такъ, что по Гривицкому редуту не только били пушки — дѣйствовалъ и руженный огонь».

Въ то время, какъ на правомъ флангѣ, хотя и съ значительными потерями, русскіе овладѣли, наконецъ, Гривицкимъ редутомъ, на лѣвомъ шла жаркая схватка. «Казалось, что вся тяжесть неравнаго боя выпала на долю М. Д. Скобелева. Онъ лично велъ наступленіе отряда и все время находился впереди, въ цѣпи, на своемъ бѣломъ конѣ. Между прочимъ, прозваніе *бѣлый генералъ* было дано ему потому, что во все время войны онъ всегда ѣздилъ на бѣлой лошади, лѣтомъ — въ бѣломъ кителѣ, зимой — бѣломъ полушубкѣ». Главныя турецкія силы, дѣйствительно, были направлены въ сторону Скобелева. Здѣсь мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ труда генерала А. Н. Куропаткина, нашего теперешняго главнокомандующаго, «Ловча и Плевна», въ которыхъ онъ самъ принималъ боевое участіе, сражаясь подъ начальствомъ Скобелева. Вотъ какъ описываетъ бой Куропаткинъ.

«... Въ это время турки перешли сами въ наступленіе противъ нашего крайняго праваго фланга изъ г. Плевны. Тутъ были у нихъ пѣхота, черкесы и баши-бузуки.

«Дрались въ рукопашную. Нашъ правый флангъ пріостановился; фронтъ и лѣвый флангъ были тоже близки къ остановкѣ.

«Успѣхъ боя окончательно заколебался. Тогда генералъ Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы военнаго счастія единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ — самого себя. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значками. Скрывая волненіе, генералъ Скобелевъ старался безстрастно-спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Градъ пуль уносилъ все новыя и новыя жертвы изъ конвоя, но ни на секунду не разсѣивалъ его вниманія. Всякая мысль лично о себѣ была далеко въ эту минуту. Одна крупная забота объ успѣхѣ порученнаго ему боя поглощала все. Если генералъ Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, то только потому, что смотрѣлъ на себя какъ на резервъ, которымъ заранѣе рѣшилъ пожертвовать безъ оглядки, какъ только наступитъ, по его мнѣнію, рѣшительная минута. Минута эта настала. Генералъ Скобелевъ пожертвовалъ собой и только чудомъ вышелъ живымъ изъ боя, въ который беззавѣтно окунулся. Давъ шпоры коню, генералъ Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, спустился, или, вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противоположный скатъ къ редуту № 1-й. Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты: настолько Скобелевъ уже былъ популяренъ между войсками. Отступавшіе возвращались, лежавшіе вставали и шли за нимъ на смерть. Его громкое: «Впередъ, ребята!» придавало новыя силы. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1-й, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншеи за ними.

«Видъ отступавшихъ отъ ложементовъ турокъ одушевилъ еще болѣе нашихъ. «Ура!», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линіи. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшіяся, охрипшія отъ крика наши войска за Скобелевымъ все лѣзли и лѣзли впередъ. Двигались нестройными, но дружными кучками различныхъ частей и одиночными людьми.

«Казалось въ рядахъ турокъ замѣтное колебаніе. Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній, и наши передовые в..вались съ остервенѣніемъ въ траншею и затѣмъ въ редутъ № 1-й.

«Генералъ Скобелевъ, добравшись до редута, скатился съ лошадью въ ровъ, высвободился изъ-подъ нея и изъ числа первыхъ ворвался въ редутъ,

«Схватка еще не всюду была окончена, какъ офицеры и солдаты, шедшіе на редутъ за Скобелевымъ, какъ за знаме-

немъ, окружили его и умоляли итти назадъ, умоляли поберечь себя. Тяжело раненый маіоръ Либавскаго полка тащилъ его за ногу изъ сѣдла; лошадь, на которую Скобелевъ сѣлъ, была повернута и выведена изъ редута.

М. Д. Скобелевъ подъ Плевной

«Въ эти минуты каждый отъ сердца былъ готовъ прикрыть своею грудью начальника, разъ увѣровалъ въ него и видѣлъ его личный примѣръ, личное презрѣніе къ смерти...»

Нѣсколько разъ пытались турки отбить взятые Скобелевымъ редуты, но русскіе мужественно отстаивали ихъ.

Свѣтъ утренней зари 31-го августа показалъ защитникамъ взятыхъ редутовъ, что положеніе ихъ отчаянное, такъ какъ и редуты и соединяющая ихъ траншея отлично обстрѣливаются

картечными гранатами съ Кришинскаго редута, еще занятаго турками.

На утро непріятель сосредоточилъ весь свой огонь на Скобелевскомъ отрядѣ. Турки непрестанно атаковали нашъ редутъ. Скобелевъ носился, какъ вихрь по укрѣпленіямъ, на своемъ бѣломъ конѣ, ободряя личнымъ примѣромъ колебавшихся солдатъ. Одной изъ турецкихъ гранатъ былъ взорванъ нашъ зарядный ящикъ, оглушительный громъ пронесся по редуту, на воздухъ взлетѣло нѣсколько артиллеристовъ и было убито; въ числѣ взлетѣвшихъ былъ и А. Н. Куропаткинъ, который, по счастію, отдѣлался контузіей. Едва успѣвъ вскочить на ноги, обожженный и контуженный, онъ хладнокровно скомандовалъ: «Первое пли!»

«Плевна была бы взята,—пишетъ Немировичъ-Данченко,—если бы Скобелевъ, захватившій ключъ позиціи, ворвавшійся въ самую середину непріятельскихъ войскъ, утвердившійся на редутахъ, командовавшихъ окрестностями, былъ во-время поддержанъ. Но, увы, рѣшительный до сихъ поръ генералъ Зотовъ вдругъ потерялъ всю свою смѣлость и изъ дѣйствующаго лица обратился въ простого зрителя. Въ то время, какъ отрядъ Скобелева таялъ на высотахъ, какъ снѣгъ весною, когда послѣдніе защитники дорого пріобрѣтенныхъ у врага позицій честно умирали на своихъ постахъ—никто не пришелъ имъ на помощь и на отчаянную мольбу ихъ получено было приказаніе держаться до конца, держаться еще день. Съ горстью солдатъ отступая назадъ, Скобелевъ рыдалъ, какъ ребенокъ, видя, что турки опять занимаютъ редуты, стоившіе 8 тысячъ человѣкъ его отряду; немного далѣе ему привелось увидѣть готовые резервы, все время стоявшіе неподалеку и не посланные ему на помощь...»

Какъ бы то ни было, но *третій* штурмъ Плевны завершился, подобно двумъ предыдущимъ штурмамъ, крупной неудачей, да еще съ потерей болѣе 300 офицеровъ и свыше 13.000 нижнихъ чиновъ въ русской арміи и свыше 2800 въ румынской.

Несомнѣнно, что при третьемъ штурмѣ Плевны были повторены прежнія ошибки и надѣланы новыя. Генералъ Зотовъ не оказался на высотѣ своей задачи. Хуже всего было то, что постигшая насъ неудача вызвала крайне пессимистическое настроеніе въ главной квартирѣ. Въ средѣ русскихъ генераловъ даже явилась мысль о томъ, не слѣдуетъ ли вовсе бросить Плевну и отложить военныя дѣйствія до слѣдующаго года. Нѣкоторые генералы и въ томъ числѣ Зотовъ были за временное отступленіе хотя бы до тѣхъ позицій, какія занималъ Западный отрядъ до 26 августа. Начальникъ штаба гене-

ралъ Левицкій заявилъ свое несогласіе съ этимъ мнѣніемъ и въ обстоятельной, горячо и съ убѣжденіемъ сказанной рѣчи развилъ ту мысль, что отступать теперь, послѣ новаго пораженія, отнюдь не слѣдуетъ, что отступленіе ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ немыслимо, что намъ необходимо теперь еще тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, притянуть къ ней изъ Россіи возможно большія силы, взять сюда гвардію и гренадеръ и стянуть вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ

Ген.-майоръ Левицкій, гл. нач. штаба Дунайск. арміи.

Виддиномъ и Софіей и, такъ или иначе, посредствомъ блокады или осады, вынудить его, наконецъ, къ безусловной сдачѣ: это нашъ долгъ, котораго требуетъ отъ насъ не только честь арміи, но и честь Россіи.

Военный министръ Д. А. Милютинъ присоединился къ мнѣнію генерала Левицкаго и сталъ развивать подробности этого плана. Тогда всѣ присутствовавшіе, начиная съ главнокомандующаго, заявили, что они вполнѣ согласны съ мнѣніемъ генерала Левицкаго и военнаго министра. Государь Императоръ призналъ этотъ взглядъ совершенно правильнымъ.

Для дальнѣйшихъ совѣщаній былъ вызванъ знаменитый защитникъ Севастополя генералъ Тотлебенъ. Прибывъ къ Плевнѣ 12 сентября, онъ рѣшительно высказался за блокаду. Но для этого войска было недостаточно, поджидалась гвардія и гренадеры. До ихъ прибытія войска должны были оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Плевненскія осаждающія войска поступили подъ главное начальство генерала Тотлебена, который дѣятельно принялся за наиболѣе дѣйствительное осуществленіе своего плана дѣйствій.

Широкое Софійское шоссе все время доставляло городу съѣстные и боевые припасы. Огромные транспорты тянулись отъ селенія къ селенію по Софійской дорогѣ, прикрываемые густыми колоннами кавалеріи и пѣхоты. Османъ-паша, засѣвшій въ Плевнѣ съ 40-тысячной арміей, хорошо сознавалъ важность этой живой артеріи и всѣ старанія его были направлены на то, чтобы сохранить за собою дорогу. Съ этой цѣлью всѣ селенія вдоль Софійскаго шоссе (Дольній Дубнякъ, Горный Дубнякъ, Телишъ и др.) были сильно укрѣплены и заняты отрядами изъ всѣхъ родовъ оружія. Въ Орханіе былъ сформированъ особый отрядъ Шефкета-паши, который долженъ былъ доставлять въ Плевну провіантъ и военные снаряды, а также формировать подкрѣпленія.

Положеніе русскихъ войскъ въ сентябрѣ не только не отвѣчало цѣлямъ блокады, но и оставляло почти совершенно открытою мѣстность къ югу и западу отъ Плевны. Наша кавалерія хотя и наблюдала за этой мѣстностью, но она была слишкомъ малочисленна и безъ помощи пѣхоты оказывалась совершенно безсильною противодѣйствовать Осману-пашѣ въ сообщеніи съ Софіей и Константинополемъ.

Сама по себѣ неприступная Плевна, при существованіи такого постояннаго притока свѣжихъ силъ, являлась несокрушимымъ оплотомъ турецкой арміи. Во что бы то ни стало русскимъ необходимо было отрѣзать путь турецкимъ транспортамъ, преградить Софійское шоссе.

Выполненіе этой задачи было возложено на генерала Гурко, стоявшаго во главѣ гвардейскихъ полковъ [1]). Центромъ дѣйствія было выбрано селеніе Горный Дубнякъ. Софійское шоссе пролегаетъ тамъ между двухъ холмовъ, на которыхъ турки воздвигли цѣлый рядъ земляныхъ укрѣпленій, раскинувъ ихъ какъ паутину по склонамъ холмовъ, а наверху, за окопами, помѣстивъ свою батарею. Насталъ знаменитый день 12 октября.

Въ то время, какъ главныя силы нашихъ войскъ, расположенныхъ со стороны Софійскаго шоссе, должны были ата-

[1]) Въ началѣ октября прибыли подъ Плевну гвардейскій и гренадерскій корпуса.

ковать Горный Дубнякъ, незначительная часть была предназначена для отвлеченія вниманія Османа-паши и должна была сдѣлать демонстрацію противъ Плевны, чтобы не дать Осману возможности выслать подкрѣпленія въ Горный Дубнякъ.

Ловкимъ маневромъ и благодаря во время подоспѣвшей изъ Трестеника кавказской бригадѣ, генералу Гурко блестящимъ образомъ удалось совершить обходное движеніе.

Укрѣпленія Горняго Дубняка были окружены нашими войсками. Началась канонада и ружейный огонь. На лѣвомъ флангѣ нѣсколько ротъ гренадерскаго полка бросились въ атаку и успѣли занять нѣсколько непріятельскихъ ложементовъ; выбитые турки бросились бѣжать къ своимъ главнымъ укрѣпленіямъ и оттуда осыпали наступавшихъ убійственнымъ огнемъ. Главная позиція, окруженная глубокимъ рвомъ и валомъ выше сажени, казалась какой-то «адской машиной, митральезой, извергавшей неимовѣрное количество пуль».

Наши батареи гремѣли въ отвѣтъ на турецкіе выстрѣлы, но причиняли мало вреда хорошо защищенному непріятелю, все усиливавшему свой огонь. Гурко не вытерпѣлъ и скомандовалъ: «Батарея впередъ!»—выдвинулъ подъ самый огонь восемь нашихъ орудій и началъ поражать непріятеля шрапнелями. Со всѣхъ сторонъ наступали наши колонны на огнедышащія укрѣпленія, быстро и отважно шли полки, а по склонамъ уже ползли раненые въ долину. Второе наступленіе было также неудачно.

Тысячи жертвъ лежали на бранномъ полѣ, а крѣпость все побѣдно высилась надъ долиной. Въ пять часовъ дня былъ назначенъ третій штурмъ. Пушечный залпъ былъ условленнымъ сигналомъ и всѣ полки со всѣхъ сторонъ бросились на окопы съ крикомъ «ура»! Десять часовъ сряду тянулся бой подъ палящими лучами южнаго солнца. Приближалась ночь. Бой не прекращался.

Гренадеры подходили со стороны малаго редута, расположеннаго съ лѣвой стороны дороги, на холмъ, который былъ пошире. Полковникъ Любовицкій, командовавшій полкомъ, былъ уже раненъ. Хромая на одну ногу, онъ скомандовалъ бить атаку. Бросились гренадеры, безъ одного выстрѣла заняли окопы, теряя десятки убитыми и ранеными. Турки стрѣляли въ упоръ, но гренадеры шли, помня, что непріятель не выноситъ русскихъ штыковъ. Малый редутъ былъ занятъ, но большой редутъ все еще гордо высился надъ долиной, и въ немъ сосредоточилась вся турецкая сила.

Одинъ за другимъ перебѣгали солдаты отъ рва ко рву, отъ кочки до кочки, прячась то за брошеннымъ шалашомъ, то за стогомъ соломы, и все уже и уже стягивалось кольцо

вокругъ насыпи. Тутъ солдаты напали на неожиданное счастливое открытіе, оказалось, что ровъ редута есть самое безопасное мѣсто отъ турецкихъ пуль.

Такъ шагъ за шагомъ приближались русскіе къ намѣченной трудной цѣли. Наконецъ, съ громкимъ крикомъ «ура» войска ворвались и заняли редутъ. Горный Дубнякъ стоилъ намъ 116 офицеровъ и 3195 рядовыхъ, выбывшихъ изъ строя.

По занятіи Горнаго Дубняка Гурко рѣшилъ завладѣть селеніемъ Телишъ, лежащимъ на югъ по Софійскому шоссе. Главная роль въ этомъ дѣлѣ была возложена на артиллерію, тогда какъ другая часть войскъ должна была произвести демонстрацію передъ Дольнимъ Дубнякомъ—селеніемъ, лежащимъ по дорогѣ къ Плевнѣ. Противъ Телишскихъ укрѣпленій 16 октября было выставлено широкимъ кругомъ 72 орудія, и въ 12-омъ часу дня открылась жестокая канонада. Артиллеристы пристрѣлялись, и шрапнели рвались надъ самыми головами турокъ. Турки отвѣчали слабымъ сравнительно огнемъ, и послѣ двухъ часовой пальбы Гурко выслалъ парламентеровъ съ предложеніемъ сдаться. Предложеніе было съ радостью принято, и 4-тысячный гарнизонъ сложилъ оружіе къ ногамъ побѣдителя. Наши потери были незначительны. Послѣ принятія плѣнныхъ Гурко проѣхалъ въ Телишъ, велѣлъ собрать всѣ разбросанные пожитки и возвратить ихъ собственникамъ. Раненыхъ турокъ было велѣно нашимъ солдатамъ на носилкахъ доставить на перевязочные пункты.

Устрашенные нашими побѣдами турки ночью 20 октября покинули селенье Дольній Дубнякъ, укрывшись въ Плевну. Гурко занялъ селеніе и наши войска подошли къ самому подножію осажденнаго города.

Такимъ образомъ, теперь Плевна была окружена со всѣхъ сторонъ. Желѣзное кольцо стягивалось съ каждымъ днемъ, но время шло, а осмотрительный генералъ Тотлебенъ все воздерживался отъ штурмовъ, непрерывно продолжая земляныя работы вокругъ города. Всѣ пути отступленія туркамъ были перерыты цѣлыми рядами земляныхъ редутовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ траншеями, крытыми и блиндированными. Изъ наиболѣе крупныхъ дѣлъ, происходившихъ за это время у Плевны, было занятіе Скобелевымъ Зеленыхъ горъ, гдѣ благодаря неутомимой энергіи полковника Мельницкаго и капитана Куропаткина была одержана блестящая побѣда. Самъ Скобелевъ почти все время былъ впереди, лично ведя солдатъ въ битву. Штурмъ былъ назначенъ ночью, и къ утру редутъ «Зеленыя Горы» былъ въ нашихъ рукахъ. Въ то время, какъ часть солдатъ шла въ атаку, другая, вооруженная шанцевыми инструментами, уже рыла подъ огнемъ непріятельскихъ пуль земля-

ныя укрѣпленія. Эти укрѣпленія сыграли большую роль, когда къ туркамъ подоспѣла подмога, и они перешли въ наступленіе. Но мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ и перейдемъ къ описанію послѣднихъ дней Плевны.

Надобно замѣтить, что еще въ началѣ октября, узнавъ о сосредоточеніи русскихъ на дорогѣ изъ Плевны въ Ловчу, Османъ-паша, опасаясь за свой путь отступленія, просилъ разрѣшенія отступить къ Орханіе. Военный совѣтъ приказалъ ему держаться во что бы то ни стало. Когда же разрѣшеніе

Ген.-лейт. Ганецкій, ком. гренад. корпуса.

покинуть Плевну было дано, путь къ отступленію уже былъ отрѣзанъ занятіемъ русскими Горнаго Дубняка.

Съ этихъ поръ со стороны турокъ слѣдуютъ дѣятельныя мѣры для отвлеченія нашихъ силъ отъ Плевны. Какъ мы уже видѣли, турецкія войска за это время начали сильно тѣснить нашъ Рущукскій отрядъ. Были также возобновлены атаки на Шипку и, наконецъ, въ Софіи бывшій главнокомандующій Мехметъ-Али занялся формированіемъ новаго отряда для выручки Плевны.

Появленіе этой новой арміи въ тылу Плевны вызвало среди нашихъ начальниковъ тревогу, тѣмъ болѣе, что выста-

вленные здѣсь генераломъ Гурко заслоны не могли быть достаточными для удержанія арміи Мехмета-Али. Кромѣ того, положеніе войскъ генерала Радецкаго тоже было крайне тяжелое и съ каждымъ днемъ все болѣе ухудшалось.

Вслѣдствіе этого было рѣшено сформировать новый особый отрядъ и подъ начальствомъ генерала Гурко направить его сначала къ Орханіе противъ Мехметъ-Али, а затѣмъ къ Казанлыку на выручку генералу Радецкому. Выступленіе отряда было пріурочено къ прибытію 2 ноября подъ Плевну 2-й гренадерской дивизіи. Западный отрядъ былъ переименованъ въ *отрядъ обложенія Плевны*. Обложеніе города со стороны Софійскаго шоссе и Виддинской дороги было возложено на войска гренадерскаго корпуса генерала Ганецкаго.

Хотя перестрѣлки у Плевны все время продолжались, хотя на предложеніе о сдачѣ Османъ-паша отвѣтилъ гордымъ отказомъ, тѣмъ не менѣе, все указывало на близость паденія этой неприступной турецкой твердыни.

Тотлебенъ ждалъ, будучи твердо увѣренъ, что скоро Османъ-паша будетъ вынужденъ голодомъ выйти изъ Плевны и попытаться прорваться сквозь нашу тѣсную блокаду.

Въ послѣднихъ числахъ ноября у насъ стали носиться упорные слухи, что со дня на день слѣдуетъ ожидать какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Османа. Въ блокирующихъ войскахъ всѣ находились въ напряженномъ, лихорадочномъ настроеніи. Люди даже спали въ полной боевой готовности, и самая незначительная перестрѣлка вызывала переполохъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ чувствовали, что дни Османа сочтены...

Наконецъ, 25 ноября, съ обсерваціоннаго пункта у Дольняго-Нетрополя было замѣчено движеніе къ мостовому укрѣпленію и устройство траншей у самаго берега рѣки Видъ. 26 ноября наблюдались работы по устройству спуска къ мосту. Бѣглецы-болгары и турецкіе перебѣжчики утверждали, что Османъ со всею арміею готовится прорваться къ Виддину. 27 ноября турки перестали отвѣчать на наши выстрѣлы. У насъ смотрѣли на это безмолвіе подозрительно. Могло быть, что турки заманиваютъ насъ, чтобы на близкомъ разстояніи встрѣтить губительнымъ огнемъ, но могло быть также, что они довершаютъ свои приготовленія, чтобы прорваться черезъ цѣпь нашихъ укрѣпленій. Но трудно было угадать, куда именно они направятся. Наша блокадная линія была растянута слишкомъ на 70 верстъ и могло быть произведено множество ложныхъ атакъ съ цѣлью отвлеченія нашего вниманія отъ дѣйствительно намѣченнаго непріятелемъ пункта.

Въ ночь отъ генераловъ Цеге-фонъ-Мантейфеля, князя Имеретинскаго и Скобелева были получены сообщенія, что на утро слѣдуетъ ждать наступленія со стороны непріятеля. Генераломъ Тотлебеномъ уже были сдѣланы всѣ распоряженія относительно расположенія и движеній войскъ. Въ случаѣ движенія непріятеля по направленію на западъ первый его натискъ долженъ былъ принять на себя корпусъ генерала Ганецкаго.

Приготовленія наши были не напрасны.

Свѣчинъ.

28 ноября, въ 8 часовъ утра, дѣйствительно, началась переправа турокъ черезъ Видъ по направленію къ западу. Артиллерія двигалась почти на одной высотѣ съ густой цѣпью стрѣлковъ, часто останавливаясь и производя отдѣльные выстрѣлы. За первой линіей слѣдовала вторая, одинаковой силы, а затѣмъ вплотную слѣдовали резервы. Вся эта лавина обрушилась на нашъ лѣвый флангъ и устремилась противъ окоповъ 3-й гренадерской дивизіи.

«Было что-то фанатическое, отчаянно-демоническое въ этой бѣшеной атакѣ, — говоритъ очевидецъ.— Казалось, что турки поклялись или умереть, или прорваться!..»

Съ одушевленными криками «алла» они бросились въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, большая часть нашихъ полегли въ штыковомъ бою. Овладѣвъ траншеей, непріятель устремился на нашу земляную батарею, и здѣсь большая часть прислуги была переколота. Два орудія наши все-таки успѣли увезти, а отъ остальныхъ унесли затворы. Артиллеристъ Карабановъ банникомъ уложилъ нѣсколько человѣкъ турокъ и какимъ-то чудомъ самъ уцѣлѣлъ въ этой неравной схваткѣ. Другая наша батарея держалась упорно, но тоже была вынуждена отойти, увезя только шесть орудій. Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ второго ряда нашихъ траншей. Почти до полудня успѣхъ былъ на сторонѣ турокъ.

Но къ нашимъ уже начали подходить подкрѣпленія. Послѣдовательно въ дѣло вступили полки: Малороссійскій, Астраханскій, Архангелогородскій, Вологодскій и Фанагорійскій. Наконецъ, въ самую критическую минуту, подоспѣлъ генералъ Свѣчинъ съ своимъ 7-мъ гренадерскимъ Самогитскимъ полкомъ съ двумя батареями. Атаковавъ лѣвый флангъ турокъ, самогитцы выбили ихъ изъ батареи № 2-й и сосѣднихъ съ нею ложементовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мы по всей линіи перешли въ наступленіе. Гренадеры дружно и энергично стали тѣснить врага и штыками и залпами, отъ которыхъ ложились цѣлыя сотни лучшихъ, испытанныхъ турецкихъ солдатъ.

Нѣкоторое время турки цѣплялись за каждую траншейку, отбиваясь отъ насѣдавшаго на нихъ врага, но вскорѣ, объятые паническимъ страхомъ, бѣжали, давя другъ друга, нещадно преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Нѣкоторая часть турецкаго войска бросилась было къ своимъ покинутымъ редутамъ, но здѣсь, съ южной стороны, ихъ встрѣтили дружными залпами угличане, а съ сѣверной — захватившіе эти редуты румыны.

Османъ-паша нѣсколько разъ пытался снова вести свои войска въ атаку, надѣясь хотя бы съ остатками своей арміи пробиться и уйти, но все было тщетно. Во время боя онъ былъ раненъ въ ногу. Вдругъ громъ турецкихъ орудій смолкъ и надъ войскомъ взвился огромный бѣлый флагъ.

Османъ-паша сдался со всей арміей «безусловно», разсчитывая на милость побѣдителей. Бравому генералу были оказаны всѣ военныя почести, и при его палаткѣ все время находился почетный караулъ.

Русская честь была возстановлена. Мы отомстили за нашихъ павшихъ братьевъ, за прежнія неудачи, за пораженія. Сдавшаяся турецкая армія, съ Османомъ во главѣ, состояла изъ 10 пашей, 128 штабъ- и 2000 оберъ-офицеровъ и 40.000 нижнихъ чиновъ.

КАРТА
театра военныхъ дѣйствій
въ Европейской Турціи
въ 1877-78 гг.

2 декабря Государь Императоръ изволилъ объѣзжать позиціи Плевны и свои побѣдоносныя войска.

У квартиры М. Д. Скобелева, гдѣ Государь долженъ былъ завтракать, собралась депутація отъ почетныхъ гражданъ г. Плевны съ хлѣбомъ-солью для торжественной встрѣчи Царя-Освободителя, а также его встрѣтила группа болгарскихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ національныхъ костюмахъ съ цвѣтами въ рукахъ, которыми онѣ усыпали путь слѣдованія Русскаго Царя.

Послѣднія балканскія событія.

Послѣ 5 сентября Шипкинскій проходъ уже пересталъ сосредоточивать на себѣ всеобщее вниманіе. Сулейманъ-паша былъ отправленъ къ Разграду, а на южной сторонѣ Балканъ противъ Шипкинскаго перевала была сосредоточена 30-тысячная армія Реуфа-паши.

Обѣ стороны занимались укрѣпленіями своихъ позицій. Такое близкое сосѣдство не могло обходиться безъ стычекъ, а два раза, 30 октября и 9 ноября, Реуфъ-паша предпринималъ даже атаки, но оба раза былъ побѣдоносно отброшенъ русскими войсками, которыя зорко оберегали перевалъ, ставъ твердой ногой на горѣ св. Николая. Но худшимъ врагомъ, чѣмъ турки, оказался климатъ. Пребываніе въ заоблачныхъ высотахъ зимою было тяжелѣе всякаго боя. Чередовавшіеся снѣга, морозы и метели уносили множество жертвъ. Съ половины октября по конецъ декабря наши шипкинскія войска потеряли около 57% больными и обмороженными. Но, кромѣ того, положеніе со дня на день становилось опаснѣе. Русскія войска таяли отъ снѣговъ и храбровъ, а войска непріятеля усиливались новыми подкрѣпленіями. Переходъ Сулеймана-паши на южную сторону Балканъ грозилъ новой опасностью, а можетъ-быть, и полной гибелью.

Только 2 ноября выступилъ изъ-подъ Плевны Гурко, чтобы послѣ ряда дѣлъ у Орханіе итти на помощь Радецкому, а затѣмъ, послѣ паденія Плевны, то же порученіе было дано и генералу Скобелеву, выступившему въ походъ 10 декабря.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію боя подъ Шипкой, бросимъ бѣглый взглядъ на путь обоихъ генераловъ, шедшихъ на выручку отряда Радецкаго.

Послѣ занятія русскими Горнаго Дубняка и Телиша Шефкетъ-Али отступилъ къ Балканамъ для занятія прекрасно укрѣпленныхъ позицій у переваловъ близъ Орханіе и Этрополя. Изъ развѣдокъ, произведенныхъ полковникомъ Паренсовымъ и хорунжимъ княземъ Цертелевымъ, выяснилось, что не только всѣ горные проходы, но даже и малѣйшія тропинки бдительно оберегаются турками. Тѣмъ не менѣе, Гурко великолѣпно справился съ своей задачей. Весь задуманный стратегическій планъ былъ выполненъ имъ при содѣйствіи Рауха, Дандевиля и другихъ боевыхъ генераловъ съ поразительной точностью и съ замѣчательно малыми потерями.

Завладѣвъ 11 ноября турецкми позиціями у селенія Правецъ, лежащаго на узлѣ двухъ дорогъ въ Софію, 12 ноября Гурко занялъ Этрополь, а 25—Орханіе. 12 декабря войска

двинулись къ перевaламъ. Послѣ восьмидневной, поистинѣ гигантской, борьбы съ горами, снѣгами, бурями и метелями генералъ Гурко перешелъ Балканы, спустился въ Софійскую долину и 19 декабря, послѣ упорнаго боя у Ташкисена, овладѣлъ этой укрѣпленной позиціей. Такимъ образомъ, онъ зашелъ въ тылъ надежнымъ укрѣпленіямъ турокъ въ Арабъ-Конакѣ и Шандорникѣ. Ночью турки отступили. Путь на

Хорунжій кн. Цертелевъ.

Софію былъ свободенъ. Генералъ Гурко немедленно отправилъ отрядъ для преслѣдованія непріятеля, а затѣмъ, 23 декабря, занялъ покинутую турками Софію и вступилъ въ связь съ сербской арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ съ запада.

Тѣмъ временемъ Сулейманъ-паша перешелъ Балканы и, направившись къ юго-востоку отъ Софіи, двинулся на Татаръ-Базарджикъ съ частью своей арміи, дабы преградить намъ путь на Филиппополь. Туда же поспѣшилъ за нимъ и Гурко съ главной колонной своихъ войскъ, а лѣвую фланговую направилъ прямо на Филиппополь.

Что же до М. Д. Скобелева, то онъ направился со своимъ отрядомъ уже по свободной отъ непріятеля мѣстности въ Габрово, гдѣ отрядъ для отдыха простоялъ 4 дня. За это время Скобелевъ съѣздилъ на гору св. Николая къ генералу Радецкому за распоряженіями относительно дальнѣйшаго движенія черезъ Балканы.

Дандевиль.

Радецкій раздѣлилъ находящіяся въ его распоряженіи войска на три отряда: центральный, главный отрядъ самого генерала Радецкаго стоялъ прямо противъ непріятеля и долженъ былъ дѣйствовать пассивно, оборонительно; активная же роль выпала на долю двухъ обходныхъ колоннъ — лѣвой, князя Святополкъ-Мирскаго 2-го, дѣйствовавшей съ восточной стороны, и правой — Скобелева, наступавшей съ запада.

Несмотря на необычайныя трудности этого зимняго перехода черезъ Балканы, да еще подъ огнемъ съ турецкихъ укрѣпленій, оба отряда съ успѣхомъ исполнили возложенное на нихъ порученіе. Въ бояхъ у Маглиша 26 декабря, подъ

Шейновымъ и Янина-Хаскійоемъ 27 декабря и затѣмъ у укрѣпленій лагеря къ югу отъ Шипки, турки были отброшены, несмотря на отчаянное ихъ сопротивленіе. 28 декабря командующій Балканской арміей Вессель-паша, замѣстившій Реуфа, сдался на капитуляцію съ 20-тысячной арміей. Общее же количество плѣнныхъ за послѣдніе дни достигало: 4 пашей, 280 оф., 32.000 ниж. чиновъ и болѣе 100 орудій. У русскихъ за это же время выбыло изъ строя 6000 чел., изъ коихъ болѣе 1000 чел. убитыми. Между прочимъ, въ горахъ былъ раненъ А. Н. Куропаткинъ, котораго немедленно обратно отвезли въ Габрово. Незамѣнимая потеря Куропаткина сильно огорчила Скобелева.

Побѣда была полная. Многострадальному Шипкинскому сидѣнію, этому поистинѣ самому тяжкому подвигу нашихъ войскъ, насталъ конецъ.

Недолго пришлось въ долинѣ отдохнуть измученнымъ трудными переходами черезъ горы и тяжкими боями войскамъ. Въ день Новаго года они снова двинулись въ походъ. Было необходимо спѣшить къ Адріанополю, дабы не дать занять его Сулейману-пашѣ, который стремительно спѣшилъ сюда изъ Татаръ-Базарджика, можетъ-быть, съ намѣреніемъ создать изъ этого превосходно укрѣпленнаго пункта новую для насъ Плевну.

Для прегражденія пути генералу Гурко на Татаръ-Базарджикъ Сулейманъ сосредоточилъ противъ него большія силы близъ Самокова, Ихтимана и Трояновыхъ Воротъ. Въ виду этого генералъ Гурко изъ долины Софіи двинулъ свои войска четырьмя колоннами: одну, подъ начальствомъ ген. Вельяминова, на Самоковъ, другую, подъ начальствомъ ген. графа Шувалова, на Ихтиманъ и Трояновы Ворота, двѣ остальныя, подъ начальствомъ генераловъ Шильдера-Шульднера и барона Криднера, на Татаръ-Базарджикъ.

Какъ разъ въ это время и Сулейманъ-паша и генералъ Гурко узнали о шипкинскихъ событіяхъ. Сулейманъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Филиппополя и Адріанополя, устремился въ этомъ направленіи, а Гурко бросился его преслѣдовать, отлично сознавая необходимость не допустить турокъ сосредоточиться въ Адріанополѣ.

Обѣ арміи съ поразительной быстротой параллельно двигались впередъ по двумъ берегамъ рѣки Марицы. 3 января русскія войска догнали и окружили Самоковскій отрядъ турокъ подъ Станишакомъ. Трое сутокъ длился бой. Турецкій отрядъ бился какъ дикій звѣрь, посаженный въ клѣтку, бросался во всѣ стороны, отыскивая себѣ выходъ. Онъ былъ разбитъ совершенно, бросилъ орудія, обозы и мелкими группами искалъ убѣжища въ Родопскихъ горахъ. Но Сулейманъ съ главными силами достигъ Филиппополя.

Любопытенъ эпизодъ занятія этого города русскими. 3 января, когда еще кипѣлъ бой, капитанъ Бураго явился къ генералу Гурко съ докладомъ и за приказаніями. — «Займите Филиппополь»,—полушутя, полусеріозно отвѣтилъ генералъ.—«Слушаю-съ»,—проговорилъ Бураго и черезъ пять минутъ уже мчался со своимъ эскадрономъ въ Филиппополь.

По прибытіи туда онъ былъ остановленъ греческимъ консуломъ, умолявшимъ его въ виду малочисленности его отряда, состоявшаго всего изъ 80 человѣкъ, вернуться назадъ, такъ какъ у желѣзнодорожной станціи еще находится нѣсколько тысячъ турокъ. Но Бураго спѣшилъ свой эскадронъ и направился съ нимъ прямо къ желѣзнодорожной станціи. Встрѣтивъ здѣсь небольшой ровъ съ насыпью, онъ залегъ въ немъ и приказалъ своему эскадрону что есть силы кричать «ура» и стрѣлять елико возможно чаще по туркамъ, шумѣвшимъ у костровъ. Турки немедленно также открыли огонь, но стрѣляли наугадъ, и пули ихъ не приносили вреда нашимъ храбрецамъ. Затѣмъ, никакъ не предполагая столь малочисленнаго непріятеля, турки стремительно бѣжали. Въ вокзалѣ Бураго засталъ роскошно сервированный столъ и превосходный ужинъ, заказанный Сулейманомъ.

Турки отступили по шоссе на Адріанополь. Надеждамъ Сулеймана-паши на занятіе этой твердыни не суждено было осуществиться. На перерѣзъ ему спѣшилъ съ своимъ отрядомъ Скобелевъ, выславъ впередъ кавалерію подъ командой генерала Струкова. Горъ здѣсь уже не было. Кавалеріи было открыто широкое поле дѣйствій. Смѣло и отважно нападала она на преграждавшія ей путь даже солидныя пѣхотныя непріятельскія силы, завладѣвая турецкими деревнями, желѣзнодорожными узлами. Особенно блестящую побѣду одержалъ Струковъ при Тырновѣ-Сейменли, обративъ въ бѣгство таборъ пѣхоты, защищавшій этотъ важный пунктъ, и завладѣвъ шестью крупповскими дальнобойными орудіями.

4 января Струковъ съ кавалеріей двинулся далѣе — на Германлы и Мустафу-пашу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, на вокзалѣ, онъ встрѣтилъ двухъ пашей, спеціально командированныхъ султаномъ для переговоровъ о перемиріи. Онъ отослалъ ихъ къ Скобелеву, а самъ пошелъ далѣе и 8 января безъ выстрѣла занялъ Адріанополь. Армія Сулеймана-паши была деморализована и спасалась по всѣмъ направленіямъ. 10 января ген. Скобелевъ прибылъ въ Адріанополь и занялъ его войсками своего отряда; 13 января, уже по желѣзной дорогѣ, сюда же пріѣхалъ Гурко, а 14 января въ Адріанополь, эту древнѣйшую столицу Турціи, совершилъ свое вступленіе главнокомандующій, Вел. Кн. Николай Николаевичъ.

Военныя дѣйствія 1877—78 г. въ Азіатской Турціи.

Въ августѣ 1876 г., при начавшихся осложненіяхъ въ переговорахъ съ Турціей и для оказанія давленія на Порту, всѣ свободныя кавказскія войска были придвинуты къ границѣ и получили слѣдующую организацію.

Главнокомандующій Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ.

Главныя силы корпуса, командиромъ котораго былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, въ составѣ 25 бат., 12 эск., 50 сот., 96 ор., собраны подъ Александрополемъ; отрядъ генералъ-лейтенанта Девеля, $9^1/_2$ бат., 10 сот., 24 ор.,—подъ Ахалцыхомъ и отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова, $9^1/_2$ бат., 24 сот., 32 ор.,—подъ Эриванью.

Въ мартѣ слѣдующаго 1877 г. стали лагеремъ: главныя силы у Баядура и Верхне-Арпачайскаго поста, Ахалцыхскій отрядъ у Ахалкалакъ, Эриванскій отрядъ у Игдыря.

Кромѣ того, по берегу Чернаго моря былъ расположенъ Ріонскій отрядъ силою въ $32^1/_2$ бат., 6 пѣшихъ дружинъ, 17 сот., 68 ор., имѣвшій совершенно отдѣльную самостоятельную задачу противодѣйствовать возможному десанту константинопольскихъ войскъ и наступленію главныхъ непріятель-

скихъ силъ. Этимъ отрядомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Оклобжіо.

Силу турецкихъ войскъ, главнокомандующимъ которыхъ незадолго до начала войны былъ назначенъ Мухтаръ-Ахметъ паша, дѣйствовавшихъ противъ корпуса генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, составляли: 67 бат., 5 ротъ саперъ, 23 эск., 3 тысячи башибузуковъ, 109 ор., и расположены они были въ Карсѣ, Субботанѣ, Ардаганѣ, Баязетѣ, Кара-Калисѣ, Гассанъ-Кале, Керпикеѣ, Эрзерумѣ. Въ крѣпостяхъ Эрзерумѣ, Карсѣ, Ардаганѣ были возведены сильныя долговременныя укрѣпленія и имѣлись дальнобойныя, большого калибра, крупповскія орудія. Вооруженіемъ турецкія войска, качествомъ ружей и полевыхъ орудій и количествомъ патроновъ и снарядовъ превосходили наши. Обмундированіе солдатъ, вопреки имѣвшимся свѣдѣніямъ, не оставляло желать ничего лучшаго. Сами солдаты не представляли изъ себя безпорядочной орды, а были знакомы съ дисциплиной, умѣли стрѣлять, маневрировать и отлично окапывались. Во многихъ пунктахъ были устроены большіе склады провіанта и фуража, который, кромѣ того, по наряду должны были доставлять мѣстные жители, такъ что и въ этомъ отношеніи турецкія войска не терпѣли недостатка.

Въ то же время русскія войска по снабженію продовольствіемъ находились въ гораздо худшихъ условіяхъ. Мѣстные жители-мусульмане относились къ русскимъ враждебно и, несмотря на очень высокую плату и скорый аккуратный расчетъ чистыми деньгами, вообще неохотно поставляли провіантъ, боясь возмездія со стороны турецкаго правительства, и особенно въ моменты, когда у нихъ являлось сомнѣніе въ успѣхѣ русскаго оружія. Приходилось разсчитывать только на свои средства, на подвозъ продовольствія интендантствомъ, которое, вслѣдствіе отсутствія хоть сколько-нибудь сносныхъ дорогъ, не могло исполнять всѣ представляемыя къ нему требованія аккуратно, и войска нерѣдко терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ. Особенно въ тяжелыхъ условіяхъ находились войска наши во время блокады Эрзерума въ декабрѣ мѣсяцѣ. Сильныя снѣжныя метели, продолжавшіяся иногда цѣлыя недѣли, затрудняли до крайности всякое сообщеніе. Подвозъ продуктовъ свелся до минимума, и плохое питаніе солдатъ, въ связи съ трудами и лишеніями походной жизни, вызвало тифозную эпидемію, наполнявшую госпитали, лазареты тысячами больныхъ.

Искренно сочувствовали приходу русскихъ войскъ только армяне, въ надеждѣ, что съ переходомъ страны въ русское подданство они перестанутъ терпѣть всевозможныя притѣсненія отъ составившихъ себѣ печальную славу турецкихъ чинов-

никовъ. Но этотъ народъ, по своей бѣдности, не могъ намъ оказать серьезной матеріальной помощи, а служившіе изъ нихъ въ нашей арміи проводниками не всегда внушали довѣріе, и получаемыя отъ нихъ иногда очень цѣнныя свѣдѣнія о непріятелѣ всегда требовали провѣрки.

Мусульманская часть населенія, при занятіи нами какой-либо мѣстности, въ особенности послѣ удачнаго дѣла, изъявляла покорность, встрѣчала съ хлѣбомъ-солью и, казалось,

Ген.-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, начальникъ кавказскаго корпуса дѣйствующей арміи.

вполнѣ подчинялась вводимому нами гражданскому устройству, но каждый успѣхъ турецкаго оружія вызывалъ между ними броженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мухтаръ-паша, возбуждая фанатизмъ мѣстнаго населенія, чрезъ своихъ агентовъ старался поднять возстаніе между горцами у насъ въ Терской области и Дагестанѣ. Въ этомъ ему большую помощь оказалъ бывшій генералъ-майоръ русской службы Муса Кундуховъ, переселившійся въ 1865 году съ 27 ю тысячами мусульманъ изъ Терской области въ Турцію.

Въ Терской области возстаніе не удалось, но въ Дагестанѣ были серьезные безпорядки, прекратившіеся только съ энергичнымъ вмѣшательствомъ остававшихся войскъ.

Это обстоятельство въ продолженіе всей кампаніи заставило особенно тщательно оберегать границу отъ вторженія не только отрядовъ, но и небольшихъ летучихъ шаекъ и не допускать перехода театра военныхъ дѣйствій за нашу границу. Всякое появленіе непріятеля могло вызвать пламя мятежа во всемъ Закавказьѣ, который мѣстные баталіоны и команды погасить ужъ не были бы въ состояніи. Все это сильно осложняло и безъ того не легкую задачу дѣйствующаго корпуса, и слѣдствіемъ этого было постоянное дробленіе немногочисленныхъ его силъ.

11 апрѣля 1877 года главнокомандующій арміей Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ извѣстилъ командующаго корпусомъ о разрывѣ съ Турціей, а 12 апрѣля главныя силы корпуса перешли границу черезъ Арпачай по наведеннымъ мостамъ у В.-Арпачайскаго поста и селенія Баяндуръ, и 15 апрѣля были у Курюкъ-Дара. Эриванскій и Ахалцыхскій отряды выступили тоже 12 апрѣля, и первый къ 17 числу уже находился въ предѣлахъ Азіатской Турціи, а второй 15-го занялъ турецкую деревню Зурзунъ. Турки нигдѣ сопротивленія не оказывали. Нашъ кавалерійскій передовой отрядъ, высланный отъ главныхъ силъ, забралъ безъ выстрѣла въ плѣнъ на турецкихъ постахъ 6 офицеровъ и 96 нижнихъ чиновъ, которые сейчасъ же были доставлены въ Александрополь. Отрядъ, стоявшій въ Хаджи-вали, отступилъ къ Карсу.

Результатъ энергичнаго наступленія не замедлилъ сказаться. Вѣсть о вступленіи нашемъ въ турецкіе предѣлы произвела панику въ Карсѣ. Приподнятаго воинственнаго настроенія населенія какъ не бывало. Базаръ закрылся, торговля прекратилась, зажиточные стали торопливо выселяться, и къ Мухтаръ-пашѣ являлись съ просьбой вывести гарнизонъ изъ крѣпости и сразиться съ русскими въ полѣ. Бѣдствія и лишенія, которымъ подвергались карскіе жители при блокадѣ крѣпости въ 1855 году, были еще свѣжи въ памяти.

Направленіе, взятое главными силами дѣйствующаго корпуса, было принято по слѣдующимъ соображеніямъ.

Карское плато покрыто сѣтью удобныхъ каменныхъ путей къ нашимъ границамъ. Всѣ эти дороги сходятся къ Карсу, а на границѣ упираются: 1) въ Бендеванъ, 2) въ Нижне-Арпачайскій постъ, 3) въ Баяндуръ и 4) въ Камбинскій постъ. Между Карсомъ и Эрзерумомъ, первоисточникомъ снабженія продовольствіемъ турецкихъ войскъ, проходитъ Саганлугскій хребетъ, такъ что арміи Мухтара-паши, особенно при наступательныхъ дѣйствіяхъ, приходилось опираться на Карсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать дорогу Эрзерумъ-Карсъ.

При большемъ числѣ войскъ нашихъ главныхъ силъ, конечно, представилось бы возможнымъ, отдѣливъ часть на блокаду Карса, двинуться за Саганлугъ, но наличность только 25 бат. не позволяла этого сдѣлать. Поэтому дальше приходилось держаться выжидательнаго положенія и выбрать позицію, которая, охраняя наши сообщенія съ Александрополемъ, давала бы возможность наблюдать за движеніемъ непріятельскаго отряда и, кромѣ того, еще пересѣкала бы прямое сообще-

Ген.-лейт. Ѳ. Д. Девель

ніе Карса съ Ардаганомъ, куда въ то время подступалъ Ахалцыхскій отрядъ. Такимъ пунктомъ являлся Енгикей.

Между тѣмъ Мухтаръ-паша, по переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу, получилъ о нихъ преувеличенное свѣдѣніе, что заставило его дѣйствовать крайне осторожно. Онъ стянулъ всѣ войска съ передовыхъ позицій, и къ 14 апрѣля въ Карсѣ уже находилось 31 бат., 9 эск., 12 сот. башибузуковъ и 36 орудій.

Нерѣшительный образъ дѣйствій Мухтара-паши и стекавшіеся со всѣхъ сторонъ старшины населенія съ изъявленіями покорности позволили временно ослабить енгикейскій лагерь и послать подкрѣпленія Ахалцыхскому отряду, задачей котораго было взять Ардаганъ. Эта крѣпость имѣла для насъ тоже очень большое значеніе. Съ занятіемъ Ардагана мы предохраняли

нашу границу отъ вторженія непріятеля и дѣйствовали на сообщеніе Карса съ Батумомъ.

Ардаганъ палъ 5 мая. Трофеями первой крупной побѣды были: 92 орудія, артиллерійскій и инженерный парки, огромные запасы продовольствія, войсковое имущество и множество ручного и огнестрѣльнаго оружія. Изъ 8000 защитниковъ Ардагана спаслось не болѣе 5000; изъ нихъ не болѣе тысячи прибѣжало въ Артвинъ и Ольту, а остальные разбѣжались по деревнямъ и не возвращались въ строй въ продолженіе всей кампаніи. То, что грозныя сооруженія Ардагана не могли устоять противъ русскихъ войскъ, произвело громадное моральное дѣйствіе на мѣстныхъ жителей.

Занятая страна была раздѣлена на три округа: Ардаганскій, Чльдырскій, Посховскій. Для охраненія отъ вторженія непріятеля былъ образованъ, подъ начальствомъ полковника Комарова, особый Ардаганскій отрядъ силою въ 7 бат., 1 роту саперъ, 7 сот. казаковъ и милиціи и 16 орудій. Ахалцыхскій отрядъ былъ расформированъ и вмѣстѣ съ приходившимъ на подкрѣпленіе отрядомъ генералъ-лейтенанта Геймана выступилъ 9 мая къ Енгикею.

Въ обязанность Эриванскаго отряда входило занять Баязетъ и двигаться по долинѣ Ефрата для отвлеченія турецкихъ силъ съ Карскаго плоскогорья отъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса.

Въ Баязетѣ турецкихъ войскъ было всего 3 бат., 3 эск., 6 ор., которые при приближеніи къ селенію Зеклезуръ передовыхъ двухъ рекогносцировочныхъ сотенъ, вышли изъ города. Генералъ Тергукасовъ 19 апрѣля занялъ городъ и приступилъ къ устройству своего тыла, обезпеченію войскъ продовольствіемъ и перевязочными матеріалами. 24 апрѣля, оставивъ въ Баязетѣ 6 ротъ, 3 сотни и 2 ор., подъ начальствомъ подполковника Ковалевскаго, онъ двинулся къ Ефрату и 26 апрѣля сосредоточилъ весь Эриванскій отрядъ у Діаденъ. Здѣсь были получены свѣдѣнія, что въ Каракалисѣ занимаетъ позицію турецкій отрядъ силою въ 6 бат., а что тѣ войска, которыя занимали Баязетъ, отступили къ Вану и, усилившись 3 тысячами куртинъ и 3 баталіонами регулярной пѣхоты, намѣревались дѣйствовать въ тылъ Эриванскаго отряда. 3 мая баязетскій комендантъ донесъ о готовящемся нападеніи на городъ. Въ это время генералъ Тергукасовъ находился въ Сурпъ-Оганесѣ. Направленный для успокоенія начавшаго волноваться населенія небольшой отрядъ генералъ-майора князя Амилахварова предпринялъ 7 мая поискъ въ долину Саукъ-Су, но при его появленіи турецкія войска быстро отступили къ Вану. Въ виду возможнаго столкновенія съ большими непрія-

тельскими силами генералъ Тергукасовъ ни въ коемъ случаѣ не могъ ослаблять свой отрядъ, и потому князю Амилахварову пришлось вернуться въ Сурпъ-Оганесъ. Генералъ Тергукасовъ двинулся дальше и, слѣдуя за отступающими турецкими войсками, безъ боя занялъ послѣдовательно Каракалисъ, Алашкертъ и 29 апрѣля Зейдикенъ.

По занятіи нашими главными силами Енгикея наблюдательными отрядами были заняты деревни Визенкевъ, Колоникевъ, горы Б. и М. Ягны и деревня Меликей. Таково было расположеніе нашихъ войскъ 17 апрѣля.

Ген.-лейт. А. А. Тергукасовъ.

Мухтаръ-паша еще 15 апрѣля, по полученіи свѣдѣній о томъ, что наша кавалерія появилась у Субботана, рѣшилъ, что цѣлью движенія нашихъ войскъ является занятіе Саганлугскаго хребта, и поэтому, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Эрзерума, отступилъ отъ Карса и занялъ позицію у Верушана. Здѣсь онъ могъ спокойно выжидать подкрѣпленій, подходившихъ къ нему изъ разныхъ пунктовъ Анатоліи, и формировать новыя части башибузуковъ. Усиленіе войскъ Мухтара-паши производилось настолько энергично, что къ концу мая вся боевая сила анатолійской арміи, кромѣ карскаго гарнизона, достигала 47.000.

Присоединеніемъ Ахалцыхскаго отряда къ главнымъ силамъ корпуса наши войска увеличились до $32^{3}/_{4}$ бат., 12 эск., 66 сот., 112 ор. Это давало возможность занять дороги, отходящія въ юго-западномъ направленіи отъ Карса, и обложить крѣпость настолько, чтобы прервать связь гарнизона съ анатолійской арміей. Во исполненіе этого было сформировано два отряда: генерала Геймана, 14 бат., 40 эск. и сот. 64 ор., для дѣйствія на юго-западной и генерала Девеля, 16 бат., 32 эск., и сот. 48 ор. для дѣйствія на сѣверо-восточной сторонѣ Карса. На Эриванскій отрядъ возлагалось движеніемъ на Алашкертъ, стараясь обратить на себя вниманіе главныхъ силъ непріятеля, содѣйствовать операціямъ генерала Геймана. Генералъ Гейманъ долженъ былъ выступить 12 мая на Визенкевъ, Масарджикъ, Хаджи-хамиль, Ардостъ, въ Бегли-Ахметъ, но благодаря отсутствію 8-дневнаго запаса провіанта выступилъ только 15 мая, хотя по ходу событій требовалось безотлагательное занятіе эрзерумской дороги. Въ Бегли-Ахметъ 17 мая находился партизанскій отрядъ Мусы Кандухова силою въ 15 сот. и 2 ор., имѣвшій крайне опасную для насъ цѣль прорваться къ Арпачаку и дѣйствовать у насъ въ тылу. Въ блестящемъ ночномъ кавалерійскомъ дѣлѣ съ 17 на 18 мая этотъ отрядъ былъ разбитъ княземъ Чавчавадзе. 18 мая войска генерала Геймана сосредоточились у Косалы и Кулы. Кавказскій казачій полкъ былъ посланъ для усиленія Эриванскаго отряда черезъ Калызманъ, Парнаутъ къ Сурпъ-Оганесу.

Вскорѣ произведенныя рекогносцировки выяснили неудобство занятыхъ мѣстъ обоими отрядами главныхъ силъ, а отрядъ генерала Девеля былъ передвинутъ изъ Енгикея въ Мацру, а генерала Геймана—изъ Косалы въ Аравартанъ. Сообщеніе между отрядами установлено съ западной стороны Карса.

Тревожныя извѣстія, получаемыя изъ Эриванскаго отряда, заставляли спѣшить съ осадными работами. Главнокомандующій войсками Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, прибывшій въ дѣйствующую армію 27 мая, рѣшилъ приступить къ возведенію осадныхъ батарей.

Между тѣмъ Мухтаръ-паша, успокоившись насчетъ того, что русскіе не покушаются проникнуть за Саганлугъ, сталъ усиливать отрядъ, стоявшій у Дели-бабы, чтобы превосходными силами раздавить отрядъ генерала Тергукасова. Кромѣ того, усиленно держался слухъ (сообщеніе главныхъ силъ съ генераломъ Тергукасовымъ было прекращено съ 19 мая), что Баязетъ окруженъ 7 т. курдовъ и что непріятельскій корпусъ готовъ вторгнуться въ Сурмалинскій уѣздъ. Это заставило сформировать новый отрядъ подъ начальствомъ генерала Геймана (17 бат., 8 эск., 28 сот., 64 ор.) и двинуть его 8 іюня

черезъ Саракамышъ и Милюдизъ и далѣе на Менджигиртъ и этимъ отвлечь на себя Мухтара-пашу отъ Тергукасова, которому тогда представится возможность итти на выручку Баязета и заслонить собой пути въ Эривань.

Генералъ Тергукасовъ тѣмъ временемъ атаковалъ 4 іюня Драмдагскую позицію и 5 числа вступилъ въ Даяръ. 9 іюня на позиціи Даярскаго ущелья онъ былъ атакованъ превосходными турецкими силами, но ущелье осталось за нами. На слѣдующій день Мухтаръ-паша хотѣлъ еще усилить атакующихъ, какъ получилъ извѣстіе о движеніи генерала Геймана къ Саракамышу и поспѣшилъ охраной Саганлугскихъ проходовъ.

Князь Амилахваровъ.

Атака 13 іюня генераломъ Гейманомъ Зивинскихъ высотъ не увѣнчалась успѣхомъ, а 15 числа онъ отступилъ на Мюлидизъ къ Карсу.

Генералъ Тергукасовъ, простоявъ у Даяра до 15 іюня, предпринялъ обратное движеніе. Сначала онъ выдѣлилъ было кавалерійскій отрядъ для выручки Баязета, но, въ виду рѣшительнаго намѣренія турокъ не дать ему отступить, былъ принужденъ отмѣнить свое первоначальное распоряженіе. Подойдя къ Зейдекену, онъ узналъ, что башибузуки вырѣзали нѣсколько армянскихъ деревень. Это извѣстіе подняло нѣсколько тысячъ армянскихъ семействъ, изъявившихъ желаніе пересе-

литься въ Россію. Такимъ образомъ, движеніе Тергукасова затруднялось, кромѣ обоза и 600 больныхъ и раненыхъ, огромнымъ числомъ арбъ переселенцевъ. Преслѣдуемый по пятамъ турками, генералъ Тергукасовъ съ честью вышелъ изъ тяжелаго положенія, которое все-таки заставило его сначала направить свое движеніе на Игдырь, а потомъ уже прійти 28 іюня на выручку Баязета.

Мужественный гарнизонъ Баязета подъ начальствомъ храбраго капитана Штоквича, который смѣнилъ заболѣвшаго подполковника Ковалевскаго, несмотря на то, что героически выдержалъ 23-дневную, полную мучительныхъ лишеній осаду, былъ еще настолько бодръ, что въ день появленія отряда генерала Тергукасова, открылъ стрѣльбу по внутренностямъ дворовъ, занятыхъ въ городѣ непріятелемъ. За время осады гарнизонъ потерялъ убитыми и ранеными половину своего состава.

Осада турками Баязета представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ кампаніи въ Малой Азіи. Здѣсь ярко проявилась доблесть и выносливость русскаго солдата. Мы видѣли, что генералъ Тергукасовъ, продолжая свое наступательное движеніе, оставилъ около Баязета лишь незначительный отрядъ.

«6-го іюня войска наши въ числѣ: баталіона Ставропольскаго полка, двухъ ротъ Крымскаго полка, двухъ орудій и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и милиціи должны были отступить, въ виду большей численности непріятеля, оставить бивуакъ и войти въ крѣпость, или вѣрнѣе, баязетскую цитадель для упорной обороны; какъ только наши войска вошли въ цитадель, непріятель немедленно обложилъ ее. На другой день по занятіи нашими войсками цитадели турки отвели воду, проведенную туда изъ отдаленнаго источника, и потому гарнизонъ нашъ сразу сталъ терпѣть большія лишенія. Разсчитывать на добычу продовольствія внѣ стѣнъ цитадели было нельзя, необходимо стало сократить выдачу провіанта изъ запаса, остававшагося въ наличности, поэтому стали выдавать сначала половину назначеннаго, потомъ сократили до четверти и наконецъ къ концу осады людямъ отпускалось только по 1 $^1/_2$ фунта сухарей въ день на человѣка; для поддержанія питанія людямъ выдавалась конина. Гарнизонъ цитадели съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терпѣлъ недостатокъ въ продовольствіи, но главный недостатокъ ощущался въ водѣ; добываніе ея стоило каждый разъ крови; доставать воду возможно было, только выходя изъ стѣнъ цитадели, направляясь подъ выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ къ ручью, отстоявшему отъ цита-

дели въ полутораста шагахъ. Турки, зная всѣ тропинки, идущія изъ цитадели къ водѣ, сильно заняли стрѣлками мѣста, съ которыхъ удобно было обстрѣливать видимое пространство; съ этою же цѣлью заняли близъ воды нѣкоторыя городскія зданія. Чтобъ по возможности сократить убыль людей, посылаемыхъ за водою, добычу ея производили по ночамъ, посылались охотники и каждый разъ одинъ или двое не возвращались; въ одинъ день пошелъ сильный пролив-

Ген. Гейманъ.

ной дождь; такой благодатью гарнизонъ, конечно, воспользовался; всѣ набрали воды во все, во что только было возможно, даже въ сапоги, и вотъ долгое время люди обходились набранною дождевой водой. Особенное горе и нужду терпѣли больные и раненые: томимые мучительной жаждой, они не могли утолить ея; всѣ получали воды одинаково, по стакану въ сутки; сверхъ того, раненымъ людямъ невозможно было дѣлать правильныя перевязки ранъ по неимѣнію воды; вслѣдствіе этого недостатка самыя легкія раны оказа-

лись опасными: гангрены и черви развились въ сильнѣйшей степени, отсутствіе правильнаго питанія породило упадокъ силъ. Надо еще добавить непомѣрную скученность людей, собравшихся въ маленькой цитадели, и невозможность выйти на верхнюю площадку подышать чистымъ воздухомъ, такъ какъ верхнее пространство цитадели сильно обстрѣливалось непріятельскими стрѣлками, засѣвшими за валами, въ разстояніи 200 шаговъ отъ площадки; да и свѣжаго воздуха вокругъ цитадели не было: все ближайшее вокругъ нея пространство было завалено трупами людей, разновременно убитыхъ изъ числа ходившихъ по воду, лошадей, павшихъ въ цитадели и выброшенныхъ за стѣны, и наконецъ трупами избитыхъ жителей-армянъ, населявшихъ городъ».

Съ движеніемъ генерала Геймана къ Саганлугу осадныя дѣйствія Карса свелись къ возведенію 11 осадныхъ батарей, всего на 38 орудій, противъ Карапатлаха, Карадаха и Мухлиса и дѣйствіяхъ небольшихъ охотничьихъ командъ. Работами по возведенію батарей руководили начальникъ инженеровъ арміи генералъ-майоръ Рербергъ и инженеръ-полковникъ Бульмерингъ.

По возвращеніи войскъ обратно выяснилась возможность Мухтару-пашѣ проникнуть или черезъ среднее теченіе Арпачая, или же по лѣвую сторону Карсъ-Чая по дорогамъ, ведущимъ черезъ Ардаганъ въ Закавказье. Для противодѣйствія этому прежняя позиція у Мацры и Араввартана не годилась. При движеніи турокъ черезъ Ардаганъ, чтобы предупредить ихъ въ этомъ, мы были бы принуждены бросить, кромѣ тяжелыхъ осадныхъ орудій, массу тяжестей по продовольствію, собравшихся въ мѣстахъ расположенія войскъ. Переправа черезъ Карсъ-Чай могла бы задержать еще часовъ на 10—15, поэтому приходилось перейти на лѣвый его берегъ. Очевидно, при наличности 46 баталіоновъ съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи мы не могли, кромѣ того, что прикрывать границу протяженіемъ 300 верстъ, еще удѣлять войскъ на какія-нибудь активныя дѣйствія, къ тому же войска наши были ослаблены потерями послѣднихъ боевъ.

Въ виду этого было положено прекратить осадныя дѣйствія и отступить къ Курюкъ-Дара, гдѣ и находиться въ выжидательномъ положеніи до прибытій подкрѣпленій изнутри Россіи и Ріонскаго края.

Силы генерала Оклобжіо къ началу кампаніи достигали солидной цифры $38^3/_4$ баталіоновъ и дружинъ. Десантъ турецкихъ войскъ на Черноморскомъ побережьи не состоялся. Слѣдующая задача — овладѣть Батумомъ — оказалась трудно выполнимой и влекла за собой слишкомъ большія потери,

нисколько не оправдываемыя цѣлью. Опытъ генерала Оклобжіо показалъ, какія непреодолимыя трудности представляетъ для операцій эта вѣчно-зеленѣющая долина Ріона. Крайне пересѣченная мѣстность, вся покрытая лѣсами и подлѣсьями, состоящими изъ цѣлыхъ непролазныхъ зарослей, гдѣ подчасъ прислуга одного орудія не видѣла прислуги рядомъ стоящаго другого орудія той же батареи, вліяла на управленіе войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла отличныя позиціи для обороняющагося. Частые дожди размывали дороги и прекращали колесное дви-

Капитанъ Ѳ. Э. Штоквичъ, геройскій защитникъ баязетской цитадели.

женіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти условія какъ нельзя лучше благопріятствовали развитію партизанскихъ дѣйствій воинственнаго и недружелюбнаго населенія, едва признававшаго и турецкое владычество, защищавшаго съ рѣдкимъ упорствомъ свои семьи, родные очаги, свои поля и сады. Кромѣ того, турецкія войска, на случай нашихъ наступательныхъ операцій, пользуясь моремъ, могли дѣйствовать на наши сообщенія съ тыломъ и тѣмъ поставить наши войска въ безвыходное положеніе. Все это вмѣстѣ взятое да еще необходимость выдѣлить часть для усиленія главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса вынудили генерала послѣ боевъ и мелкихъ стычекъ, завершившихся

11 іюня атакой цихнедзирскихъ позицій, отступить къ Озургету. За два мѣсяца мы отошли отъ границы едва на 30 верстъ. Для оборонительныхъ дѣйствій, по тѣмъ же мѣстнымъ условіямъ, надобности большихъ силъ здѣсь уже не было, и удаленіе лишнихъ войскъ изъ Ріонскаго края было даже желательно, чтобы избавить ихъ отъ лихорадокъ, начинавшихся съ наступленіемъ жаркаго времени года.

Съ переходомъ на позицію у Курюкъ-Дара, по 15 сентября, — время прибытія двухъ дивизій изнутри Россіи, — идетъ самый трудный выжидательный періодъ всей кампаніи. При перевѣсѣ силъ 85 турецкихъ баталіоновъ регулярной пѣхоты и многочисленной кавалеріи надъ нашими 46 баталіонами вся задача наша въ это время состояла въ томъ, чтобы не дать противнику перейти въ рѣшительное наступленіе. И говорить нечего, что, кромѣ превосходныхъ силъ, нашъ противникъ во всѣхъ отношеніяхъ имѣлъ преимущество передъ нами, и все-таки, несмотря на это, завѣтная мечта Мухтара-паши и турецкаго правительства — отбросить насъ за Арпачай и появиться въ нашихъ предѣлахъ, чтобы поднять мусульманское населеніе Кавказа, — не осуществилась. Намъ приходилось не только внимательно слѣдить за противникомъ, но и не предоставлять иниціативу въ его руки, отвлекая его вниманіе частыми рекогносцировками и демонстраціями и разбивая этимъ его планы.

Главныя силы дѣйствующаго корпуса были расположены въ Курюкъ-Дара съ высланнымъ авангардомъ къ Башкадыкляру. Генералъ Тергукасовъ, тоже въ ожиданіи подкрѣпленія, стоялъ у Игдыря, Мухтаръ-паша расположился на аладжинской позиціи (у Визенкева, Чифтъ-Тапеси, Кизилъ-Килиса, Авліара, на сѣверномъ склонѣ Аладжи, Шамешн, Инахъ-Тапеси), которая въ скоромъ времени была сильно укрѣплена земляными постройками. Въ тактическомъ отношеніи высоты эти представляютъ очень сильную позицію. Удобство Аладжи представляетъ еще въ томъ отношеніи, что обиліе воды и подножнаго корма даетъ возможность значительному отряду держаться продолжительное время.

Изъ многочисленныхъ демонстрацій, переходившихъ въ очень серьезные бои, и дѣйствій наступательныхъ турецкихъ войскъ нужно отмѣтить нападеніе турокъ съ разсвѣтомъ 13 августа на башкадыклярскій лагерь и бой за Кизилъ-Тапу, кончившійся нашимъ отступленіемъ, которое нѣсколько измѣнило наше расположеніе.

Положеніе отряда генерала Тергукасова за время этого трехмѣсячнаго періода было не менѣе серьезно, чѣмъ положеніе главныхъ силъ. Послѣ занятія имъ Баязета не оказалось возмож-

нымъ оставаться въ городѣ, зараженномъ трупами, и онъ отступилъ къ Игдырю, выставивъ небольшія наблюдательныя колонны къ Зорскому и Чингильскому переваламъ. Корпусъ его противника, Измаилъ-паши, былъ настолько обезсиленъ движеніемъ къ Алашкерту и терпѣлъ такой недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ припасахъ, что только 20 іюня могъ начать приводить въ исполненіе свою цѣль — вторженіе въ предѣлы Эриванской губерніи. Замаскировавъ свое истинное

Оклобжіо

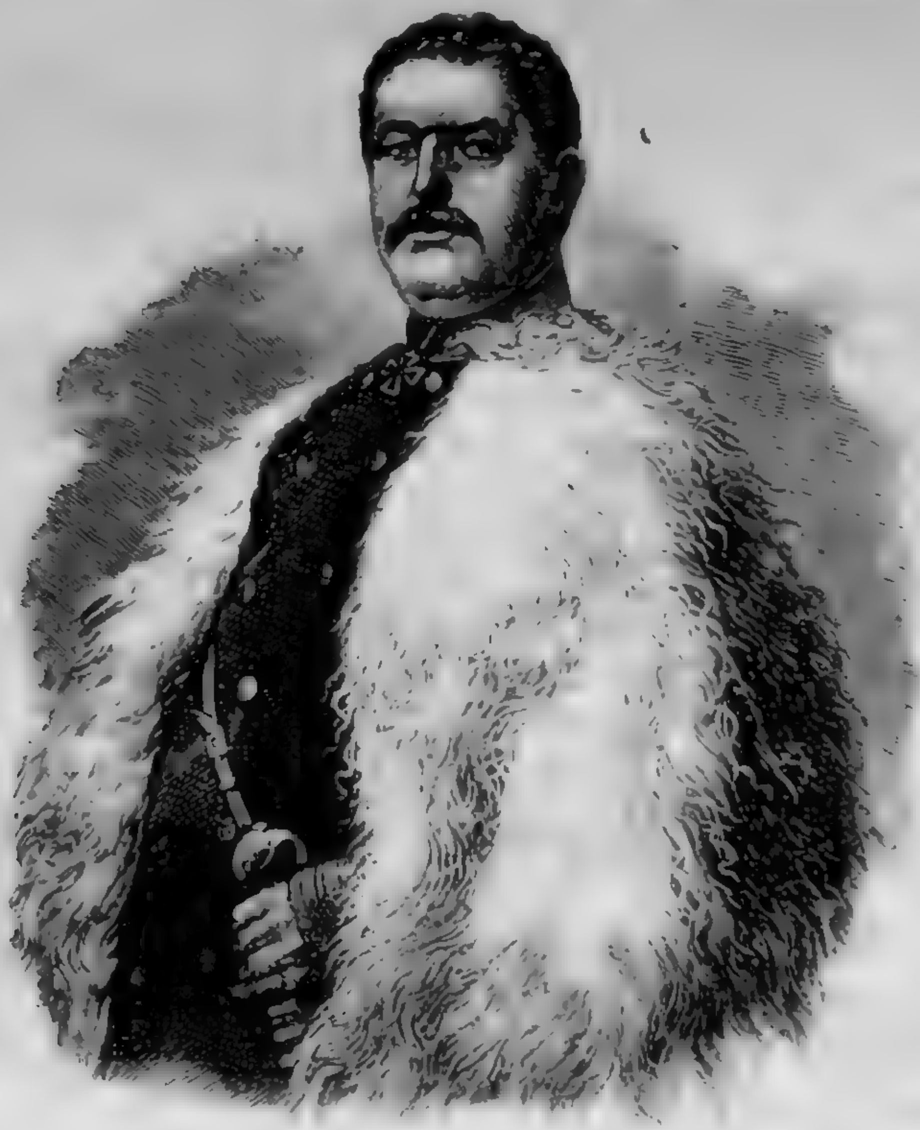
направленіе демонстраціей на Чингиль, 23 іюля Измаилъ-паша показался на Зорскомъ перевалѣ и выдержалъ бои 23 и 24 іюля. Генералъ Тергукасовъ призналъ болѣе выгоднымъ сосредоточить всѣ свои войска въ одномъ пунктѣ, въ Игдырѣ, и, бдительно слѣдя за движеніемъ противника, стараться разбить его прежде, чѣмъ ему удастся перейти Араксъ. Съ прибытіемъ же обѣщаннаго ему подкрѣпленія отъ главныхъ силъ онъ разсчитывалъ заставить непріятеля отступить къ Баязету. Къ 7 августа, усиленный въ два пріема, Эриванскій отрядъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ $26^3/_4$ бат., 8 эск., 38 сот. и

72 ор., но генералъ Тергукасовъ для наступательныхъ дѣйствій противъ сильной турецкой позиціи находилъ это недостаточнымъ и просилъ еще подкрѣпленій. По распоряженію главнокомандующаго къ нему былъ посланъ съ $7\frac{1}{2}$ бат., 4 сот., 12 ор. генералъ Девель, но осложненія съ Кизилъ-Тапу заставили его вернуть 13 августа изъ Кизилъ-Килиса.

Отрядъ полковника Комарова, оставленный въ Ардаганѣ 20 мая, по распоряженію командующаго корпусомъ, предпринялъ поискъ къ Пеняку и Ольтѣ, 14 іюня сдѣлалъ движеніе къ гг. Ардануча и Артвину, 25 іюня атаковалъ турокъ у Гельскихъ болотъ. Всѣ эти операціи имѣли то громадное значеніе, что держали занятый край въ повиновеніи и сейчасъ же въ корнѣ тушили то здѣсь, то тамъ вспыхивавшее пламя возстанія и предупреждали прорывъ черезъ границу какъ организованныхъ отрядовъ, такъ и отдѣльныхъ шаекъ башибузуковъ или лазовъ. По водвореніи полнаго спокойствія въ окрестностяхъ Ардагана 31 іюля отрядъ полковника или теперь уже генерала Комарова былъ притянутъ къ главнымъ силамъ.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ Россіи, изъ долины Ріона, колонны Ардаганскаго отряда, главныя силы корпуса состояли уже изъ 60 бат., 12 эск., 84 сот., 240 ор. Турецкая армія достигала въ это время, по донесеніямъ лазутчиковъ, 54 бат., 15 эск., 5 т. башибузуковъ и 96 ор. и была ослаблена болѣзнями и побѣгами, вслѣдствіе оказавшихся матеріальныхъ недостатковъ. При такомъ отношеніи силъ, несмотря даже на укрѣпленія, выросшія на Аладжѣ, явилась возможность намъ помѣриться силами съ Мухтаръ-пашой и перейти въ наступленіе. Сраженіемъ 20, 21, 22 сентября, въ которомъ главный ударъ предназначался на Б. и М. Ягны, Визенкевъ и Авліаръ, а демонстрація--на правый флангъ, рѣшительныхъ результатовъ не достигалось, свѣдѣнія же, что турки потеряли убитыми, ранеными и бѣжавшими восемь съ половиной тысячъ, а это имѣло сильное вліяніе на упадокъ духа солдатъ, служили залогомъ будущихъ успѣховъ. Оставленіе турками въ ночь съ 26 на 27 сентября Кизилъ-Тапы вызвали опасеніе, какъ бы Мухтаръ-паша не ушелъ, и въ тотъ же день была послана въ обходъ Аліаджи сильная колонна, которая выяснила бы положеніе противника и въ случаѣ его отступленія, отрѣзала бы ему сообщеніе съ Измаилъ-пашой. Благодаря этому движенію и бою, было установлено, что турецкія войска и не думаютъ уходить и всѣ находятся на своихъ мѣстахъ, а что Мухтару-пашѣ нужно какъ можно дольше удержаться на своихъ позиціяхъ, чтобы имѣть время перевести всѣ тяжести въ Карсъ.

30 сентября, вечеромъ, начальникъ обходной колонны, генералъ Лазаревъ, прибылъ въ Дигоръ, переправившись у Камбинскаго поста черезъ Арпачай. Безпрепятственное его движеніе вокругъ восточныхъ склоновъ Аладжи наводило на мысль, что они оставлены турецкими войсками. Бой 1 октября у Аляма убѣдилъ въ противномъ. 1 же октября Мухтаръ-паша сдѣлалъ попытку овладѣть Б. Ягнами, занятыми нашими войсками послѣ боевъ 20, 21, 22 сентября, такъ какъ расположенныя на нихъ войска угрожали его сообщенію съ Карсомъ. Эта попытка

Генералъ-лейтенантъ И. Д. Лазаревъ, начальникъ авангарда Кавказской арміи.

ему стоила потери 6 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ, а овладѣть Б. Ягнами ему все-таки не удалось.

Чтобы выполнить свое дальнѣйшее движеніе къ Базарджику, генералъ Лазаревъ принялъ слѣдующія мѣры: дневка 1 октября въ Дигорѣ дала ему возможность распустить слухъ между мѣстными жителями, что онъ получилъ приказаніе дѣйствовать въ тылъ Аладжинскихъ высотъ. Открывая свое движеніе къ Базарджику, онъ оставилъ въ Дигорѣ и Акрякѣ три баталіона съ батареей на укрѣпленныхъ позиціяхъ, и само движеніе 2 октября произвелъ поэшалонно, чтобы имѣть возможность подать помощь у себя въ тылу. Къ вечеру того же дня генералъ Лазаревъ съ боя занялъ высоты Шатыры-

Оглы и ночью донесъ, что онъ стоитъ на Орконскихъ высотахъ, присовокупивъ, что съ разсвѣтомъ необходимо начать рѣшительныя дѣйствія со стороны главныхъ силъ, дабы отрѣзать армію Мухтара-паши отъ Карса.

3 октября въ 9 ч. утра по всей линіи Аладжинскихъ высотъ закипѣлъ бой. Ударъ русскихъ атакующихъ колоннъ съ сѣвера на М. Ягны, Авліаръ, Керъ-Хана, Чифтъ-Тапу, Визенкевъ въ рѣшительный моментъ былъ поддержанъ генераломъ Лазаревымъ съ юга на Визенкевъ, и его появленіе поселило разстройство въ непріятельскихъ войскахъ. Турецкіе солдаты стали собираться на Чифтъ-Тапеси, гдѣ къ 4 ч. дня ихъ число достигло значительныхъ размѣровъ, и теперь все стараніе было приложено, чтобы не выпустить ихъ оттуда. Въ седьмомъ часу вечера Его Императорскимъ Высочествомъ на Визенкевскихъ возвышенностяхъ было получено донесеніе о высылкѣ турками парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ. На капитуляцію сдались въ плѣнъ 7 пашей, 252 штабъ и оберъ-офицера и до 8 тысячъ нижнихъ чиновъ. Колонною генерала Лазарева взято въ плѣнъ 1 тысяча человѣкъ и 7 орудій. Спаслись только 13 баталіоновъ и 14 орудій. Остальная вся артиллерія досталась побѣдителямъ. Иррегулярная кавалерія вся разбѣжалась. Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ, когда увидалъ, что побѣда стала клониться на нашу сторону.

О громадности результатовъ Авліарскаго сраженія и говорить нечего. Паника въ Карсѣ захватила и жителей и солдатъ. Если бы было возможно на слѣдующій день собрать войска, разбросанныя по полю сраженія на большомъ пространствѣ, то атака Карса была бы несомнѣнно успѣшна.

Мухтаръ-паша на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, чтобы удержать за собою пути въ Эрзерумъ, съ 8 баталіонами, 2 сот. башибузуковъ, 10 горными орудіями, отступилъ къ Саганлугу.

Для дальнѣйшихъ операцій наши главныя силы были раздѣлены на два отряда: саганлугскій и карскій. Первый, въ составѣ 28 бат., 21½ эск. и сот. 98 ор., долженъ былъ очистить страну между Карсомъ и Саракамышемъ и дѣйствовать съ генераломъ Тергукасовымъ противъ Измаила-паши. Командованіе этимъ отрядомъ возлагалось на генералъ-лейтенанта Геймана. Второй, 34 бат., 34 эск. и сот., 126 ор., генералъ-лейтенанта Лазарева, получилъ приказаніе немедленно приступить къ блокадѣ Карса, чтобы не допустить къ нему подкрѣпленій и подвозовъ. Генералу Тергукасову предписывалось энергично преслѣдовать турокъ, покинувшихъ позицію на Аликачакѣ.

15 октября паши Мухтаръ и Измаилъ соединились въ Керпикеѣ, гдѣ у нихъ собралось 36 бат., 12 эск., 15 сот., 40 ор.,

предупредивъ генерала Геймана, который въ этотъ день прибылъ въ Хоросанъ. Ночью въ 2 ч. русская кавалерія настигла турецкій арьергардъ и отбросила его за Гассанъ-Кала, послѣ чего Мухтаръ-паша занялъ сильную позицію у Деве-Бойну.

Необходимость занятія Эрзерума, паденія котораго слѣдовало ожидать по взятіи позиціи Деве-Бойну, вызывалась удобствомъ расположенія въ немъ Саганлугскаго отряда въ сравненіи со стоянкой въ покрывающейся зимой глубокимъ снѣгомъ Кассенской долинѣ, и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ въ странѣ, которое мы пріобрѣтали съ покореніемъ столицы Арменіи. 23 октября генералъ Гейманъ, совмѣстно съ подошедшими войсками генерала Тергукасова, атаковалъ Деве-Бойну, и трофеями побѣды были 43 ор., 400 человѣкъ плѣнныхъ, весь лагерь, казенное имущество и масса боевыхъ припасовъ. Громкой побѣдой, къ сожалѣнію, не воспользовались. Генералъ Гейманъ не нашелъ возможнымъ ворваться по пятамъ бѣгущаго непріятеля въ городъ. 24 октября былъ посланъ къ Мухтару-пашѣ парламентеръ съ предложеніемъ сдаться, на что тотъ наотрѣзъ отказался. По необъяснимымъ причинамъ только подъ утро 29 октября былъ предпринятъ штурмъ Эрзерума, кончившійся неудачно. Послѣ этого генералъ Гейманъ принужденъ былъ расположить войска на зимнихъ квартирахъ: Саганлугскій отрядъ въ Верхне-Кассенской равнинѣ, Эриванскій — въ Алашкертѣ и на позицію у Деве-Бойну выдѣлена бригада съ 3 батареями. Съ 10 октября вторично приступили къ тѣсной блокадѣ Карса. Въ главной квартирѣ были получены отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, что жители и войска не довольны своимъ положеніемъ. Были показанія, что гарнизонъ, потерявшій надежду получить откуда-нибудь помощь и утомленный предшествующими неудачными дѣйствіями, не намѣренъ драться, и что много труда стоитъ коменданту Карса, Гуссейну-пашѣ, держать его въ повиновеніи. Это подтверждалось и дезертирами, появившимися въ большомъ числѣ. Принимая во вниманіе эти слухи, главнокомандующій арміей поручилъ командующему корпусомъ предложить коменданту сдать крѣпость. Гуссейнъ-паша отвѣтилъ отказомъ.

25 октября стало извѣстно о пораженіи турокъ у Деви-Бойну; на посланное второе предложеніе сдаться отвѣта не послѣдовало. А между тѣмъ нужно было торопиться покончить съ Карсомъ. Наступившая распутица прекратила правильное питаніе довольствіемъ нашихъ войскъ изъ Александрополя, занятіе же Карса съ его громадными складами избавляло войска отъ этихъ лишеній. Полковнику Ѳаддееву 24 октября съ Кутаисскимъ полкомъ удалось ночью, оши-

бочно принявъ Хафизъ за передовую батарею, которую ему надлежало атаковать, вытѣснить оттуда турокъ и продержаться нѣсколько часовъ.

Считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на знаменитомъ штурмѣ Карса въ ночь съ 5-го на 6-ое ноября. «Крѣпость эта, благодаря своему грозному мѣстоположенію, всегда служила серьезнымъ препятствіемъ на пути нашего наступленія въ глубь Малой Азіи и не безъ основанія считалась однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ военнаго могущества Турціи. Произведенныя въ разное время въ фортахъ ея, въ особенности передъ кампаній 1855 года, фортификаціонныя работы подъ руководствомъ опытныхъ англійскихъ инженеровъ, а вслѣдъ за симъ блистательно отбитый штурмъ генерала Муравьева, предпринятый имъ при самыхъ благопріятныхъ для насъ условіяхъ, придали новую силу общераспространенной среди мусульманскаго населенія вѣрѣ въ ея неприступность. Съ тѣхъ поръ она была значительно усилена и превосходно вооружена передъ послѣдней войной. Но ни слава ея неприступности, ни превосходное вооруженіе, ни грозныя скалы и верки, ни мужество ихъ защитниковъ не остановили нашихъ геройскихъ войскъ».

Въ славную ночь съ 5-го на 6-ое ноября крѣпость пала, и огромное нравственное значеніе этого факта предрѣшило судьбу всей кампаніи въ Анатоліи такъ же, какъ паденіе Плевны предрѣшило ходъ кампаніи на Балканскомъ полуостровѣ. Карсъ и Плевна были два пункта, куда, главнымъ образомъ, было направлено вниманіе всего русскаго народа.

Согласно такому значенію Карса для его осады съ самаго начала кампаніи были назначены главныя силы. Послѣ пораженія при Зивинѣ Лорисъ-Меликовъ долженъ былъ снять осаду, но какъ только явилась возможность — блокада Карса была возобновлена.

Послѣ боя 3-го октября на Аладжинскихъ высотахъ войска дѣйствующаго корпуса, выдвинувъ особый отрядъ за Саганлугъ, для преслѣдованія отступавшихъ войскъ Мухтара-паши, остальными силами расположились вокругъ Карса, для обложенія этой крѣпости. Устраиваясь на занятыхъ позиціяхъ и усиленныя вскорѣ отрядомъ, прибывшимъ изъ Ардагана, войска эти, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, кавалерійскими частями и линій аванпостовъ все болѣе и болѣе стѣсняли блокаду, и въ ожиданіи доставленія осадныхъ орудій, партіями охотниковъ производили ежедневно, съ разныхъ сторонъ, ночныя тревоги въ крѣпости, поддерживая ихъ артиллеріей.

Произведенныя развѣдки указывали на трудность овладѣнія крѣпостью. Большие запасы продовольствія обезпечивали 32-баталіонный гарнизонъ крѣпости даже отъ шестимѣсячной блокады, которая въ столь суровое здѣсь зимнее время года угрожала еще блокирующимъ войскамъ неисчислимыми и неустранимыми лишеніями. Кромѣ того, тяжелыя условія, въ которыя неминуемо были бы поставлены осаждающіе, почти исключали возможность правильной постепенной осады. Между тѣмъ скорѣйшее овладѣніе Карсомъ являлось непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго успѣшнаго развитія кампаніи.

Выходъ изъ этого положенія представлялся только съ рѣшимостью овладѣть Карсскою крѣпостью открытою силой, подготовивъ, насколько возможно, штурмъ бомбардированіемъ нѣкоторыхъ фортовъ и города. Цѣлью главнѣйшихъ дѣйствій избрана линія юго-восточныхъ фортовъ: Хафиза, Канлы и Сувари, расположенныхъ на плоскости праваго берега Карсъ-Чая.

30-го октября осадныя батареи, окончательно устроенныя и вооруженныя, открыли огонь, продолжая его безпрерывно днемъ и ночью и особенно усиливая дѣйствія къ вечеру. Несмотря на разрушительное дѣйствіе нашихъ снарядовъ, гарнизонъ, видимо, рѣшился окончательно драться и дѣлалъ всѣ приготовленія для отраженія штурма. Такое настроеніе турецкаго гарнизона не допускало предположенія о возможности сдачи крѣпости путемъ бомбардированія, не прибѣгая къ штурму. Надо было торопиться развязкой; штурмъ былъ рѣшенъ. Оставалось опредѣлить время штурма и способы его выполненія.

«Огромное протяженіе линіи огня, послѣдовательные ряды траншей и искусственныхъ закрытій для обороняющихся, дальность и почти невѣроятное количество ружейнаго огня, развиваемаго турецкой пѣхотой при оборонѣ,— грозили огромными потерями въ случаѣ движенія днемъ. Движеніе въ темную безлунную ночь могло угрожать катастрофой. Надо было выждать такого дня, когда луна, оставаясь почти всю ночь на горизонтѣ, настолько освѣщаетъ мѣстность, что, съ одной стороны, нѣтъ опасности сбиться съ направленія, съ другой — открыть непріятелю свое движеніе съ дальняго разстоянія. Вотъ почему рѣшено было вести штурмъ въ ночь съ 5-го на 6-ое число».

Особыми диспозиціями командующаго дѣйствующимъ корпусомъ и начальника Карсскаго отряда опредѣленъ былъ слѣдующій порядокъ дѣйствій.

Пятью отдѣльными пѣхотными колоннами атаковать все протяженіе непріятельскаго расположенія между склонами

Карадагскихъ высотъ и укрѣпленіемъ Тохмасъ, направляя главныя усилія на укрѣпленія Хафизъ, Канлы, Сувари и Чимъ. Остальными войсками произвести одновременно сильныя демонстраціи противъ укрѣпленій Лазъ-Тапеси и на Шорахскихъ высотахъ, а также съ фронта фортовъ Араба и Карадага. Артиллеріи при колоннахъ не слѣдовать, а, оставаясь до разсвѣта при частныхъ резервахъ, ожидать особыхъ приказаній. Кавалеріи, сохранивъ, гдѣ окажется нужнымъ, линію аванпостовъ, сосредоточиться на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ крѣпости къ горнымъ переваламъ Саганлугскаго хребта.

Сосредоточеніе всѣхъ войскъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, откуда должно уже начаться боевое движеніе, произвести въ сумерки, а общее наступленіе начать въ 8 часовъ вечера.

5-го числа, вечеромъ, всѣ войска расположились на указанныхъ мѣстахъ, и въ $8^{1}/_{2}$ часовъ колонны начали свое боевое движеніе. Совершенно ясное небо и полная луна, взошедшая уже на горизонтѣ, обѣщали свѣтлую, безвѣтреную ночь; еще съ утра начавшійся морозъ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Грозная холодная тишина царствовала въ воздухѣ, и среди нея, казалось, самое напряженное вниманіе не различило бы шедшей грозы. А между тѣмъ рѣдкія цѣпи нашихъ охотниковъ осторожно, шагъ за шагомъ, подвигались впередъ, имѣя за собой штурмовыя войска, шедшія вначалѣ густыми колоннами, а по мѣрѣ приближенія къ линіи атаки переходившія въ разомкнутый строй ротныхъ колоннъ.

«Около 9-ти часовъ кое-гдѣ начали раздаваться отдѣльные выстрѣлы передовыхъ турецкихъ пикетовъ и замолкали, не встрѣчая отвѣта. Но не прошло и получаса, какъ почти по всей линіи атаки вновь засверкали непріятельскіе выстрѣлы и черезъ нѣсколько минутъ полились сплошнымъ огнемъ изъ укрѣпленій и траншей атакованныхъ фортовъ. Еще нѣсколько мгновеній, и первое «ура» раздалось на нашемъ лѣвомъ флангѣ,—то была колонна, ворвавшаяся въ Сувари».

Это укрѣпленіе было взято съ ничтожными потерями въ людяхъ. Наши войска, благодаря искусству проводника, подошли самымъ незамѣтнымъ образомъ, безъ выстрѣла отбросили передовые турецкіе пикеты, безъ выстрѣла подошли подъ самое укрѣпленіе и, осыпаемыя ружейнымъ огнемъ и картечью, однимъ потокомъ ворвались въ самое укрѣпленіе, штыками уничтожили его гарнизонъ, испортили и сбросили орудія, штыками проложили себѣ путь черезъ наткнувшуюся на нихъ кавалерію и быстро двинулись къ мосту черезъ Карсъ-Чай, чтобы войти въ тылъ укрѣпленію Чимъ. Но столь блестя-

щее дѣло омрачилось гибелью его руководителя. Князь Меликовъ получилъ двѣ раны, и одна изъ нихъ оказалась смертельной.

Въ это время вправо, передъ укрѣпленіемъ Канлы, уже шелъ упорнѣйшій бой. Ровно въ 9 часовъ съ Канлы показались огни; черезъ нѣсколько десятковъ секундъ послышалась трескотня: это проснулись турки; черезъ четверть часа огни какъ-то подвинулись вправо, еще черезъ четверть загорѣлась такая же иллюминація на Хафизѣ. Иногда вспыхнетъ яркое и большое пламя, послышится громкій выстрѣлъ дальнобойной пушки... Около 10½ часовъ Канлы замолкъ. Черезъ минуту фортъ заговорилъ снова, но по фигурѣ огней видно было, что стрѣляютъ не въ нашу сторону, а вправо: огни вырывались не блесткой, а длиннымъ языкомъ. Это стрѣляютъ наши по туркамъ, которые хотятъ отнять фортъ назадъ. Два или три раза пробовали турки итти на штурмъ своего бывшаго укрѣпленія, два или три раза загоралась ихъ иллюминація, — и наконецъ все стихло.

Со стороны Канлы подъѣзжаютъ къ Карадосуранну, гдѣ находился во время штурма генералъ Лазаревъ, два всадника.

«— Гдѣ корпусный командиръ? — спрашиваетъ Лазаревъ.

«Это пріѣхалъ штабсъ-ротмистръ Бибиковъ, состоящій ординарцемъ при начальникѣ кавалеріи, князѣ Чавчавадзе. На время штурма онъ былъ назначенъ въ колонну графа Граббе.

«— Канлы взято, ваше высокопревосходительство, — доложилъ Бибиковъ и прибавилъ, понизивъ голосъ: — графъ Граббе убитъ.

«— Ахъ, ахъ, Граббе! Кто? — Граббе... Боже мой! — раздалось кругомъ.

«Стоявшій поблизости почтенный ветеранъ, генералъ Шульцъ заходилъ взадъ и впередъ, махая руками съ жестомъ отчаянія, и только твердилъ:

— Ахъ, Граббе, ахъ Граббе!

«— Царство ему небесное! — перекрестились нѣкоторые.

«— Только крикнулъ «ура» и вдругъ упалъ, — докладываетъ Бибиковъ. — Мы думали раненъ; понесли его на перевязочный пунктъ, но онъ уже не приходилъ въ себя и на нашихъ рукахъ умеръ. Пуля попала въ грудь, и кровь тотчасъ хлынула горломъ».

Кромѣ Граббе, при штурмѣ Канлы былъ убитъ полковникъ Бѣлинскій, принявшій начальство послѣ Граббе и контуженъ полковникъ Вождакинъ.

Наши молодцы, взявши съ маху Канлы, встрѣтили неожиданное сопротивленіе со стороны казармы, замыкающей

коржу. Двухъярусная ружейная оборона этой постройки, на земляной крышѣ которой, за брустверомъ, ее ограждающимъ, стояло еще нѣсколько малыхъ мортиръ, высота и крѣпость стѣнъ и входныхъ воротъ дѣлали безплодными всѣ усилія истомленныхъ и ослабленныхъ войскъ. Выбитые изъ укрѣпленія турки заперлись въ казармѣ и продержались здѣсь до 4-хъ часовъ утра.

Только послѣ увѣщаній полковника Бульмеринга, посланнаго генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ принять начальство надъ войсками у Канлы и грозившаго туркамъ разгромить казарму орудійными выстрѣлами, турки сдались, и фортъ всецѣло былъ въ нашихъ рукахъ.

Столь же успѣшно дѣйствовала колонна генерала Алхазова противъ форта Хафизъ-паши. Было около двухъ часовъ ночи, когда всѣ непріятельскія укрѣпленія на пространствѣ отъ Карадага до Канлы были уже въ рукахъ русскихъ и твердо заняты оставленными въ нихъ войсками.

Пока на правомъ флангѣ мы одерживали рядъ несомнѣнныхъ успѣховъ, на лѣвомъ флангѣ колонна генерала Комарова вела энергичную демонстрацію противъ фортовъ Токмасъ и Чимъ. Никто бы не сказалъ, что тамъ не главный штурмъ. Впослѣдствіи мы узнали, что турки и въ самомъ дѣлѣ считали атаку на нижніе форты только отводомъ, а настоящую ждали на Токмасъ, откуда велъ атаку и Муравьевъ. Въ этихъ видахъ они не щадили патроновъ, гранатъ и бомбъ.

Столь же энергично и неотступно велась демонстрація противъ фортовъ Араба и Карадага со стороны войскъ, составлявшихъ отрядъ, бывшій подъ общимъ начальствомъ генерала Шатилова. Нашимъ войскамъ удалось даже овладѣть названными фортами, хотя это и не входило въ прямую ихъ задачу.

Съ паденіемъ Араба и Карадага участь Карса была рѣшена. Всѣ укрѣпленія праваго берега были въ нашихъ рукахъ; собранныя полковникомъ Бауманъ въ городѣ войска занимали его главнѣйшіе пункты. Запершаяся въ цитадели часть гарнизона уже не сопротивлялась и отворила ворота направленнымъ на нее баталіонамъ владикавказцевъ. Только изрѣдка съ нагорныхъ фортовъ: Мухлиса, Вели-паша и Токмаса раздавались орудійные выстрѣлы по Арабу и городу, прикрывая уходившихъ за Карсъ-Чай турокъ.

Съ первыми лучами разсвѣта на всемъ пространствѣ высотъ лѣваго берега стало замѣчаться движеніе огромныхъ массъ изъ фортовъ и лагерей и сосредоточеніе ихъ передъ наружными линіями укрѣпленій, а черезъ нѣсколько времени ясно обозначилось намѣреніе турокъ прорвать себѣ выходы

между нашими войсками, по путямъ, ведущимъ на Эрзерумъ и къ различнымъ переваламъ Саганлугскаго хребта.

Наша кавалерія, подъ начальствомъ князя Щербатова, князя Эристова и полковника Батіевскаго, бросилась преслѣдовать пытавшихся ускользнуть турокъ, и блестящій штурмъ Карса былъ завершенъ не менѣе блестящимъ кавалерійскимъ

Карта военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи.

дѣломъ. Десять тысячъ турецкой пѣхоты было взято въ плѣнъ нашей кавалеріей.

«Дѣло было окончено. Во всѣ укрѣпленія вступали наши войска. Городская депутація вышла навстрѣчу въѣзжавшему въ городъ генералу Лазареву.

«Карсъ, со своими грозными верхами, со своимъ трехсотпушечнымъ сооруженіемъ, съ 32-баталіоннымъ гарнизо-

номъ, снабженнымъ огромными продовольственными и боевыми запасами, былъ въ нашей власти».

Самымъ тяжелымъ по физическимъ испытаніямъ періодомъ для войскъ безусловно былъ періодъ операцій около Эрзерума. Зима 1877—78 года была особенно снѣжная и суровая. Частямъ, расположеннымъ на Деве-Бойну на высотѣ 7 т. футовъ, при двадцати градусахъ мороза, приходилось стоять въ палаткахъ, пока въ концѣ ноября не доставлены были кибитки. Высота снѣга здѣсь достигала роста человѣка, и сношенія съ аванпостами поддерживались по расчищеннымъ галлереямъ. Понятно, это исключало возможность боевыхъ развертываній. Прекращенное временно, благодаря занесеннымъ путямъ, снабженіе довольствіемъ вызвало переходъ части войскъ въ Эрзерумскую долину, въ расчетѣ на мѣстныя средства. Мухтара-пашу встревожило появленіе нашихъ войскъ въ Хнысъ-Кале, и, чтобы воспрепятствовать ему въ наборѣ рекрутъ, намъ пришлось обложить съ 21 декабря Эрзерумъ. Съ этого момента и въ теченіе мѣсяца лишенія и испытанія, которымъ подверглись войска, превосходятъ всякое о томъ представленіе. 21 января, по заключеніи перемирія, на основаніи котораго должна была состояться передача намъ Эрзерума, войска вздохнули.

Такимъ образомъ, на обоихъ театрахъ войны, европейскомъ и малоазіатскомъ, военныя дѣйствія одновременно привели къ полному торжеству русскаго оружія.

19 января въ Адріанополѣ туркамъ было даровано перемиріе съ опредѣленіемъ демаркаціонныхъ линій для обѣихъ сторонъ и подписаны предварительныя условія мира. Турція признала окончательную независимость Черногоріи и Сербіи и автономію Болгаріи, которая должна была составить платящее дань Турціи княжество съ христіанскимъ правительствомъ и своимъ войскомъ; границы Болгаріи были опредѣлены: Дунай — на сѣверѣ, озеро Охридское и Салоники-Солунь — на югѣ, Адріанополь, Хакумъ-Табіаси и Расово — на востокѣ. Но этимъ условіямъ мира не суждено было состояться.

Уже со времени плѣненія Весселя-паши Англія начала испытывать тревогу изъ за русскихъ успѣховъ. Британское правительство приказало эскадрѣ Горнби двинуться къ Дарданелламъ. Россія, съ своей стороны, поспѣшила сформированіемъ четырехъ новыхъ дивизій и двинула свои войска отъ Адріанополя на укрѣпленія Букъ-Чекмеджи-Деркосъ. Когда же предварительныя мирныя условія были подписаны, англійская эскадра вошла въ Дарданеллы подъ предлогомъ охраненія

англійскихъ подданныхъ. Русскія войска двинулись къ Константинополю для охраны мѣстнаго христіанскаго населенія въ виду дѣйствій Англіи. Тогда англійская эскадра отошла на 100 верстъ отъ Константинополя. Для облегченія переговоровъ султанъ согласился на перенесеніе нашей главной квартиры въ Санъ-Стефано, въ 10 верстахъ отъ Константинополя. Тотчасъ же Горнби снова появился въ Дарданеллахъ; кромѣ того, на островъ Мальту былъ отправленъ цѣлый англійскій корпусъ и прислана часть Ламаншской эскадры. Русское правительство отвѣтило приказомъ о сформированіи еще новыхъ четырехъ дивизій, послѣ чего, 19 февраля, былъ подписанъ въ Санъ-Стефано предварительный мирный договоръ.

Не одна Англія, но и Австрія и Германія встревожились достигнутыми Россіей результатами и опасеніемъ за чрезмѣрное усиленіе славянства. Англія и Австрія стали готовиться къ войнѣ и по требованію Австріи былъ созванъ конгрессъ въ Берлинѣ.

Засѣданія конгресса затянулись; у насъ были вырваны плоды нашихъ тяжелыхъ трудовъ, Санъ-Стефанскій договоръ подвергся измѣненію, не всѣ славянскія народности были освобождены. Но не согласиться съ постановленіями Берлинскаго трактата — значило принять европейскую войну, что являлось слишкомъ тяжкимъ бременемъ для Россіи тотчасъ же по окончаніи турецкой войны. 1 іюля былъ подписанъ Берлинскій трактатъ. По этому несправедливому договору Болгарія, за которую такъ много было пролито русской крови, была разрѣзана на двѣ части: автономное княжество Болгарію и оставшуюся подъ турецкимъ господствомъ Восточную Румелію, а Боснія и Герцеговина, первыя поднявшіяся противъ турецкаго ига, отданы подъ власть Австріи, для временной оккупаціи, но которая продолжается еще и до сихъ поръ.

Однако Черногорія, Сербія и Румынія получили полную независимость и нѣкоторыя прирѣзки владѣній. Кромѣ того, между Турціей и Греціей должно было произойти исправленіе границъ — въ пользу Греціи.

Россія, кромѣ пріобрѣтеній въ Малой Азіи, Ардагана, Карса и Батума съ ихъ округами, получила обратно ту часть Бессарабіи, которую она была вынуждена въ 1856 году уступить Турціи по Парижскому трактату.

Кончина Императора Александра II.

Съ тяжкимъ, мучительнымъ чувствомъ приступаемъ мы къ заключительной главѣ царствованія Императора Александра II, Царя Освободителя, облагодѣтельствовавшаго не только свой собственный народъ, но и освободившаго изъ-подъ турецкаго ига огромную часть единовѣрныхъ намъ славянскихъ народовъ.

Освободительная война, приковавшая вниманіе русскаго правительства и общества къ Балканскому полуострову и достойному Россіи рѣшенію восточнаго вопроса, пришлась какъ нельзя болѣе на руку шайкѣ политическихъ изувѣровъ, еще задолго до ея возникновенія начавшихъ свою подпольную дѣятельность и теперь нашедшихъ сочувствіе и поддержку у многочисленныхъ враговъ славянства, которые стремились помѣшать дѣлу освобожденія славянъ и внѣшнимъ успѣхамъ Россіи путемъ внутреннихъ замѣшательствъ. Въ этомъ, конечно, никто не могъ лучше помочь имъ, чѣмъ тѣ жалкіе отщепенцы русскаго общества, тѣ легкомысленные, полуобразованные русскіе люди, которые, съ жадностью накинувшись на проникшія къ намъ съ Запада въ самомъ извращенномъ и грубомъ видѣ соціальныя идеи, начинили ими свои безпокойныя головы.

Скрытно и очень искусно направляемые извнѣ врагами славянства и національнаго русскаго развитія эти несчастные и раньше не останавливались передъ разными преступными средствами для того, чтобы распространять свое политическое лжеученіе въ народѣ и колебать въ немъ его исконную преданность законной власти въ лицѣ Самодержавнаго Монарха.

Но всѣ такія попытки нашихъ соціалистовъ неминуемо разбивались о здравый смыслъ и природныя хорошія свойства русскаго народа. Подпольныя изданія въ народѣ успѣха не имѣли, точно такъ же, какъ и пресловутыя «хожденія въ народъ», т.-е. поступленіе агитаторовъ въ число рабочихъ, съ цѣлью вызвать среди нихъ недовольство и смуту.

Озлобленные этими неудачами и долгимъ опытомъ убѣдившись, что простой народъ имъ не развратить въ желательномъ для нихъ направленіи, заговорщики стали усиленно агитировать среди учащейся молодежи, сильно разсчитывая на ея неопытность и легковѣріе. Въ то же время они задумали

рядомъ убійствъ государственныхъ сановниковъ терроризовать русское общество и, воспользовавшись предполагаемымъ смятеніемъ, вызвать столь желанную для нихъ анархію. Но и тутъ ихъ ждала неудача. Нѣсколько гнусныхъ покушеній и убійствъ представителей правительства вызвали въ обществѣ не испугъ, не смятеніе, а живое участіе къ жертвамъ анархистовъ и взрывъ негодованія противъ этихъ послѣднихъ. Со своей стороны и правительство держало себя твердо и не пошло ни на какія желательныя для революціонеровъ уступки. Тогда въ своихъ преступныхъ замыслахъ они посягнули на священную особу Государя.

Начало преступнымъ покушеніямъ на драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя было, впрочемъ, положено еще въ первую половину его царствованія, въ эпоху его великихъ преобразованій. 4 апрѣля 1866 года отщепенецъ Каракозовъ у Лѣтняго сада въ Петербургѣ дерзнулъ поднять преступную руку на помазанника Божія. Но Господь хранилъ Государя, которому еще предстояло совершить много славныхъ и полезныхъ для отчизны дѣяній, прежде чѣмъ мученическимъ вѣнцомъ завершить свою свѣтлую жизнь, всецѣло отданную для блага народа. Костромичъ-крестьянинъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, случайно находившійся тутъ же, спасъ Царя, толкнувъ подъ руку злодѣя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тотъ стрѣлялъ въ Государя. Преступникъ понесъ заслуженную кару, а Комиссаровъ за свой патріотическій подвигъ былъ возведенъ въ дворянство и щедро награжденъ деньгами.

Покушеніе это глубоко возмутило и опечалило вѣрныхъ сыновъ Россіи, но ни самъ Государь ни русское общество не придавали преступленію Каракозова крупнаго политическаго значенія, видя въ немъ безумную выходку единичной личности.

Однако въ 1867 году покушеніе на Александра II повторилось, но на этотъ разъ оно было сдѣлано уже внѣ русскихъ предѣловъ, а именно въ Парижѣ, при посѣщеніи Государемъ всемірной выставки. Личность преступника, которымъ на этотъ разъ оказался полякъ-фанатикъ, нѣкто Березовскій, снявъ съ русскаго общества тяжкое обвиненіе, позволяло думать, что преступленіе это было вызвано местью за недавнее усмиреніе польскаго мятежа. Затѣмъ злодѣйскія покушенія на Царя прекратились на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, послѣ чего, къ ужасу и печали всего русскаго народа, они снова возобновились, принявъ уже упорный, угрожающій характеръ.

2 апрѣля 1879 года, во время утренней прогулки Государя, произошло, по счастью, неудавшееся покушеніе Соло-

вьева. Въ томъ же году, съ цѣлью взорвать царскій поѣздъ, злодѣи устроили взрывъ желѣзнодорожнаго полотна близъ Москвы. Въ слѣдующемъ 1880 году дерзость анархистовъ перешла всякія границы. Государь въ собственномъ дворцѣ со своею семьей едва не сдѣлался жертвою адскаго замысла преступниковъ, умудрившихся устроить себѣ пристанище въ зданіи самаго Зимняго дворца и произведшихъ взрывъ столовой въ ту минуту, какъ царское семейство должно было сѣсть за обѣденный столъ. Въ это тревожное время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ покушеній революціонеровъ на Вѣнценосца, невольно остановилась созидательная работа правительства, озабоченнаго исключительно выработкой мѣръ противодѣйствія злодѣямъ и излѣченія государственной язвы. Къ сожалѣнію, мѣры эти, выработываемыя каждый разъ особыми спеціально для того созывавшимися совѣщаніями, цѣли своей не достигали. Революціонное движеніе продолжало свою подпольную работу, доказывая всю недостаточность направленныхъ противъ него мѣропріятій.

Тогда, по мысли Наслѣдника Цесаревича, была учреждена особая верховная комиссія, съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, для объединенія борьбы съ анархистами. Лорисъ-Меликовъ, облеченный громадными полномочіями и почти безпримѣрною властью, началъ свое отвѣтственное дѣло съ обращенія къ русскому обществу, которое онъ усердно призывалъ къ посильному содѣйствію въ борьбѣ съ революціонными элементами. Но какую активную помощь могло оказать правительству общество, хотя и одушевленное самыми лучшими чувствами, противъ врага скрытаго, невидимаго?

Но вотъ труды верховной комиссіи какъ будто увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Революціонное движеніе по видимости стало стихать. Комиссія становилась излишнею, ее закрыли. По мнѣнію ея бывшаго начальника и руководителя, теперь оставалось исполнить вторую часть выработанной правительствомъ программы — постепеннаго возвращенія къ прежнему нормальному порядку. Для выполненія этой не менѣе сложной задачи былъ призванъ тотъ же Лорисъ-Меликовъ, сумѣвшій въ тѣ тревожные дни заручиться совершенно исключительнымъ довѣріемъ Государя. Онъ былъ назначенъ на важный и особенно отвѣтственный тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Дѣятельность свою на этомъ новомъ посту онъ началъ докладомъ Государю, въ которомъ новый министръ высказалъ свой взглядъ на положеніе вещей и указалъ тѣ положительныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, правительство должно было безотлагательно принять для окончательнаго умиротво-

ренія охваченной сѣтями тайной смутой страны. Мѣры эти, состоявшія между прочимъ во всестороннемъ обревизованіи сенаторами губерній, получили Высочайшее одобреніе и начали немедленно приводиться въ исполненіе. Сенаторы отправились на ревизію, и на 4 марта 1881 года было назначено засѣданіе комитета министровъ для обсужденія выработаннаго Лорисъ-Меликовымъ проекта, но тутъ надъ Россіей разразился громовой ударъ 1 марта.

Ничтожная, по сравненію со всею необъятною, тѣломъ и душою преданною своему Царю Россіей, кучка политическихъ изувѣровъ наконецъ достигла своей преступной цѣли, которую преслѣдовала съ такимъ ожесточеннымъ упорствомъ. Царь-Освободитель, Царь, лучшія силы свой великой души отдавшій своему народу, благо котораго было единственною задачей его, болѣе чѣмъ четвертьвѣковаго царствованія, палъ жертвой заговора шайки негодяевъ, присвоившихъ себѣ никому на землѣ не принадлежащее право судить и карать помазанника Божія. Русскій Царь, облагодѣтельствовавшій Россію цѣлымъ рядомъ гуманнѣйшихъ реформъ, былъ убитъ преступнымъ подданнымъ, среди бѣла дня, въ своей столицѣ!

Это ужасное событіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Въ третьемъ часу дня Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя, на разстояніи не болѣе 2 саженей отъ нея, ѣхалъ полицмейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженей 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ $2^1/_4$ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ.

«Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели со стороны канала солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимаго Государя, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, Дворжицкій проводилъ его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудаковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: «Что съ Государемъ?»—на что Государь, оглянув-

шись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...», указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ—онъ ли стрѣлялъ, Его Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова, кто онъ такой,—на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ его, раздался новый оглушительный взрывъ, при чемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: «Помоги» и, вскочивъ, подбѣжалъ къ нему вмѣстѣ съ многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «Холодно, холодно». Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица при подоспѣвшемъ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ понесли его къ санямъ полковника Дворжицкаго, при чемъ поручикъ гр. Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову страдальца. Наклонившись къ своему августѣйшему брату, Великій Князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, на что Государь тихо отвѣтилъ: «Слышу»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь изволилъ сказать: «Скорѣе... во дворецъ», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести его въ ближайшій домъ для поданія

первоначальной помощи, Его Величество произнесъ: «Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть...» [1]).

Когда Государя привезли въ Зимній дворецъ, тотчасъ же былъ вызванъ лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ, который употребилъ всѣ средства, чтобы спасти Государя. Но усилія его оказались тщетными. Въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ присутствіи Наслѣдника и Великихъ Князей, не приходя въ сознаніе, Александръ II скончался.

Александръ II на смертномъ одрѣ.

Трудно описать горе, охватившее многомилліонный русскій народъ при ужасной вѣсти о цареубійствѣ. Народъ неутѣшно рыдалъ по деревнямъ и городамъ, по домамъ и на улицахъ, рыдалъ по церквамъ, гдѣ непрерывно служились панихиды по Царѣ-мученикѣ. Современникамъ не забыть этой скорбной поры, не забыть трогательныхъ проявленій стихійной народной горести, объединившей всѣ классы общества и лучше всего свидѣтельствовавшей о полной непричастности русскаго народа тяжкому грѣху цареубійства.

---

[1]) Изъ обвинительнаго акта по дѣлу 1 марта 1881 года.

Одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, И. С. Аксаковъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ страшнаго событія 1 марта, произнесъ въ торжественномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ свою знаменитую рѣчь, въ которой слѣдующимъ образомъ изобразилъ переживаемыя народомъ чувства: «И скорбь, и горе, и стыдъ—вотъ что ощущаетъ теперь русское сердце. Смертельно оскорбленъ весь русскій народъ посягательствомъ на священную особу Царя, въ Которомъ онъ олицетворяетъ неприкосновенность своихъ правъ и великую народную идею русской силы и единства».

Конецъ.

Примѣчаніе редакціи: Главнымъ пособіемъ при составленіи книги служило сочиненіе *Татищева:* „Императоръ Александръ II“, а при описаніи войны 1877—1878 гг.—разсказы очевидцевъ: „Два похода за Балканы“ кн *А. Шаховского,* „Годъ войны“ *В. Немировича-Данченко,* „Воспоминанія о Скобелевѣ“ *Петра Дукмасова* и, кромѣ того, по мѣрѣ надобности привлекались и другія пособія.